

30

4778

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. Г. С. МЕРЧИНОВА

30

4778

300 р. *М. С. М. М. М.*
ОДЕССКІЙ

М. С. М. М. М.
АЛЪМАНАХЪ

НА

1840

ГОДЪ.

ОДЕССА.

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

—
1839.

30
4778.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса, 22 декабря 1839 года.

Ценсоръ В. Палманъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОЗА.

	Стран.
Литературная гѣтонься Одессы	1.
АНДРЕЕВСКАГО (Н. С.)	
Развалины Мангуна	535.
ВЕЛЬТМАНА (А. Ф.)	
Костешскія скалы. Разсказъ	473.
ГОРИЧЕВОЙ (Н. Д.)	
Два письма изъ романа «Отставная Губернаторша».	574.
ИЗАФЕТИ-МАКЛУВА.	
Поѣздка въ Константинополь.	612.
КУРАЛЕСКО (Р.)	
Тундза. Валахская быль.	45.
К—А (В.)	
Ишель и Гастейнгъ.	96.
МЕЛЬГУНОВА (Н. А.)	
Жизнь есть сонъ.	204.
МОРОЗОВА (П. Т.)	
Отдыхъ жизни.	512.
НАДЕЖДИНА (Н. И.)	
Прогулка по Бессараби.	308.
НИКИТЕНКО (А. В.)	
Батюшковъ. Изъ характеристики Русскаихъ поэтовъ.	458.
СТУРДЗЫ (А. С.)	
Кандистрія въ Греціи. Отрывки изъ историческаго сочиненія	248.

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА ОНУ им. П. ПЕЧНИКОВА

К

УЪЗДНАГО ЖИТЕЛЯ.

Уѣздная жизнь 603.

ФИНКЕЛЯ (И. С.)

Еврейскія легенды 291.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

АКСАКОВА (К. С.)

Пѣвецъ. Изъ Гёте 201.

Ночное посѣщеніе. Изъ Вецеля 565.

БЕНЕДИКТОВА (В. Г.)

Бѣглецъ 40.

Къ А. П. Г. 466.

Южная ночь 706.

БЕРНЕТА.

Сафо. 92.

Элегія 598.

ВЯЗЕМСКАГО (И. П. А.)

Любить. Молиться. Пѣть. 448.

Изгробная надпись С. С. Кушникову 573.

В — ВА.

Разочарованіе 306.

ГАЛАННИА (И.)

Бедуниъ 635.

ГЕРВАНОВСКАГО (И. И.)

Черноокая 299.

Сонетъ 569.

ГЛАНКИ (А. П.)

Пѣвцы прежняго времени. Изъ Шиллера 456.

ГЛАНКИ (Ф. Н.)

Призваніе 509.

Молитва на пиру 596.

ГУБЕРА (Э. А.)

Благовѣсть 638.

Г — А (В.)

В — и Ж — ь 471.

ДЕ-ЛАРИО (М. Д.)

Первое свиданіе Энея съ Дидоною. Изъ «Энеиды». 497.

ДМИТРИЕВА (М. А.)

Къ Делилю 587.

ДЫМЧЕВИЧА (Т. П.)

Минвана. 530.

К — А (В.)

Элеазаръ. Изъ поэмы Пиркера «Макиавелъ». . . . 190.

К — А (И.)

Городокъ 631.

ЛЕРМОНТОВА (М. Ю.)

Узникъ 567.

Ангель 702.

М

Сонъ 571.

Картина вечера 637.

ОВОДОВСКАГО (И. А.)

Портретъ 211.

Романсъ. Подражаніе Гёте. 528.

ПОДОЛИНСКАГО (А. И.)

Начальный вѣдугъ. 450.

ПРОТОПОНОВА (И. П.)

Новогреческія пѣсни 277.

РАИЧА (С. Е.)

Гласъ вопиющаго въ пустынь 215.

Введеніе во храмъ 701.

СТЕПАНОВА (Н. А.)	
Тревога души	454.
Стойгъ труженника	661.
СТРУГОВЩИКОВА (А. С.)	
Сцена изъ Фауста	286.
СТРЪЙСКАГО (Д. Ю.)	
Мечъ и Книжалъ	472.
ФИЛИМОНОВА (В. С.)	
Юага	213.
ЧЕСЛАВСКАГО (Н. В.)	
Орианда	469.
ЧУЖБИНСКАГО (А.)	
Бандуристъ	301.
ШАХОВОЙ (Е. М.)	
Элегія	238.
На разлуку съ родной	506.
ЩЕТКИНА.	
Гранитные братья	432.
--- ВОЙ.	
Поэтъ	43.
Пѣснь пѣвца заключеннымъ дѣвамъ. Изъ волшеб- ной поэмы Э. Шувье «Цещилъ»	525.
Пѣснь. Изъ Вальтера-Скотта	633.
(СЕЛО АННА.)	
Клеймо тоски	94.
Смерть юности	463.

ЛІТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ ОДЕССЫ.

Вы знаете баснословное преданіе о Соломоновомъ перстиѣ, существующее издревле на Востокѣ? — Этотъ чудный талисманъ, говорятъ, закабалить мудрому царю Израильтянъ всѣ несмѣтныя полчища духовъ, небесныхъ и преисподнихъ. Но такое счастье не на радость досталось счастливцу. Безплотные невольники не давали покоя господину, требуя работы; а работа горѣла въ могучихъ рукахъ. Чтобы отвязаться отъ нихъ, Соломонъ истощилъ всю изобрѣтатель-

пость, всё врехоти своего воображенія. Онъ задавалъ имъ уроки, одинъ другаго труднѣе, одинъ другаго невозможнѣе. И вотъ какъ произошли всѣ эти безчисленные остатки громадныхъ зданій, великолѣпныхъ дворцовъ и храмовъ, цѣлыхъ неизмѣримой окружности городовъ, остатки, изумляющіе донынѣ взоры путешественниковъ, среди безлюдныхъ, безпріютныхъ пустынь, куда доступъ жизни и дѣятельности человѣческой по-видимому зановѣданъ природою.

Подумаешь, что этотъ могущественный перстень, скрытый, говорить, съ Соломономъ въ ибѣрахъ заколдованной гробницы, найденъ нынѣ снова. Восточная сказка осуществляется передъ нашими глазами на всемъ пространствѣ Новороссійскаго края. Въ этихъ пустынныхъ степяхъ, которыхъ тысячелѣтія не могли завоевать и укрѣпить человѣку, гдѣ толпы народовъ промчались, не оставя другихъ слѣдовъ, кромѣ безименныхъ могилъ, вдругъ явились обширные города, которые безпрестанно распространяются, непрерывно обогащаются и обиліемъ и великолѣпнѣе зданій. Взгляните на Николаевъ, на Вознесенскъ, на Киншасень, на Симеополь, на Керчь, на Ялгу, на весь Южный-Берегъ Крыма, и наконецъ — на Одессу, эту блистательную царицу новорожденнаго края! Откуда все это взялось! Кѣмъ и чѣмъ строилось! Кѣмъ и чѣмъ строится?..

Но Соломоновъ перстень, производящій эти чудеса, кажется, попалъ теперь въ лучшія руки. Повелитель духовъ мучилъ только своихъ безтѣлесныхъ слугъ, безъ всякой другой мысли и цѣли. Покрывая пустыни зданіями онъ не заботился водворить въ нихъ жизнь и дѣятельность, единственные залого прочности для всего, что зиждется на землѣ, изъ земныхъ, вѣтротливыхъ матеріаловъ. Оттого воздвигнутыя по его мановенію громады вмѣстѣ съ нимъ рушились. Едва только, по сказанію тѣхъ-же легендъ, вѣроломный червь подточилъ посохъ, опершись на который мудрый царь, постигнутый внезапною смертію, долго еще казался живымъ и сохранялъ всю грозную власть свою, какъ безпокойные работники, почувствовавъ прекращеніе кабалы, разсыпались во всѣ стороны и покинули на произволъ стихіямъ свои безчисленные сооруженія. Какъ ни прочна должна быть работа такихъ мастеровъ, ничто однако не могло поддержать массы, которымъ духи-строители все дали, кромѣ духа. Теперь остаются отъ нихъ только развалины — дивныя, величественныя — но все развалины! —

Не такая будущность предстонтъ волшебнымъ созданіямъ Новороссійскаго края. Они не погибнутъ. Они не должны погибнуть. Въ нихъ есть начало

внутренней самостоятельности. Они одушевлены. Они исполнены жизни.

Что Новороссійскій край живетъ, и живетъ на-славу, въ этомъ не могутъ сомнѣваться уже самые отчаянные скептики. Краснорѣчїе статистическихъ цифръ неопровержимо. Смотрите, какъ съ каждымъ годомъ разрастаются итоги, подводимые подъ разныя вѣтви производительности и промышленности края. Все это есть плодъ живой, могущественной дѣятельности. Все это есть выраженіе дѣятельной, могучей жизни.

Въ нашъ положительный вѣкъ, вѣрующій только въ четыре дѣйствія ариметики, чего-жъ больше и требовать? — Но въ самомъ дѣлѣ — это еще не все! — Есть другая, высшая жизнь, которая не выкладывается на счетахъ, которую не-льзя выразить цифрами. Это жизнь духовная, жизнь ума и сердца. Присутствіе этой жизни обнаруживается во всѣхъ движеніяхъ общественной дѣятельности, даже въ самыхъ матеріальныхъ: оно кладетъ на нихъ блестящую печать «просвѣщенія, образованности, вкуса». Но то, въ чемъ эта высшая жизнь высказываетъ себя вполне, самодѣтельно и самобытно — это «литература», глаголь мыслей и чувствъ, изъ которыхъ слагается божественное существо духа. Да! мы принадлежимъ къ старо-вѣрамъ-мечтателямъ: мы думаемъ, что жизнь нѣмот-

ствующая, жизнь безсловесная, не составляетъ еще жизни полной. Напряжение матеріальной дѣятельности, какъ-бы оно ни было кипуче и искрометно, есть только броженіе жизненныхъ соковъ; оно даетъ сладостный нектаръ полной жизни только тогда, когда облагоухается ароматомъ чистыхъ, высокихъ думъ, отзовется букетомъ излишняго слова. Какъ глубокомысленна въ этомъ отношеніи простая русская поговорка, внушенная здравымъ смысломъ великаго народа: жизнь полная только тамъ, гдѣ «живутъ пришьва-ючи»!.. Истина, высшее проявленіе слова, есть вмѣстѣ и высшій цвѣтъ жизни! —

Но можно-ли искать высшаго цвѣта жизни тамъ, гдѣ жизнь еще такъ молода, гдѣ она въ буквальный смыслъ новорожденна? Этотъ цвѣтъ возвращается медленно. И Старая, умаленная вѣками, Русь — давно-ли ветушила въ свой цвѣтоносный періодъ?.. Когда-жъ было процвѣсти Новой-Россіи?..

Въ томъ-то и чудо, что Новороссійскій край и тутъ представляетъ образецъ волшебной скорости. Разумѣется, мы имѣемъ въ виду только Одессу, какъ сердце и голову края. Здѣсь присутствіе высшей, духовной жизни, очевидно: здѣсь оно выражается не только общими чертами образованности, но и собственно-литературною дѣятельностью.

Да! Одесса может похвалиться, что, не смотря ни на свою молодость, ни на провинціальное уединеніе въ глуши отдаленныхъ степей, она приготовила уже не мало матеріаловъ для своей литературной летописи. Она может выставить огромную кипу листовъ, напечатанныхъ въ ея собственныхъ типографіяхъ. Сверхъ-того, она имѣетъ законныя родительскія права на множество произведеній, которыя не въ ней явились свѣту, но на свѣтъ явились въ ея недрахъ.

Полагаемъ, что краткій очеркъ этой летописи будетъ занимателенъ не для одной Одессы. Онъ доставитъ любопытную страницу для общей исторіи русской словесности; ибо Одесса есть дочь Россіи, и ея жизнь можетъ и должна быть только эпизодомъ общей русской жизни. Но прежде-всего приступимъ къ подробностямъ именъ и фактовъ, не безполезно узнать, съ которыхъ именно поръ началось въ юномъ городѣ литературное движеніе, и имѣетъ-ли оно какой-нибудь особенный, типическій характеръ.

Одессѣ всего-на-всего сорокъ шесть-лѣтъ отъ роду. И изъ этого короткаго вѣка она много потеряла въ самомъ жалкомъ младенцѣ, вовсе не предвѣщавшемъ той блистательной судьбы, которая совершается теперь надъ нею. При окрещеніи Хаджибея въ Одессу (1793) не было того могучаго волшебника,

который чертилъ такіе исполинскіе планы, опредѣлялъ такую огромную будущность для Херсона, для Екатеринослава, для Николаева. Потемкинъ уже не существовалъ тотъ Потемкинъ, который, создавая Новороссійскій край, полагалъ ему во главу угла идею Новороссійскаго университета, который во всѣхъ новоучреждаемыхъ городахъ приказывалъ заводить училища. Явившись такъ, невзначай, почти на авось, Одесса въ первые годы своего существованія перебивалась кое-какъ, чтобы только удержаться какъ-нибудь на картѣ съ своимъ новымъ именемъ. Въ это время было не до просвѣщенія, не до литературы. И вотъ любопытный оборачивъ, какъ далеко простиралась тогда грамотность нынѣшней столицы Новороссійскаго края. Когда императоръ Павелъ даровалъ Одессѣ права и устройство ост-зейскихъ приморскихъ городовъ (1798), отцы отечества, составившіе арсеналъ ея, близились-близились надъ прелазными имъ новыми законами, и наконецъ смиренно сознались, что они не при нихъ писаны...

Но, по неожиданному счастью, этому ребенку-городу, захнувшему уже въ пеленкахъ, судьба послала вдругъ генія-хранителя, который сосредоточилъ на немъ всю свою любовь, отдалъ ему все сокровища свѣтлаго ума, все богатство живой, пылкой, вѣстойщимой дѣятельности. То былъ знаменитый локѣ

де-Ришелье, истинный творец Одессы. Едва только принял он бразды градоначальства Одесского (1803), какъ въ Хаджибей обнаружилась первая примѣта духовнаго движенія, потребность учиться. На первый разъ учредилась Коммерческая Гимназія (1804). За ней слѣдовалъ Благородный Институтъ (1806). Но физика юнаго города была еще такъ слаба, что вниманіе дюка должно было поглощаться ею почти исключительно. Въслѣдствіе тогдашняго состоянія Европы, раздираемой войнами, онутанной континентальною системою, торговля, дыханіе Одессы, спиралась и изсякала. Тутъ прорвалась чума, со всѣми своими ужасами. Добрый дюкъ едва спасъ свою любимицу отъ колючей гибели. Наконецъ онъ поставилъ ее на ноги. Но въ ту минуту, какъ всѣ бѣдствія кончились, какъ повалъ жизнь уже развѣтала для взлѣтѣлаго имѣ города, Ришелье оставилъ навсегда Россію (1814). Впрочемъ, раставаясь съ Одессою, онъ замышлялъ ей послѣднее, драгоцѣнное доказательство своей попечительности о ея всестороннемъ развитіи: онъ положилъ въ ней первый основной камень высшему училищу, которое донинѣ съ признательностію украшается его именемъ, называлась «Ришельевскій-Лицеумъ».

Всего естественнѣе было ожидать, что это учрежденіе будетъ зажигательнымъ фокусомъ для умствен-

ной жизни Одессы. Матеріальное благосостояніе города съ-тѣхъ-поръ начало расти съ исполинскою быстротою. Уже не одни искатели приключеній, не одни рыцари фортуны, составляли его народонаселеніе. Хаджибей становился не только шумною гаванью и людною биржею, но и прекрасною южною виллою, гдѣ находились всѣ средства къ благородному наслажденію жизнью, къ пробужденію и занятію умственныхъ силъ, гдѣ зной полуденнаго солнца невольно горячилъ кровь и зажигалъ воображеніе, гдѣ классическія воспоминанія, разсыпанныя вокругъ, такъ легко могли раздражать и мечты поэта и любопытство ученаго, гдѣ наконецъ самая пестрота и волненіе настоящаго давали столько пищи для наблюденія и для соображеній, для карандаша живописца и для грифеля статистика. Гдѣ приличіе было развернуться всѣмъ этѣмъ стихіямъ, какъ не въ разсадникѣ лицей? И дѣйствительно, лица и размѣры, въ которыхъ открылось это училище (1817), были обширны, многообъемлющи, не только съ избыткомъ удовлетворяли настоящимъ потребностямъ города и края, но и простирались далеко въ будущность. Только — уснѣхъ не соответствовалъ пышнымъ предначертаніямъ! — Заведеніе было пушено въ ходъ рукою искусною, но — главное и существенное — не-русскою. Славный аббатъ Николь, первый директоръ лицей,

мужъ неоспоримо просвѣщенный и опытный въ дѣлѣ воспитанія, не хотѣлъ и знать, что Одесса городъ русскій. Слѣдствіемъ того было крайнее пренебреженіе русскаго языка и русской словесности, замѣченное оффиціально съ первыхъ лѣтъ существованія лицей. Съ удаленіемъ аббата, который по-крайней-мѣрѣ былъ дорогъ тѣмъ, что имѣлъ страсть къ своему созданію, судьба лицей сдѣлалась еще запутаннѣе, еще темнѣе. Русскій языкъ и русская словесность не имѣли даже профессора. Въ лицейскихъ архивахъ сохранилось оффиціальное доказательство, что въ этомъ высшемъ учебницѣ не преподавалось вовсе — правилъ стихосложенія! — Прочіе наставники, составлявшіе ученое сословіе лицей, большей-частью иностранцы, вѣроятно были люди достойные, но какъ-то довольствовались тихою, счастливою безвѣстностью. Такимъ-образомъ, лицей долго не принималъ никакого явнаго участія въ развитіи умственной дѣятельности Одессы, безмолвствовалъ въ-отношеніи къ литературѣ.

Но сама Одесса уже кипѣла, роскошествовала жизнью. Если въ святилищѣ ея не открывалось торжественнаго священнослуженія наукамъ и литературѣ, то *extra muros* слышался уже шумъ умственнаго движенія, сверкали проблески мысленной жизни. Между гражданами Одессы, которыхъ число безпрестанно увеличи-

валось, явились ученые и литераторы, которыхъ имена и славу Одессы имѣетъ полное право присвоить себѣ, не только потому-что они въ ней жили и работали, но и потому-что она или ея окрестности воодушевляли ихъ дѣятельность, доставляли имъ предметъ и пищу занятій. Еще Ришелье имѣлъ счастье усилить Одесскіе людей съ умомъ и съ свѣдѣніями, которыхъ юная столица Новой-Россіи съ справедливою гордостью можетъ вписать въ красной строкѣ своей литературной лѣтописи: таковы — Бларамбергъ, пріѣхавшій прокуроромъ въ Одессу при дюкѣ, и Степковскій, служившій адъютантомъ у самаго дюка. Благое начало было сдѣлано; счастливый примѣръ подать: юный городъ обзавелся мыслию, подаль отъ себя живой голюсь, приложилъ свою трудовую копейку въ козачегъ невещественнаго богатства ума и слова.

Наконецъ Одесскіе сравнялось тридцать лѣтъ (1793 — 1823); и тутъ наступилъ для ней періодъ полнаго совершеннолѣтія во всѣхъ отношеніяхъ... Главное управленіе Новороссійскаго края, слѣдовательно и Одессы, досталось вельможѣ, съ полнымъ европейскимъ образованіемъ, но по крови и по душѣ русскому. До-тѣхъ-поръ иностранцы, наполнявшіе Одессу, были въ ней почти исключительными представителями и высшей ступени въ іерархіи общества и высшего раз-

вита жизни. Теперь, подъ гостеприимную сѣнь русскаго хозяина, начали стекаться со всѣхъ концовъ Россіи и званые и незваные гости. Явились — и возмужалая опытность, и талантливая, ретивая юность. Въ-особенности университеты Московскій и Харьковскій высылали сюда колоніи питомцевъ, между которыми сыскались и умъ, и дарованіе, и свѣдѣнія, и — «признакъ Бога — вдохновеніе»! — Образовалась закваска, не замедлившая сообщить свое движеніе и самой Одессѣ, которая между-тѣмъ успѣла уже взлѣять новое поколѣніе своей собственной, доморощенной молодежи. Все это дѣлалось такъ быстро, что скоро Одесса нашлась въ возможности издавать свою собственную газету, существующую донынѣ подъ именемъ «Одесскаго Вѣстника» (1827); а потомъ присоединить къ ней, кромѣ «Листковъ Общества Вельскаго Хозяйства», имѣющихъ спеціальное практическое назначеніе, собственно «Литературныя Прибавленія» (1832). Это было уже свидѣтельствомъ набитка литературной дѣятельности, особенно когда къ то-же время явился еще «Одесскій Альманахъ», составленный большею частію изъ трудовъ одесскаго домашняго произведенія. Оба эти изданія обратили на себя общее вниманіе, привѣтствованы были непренимъ, заслуженнымъ одобреніемъ въ обоихъ средоточіяхъ Россіи,

въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Съ-тѣхъ-поръ права Одессы на литературную жизнь неоспоримы. И она не оставляетъ подтверждать ихъ безпрерывно новыми документами, которыхъ большая часть въ ней и печатается; при-чемъ не мѣшаетъ присовокупить, что и типографское исполненіе, дѣло конечно послѣдней важности въ литературѣ, но за-то послѣ всего и достигающее совершенства, въ Одессѣ неоголяетъ опрятностію и изяществомъ, вовсе не-провинціальными, могущими выдержать соперничество съ лучшими столичными образцами.

Итакъ литературная жизнь Одессы въ собственномъ смыслѣ началась не дальше какъ за три пятилѣтія, почти съ началомъ текущей четверти вѣка, съ началомъ нынѣшняго управленія Новороссійскаго края. Чудное пристрастіе судьбы къ Хаджибею! Въ эту минуту благодѣтельнаго перелома, какъ-бы нарочно для того чтобы благословить разсвѣтъ новаго дня для Одессы, кто очутился въ ней?..

Пушкинъ! —

На небосклонѣ Одессы Пушкинъ является,

Какъ зямолетное видѣнье.

Въ продолженіе своего пребыванія въ Новороссійскомъ краѣ (1820 — 1824), онъ больше считался, тѣмъ

жилъ въ Одессѣ. Но если весь этотъ періодъ имѣтъ важное значеніе въ жизни поэта; если Новая-Россія можетъ съ справедливою гордостью сказать, что дивный геній, вѣковѣчная гордость всей Россіи, ей обязанъ довершеніемъ своего воспитанія, что ея благодатное небо, ея благословенная природа, ея монументальное прошлое и волшебное, фантастическое настоящее, всё эти роскошныя, могучія впечатлѣнія, были высшею школою для юноши-избранника, гдѣ онъ возмужалъ и укрѣпился, гдѣ почерпнулъ свои лучшія мечты и вдохновенія, откуда явился во всеоружіи на поприще подвиговъ и славы: то въ этой великой заслугѣ Новороссійскаго края, незабвенной въ книгѣ бытія отечественной словесности, и Одессѣ принадлежитъ законная, неоспоримая доля.

Свидѣтельство самаго поэта всего дороже. Пушкинъ былъ признателемъ къ Новой-Россіи: онъ сохранилъ объ ней благодарныя воспоминанія. Въ Бессарабіи въ первый-разъ спознался онъ съ красотой и великолѣпіемъ русскаго юга; и это имѣло могущественное, животворное вліяніе на дитя суроваго сѣвера. Такъ сознается онъ самъ въ поэтической бесѣдѣ съ тѣнью Овидія, предшественника своего на берегахъ Эвксина:

Игнантикъ самовольный,

И свѣтомъ и собою и жизнью недоволенный,
 Съ душой задумчивой, я вынѣ посѣтилъ
 Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенія,
 Я повторилъ твои, Овидій, прѣснопѣнья,
 И ихъ печальныя картины повѣрагъ;
 Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣлягъ.
 Изгнаніе твое пѣнило втайнѣ очи,
 Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣтите небесная лазурь;
 Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
 На скинскихъ берегахъ переселенецъ новый,
 Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
 Ужъ пасмурный декбрь на русскіе дуга
 Словами разстилагъ пушистые снѣга;
 Зима дышала тамъ: а съ вѣшной теплотою
 Здѣсь солнце ясное ватлѣсь надо мною;
 Младую зелень нестрѣгъ увядшіи дугъ;
 Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
 Чуть вѣялъ вѣтерокъ подъ вечеръ холода . . .

 И ни единый другъ мнѣ въ мѣрѣ не внималъ;
 Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
 И музы мирныя мнѣ были благосклонны.

Въ другомъ случаѣ поэтъ высказалъ еще болѣе о своемъ пребываніи въ древней Дакин. Тутъ говорится уже не объ однихъ виѣшнихъ впечатлѣніяхъ, но о важномъ внутреннемъ процессѣ, который совершался тогда въ его избранной душѣ. Эта душа, на которой уже горѣлъ огненный языкъ дара Божія, въ то время проходила спасительный искусь труда, принимала освятельное помазаніе науки.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидія пустынный мой сосѣдъ...
.....
Вдохнувъ, оставилъ я другія заблужденія...
.....
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ изѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышлений.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ,
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;

Старинный звук жемя обрадовалъ: и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь.

Но эти новыя пѣсни уже были не тотъ мелодическій
лепетъ, которымъ вдохновенный юноша съ раннихъ
лѣтъ

оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни

И парекосельскія хранительныя сѣни.

Онъ, очевидно, мужалъ. Голосъ его становился и
гуще и слаще. Въ послѣдствіи, Таврида, другой
отрывокъ Новой-Россіи, вошла въ жизнь поэта еще глубже,
еще плодотворнѣе. Тамъ — въ этомъ чудномъ «краѣ,
священномъ воображеніи» — онъ, опять по собствен-
ному-жъ признанію, воспріялъ окончательное посвя-
щеніе на свою высокую чреду. Тамъ — говоритъ онъ —

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ

На пустыньныя скалы,

Гдѣ луна тихѣе блещетъ

Въ сладкій часъ вечерней мглы,

Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,

Дни проводитъ мусульманъ;

Тамъ возшебица, ласкалась,

Мнѣ вручила талисманъ!

Чудный, божественный талисманъ, благодатное сѣмя

столькихъ великихъ созданий!.. Оттого-то Пушкинъ, такъ и любилъ всегда эту очарованную сторону. Оттого-то душа его, въ приливахъ вдохновенія, рвалась къ ней съ несытою жадностью...

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ...

Оттого-то, когда грязная проза жизни мутила его поэтический бокалъ, онъ вспоминалъ объ ней съ такою грубою грустью, съ такимъ скорбящимъ сожалѣніемъ...

Таковъ-ли былъ я, развѣтая?
Скажи, фонтанъ Бахчисарая!
Такія-ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ...

Да! Тавридѣ обязаны мы этими чудными ликами Заремы и Маріи. Алеко и Земфира рождены въ Бессарабіи. Лучшая, блистательнѣйшая часть поэтического бытія

Пушкина — принадлежитъ Новой-Россіи, краю, котораго средоточіе — Одесса! —

Все это, конечно, не относится еще прямо къ Одессѣ. Сама она, своею особностію, не такія впечатлѣнія внушила поэту. Онъ помнилъ ее «Одессой пыльной, Одессой грязной». Онъ проклиналъ ее «скучный берегъ», жажда свободы. Но и къ этѣмъ, то унылымъ, то насмѣшливымъ выходкамъ — сколько примѣшивалось поэзіи, вдохновенной, животворящей поэзіи! — Пушкинъ обезсмертилъ одесскую жизнь и природу; обезсмертилъ одесскія уютельныя ночи, одесскихъ важныхъ негоціантовъ и ихъ прелестныхъ подругъ, одесскій густой, благоуханный кофе, одесское безпошливое вино, одесскія жирныя устрицы; обезсмертилъ даже скромнаго Отона, который до-сихъ-поръ съ той же классической услужливостію отворяетъ свои гостепримныя двери одесской «обжорливой младости». Вы не можете сдѣлать шага въ Одессѣ, не наткнувшись на стихъ Пушкина въ лицахъ. Ступайте гулять по городу: онъ точь-въ-точь, какъ въ одушевленныхъ строфахъ поэта...

Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ;
Все блещетъ югомъ и нестрѣтъ
Разнообразностію живой.

Языкъ Италиі златой
 Звучитъ по улицѣ веселой,
 Гдѣ ходитъ гордый Славянинъ,
 Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
 И Грекъ и Молдаванъ тяжелой,
 И сынъ Египетской земли...

Вы подходите къ казино?... Вотъ тотъ самый балконъ,
 на который, каждое утро, периодически,

Маркеръ выходитъ полусонный
 Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
 Уже сошлись два купца...

Оглядывается на площадь?..

Здѣсь и тамъ

Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
 Однако больше по дѣламъ.
 Дита расчета и отваги,
 Плещетъ купецъ взглянуть на флаги,
 Провѣдать, шлютъ-ли небеса
 Ему знакомы паруса?
 Какіе новые товары
 Вступили нынче въ карантинъ?
 Пришли-ли бочки жданныхъ винъ?
 И что чума? И гдѣ пожары?
 И итъ-ли голода, войны,
 Или подобной новизны?..

Изумительная вѣрность въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ, въ самыхъ тончайшихъ отгѣнкахъ! — Вы въ театрѣ?... Тамъ точно тоже...

Тамъ упительный Россини...

А разыскательный лорнетъ?
 А закулисныя свиданья?
 А ргіша-донна? А балетъ?
 А ложа, гдѣ, красой блистая,
 Негоціантка молодая,
 Самолюбива и томна,
 Толпой рабовъ окружена?

 А мужъ—въ углу за нею...

Все въ натурѣ, все въ лицахъ! — Вы изъ театра?..

Шума, торопится развѣздъ;
 Толпа на площадь побѣжала
 При блескѣ фонарей и звѣздъ.
 Сыны Авзоніи счастливой
 Слегка поютъ мотивъ игривой,
 Его невольно затвердивъ,
 А мы режемъ речитативъ...

Но поздно... И вотъ...

Тихо спит Одесса.

И бездыханна и теня
 Нѣмая ночь. Луна взошла,
 Прозрачно-легкая завѣса
 Объемлетъ небо. Все молчитъ,
 Лишь море Черное шумитъ...

Не ясно-ли, что поэтъ

жилъ тогда въ Одессѣ —

что онъ слѣдовательно принадлежитъ, что онъ *свой* Одессѣ? — Но однимъ-ль только воспоминаніями связывается онъ съ нею? Развѣ пребываніе его въ самой Одессѣ не ознаменовалось ни какими проблесками поэтической дѣятельности? — Это море, внушившее ему столько вдохновенныхъ воззваній, гдѣ онъ въ первый разъ привѣтствовалъ его, откуда послалъ ему восторженный прощальный вздохъ, какъ не съ береговъ Одессы?.. А многія строфы «Овѣгнна», достоверно написанныя въ Одессѣ!.. Довольно, слишкомъ довольно. Одесса имѣетъ долю въ Пушкинѣ. Имя Пушкина неоспоримо принадлежитъ къ ея дѣтописи!.. —

Можно-бъ было здѣсь назвать и другаго поэта... звѣзду равной величины, которая около той-же эпохи мелькнула-было на горизонтѣ Одессы... Тотъ не былъ

русской, ни языкомъ, ни душою; но Одесса имѣла возможность усыновить его вполне Россіи... Мощный геній его легко сдружился съ югомъ; онъ собралъ съ него богатую жатву свѣтлыхъ вдохновеній... Теперь для Россіи его ужъ нѣтъ... Но въ Одессѣ была минута, когда онъ могъ остаться на-всегда ея сыномъ, близнецомъ Пушкина... —

Важется, подъ такимъ блистательнымъ созвѣдіемъ, чѣмъ естественнѣе могло ознаменоваться пробужденіе духовной жизни въ Одессѣ, какъ не избыткомъ поэтического одушевленія? — И условія мѣстныя, по-видимому, располагали къ тому-же. На роскошномъ, уютномъ лонѣ юга, вскрай моря, этой неисчерпаемой безднѣ вдохновеній, среди общества въ первомъ соку молодости, въ первой праздничной порѣ бытія — всего привольнѣй воображенію и чувству. Здѣсь должно быть раздолье поэзіи. Здѣсь поэты должны-бы родиться не вѣками, а минутами! — Но не такъ выходитъ на-дѣлѣ; и въ этомъ-то состоитъ отличительный характеръ литературной одесской жизни, какой она была до-сихъ-поръ, какой и теперь остается. Въ ней проза постоянно перевѣшиваетъ поэзію, воображеніе смирляется предъ разсудкомъ. Причина тому въ крови Одессы. Дитя труда и разчета, она родилась городомъ положительнымъ, практическимъ. Ея стихія — действительность!

Ея идеаль — польза! Вотъ почему литература солидная, литература ученая или прагматическая, имѣетъ въ ней постоянное и рѣшительное преимущество. Бларамбергъ и Степковскій были для ней вдохновительнѣйшій Пушкина.

Замѣтимъ еще другое обстоятельство, дающее особенный цвѣтъ литературной лѣтописи Одессы. Она не ограничивается только русскими именами и звуками. Она воспроизводитъ *in-petto* вавилонское смѣшеніе языковъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, представители всего разноплеменнаго народонаселенія Одессы, равно участвующаго въ ея физическомъ благосостояніи, натурально должны были участвовать и въ порывахъ ея къ духовной жизни. Они даже во многихъ отношеніяхъ предшествовали русскимъ: первая газета, издававшаяся въ Одессѣ, была французская; первая типографія, греческая. Впрочемъ и на нихъ лежитъ та-же общая печать одесскаго, предпочтительно практическаго, генія. Ихъ литературныя дѣйствія не составляютъ исключенія изъ общаго правила.

Это общее правило не значитъ однако того, чтобъ Одесса вовсе не имѣла поэтовъ. Напротивъ, она можетъ хвалиться именами, которыя на ея небосклонѣ свѣтились и свѣтятся поэтическою извѣстностью. Въ Одессѣ жили и пѣли — Туманскій, Тецялковъ, Якубовичъ. Для пер-

ваго Одесса была и предметомъ пѣсней, предметомъ любимымъ съ одушевленіемъ и страстію, навлекшими дружеское замѣчаніе Пушкина. Теперь въ Одессѣ живутъ — г. Подолнскій и г. де-Ларю. Кажется, довольно для доказательства, что воздухъ Одессы не вреденъ для поэзіи.

Игра въ рѣзку, конечно, не поэзія; но она свѣдѣтельствуешь любовь къ поэзіи. Слѣдовательно, и то благо, и то добро, что Одесса можетъ выставить не мало опытовъ стихотворнаго рукодѣлья, и опытовъ уже въ полномъ смыслѣ своихъ, домашнихъ. Замѣчательно, что одесскіе домашніе дилетанты поэзіи завелись преимущественно въ лицѣ, въ томъ самомъ лицѣ, откуда въ первыя времена, какъ изъ Платоновой Республики, были изгнаны соблазны стихосложенія. Имена ихъ можетъ-быть не извѣстны за предѣлами Одессы. Кто знаетъ, кто слыхалъ о гг. Ашикѣ, Гербановскомъ, Золотницкомъ, Магденко, Тройницкомъ, Ушаковѣ? Но эта самая неизвѣстность есть лучшее доказательство ихъ одесскаго самобытнаго происхожденія. Между-тѣмъ стихотворенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, на-прим. гг. Золотницкаго и Тройницкаго (Н.), конечно, нашли-бы себѣ приютъ и въ столицахъ, выдержали-бы съ честью пробу тамошнихъ « журнальныхъ ящиковъ ». Одинъ изъ этой доморощенной фаланги, воспитанной лицеемъ, имѣетъ даже при-

знакъ истиннаго таланта: это г. Протопоповъ, переводчикъ Грильпарцеровой «Сафо», напечатанной пока только въ отрывкѣ. Чего-жь болѣе на первое пятнадцатилѣтіе практическаго города?..

Въ Одессѣ печатались еще стихи гг. Дымчевича и Совинскаго. Есть цѣлая поэма г. Косаровскаго, поэма, «относящаяся ко второй половинѣ прошлаго столѣтія», какъ говорится въ заглавіи. Есть и оригинальная комедія въ стихахъ г. Тучкова. Есть поэма въ малороссійскихъ виршахъ, можетъ-быть и не безъ достоинства — кто ее знаетъ? — знаемъ только, что безименная.

Изъ иноязычнаго населенія Одессы, «сыны Авзоніи счастливой» наиболѣе у подошвы Парнасса. При ихъ музыкальномъ ухѣ и мелодическомъ языкѣ, стихъ достается очень дешево; и Одесскіе типографскіе станки часто приводятся въ движеніе не только мелкимъ журчаніемъ сонетовъ, но и раскатами громкихъ торжественныхъ одъ, на сладкозвучномъ нарѣчій Тасса. Замѣчательно однако, что одесскіе итальянцы, и въ порывахъ поэтическаго увлеченія, остаются вѣрны одесскому гению: они поютъ не безъ расчета и цѣли. Безкорыстное вдохновеніе пробуждается въ нихъ только появленіемъ новой прима-донны на здѣшнемъ итальянскомъ театрѣ. Всѣхъ знакомѣе съ типографіей имя г. Пиллера, одесскаго поэта-лауреата.

Особеннаго примѣчанія достойны импровизаціи Джюстиніани, на-дняхъ напечатанныя въ Одессѣ. Сверхъ-того Одесса произвела итальянскій переводъ «Кавказскаго Пльшника» Пушкина, не означенный полнымъ именемъ переводчика.

Французскіе стихи писалъ г. Репе, писалъ и пишетъ г. Шапелонъ (А.). Переводъ Козлова «Чернца» (Le Repentant Noir), принадлежитъ русскому, князю Н. Голицыну.

Проблескъ поэтическаго движенія обнаруживается даже въ Евреяхъ одесскихъ. Они торжествуютъ важнѣйшія событія Одессы гимнами на священномъ языкѣ Давида, и, сколько можно судить по печатаемымъ переводамъ, едва-ли не съ огнемъ истиннаго вдохновенія.

Все это, конечно, не много. Но какой-же провинціальнѣйшій городъ Россіи представитъ и столько! —

Проза собственно беллетрическая еще менѣе удалась Одессѣ. Этотъ родъ литературы, весьма близко граничащій съ поэзією, меньше требуетъ вдохновенія, но тѣмъ труднѣе, что здѣсь отсутствіе внутренняго достоинства не-льзя уже скрасть подборомъ слоговъ и звономъ рифмы. Однако Одесса пробовала свои силы и на этомъ поприщѣ. Главнѣйшими выраженіями дѣятельности ея въ этомъ родѣ были «Одес-

скій Вѣстникъ» съ своими «Литературными Прибавленіями» и одесскіе «Альманахи».

«Одесскій Вѣстникъ», образовавшійся (1827) подъ редакціею двухъ извѣстныхъ литераторовъ, Левшина и Туманскаго, съ самаго начала допускалъ въ составъ свой не одни оффиціальныя извѣстія. Но литературное содержаніе его распространилось преимущественно тогда, какъ онъ перешелъ въ руки г. Розберга (1832). Розбергъ, тогда еще юноша, только-что сошедшій со скамьи Московскаго университета, съ жаромъ принялся за дѣло. Скоро столбцы «Вѣстника» оказались тѣсны, и явились особо «Литературныя Прибавленія». Но, къ сожалѣнію, они издавались недолго (1833 — 1834). Притомъ, содержаніе ихъ было не чисто литературное, беллетристическое: въ нихъ преобладалъ интересъ мысли и знанія. Должно еще замѣтить, что они наполнялись почти исключительно переводами, даже и по-части собственно изящной литературы. Самъ г. Розбергъ ограничивался только ролью переводчика. Впрочемъ онъ владѣлъ мастерски языкомъ, и его переводы были образцами изящной прозы, что также капиталь въ литературѣ, особенно юной. Этотъ капиталъ далъ тотчасъ и проценты. Вокругъ Розберга образовался цѣлый кружокъ переводчиковъ, не просто ремесленниковъ, но дилетантовъ литературы; они ра-

ботали въ «Вѣстникъ» и въ «Прибавленія». Таковы: гг. Иваненко, Соколовъ (Г.), Стражковъ, Уткинъ, Хрусталецъ (въ послѣдствіи издавшій отдѣльно прекрасный переводъ Сильвіо Пеллико). Сюда же принадлежитъ и г. Тройницкій (А.), воспитанникъ лицея, нынѣшній издатель «Одесскаго Вѣстника». Какъ наставникъ русской словесности въ лицей, Розбергъ давалъ работу своимъ слушателямъ и трудился надъ образованіемъ ихъ языка посредствомъ переводовъ: изъ нихъ, гг. Арабглу и Лоранъ вышли добрыми сотрудниками «Вѣстника». Но оригинальнымъ писателемъ во всемъ этомъ кружкѣ — разумѣемъ здѣсь собственно беллетристику — явился только одинъ г. Панковскій, тоже изъ лицеевцевъ. По прекращеніи «Литературныхъ Прибавленій», при «Вѣстникѣ» сохранился фѣльетонъ, исполняемый также переводами, при немногихъ исключеніяхъ, подъ которыми находятся имена гг. Борзенко, Волкова, Щербинина. Сверхъ-того въ немъ бывають статьи критическія и театральныя рецензіи, которыя отчасти относятся къ беллетристикѣ: подъ послѣдними часто встрѣчалось имя г. Соколова (Г.); статьи безъ именъ принадлежать, конечно, нынѣшней редакціи, состоящей изъ обоихъ гг. Тройницкихъ (А. и Н.).

«Альманаховъ» въ Одессѣ до-сихъ-поръ было три,

настоящемъ движеніи, но и въ минувшихъ воспоминаніяхъ. Замѣтимъ притомъ, что юный городъ имѣеть здѣсь въ виду преимущественно самъ-себя, свою жизнь, свое настоящее и прошедшее; и это есть лучшее доказательство, что дѣятельность его на этомъ поприщѣ уже не пришла, не заимственная, но въ полномъ смыслѣ самородная: это плодъ самосознанія, которое не иначе развивается, какъ само-изъ-себя.

Какое прошедшее можетъ быть у Одессы? Тѣ сорокъ-шесть лѣтъ, которыя протекали послѣ превращенія ея изъ Хаджибея?— О, шѣтъ! — Столица Новороссійскаго края считаетъ себя наследницею всѣхъ тѣхъ вѣковъ, которые пронесли надъ этимъ краемъ; а край этотъ таковъ, что едва-ли какой-другой уголокъ Европы можетъ поспорить съ нимъ въ древности и богатствѣ воспоминаній. Всѣ эти воспоминанія Одесса присвоиваетъ себѣ законно, и тѣмъ охотнѣе, что въ нихъ находитъ она ручательство и обезпеченіе своей будущности, дольженствующей воскресить идеалъ классической эпохи края, той эпохи, которая такъ блистательна и великолѣвна въ самыхъ своихъ развалинахъ. Вотъ причина, почему археологія, предметъ по-видимому сухой и не-корыстный, такъ по-сердцу пришла въ положительному городу, что лучшие опыты ея трудовъ относятся къ этому поприщу. Мы видѣли, что первыми пред-

ставителями ея мысленнаго пробужденія, первыми литераторами въ ней, были знаменитые археологи Бларамбергъ и Стемпковскій. Преданіе говоритъ, что ученый кабинетъ Бларамберга былъ не только первою труженническою кельею, но и первою школою взаимнаго обученія для Одессы; у него собирались первыя учено-литературныя бесѣды, въ которыхъ зародилась мыслительность и любознательность. Значитъ, первое пробужденіе умственныхъ силъ въ Одессѣ состоялось подъ вліяніемъ энтузіазма къ древности, подъ вліяніемъ священныхъ воспоминаній минувшаго. Это отразилось и на послѣдующихъ занятіяхъ Одессы. Въ-самомъ-дѣлѣ замѣчательнѣйшіе факты ея литературной дѣятельности состоятъ изъ трудовъ по части археологій и исторій. На поприщѣ собственно археологическомъ г. Муракевичъ знаменуетъ свою ревность безпрерывными трудами. Г. Фабръ занимаетъ также почетное мѣсто. Геній Бларамберга и Стемпковскаго такъ проникъ одесскую атмосферу, что даже поэтъ Тепляковъ пускался-было въ археологію. Для исторіи вообще трудились г. Тетбуде-Мариньи, графъ де-Серрестори и г. Спада (всѣ трое писавшіе по-французски). Наконецъ съ честью подвизается вышнѣйшій архипастырь Одессы, высокопреосвященнѣйшій Гавріилъ, архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Въ настоящее время, учрежденіе «Одес-

скаго Общества Исторіи и Древностей» служить неопровержимымъ доказательствомъ, что это направле-
 ніе умственной дѣятельности не слабѣетъ, но приоб-
 рѣтаетъ новыя силы, обогащаетъ богатство новыхъ
 трудовъ и заслугъ въ будущей лѣтописи Одессы.

При такой любви и страсти къ прошедшему, юный городъ тѣмъ-менѣе могъ быть равнодушенъ къ своему настоящему. И дѣйствительно, наблюденія надъ современнымъ состояніемъ какъ Одессы въ-особенности, такъ и Новороссійскаго края вообще, занимаютъ если не столько извѣстное, то не меньше обширное мѣсто въ одесской лѣтописи. Первый изъ одесскихъ жителей, влившійся на этомъ поприщѣ, былъ г. Сикаръ, одеситъ еще риндельевской эпохи (онъ писалъ по-французски). Инакъ больше всѣхъ трудится г. Скальковскій, посвятившійся въ мѣстные историографы Одессы и Новороссіи. Много дѣльнаго сдѣлалъ г. Кирьяковъ, Левинъ, Морозовъ и Сафоновъ. Сверхъ-того замѣчательныя труды гг. Гагемейстера и Лагоріо, издавшихъ особый сочиненія о торговлѣ Новороссійскаго края (оба по-французски); гг. меликовъ Андреевскаго, Вацетти, Вицмана и Энитиса, наблюденія которыхъ ограничиваются спеціальными видами ихъ науки и званія (трое послѣдніе писали тоже по-французски). Но вотъ черта, показывающая особенное развитіе самопознанія въ Одессѣ:

не въ примѣръ другимъ городамъ Россіи, она давно завела у себя мѣстный «Календарь», періодическое зеркало современного быта, какъ въ-особенности своего, такъ и вообще Новой-Россіи. Издаваемый сначала г. Морозовымъ (1832 — 1837), потомъ г. Яхневичемъ (1838), онъ перешелъ теперь въ руки лица, и прошлый (1839) годъ особенно отличался богатствомъ и любознательностью своего статистическаго содержанія: тамъ находятся статьи гг. Бруна (Ф.), Левтеропуло и Муракевича. Сверхъ-того въ Одессѣ существуетъ «Общество Сельскаго Хозяйства Южной Россіи», которое, какъ было сказано, обнаруживаетъ свою дѣятельность особыми періодическими «Листками». Помѣщаемыя въ нихъ статьи имѣютъ болѣе или менѣе отношенія къ хозяйственной статистикѣ города и края. На этомъ особомъ поприщѣ словесности, кромѣ гг. Кирьякова и Морозова, встрѣчаются еще имена гг. Демолл, Десмета, Испара, Іенша, Симоновича, Стурдзы.

Этими движеніями самопознанія, исчерпывающими жизнь въ ея фактахъ, литературная лѣтопись Одессы наполняется преимущественно, но — не исключительно. Въ ней есть опыты развитія и другихъ вѣтвей учености, менѣе прагматическихъ и мѣстныхъ, болѣе общихъ и умозрительныхъ.

Въ этомъ отношеніи, Риндельевскій-Лицей, съ

скаго, Павловскаго (послѣдній теперь занимаетъ катедру богословскихъ наукъ въ лицей). Но главнѣйшее украшеніе одесской лѣтописи въ этомъ отношеніи есть славное, европейское имя г. Стурдзы, котораго пребываніе въ Одесѣ знаменуется рядомъ произведеній, соединяющихъ высоту содержанія съ изяществомъ слога, произведеній, являвшихся частію въ периодическихкихъ изданіяхъ, частію отдѣльно, и притомъ не только на русскомъ языкѣ, но также на французскомъ и на греческомъ. Г. Стурдза пишетъ и не о духовныхъ предметахъ, но преобладаніе высшихъ интересовъ духа, глубокое религіозное чувство, въ словѣ его вездѣ осязательно.

Заклучимъ литературу педагогическою, которая доставляетъ первую пищу литературѣ. По этой части въ Одесѣ трудилась: для русскаго языка — г. Золотовъ, для ново-греческаго — гг. Вардалахо и Палеологъ, для другихъ новыхъ европейскихъ языковъ — гг. Веллеръ, Бюль, Мараки, Пиллеръ.

Можетъ-быть эта краткая перечень не совсѣмъ полна. Можетъ-быть нѣкоторыя имена въ ней опущены. Но главные черты, главные факты, кажется, не забыты. И ихъ достаточно для доказательства, что Одесса, этотъ уединенный городъ, отшельничающей въ глубинѣ пустынныхъ стеней, на необозримомъ

разстояніи отъ центровъ жизни и просвѣщенія, городъ, которому только сорокъ-шесть лѣтъ — имѣеть уже свою духовную жизнь, выражаемую *своею* литературою! — Притомъ, давно сказано въ извиненіе всѣхъ прошедшихъ и будущихъ лѣтописателей:

«Глазъ исторіи не-видитъ — ни слишкомъ далеко, ни слишкомъ близко!» —

ВЪ ГЛАЗАХЪ.

=

Отъ грусти-злѣйши, отъ чернаго горя
 Въ волненьи бѣжалъ я до Чернаго-Моря,
 И воздухъ въ пути разсѣкалъ, какъ стрѣла:
 Злѣйка догнать бѣглена не могла.
 Домчался я, стали у берега кони;
 Зачуло сердце опасность погони...
 Вотъ, кажется, близко, постигнетъ, найдетъ
 И грудь мою снова змѣей перевернетъ.

Гдѣ скроюсь я? — Нѣтъ здѣсь дубовъ великановъ,
 И тѣни не густы оливъ и каштановъ.
 Гдѣ скроюсь, когда послѣ яркаго дня

Такъ ярко луна озаряетъ меня;
 Когда, очарованный ночи картиной,
 Безсонный, въ тиши, надъ прибрежной стремниной
 Влечу я мечтой упоенную лѣнь,
 И, малый, бросаю огромную тѣнь?
 Гдѣ скроюсь? — Томленьемъ полуденнымъ полный,
 Уйду-ль погрузиться въ соленыя волны? —
 Тоска меня същѣтъ, и въ морѣ она
 Поднимется мутью съ песчанаго дна.
 Нуцусь-ли чрезъ море? — На брегѣ Тавриды,
 Она меня встрѣтитъ, узнаетъ, займетъ
 И больно въ глубокихъ объятяхъ сожметъ.

Страшусь... Но доселѣ, эхидны сердечной
 Не чувствуя жаля, свободный, безмечный,
 Смотрю я на южный, лазоревый сводъ,
 На лono широко-раскинутыхъ водъ,
 И, въ очи небесъ устремивъ свои очи,
 Пью сладостный воздухъ серебряной ночи...

За-чѣмъ тебѣ гнаться, злѣйка, за мной?
 Помеди: бѣглецъ возвратится домой.
 Постой: предъ тобою минутный измѣнникъ,
 Приду къ тебѣ самъ я — и, снова твой измѣнникъ,
 Въ груди моей свѣтлаго юга красу,
 Какъ новую нищу тебѣ принесу,

И съ новою въ сердцѣ скопившейся силой
Проснусь для страданья, для пѣсни унылой.
А вынѣ, забывшій и пѣсни и грусть,
Стою, беззаботный, на брегѣ Эвксина,
Смотрю на волнистую грудь исполина
И волнѣ его говоръ твержу назусть.

В. Бенедиктооъ.

Одесса.

29 июня 1839.

ПОСТЬ.

Онъ вселенной гость, ему всюду пирь,
Всюду край чудесь;
Ему данъ въ удѣлъ весь подлунный міръ,
Весь объемъ небесъ.

Все живить его, ему все кругомъ
Для мечты магнить:
Зажурчить ручей, вотъ и въ хоръ съ ручьемъ
Его стихъ журчить;

Заблестить звѣзда въ небѣ ясная,
Онъ ей шлетъ привѣтъ;
На дугу-ль порхнеть дѣва красная,
Онъ постъ ей въ слѣдъ:

Зареветь-ли лѣсъ при борьбѣ съ грозой
Какъ сердитый тигръ,
Ему бури вой лишь предметъ живой
Сладковзвучныхъ игръ.

— — — 63.

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА ОНУ им. І.І. МЕЧНИКОВА

ТУНДЗА.

ВАЛАХСКАЯ БЫЛЬ.

Бывали-ль вы въ Бухарестѣ? Нѣтъ? Жаль, очень жаль! — И вѣрно не будете? Еще больше жаль! — А что за городъ, что за дома, что за женщины въ этомъ Бухарестѣ! Вы найдете тамъ италіянскіе глаза, греческіе профили, дикую красоту цыганки. Если вы будете въѣзжать въ городъ черезъ Колентину или Херестрео, по улицѣ Поду-Могушой, вечеромъ въ восемь или девять часовъ, васъ изумитъ рядъ вѣнскихъ колясокъ, блестящія шоры, магдебургскіе кони, арнауты въ живописномъ, яркомъ нарядѣ, на запяткахъ, бояры въ

роскошныхъ азіатскихъ костюмахъ, куконы раздраженныя по картинкѣ парижскаго журнала. Отъ этой пестроты у васъ разбѣгутся глаза, и вы подумаете, что Бухарестъ торжествуетъ какое-нибудь важное событіе. Ничего не бывало, это ежедневное занятіе Валаховъ, которые всякой вечеръ живутъ на одномъ изъ этихъ гуляній. А какая великолѣпная улица Подумогушой! Сколько вы увидите тутъ каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ, покрытыхъ желѣзомъ или гонтомъ, то-есть маленькими дощечками! Эта улица, Невской-Проспектъ Бухареста, прорѣзываетъ весь городъ: за-то чего вы на ней не встрѣтите! Церкви, палаты бояръ, театр, трактиръ, всевозможные магазины и лавочки, начиная отъ аптеки до харчевни, въ которой такъ заманчиво разложены на столѣ, выдающемся на улицу, куски жареной баранины. А сколько тамъ вина! хоть купайтесь. Сколько выставлено разноцвѣтныхъ бутылокъ и графиновъ съ ликерами! А шербетовъ! Да какие шербетовы! тысячи сортовъ: розовые, шоколатные, съ ванилью, безъ ванили, одинъ другого вкуснѣе и ароматнѣе; на-примѣръ — вотъ въ этой кандитерской, передъ которой выставлено на улицѣ десята два стульевъ. Васъ удивляетъ эта необыкновенность? Сюда послѣ гуляній приѣзжаютъ знойныя кувоны прохладять себя мороженымъ и угощаются на улицѣ любезными ка-

валерами. Отличное мороженое! и не дорого! по леву порція. А левъ не то что нашъ православный рубль; въ немъ даже немного менѣе сорока копѣекъ, почти гривенникъ по нынѣшнему курсу.

Взойдите на Фуншоръ-де-Фокъ, высокую башню, построенную посреди города на четырехъ деревянныхъ столбахъ, для надзора за пожарами, и вы какъ на ладони увидите — 80 тысячъ жителей, 16 тысячъ домовъ, митрополию, 26 монастырей, 89 каменныхъ и 26 деревянныхъ церквей, католическій костелъ, церкви армянскую и лютеранскую, еврейскую синагогу, 35 заѣздныхъ домовъ, 4 греческія бани, 22 фонтана, 4 гошпитала, 3 школы, изъ коихъ одна для валахскаго, а другая для древняго славянскаго языка, театральнй домъ, клубъ и рядъ лейпцигскихъ магазиновъ, набитыхъ всевозможными товарами — и все это на окружности двадцати верстъ.

А какая жизнь, какая дѣятельность! Вотъ переваливается бояръ, съ окладистою бороною, означающею высокое его званіе, въ сѣромъ антереу, подвязанномъ краснымъ кушакомъ, красная бенинь и сѣрой шлыкъ на головѣ, очень похожей на нашу тыкву. Вотъ босые волунагіе цыгане. Вотъ — движущееся корыстолюбіе — факторы-жиды. Вотъ молдованъ, выдохшій свое овечье стадо, которое насется за городомъ, кричитъ вамъ подъ самое ухо: *в ланте*

дутьче!» Вотъ лошади, волы, буйволы, овцы, коляски, телеги. Все идетъ, ѣдетъ, все сибшитъ, все озабочено. Лавочники не сидятъ сложа руки, въ ожиданіи покупателей; они шьютъ, точатъ, кроить, жарятъ. Такъ все и кипитъ, бѣгаетъ, скачетъ, кричитъ. Въ закоулкахъ или магалахъ, дѣятельности еще болѣе, но туда не заглядывайте: тамъ иногда и самый порядочный чортъ сломить себѣ ногу; тамъ иногда на мостовой нѣтъ двухъ, трехъ бревенъ, грязно и тѣсно до того, что двумъ экипажамъ нѣтъ возможности разъѣхаться. Но зачѣмъ-же вамъ ходить по магаламъ! Взгляните лучше на Дымбовицу, которая прорѣзываетъ весь Бухарестъ. Она не широка, мелка, и вода ея очень похожа на помой; за-то въ ней есть золотой песокъ и про нее сложена пречувствительная пѣсня:

Дымбовица апа дутьче! и проч.

Но что всего интереснѣе и замѣчательнѣе въ Бухарестѣ, это бухарестскій ага. Никогда не могъ я налюбоваться на него до-сыта. Что за прекрасный мужчина! Что за лице величественное, доброе и умное! Какая борода, черная, осанистая, чуть-чуть съ просѣдью, хотя лукавый ужъ состарился въ ребрѣ досто-почтеннаго аги! Въ Бухарестѣ впрочемъ не понимаютъ прямого смысла этой русской поговорки. Ага образовавъ

и сердце и умомъ. Посмотрѣли-бы вы, какое пріятное выраженіе принимало его лице, когда онъ говорилъ входя хорошенькой хозяйкѣ: «чи май франь, куконица!» Или съ какою нѣжностію говоритъ онъ на сдѣланное ему привѣтствіе: «сышатось!» При послѣднемъ слогѣ онъ дѣлаетъ малую улыбку, и тянетъ долго, а оканчиваетъ едва слышно. Но въ чемъ онъ неподражаемъ — это, когда вы случитесь у него, и онъ, показывая рукою на подносъ съ шербетомъ и водою — скажетъ вамъ: «пофшиль марокъ!» Это такая гармонія, какой я съ-роду не слыхивалъ. Эти два слова до-сихъ-поръ такъ сладко, такъ нѣжительно звучать въ моихъ ушахъ.

Хотя ага не имѣетъ мѣста въ диванѣ, а стоитъ возлѣ постельничаго; но, по родственнымъ связямъ и по неограниченной дохѣренности господаря, онъ не ставитъ въ грошъ ни великихъ-лого-счетовъ, ни гетмана дивана, ни великихъ-ворниковъ. Мѣсто его до такой степени важно, что если-бы меня спросила судьба при рожденіи, чѣмъ-бы я хотѣлъ быть на землѣ, я-бы сказалъ: ничѣмъ кромѣ бухарестскаго аги! Ага имѣетъ до ста тысячъ левовъ дохода; онъ инспекторъ рынка, коммендантъ и начальникъ полиціи. У него особая тюрьма; онъ самъ съ двумя бойрами судить и рѣшаетъ дѣла, относящіяся до рынка: и я-бы же-

даль, чтобъ вы посмотрѣли съ какою важною за-
сѣдаетъ въ судилищѣ мой ага, какъ медленно и тихо
шевелитъ онъ губами, произнося свои непреклонные
приговоры, и съ какимъ благоговѣніемъ смотрятъ на
него его подчиненные. Или вотъ выдѣте на рынокъ,
на этотъ сбродъ мелочной валахской промышленно-
сти: за вѣшокъ луку, за кусокъ баранины кричатъ сто
голосовъ; кулечки и корзинки расхаживаютъ между
рядами, присматриваясь на провизию; арнауцы про-
буютъ трутъ и огнива, жиды крошатъ табакъ, маль-
чишки крадутъ ягоды, собаки издали обнюхиваютъ говя-
дину; крикъ, брань, ссоры... Но явилась качула аги,
за нимъ огромная свита — капитанъ-де-тарабанъ, пол-
ковникъ-де-тыргъ, логочеть-де-аджи, съ запчїями (част-
ными приставами), чаушами (начальниками стражи),
пандурами и служителями съ пуками прутьевъ —
все смолкло. Продавцы блѣднѣютъ, осматриваютъ
товары, понижаютъ цѣну, всѣ снимаютъ шапки и бла-
гоговѣнно кланяются; а ага идетъ важно, повѣряетъ
таксу, смотритъ вѣсы, и — Боже сохрани, у кого най-
детъ фальшивые! тутъ-же на мѣстѣ, безъ дальнихъ
справокъ, посреди рынка, виновному отсыщается двѣсти
или триста горячихъ ударовъ. Ага идетъ дальше — и
всякой, тихо и вслухъ, возсылаетъ благодарныя

мольбы къ небу за скорость суда и справедливость
приговора.

Ага не выѣзжаетъ изъ города. Онъ точно маятникъ
Бухареста. На случай пожара у него днемъ и ночью
осѣдланная лошадь; ночью онъ повѣряетъ стражу въ
разныхъ частяхъ города, дѣлаетъ обходы, ловить какъ
мухъ воровъ и мошенниковъ. Запчїи и служители не
знали начальника строже и дѣятельнѣе; городскїя ша-
лости прекратились, потому-что онъ жестоко каралъ
пойманныхъ; въ городѣ возстановился порядокъ, даже
по магаламъ перестали бросать на улицу всякую дрянь.
Ага былъ рѣшительнъ, строгъ и справедливъ, жаловалъ
только тѣхъ, которые усердно исполняли его требо-
ванїя и заботились объ общей пользѣ. Никому не было
спуску; всякой день онъ билъ фалангою человѣкъ по
пятидесяти, въ числѣ которыхъ бывали не рѣдко прина-
длежащіе ко дворамъ великаго-бана и великаго-ворника.

Ага пользовался особеннымъ уваженіемъ господа-
ря. Куконы любили его на-расхватъ, какъ красиваго
и вѣжливаго мужчину. Сograждане не могли не
уважать его, какъ гениа-хранителя общаго спокой-
ствїя. Множество анекдотовъ о неустрашимости его на
пожарѣ и при поимкѣ въ ночное время воровъ, носи-
лись по городу. За-то бывало заговорите съ кѣмъ-хо-
тите объ агѣ: онъ не скажетъ вамъ ни слова; онъ

только сдѣласть важную мину, мигнуть лѣвымъ глазомъ и тихонько щелкнуть языкомъ. А эта ибѣмая фраза краснорѣчивѣе всѣхъ возможныхъ похвалъ въ Греціи и Валахіи: она значитъ по-русски: «голова! великая голова!»

Однако, вѣрно ужъ наша земля такая, что на ней нигдѣ, ни даже на мѣстѣ бухарестскаго аги, не убережешься отъ лихаго часу. Съ ибѣкоторыхъ поръ ага нашъ сдѣлался мраченъ, задумчивъ. Брови его часто сходились на величественномъ лбу: онъ рѣдко выѣзжалъ на плымбаре, въ Херестрею и въ Колентину; пересталъ даже навѣщать кукошь, какъ будто бы не было у нихъ ни огненныхъ глазъ, ни черныхъ бровей. Аршаутъ-чубукчи, который имѣлъ обязанность подавать ему трубку, замѣчалъ, что, не смотря на роскошь янтара, на чистоту зубука и благовопіе любека, трубка аги никогда не докуривалась и потухала при самомъ началѣ. Ага не спрашивалъ ни кофе, ни дульчена; онъ запирался въ свой кабинетъ, продумывалъ цѣлыя ночи, безпрестанно дѣлалъ распоряженія. Запчія и пандуры часто являлись къ нему съ рапортами; онъ становился молчаливѣе и угрюмѣе. Въ такомъ состояніи никто ни видалъ его въ продолженіе десятилѣтняго начальства надъ Бухарестомъ.

Что-бы могла значить такая перемена? —

А вотъ какой случай.

Въ это время проявился въ Валахіи разбойникъ Тундза, который обратилъ на себя взоры не только аги, но и всего княжества. Онъ носился, какъ вихорь, какъ привидѣніе, какъ мечта юныхъ поэтовъ, которыхъ впрочемъ иѣтъ еще пока въ Валахіи, а вѣрно скоро будутъ. Иногда въ одно и то-же время онъ появлялся около Рымнивака, подъ Михалешти, и въ окрестностяхъ Краіовы, и тѣмъ спуталъ все преслѣдованія земской полиціи. Этого мало: весьма часто бывалъ онъ въ самомъ Бухарестѣ, съ безвѣстностію мирнаго и постояннаго жителя; и это навело паническій страхъ на все осьмидесяти-тысячное народонаселеніе валахской столицы, проникло въ диванъ, всколебало тамъ самыя сильныя головы и самыя длинныя бороды. Главный блюститель государственной тишины, великій-снатаръ, озлобившій-только Тундзу своими бесполезными преслѣдованіями, дрожалъ каждую минуту за самаго-себя, и наконецъ рѣшительно отказался дразнить по-напрасну разбойника. Тогда всѣ, господа, бояры и народъ, возложили послѣднюю свою надежду на агу, и умоляли его возстановить общественное спокойствіе.

Десять лѣтъ сограждане привыкли безусловно вѣрить въ безстрашіе, умъ и дѣятельность аги; а теперь

сорванецъ Тундза вздумалъ позорить его черную бороду съ просьбою. Уже другой годъ ага ищетъ его со всею неусышностью дѣятельнаго блюстителя порядка, загнавъ всю свою полицію, каждый день самъ отиравается съ своимъ дозоромъ въ самыя уединенныя магалы; а тотъ, смѣясь надъ его неутомимостію, среди бѣла-дня рассказываетъ по Бухаресту...

Неслыханная, невыносимая дерзость! —

Однажды, въ воскресный день, прѣхалъ на базаръ на сѣрой лошади высокій статный арнаутъ. Онъ долго ходилъ между рядами, купилъ огниво, два фунта табаку, обѣдалъ, пилъ кофе; потомъ подковалъ коня, подошелъ къ толпѣ, сыпнулъ полу-махмудами, и велѣлъ сказать агѣ, что Тундза очень доволенъ порядкомъ, который его строгостію сохраняется на рынкѣ. Слова — «Тундза, Тундза, Тундза» — раздались въ народѣ; толпа отхлынула: чауши и пандуры бросились съ ружьями; общее смѣтеніе распространилось. Но Тундзы уже не было... Вдали завивалась пыль и серебрился хвостъ его лошади...

Ага рвалъ на бородѣ волосы.

Въ другой разъ кочующая италинская труппа представляла у Антоиаки «Севильскаго Цирюльника». Многочисленная публика собралась смотрѣть рѣдкихъ гостей. Дорожный баронъ, прибывшій изъ Трансильваніи, въ ры-

жихъ усахъ, въ черной венгеркѣ, сидѣлъ въ креслахъ возлѣ аги. Энтузіастъ и анатокъ музыки, онъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдилъ каждую полу-ноту. Щеки его разгорѣлись отъ восторга, руки отъ аплодиссементовъ. Въ антрактахъ, которые продолжались довольно долго, онъ рассказывалъ агѣ, нѣмецко-валахскимъ парфчѣмъ, о вѣнской и миланской оперѣ, обо всѣхъ новостяхъ музыкальнаго міра; и въ-продолженіе жаркаго разговора, который, какъ замѣтно было, очень занималъ любопытнаго агу, присоединявшаго къ прочимъ своимъ достоинствамъ и любовь къ изящному, баронъ нѣсколько разъ бралъ табакъ изъ его табакерки. По окончаніи спектакля, они разстались очень довольны другъ-другомъ, чуть не друзьями. На другой день ага, открывши табакерку, нашелъ въ ней записочку слѣдующаго содержанія: «Тундза благодарить вчтеннаго агу за удовольствіе вчерашняго спектакля. Онъ поставитъ себѣ въ непремѣнную обязанность воспользоваться любезнымъ его предложеніемъ попробовать его дульчеца.»...

Ага рвалъ на бородѣ волосы.

Въ другой разъ Тундза далъ знать въ село Припоишти тамошнему мазылу, что онъ будетъ къ нему въ-гости, и приказалъ ему въ назначенный день приготовить блюдо съ полу-махмудами. Занчѣн съ панду-

рами окружили деревню и зашли съ ружьями въ домахъ и на огородахъ. Настала глухая и ненастная полночь. Пандуры, привыкшіе къ напраснымъ ожиданіямъ, промокли до костей, зашли погрѣться въ корчму, разставя часовыхъ по всѣмъ тропинкамъ. Немилосердо хвастаясь поймать Тундзу, лишь-бы имъ только понасть на его слѣдъ, они отъ скуки пили крѣпкую ракицу, водку выгнанную изъ фруктовъ, до-того-что къ разсвѣту всѣ захрапѣли крѣпкимъ сномъ. А Тундза какъ сидѣлъ на голову, съ своею удалою шайкою. Онъ перевязалъ пандуровъ, и велѣлъ дать имъ по двѣсти нагаекъ, приговаривая: « Это вамъ за то, чтобъ вы были впередъ исправитѣ и умитѣ. Когда васъ посылаютъ отыскивать разбойниковъ, не заходите въ корчму пить ракицу. Я очень жалѣю моего друга ага; онъ умная голова, но съ такою дрянью, какъ вы, ему нечего дѣлать. Вотъ вамъ еще по сту нагаекъ; я увѣренъ, что мой другъ ага не побранитъ меня за это. » Потомъ онъ заѣхалъ къ мазылу; взялъ подать, выпилъ кофе, да только его и видѣли...

Ага не могъ уже вымѣстить гнѣва своего и на бородѣ. У него просто опустились руки.

Въ Малой Валахін Тундза потребовалъ отъ бояра, жившаго въ деревнѣ Козінъ близъ Карпатскаго хребта, чтобъ онъ отсчиталъ двѣсти червошцевъ, да не австрий-

скихъ, а новыхъ голландскихъ, и положилъ-бы ихъ въ назначенный день въ дулю стараго явора, который стоялъ на полянѣ противъ деревни. Бояръ зналъ, что съ Тундзою плохія шутки. Срокъ былъ коротокъ; онъ отсчиталъ золото и дрожашею рукою опустилъ въ роковое дулю. Между-тѣмъ въ деревнѣ Козінъ и въ окрестныхъ горахъ расположена была земская стража. Самъ исправникъ пріѣхалъ изъ Кампанунга^x, и баялся бояру головою, что поймаешь дерзкаго разбойника. По всѣмъ тропинкамъ разосланы были каларцы чтобъ дать ему знать о приближеніи шайки. Пѣхота спрятана была въ овчарнѣ.

Около полудня пандуръ прискакалъ изъ горъ объявить, что въ пяти верстахъ шайка разбойниковъ остановилась отдыхать. Все засуетилось. Исправникъ собралъ всѣхъ конныхъ пандуровъ, велѣлъ имъ отрѣзать шайку отъ горъ и тайно слѣдовать за разбойниками къ деревнѣ, а самъ повелѣлъ пѣшихъ, чтобъ окружить ими завѣтный яворъ съ противоположной стороны. Влѣво шла дорога въ Козію, вправо возвышалась крутая гора. Тундзѣ нѣтъ спасенія. Не-льзя было выбрать лучше мѣста, чтобъ задать ему шахъ и матъ. Исправникъ живьемъ заберетъ его и всю дерзкую шайку; онъ самъ представить его господарю, и его свѣтлость, въ награду толкаго усердія и храбрости, конечно сдѣластъ

^x Кампанунга

его великимъ-армашемъ или полковникомъ-де-аджи.

Въ это время по деревнѣ шелъ босой цыганъ, въ изорванной курткѣ, съ голою грудью. Не обращая никакого вниманія на военныя движенія и на суматоху, происходившую въ деревнѣ, онъ напѣвалъ, со всею беззаботностію цыгана:

Спути, спути, Молдоване:

Уиде друму ла Фокшани?

Уиде каса мититика,

** Есте фата формошика.*

Для удачливѣйшаго маскированія вооруженной позиціи исправникъ приказалъ бирникамъ заниматься ихъ ежедневными работами, чтобы не подать никакого подозрѣнія о присутствіи земской полиціи.

Пандуръ прискакалъ съ извѣстіемъ, что Тундза тронулся къ деревнѣ.

— Какъ кстати идетъ этотъ цыганъ и поетъ пѣсню! сказалъ исправникъ, выглядывая изъ-за возвышенія. Тундзѣ и въ голову не придетъ, что мы здѣсь ждемъ его, дорогогаго гостя!

А цыганъ пѣлъ да шелъ, да прямо къ явору! всунулъ въ дупло руку, вытащилъ кошелекъ съ золо-

томъ — и началъ спокойно пересчитывать и разсматривать червонцы.

— *Куконанула!* кричалъ бояръ исправнику. Смотрите, смотрите — цыганъ взялъ деньги. Какъ онъ успѣлъ подсмотреть ихъ?

Другой пандуръ прискакалъ съ извѣстіемъ, что Тундза возлѣ самой деревни.

— Что ты тутъ дѣлаешь? закричалъ цыгану исправникъ. Убирайся прочь, чертова племя! Положи сію минуту...

Но цыганъ продолжалъ присматриваться къ червонцамъ, не слушая брани.

— Онъ испортитъ намъ все дѣло, перерветъ зачѣй. На всякой случай я взялъ шесть самыхъ злыхъ цѣльныхъ собакъ — не спустить-ли? Онѣ цѣлый день не ѣли, пусть перехватятъ цыганомъ...

Зачѣй отвязалъ свору, свиснулъ — и шесть огромныхъ собакъ, которыя сторожатъ овечьи отары, съ визгомъ бросились на цыгана. Цыганъ продолжалъ считать золото; но въ то время какъ псы готовы были изорвать его въ куски, положили кошелекъ за-пазуху, вынулъ два чугуныя кистеня на тоненькихъ веревочкахъ, взмахнулъ два раза руками — и четырехъ собакъ какъ-не-бывало; остальные двѣ, поджавъ хвостъ, шибче прежняго пустились къ деревнѣ.

Цыганъ захохоталъ, спряталъ кистени, и, напѣвая прежнюю пѣсню, медленно и спокойно продолжалъ идти далѣе по тому-же направленію.

Исправникъ и войско его потеряли голову.

— Кой чортъ! воскликнулъ бояръ. Ужь не Тундзали это? Вѣдь онъ писалъ, что придетъ за деньгами въ самый полдень. Теперь какъ-разъ двѣнадцать часовъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ исправникъ, точно двѣнадцать. Какой-же я дуракъ, что не поглядѣлъ порядочно въ записку! +

Имя Тундзы магически отозвалось въ ушахъ солдатъ. Исправникъ оглянулся: при немъ были только одни пѣшіе; прочіе отрѣзывали шайку. Онъ самъ пустился бѣгомъ преслѣдовать разбойника, кричалъ, чтобы стрѣляли изъ ружей, чтобы положили его на мѣстѣ непременно. Но у пандуровъ тряслась руки и отъ посѣбности и отъ имени Тундзы; они бѣжали не смѣло, стрѣляли не прицѣливаясь. А между-тѣмъ босой цыганъ быстро взбѣжалъ на крутую гору, скрылся изъ глазъ; потомъ явился на другой высотѣ, вдали, въ свѣтлой атмосферѣ горнаго воздуха, въ тѣхъ-же лохмотьяхъ цыгана, но уже на ворономъ конѣ, богато убраннымъ. Онъ гордо посмотрѣлъ на долину, гдѣ исправникъ и множество народа въ изумленій стояли вокругъ стараго явора, выстрѣливъ изъ пистолета — и шайка,

разсѣявшаяся по разнымъ направленіямъ отъ пандуровъ, окружила своего атамана.

Выслушавъ этотъ разсказъ, ага только возвелъ очи на небо... Увы! Онъ терлъ вѣру къ своимъ собственнымъ словамъ...

Но-крайней-мѣрѣ, кто былъ этотъ Тундза? —

Во всей Валахій, никто не зналъ его происхожденія. Онъ вдругъ выросъ въ горахъ, и собралъ отчаянную шайку, съ которою кочевалъ по княжеству. Впрочемъ онъ болѣе проказилъ, нежели грабилъ; бралъ податъ только съ богатыхъ бояръ и шнызовъ, но помогалъ бѣднымъ крестьянамъ и несчастнымъ любовникамъ, и никогда не проливалъ крови человѣческой. Объ немъ говорили много, различно и до невѣроятности нелѣпо. Одни утверждали, что онъ знатный венгерскій князь, который по какой-то важной политической причинѣ принужденъ былъ оставить отечество; другіе разсказывали, что онъ простой цыганъ; третьи, что онъ богатый бояръ, записавшійся въ разбойники отъ несчастной любви; четвертые, что онъ женщина; пятые утверждали, что онъ жидъ; шестые подозрѣвали, что онъ просто — Наполеонъ! — Никто не зналъ ни настоящей его наружности, ни привычнаго костюма; онъ

являлся молодымъ и старымъ, блондиномъ и брюнетомъ, въ золотѣ и въ рубишѣ, бояромъ и ариавтомъ, нѣмецкимъ франтомъ и евреемъ, монахомъ и женщиною. Даже двое пойманные изъ его шайки клятвенно уверяли, что никогда не видали настоящего лица Тундзы. Эта неопредѣленность и таинственность была причиною, что объ немъ рассказывали въ народѣ множество смѣшныхъ и странныхъ приключеній, объ которыхъ самъ онъ никогда и не думалъ. Теряясь въ догадкахъ, суевѣрный народъ приписывалъ ему свойства сверхъестественныя. Говорили, что у него есть травка-невидимка и коверъ-самолетъ или по-крайней-мѣрѣ сапоги-самоходы. На этомъ основаніи его считали оборотнемъ, и мать, желая унять крикъ капризнаго ребенка, пугала его Тундзою.

Лѣто въ Валахіи необыкновенно знойно. Съ девяти часовъ утра до семи вечера накрѣпко запираются ставни, и жители лежатъ на широкихъ диванахъ, прохладжаясь шербетомъ съ холодною водою, куря трубки и мечтая о любви. Въ самомъ-дѣлѣ жаркіе лѣтніе дни способны только для кейфа. Физическая и нравственная дѣятельность рѣшительно невозможны. А какъ мѣстоположеніе и климатъ образуютъ народный характеръ, то и не удивительно, что Валахи рас-

положены болѣе къ шѣгѣ, нежели къ труду, что подь яворомъ, каштаномъ и абрикосомъ, у нихъ кровь обращается быстрее, чѣмъ у насъ подь словами шинками, что они гораздо лѣнивѣе насъ и сладострастнѣе, и что въ-слѣдствіе послѣдняго качества имъ неповытна чистота строгой нравственности. Дѣвушки тамъ зрѣютъ, какъ модныя шляпки; а одна лишняя лучинка — и вотъ вамъ подомя и пожаръ. Въ тринадцать и четырнадцать лѣтъ куконца выходитъ ужъ за-муажъ, перелюбя нѣсколько разъ, въ пятнадцать дѣлается матерью, а въ семнадцать разводится и живетъ на своей волѣ. Отсутствие моральнаго образованія, климатъ, корыстолюбіе и равнодушіе родителей къ участи дѣтей, равнодушіе мужей къ супружеской вѣрности: вотъ причины, что большая-часть — чтобы не сказать почти всѣ жены въ Бухарестѣ — живутъ въ разводѣ съ мужьями. Дѣлу этому не придается тамъ ни какой важности. Въ недѣлю можно жениться и развестись. За-то посмотрите на кукону въ тридцать лѣтъ, какъ-бы она ни была прекрасна въ молодости, какъ-бы роскошно ни прикрывала себя нарядами. Нейстовыя страсти страшно прожигаютъ прекрасное чело; въ глазахъ усталость вакханки; все прожито, все перегорѣло; въ тридцать лѣтъ, она развалина — но все еще съ неистовыми желаніями на жизнь и на любовь...

Когда дѣвушка знаетъ греческій и французскій языки, умѣетъ танцовать, она отлично воспитана. Другія выходятъ за-мужь съ однимъ греческимъ языкомъ, на которомъ большею-частью говорятъ всегда бояры. Жизнь куконы начинается съ осьми часовъ вечера, днемъ онѣ не живутъ. Днемъ онѣ слегка заиваются домашнимъ туалетомъ, пьютъ кофе и дымчецы, подравниваютъ брови; арнауцы являются съ маленькими записочками; онѣ пишутъ отвѣты, брапятъ цыганокъ, повѣряютъ своихъ управителей; иногда ѣздятъ въ лавки, но чаще сидятъ дома, слушаютъ сплетни своихъ знакомокъ и ждутъ вечера. Обѣдаютъ онѣ очень дурно, большею-частью одну баранину. Послѣ обѣда спятъ, и вставши готовятъ диванъ къ гулянью. Кукона живетъ только на плямбаре: плямбаре — ея назначеніе, мечта, слава. Тутъ выдываетъ она блескъ экипажа, роскошь наряда, прелесть красоты. Если вы можете влюбиться въ кукону, то вы влюбитесь въ нее на плямбаре, не иначе. Гулянья продолжаются до одиннадцати часовъ и познѣе, смотря по погодѣ. Потомъ мужчины собираются играть въ банкъ, безъ мѣду, на чистое золото. А куконы?...

Нѣкоторыя изъ нихъ возвращаются домой, нѣкоторыя ѣдутъ въ кондитерскую на Полу-Могушой, про-

хлаждаться мороженымъ, а другія долго не могутъ разстаться съ очарованіемъ восхитительной лунной ночи. Въ таинственномъ полу-мракѣ, освѣжаемомъ ночнымъ воздухомъ, долго, долго стучать колаески, съ поднятымъ верхомъ, оставленная на произволь кучера....

На порогѣ огромнаго полу-темнаго зала, который обыкновенно занимаетъ средину бухарестскихъ домовъ и составляетъ единственное убѣжище въ жаркіе дни, сидѣла цыганка, печально облокотившись на правую руку. Жесткіе черные волосы, незнакомые съ гребенкою, мелкими кольцами въ безпорядкѣ висѣли по головѣ ея; лице худое, покрытое темно-оливковою блѣдностью, рѣзкія черты, станъ прямой, но грубый, безъ всякой послѣдовательности: вы не обратили-бы ни какого вниманія на это дикое созданіе природы, на этотъ бурьянъ, на этотъ колючій чертополохъ. Большіе черные глаза ея, безъ мысли, безъ чувства, устремлены въ стѣну, на которой маляръ начекалъ Икара съ раставшими крыльями, въ то время какъ онъ хотѣлъ долетѣть къ солнцу. Она не знаетъ глубокой истины, которую заключаетъ въ себѣ эта картина грубо нарисованная. Она съ дѣтства привыкла смотрѣть на нее, какъ на голую стѣну.

Но вотъ она повернулась. Слышите, какой страшныя звонятъ это цѣпи, которыми она скована. Такой

обычай въ Валахіи: бояръ имѣть право во всякое время заковать своихъ цыганъ, которые между-тѣмъ отправляютъ свои обыкновенныя работы, гремя цѣпями по всему дому.

Она подняла руки. Посмотрите, какъ идутъ къ ней эти мелкія желѣзныя кольца! Ни-одно ожерелье никогда не сравнится съ ними.

Звукъ цѣпей пробудилъ жизнь цыганки. Изъ-под темнаго загара потянулся багровый румянецъ, лице одушевилось страстью, пунсовые уста раскрыли рядъ дивныхъ перловъ, большіе черные глаза вспыхнули страшно и безумно. Она зашѣла:

*Арди ма, фриджи ма,
Ни карбуни пули ма!
Де май пули ни карбуни—
Амурезу ну ци спуни!*

Посмотрите, та-ли это цыганка?... Она зашѣла любовью! —

Дверь отворилась. Осматривая вкругъ залъ, молодая дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ, въ голубой бархатной куцавейкѣ, опушенной собольими, слегка наброшенной на-плечи, подошла къ цыганкѣ. Она едва различѣвала. Въ голубыхъ глазахъ ея свѣтилась дѣтская радость; шелковые свѣтло-русые кудри живописно

катились на лилейныя плечи. Она была такъ мила, что отъ ней не-льзя было оторваться. Сколько любопытства, сколько простоты и доверчивости высказывалось въ младенческомъ ея лицѣ, инокномъ, кроткомъ, ослѣпительной бѣлизны! Она была чиста и свѣтла; какъ земля въ первый день своего созданія. Какъ свѣтлый геній, она остановилась передъ духомъ тьмы.

— Бѣдная Стеси, говорила она, смотря на цыганку: тебя опять заковали въ эти тяжелыя цѣпи. За-что разгнѣвался на тебя отецъ мой?

Тронутая участіемъ госпожи, цыганка плакала и цѣловала ея руку.

— Видь ты ничего не украла, не лѣнилась, не хотѣла убѣжать отъ насъ?..

Цыганка качала головою.

— Что-жь ты сдѣлала?

— Бояръ не великъ мнѣ любить; а можно-ли жить безъ любви? Цыганка можетъ жить безъ солнца, безъ воды и безъ хлѣба, но безъ любви—никогда!..

Она брякнула цѣпями и зашѣла:

*Де май бати хитз де мулто,
Тото май фаче, куме фыкуто!*

— Такъ ты очень любишь своего цыгана?

Стеси, молча, сложила на груди руки, прижала нижнюю губу и подняла глаза. Лице ее выражало неистовую страсть.

— А онъ?

— Любить-ли онъ меня, мой голубчикъ, мой свѣтъ, моя радость?.. Для него нѣтъ жизни безъ Стеси!..

— Такъ хорошо любить, Стеси?

— Хорошо-ли любить! вскричала цыганка. Да что-жъ есть хорошаго на свѣтѣ? — Посмотрите, куковница Аника, въ мѣрѣ нѣтъ народа несчастнѣй нашего: мы обречены носить рубище, исполнять всѣ тяжкія работы; но песчинкѣ собираемъ мы золото и отлаемъ все вамъ; ѣдимъ только черствый хлѣбъ и пьемъ воду; нами бранятся, какъ извергами; мы не видимъ нашихъ дѣтей, не ласкаемъ ихъ, не располагаемъ ими; для насъ нѣтъ ничего ни нынче, ни завтра... За-то мы любимъ такъ, какъ никто не любить! — Когда сердце цыганки забьется страстью, когда молодой и прекрасный любовникъ прижметъ ее къ трепещущей груди и неподвижно и страстно смотря въ очи — скажетъ: «*те юбескъ су!*» тогда — *чи дульче! чи формосъ!* Тогда эти лохмотья превращаются въ дорогія ткани, грязная изба въ княжескіе чертоги, а очи милаго блещутъ такою роскошью, такою обязательною нѣгою, та-

кимъ полнымъ, упительнымъ, безконечнымъ блаженствомъ! Тогда нѣтъ на свѣтѣ счастнѣе цыганки! —

Щеки куковницы разгорѣлись. Она жадно слушала рассказницу.

— Наши свиданья бываютъ рѣдки, продолжала цыганка; люди мѣшаютъ намъ любить. Да это ничего: лишь-бы онъ былъ вѣренъ! — Цѣлый годъ я собирала золотой песокъ, и ни-разу не видѣла Алеко; лѣто было такое знойное, работа тяжелая, а мнѣ не было скучно. Бывало — когда утомилъ, когда выбьешься изъ силъ — сяду на берегъ, закрою глаза, вспомню моего милаго, вспомню его голосъ, его ласки — и я опять свѣжа и весела, тащу илгъ — и пою мою нѣсню...

— А давно ты видѣла своего Алеко?

— Давно? Нѣтъ, недавно. Вчера...

Голосъ цыганки измѣнился, она заплакала.

— Какъ долго и какъ нетерпѣливо ждала я вчерашняго вечера! — Наконецъ онъ пришелъ, мой желанный...

Лице рассказницы мгновенно прояснилось. Обѣими руками она сжала руку Аники.

— Наконецъ насталъ этотъ вечеръ, и такой свѣтлый, такой тихій и прекрасный, какого я съ-роду не видывала. Всѣ легли спать. Я ушла къ себѣ на-верхъ, тихою отворила окно и смотрѣла въ садъ долго, долго.

Все было тихо. Вдруг мелькнула тѣнь: это былъ Алеко, мой безцѣнный Алеко. Я боялась, чтобъ сердце мое не разбудило весь домъ, такъ сильно оно билось. Онъ спѣшилъ ко мнѣ скоро и боязливо, осматривался на всякомъ шагу наконецъ онъ подѣ окномъ. — Алеко! *Психи му!* — *Стеси!* — Алеко! *Суффлету меу!* — Я бросаю изъ окна веревку; Алеко хватается за нее, взлѣзаетъ легко и быстро. Изъ всѣхъ силъ тащу веревку, поднимаю мое драгоценное сокровище. Рука милаго уже обнимала меня, дыханіе жжетъ... Я вса въ огнѣ, вся дрожу... Еще одинъ, одинъ только мигъ, и онъ со мною... — *Чи мий фачь, Стеси?* вдругъ раздалось у меня за спиною. — Это былъ твой отецъ, куконица. Взоръ его былъ страшенъ, въ рукѣ толстая плеть. Въ испугѣ я бросила веревку; Алеко лежалъ на землѣ и стоналъ; на меня сыпались удары. Безмолвно и неподвижно стояла я у окна, пока не всталъ мой милый и хромяя не скрылся изъ глазъ. Когда бояръ усталъ бить меня, онъ велѣлъ посадить меня въ погребъ и надѣть цѣпи... —

Хлопанье въ ладоши, призывный знакъ слуги, раздалось изъ внутренней комнаты. Буконица и Стеси разошлись.

Въ тотъ годъ, когда Александръ Суццо былъ избранъ во второй разъ господаремъ Валахій, Николаки

Барбучика занималъ въ княжествѣ должность великаго-чауша, вмѣлъ подѣ своею командою сорокъ лезе-джіевъ, стражу по кварталамъ города, производилъ судъ о мелочныхъ дѣлахъ и сажалъ подѣ караулъ. А какъ при перемѣнѣ господаря и государственныхъ должности большею-частью занимаются новыми лицами, то Суццо назначилъ великимъ-спатаремъ племянника своего, чело-вѣка весьма корыстолюбиваго. Новый спатарь тотчасъ набавилъ цѣну за подѣдомственные ему мѣста и должности, ежегодно отъ него покупаемыя за условленную цѣну, въ томъ числѣ и на великаго-чауша; вмѣсто опредѣленныхъ двухъ, требовалъ онъ три тысячи левовъ. Барбучика поупрямился; и мѣсто его подхватила другая голодная пиявка, въ полной надеждѣ выручить лишнюю тысячу левовъ, да еще съ значительнымъ процентомъ, съ подвластныхъ несчастливцевъ.

Оскорбленный корыстолюбіемъ и несправедливостію-спатаря, великій-чаушъ удалился въ Малую-Валахію и поселился въ деревнѣ своей близъ Краіовы. Нѣсколько лѣтъ сряду онъ разводилъ и скушалъ рогатый скотъ, гонялъ его въ Трансильванію, и составилъ себѣ значительное состояніе. Когда Аникѣ, единственной его дочери, минуло тринадцать лѣтъ, онъ переѣхалъ въ Бухарестъ, не оставляя впрочемъ прибыльной торговли, которая особенно процвѣтала, съ-тѣхъ-поръ какъ къ

нему нанялся прикащикомъ молодой грекъ Костаки. Онъ мастерски выкармливалъ его воловь и по нѣскольку разъ въ годъ отправлялся съ ними за-границу. Старикъ Барбучика считалъ червоицы, любовался Аникой, и бѣсъ честолюбія не замедлилъ подсунуться съ искушеніемъ, какъ-бы опять явиться на политическое поприще.

Блондинкамъ, желающимъ сдѣлать блистательныя партіи, совѣтую тотчасъ-же ѣхать въ Бухарестъ. Не успѣють онѣ показаться, еще у заставы, за заставой, даже на послѣдней станціи, лягутъ къ нимъ ногами великіе-ворники, логофеты, спатары, вистіары, гетманы, постельники, словомъ вся валахская аристократія. Блондинка тамъ рѣдкость, точно-какъ въ Петербургѣ посорогъ, Тальони и Бартолеттјева трунна.

Блондинка и красавица, одна дочь у отца и наследница всего его богатства — у кого не разбѣгутся глаза на столько приманокъ! — Въ короткое время Аника сдѣлалась предметомъ общихъ разговоровъ: начали бредить ею, искать съ ней встрѣчи, ласкать отставнаго чауша; но Барбучика себѣ-на-умѣ, онъ нигдѣ не показывался съ дочерью, крѣпко заверъ ее въ своемъ домѣ, и дитя-Аника вовсе не думала о томъ, что ея занять цѣлый Бухарестъ, что объ ней мечтають цѣлыя улицы, а куконы, не выдавъ, злословить ее безъ понады.

Однѣ-только бояръ часто навѣщалаъ Барбучику. Это былъ великій-ворникъ-де-кутін, хранитель кассы вспоможенія для бѣдныхъ семействъ, недостаточныхъ дѣвицъ, бояръ нуждающихся въ пропитаніи и пострадавшихъ отъ несчастія иностранцевъ. Барбучика принималъ знаменитаго гостя съ особенною почестью, провожалъ до порога и самъ подавалъ ему кофе и трубку.

Хотя достоинство великаго-ворника-де-кутін считается однимъ изъ первоклассныхъ, въ доказательство чего онъ носитъ бороду и засѣдаетъ въ диванѣ въ присутствіи господаря; но жалованье его весьма ограничено: онъ получаетъ въ годъ шесть тысячъ левовъ; но зато не имѣетъ ни какихъ доходовъ, кромѣ единственнаго случая: когда по неизмѣнну наследниковъ возмется въ пользу кутін послѣ чьей-либо смерти имущество и въ послѣдствіи отыщутся родственники, то при выдачѣ онаго удерживается въ его пользу десятая часть. Какъ на зло великому-ворнику догадливые Валахи умирали, не оставляя по себѣ имѣнія или при имѣніи множество родственниковъ. И такимъ-образомъ, въ-ожиданіи этого дохода, онъ прожилъ собственное свое имѣніе. Надо-было ему поправить состояніе, на-примѣръ хоть выгодною женитьбою, которая уже два раза выводила его изъ затруднительнаго положенія. Правда,

что борода великаго-ворника-де-кутин побѣдѣла уже какъ лень; да все-таки это была борода, которую имѣютъ право носить въ княжествѣ только семнадцать первѣйшихъ сановниковъ. Какая кукона не захочетъ быть женою великаго-ворника! —

Великій-ворникъ пользовался милостію господари и имѣлъ сильныя связи между первоклассными боярами. Ему ничего не стоило вывести кого-либо въ ключари де-арин, даже въ великіе-армаши. Барбучикъ ничего не стоило выдать дочь свою за великаго-ворника-де-кутин и дать ей въ приданое нѣсколько мѣшковъ золота. Аристократія знатности всего чаще и всего удобнѣе соединяется съ аристократіею богатства.

Много вечеровъ великій-ворникъ провелъ съ Барбучикой. Приятны и умиленные были ихъ рѣчи. Оба они были опытные, умны и хитры, заключали дружбу съ вѣрнымъ расчетомъ, который очень хорошо извѣстенъ былъ обоимъ. Когда вельможа говорилъ о своемъ значеніи, о величій его сана, о важности и преимуществѣ его жизни, Барбучика слушала его съ подобострастіемъ, и не могла понять, какъ можно было дожить до такихъ почестей. Тогда великій-ворникъ начиналъ ласкать разыгравшееся его честолюбіе, обѣщая выпросить ему у господари сначала одно изъ третьеклассныхъ государственныхъ мѣсть, потомъ второ-

классное; и когда, полный сладкихъ надеждъ, съ слезами признательности, Барбучика крѣпко сжимала руку высокаго покровителя, великій-ворникъ, для совершеннаго эффекта, черезъ годъ, черезъ два, вдали, изъ уголка, показывала ему — бороду, съ званіемъ великаго-ключари.

Въ-слѣдствіе этихъ частыхъ разговоровъ, Барбучика выдавала Анку за великаго-ворника-де-кутин; и началъ собирать деньги, чтобы во всемъ блескѣ приступить къ торжеству, которое до нѣкоторыхъ поръ сохранялось въ тайнѣ.

— Что Костаки? Лучше-ли ему, Стеся? — спрашивала Анка, нетерпѣливо ожидая отвѣта.

Цыганка печально качала головой.

— Былъ-ли докторъ, дають-ли ему лекарства?

— Что ему лекарства? Докторъ не вылечитъ его болѣзни.

— Бѣдный Костаки! Что-жь съ нимъ такое?

— У него жжетъ сердце, онъ весь горитъ въ огнѣ; глаза его ввали, щеки втянулись; рѣчь его безумна.

Анка тяжело вздохнула.

— Не былъ-бы онъ боленъ, если-бъ не видѣлъ куконицы. Онъ только и бредитъ вами.

— Что-же съ нимъ будетъ?

— Онъ умр...

Аника зажала ей ротъ и не дала докончить. Крупныя слезы полились изъ глазъ ея.

— Если ты прикажешь, онъ будетъ жить. Но только ты, одна ты — можешь воскресить его...

Аника бросилась на шею цыганки.

— Я? Я могу оживить Костаки? — Бѣги скорѣе къ нему — упроси, умоли его, Стеси, чтобъ онъ жилъ, непременно жилъ! — Скажи, что я не перенесу моего горя, если... не смѣю подумать! — Итъ, онъ будетъ жить! — Не правда-ли, Стеси? —

Вѣсть о женитьбѣ великаго-ворника - де - кутн на дочери Барбучики разнеслась по Бухаресту. Не было мужчины, который-бы не завидовалъ великому-ворнику; не было женщины, которая-бы не завидовала невѣстѣ. У одной только Аники потемнѣло въ глазахъ, когда отецъ объявлялъ ей это извѣстие.

Густая пыль вилась надъ Поду-Могущой. Длинный рядъ итскихъ колясокъ танулся въ Херестрею. Бояры важно сидѣли въ сѣрыхъ качулахъ; куконны, прищипливо улыбаясь всадникамъ, которые съ необыкновенною ловкостью вились около экипажей. Веселый говоръ, крики и смѣхи заглушали стукъ колесъ.

Погода была прекрасная и общала самое пріятное гулянье.

Въ густой аллее сада, подъ великолѣпнымъ яворомъ, сидѣла Аника, печальная и унылая. Въ нѣсколько мѣсяцевъ она прожила вѣчность... Она узнала любовь! — Въ лицѣ ея не осталось ни дѣтской игривости, ни беззаботной веселости; его оковала тяжелая дума. Тихи и медленны были ея движенія; голубые глаза пылали страстью или безнадежно смотрѣли на Божій міръ. Вдохъ ея былъ тяжелъ и прерывистъ.

Въ двухъ шагахъ отъ нея стоялъ Костаки, въ синей кунавейкѣ на лисьемъ мѣху, въ красной фескѣ съ длинною голубою кистью. Ничего особенно прекраснаго не было въ наружности бѣднаго грека; одни только глаза показывали въ немъ и умъ, и доброту, и смѣлость, и силу характера. Если-бы Аника встрѣтилась съ нимъ въ обществѣ, она не обратила-бы на него никакого вниманія; но это былъ первый мужчина молодой, добрый, внимательный, который со всею увлекательною цыпкостью заговорилъ ея сердцу, въ то время, когда это сердце просило любви. Аника заглядѣлась на Костаки, заслушалась его рѣчей; она не оглядывалась назадъ, отдаваясь сердечному влеченію. Она блаженствовала или страдала, быстро перебѣгая процессъ любви; она гналась за взоромъ, за вдохомъ

милаго. Тогда она не умѣла разсуждать: она родилась въ Валахи! —

Въ мірѣ нѣтъ красавицы, которую-бы обожала вся вселенная, и нѣтъ чучела, которое не нашло-бы себѣ пары. Вкусъ людей устроенъ такъ разнообразно и премудро! Не бойтесь, господа! Для каждаго изъ насъ есть женщина по нашему вкусу, съ пылкою любовью въ сердцѣ; стоитъ только поискать ее въ толпѣ. Не удивляйтесь, почему тотъ нравится той, а этотъ этой. Я объясню вамъ это очень легко, если вы рѣшите мнѣ: почему голубой цвѣтъ идетъ къ желтому, а пунсовой къ зеленому, и почему нѣтъ ни-одной краски, которая не гармонировала-бы съ другою? —

Если честность, умъ, каруца съ двумя лошадыми и нѣсколько сотъ червонцевъ не составляютъ богатства, то Костаки былъ бѣденъ. Неумолимый въ дѣятельности, онъ безпрестанно раздѣлывалъ по кнѣзеству, покупалъ и продавалъ рогатый скотъ, и не заботясь о прибыли, тѣшилъ своею веселою, разнообразною жизнью. Чаше всего гостилъ онъ у Барбучики, гонялъ его гурты въ Трансильванію, и великій-чаушъ не могъ нахвалиться его искусствомъ сбывать товаръ, его скоростью и честностью. Онъ всегда угощалъ его какъ пріятнаго гостя, ставилъ въ примѣръ своимъ домашнимъ, и всѣ

безъ изытія говорили, что Костаки рѣдкой человѣкъ, потому-что онъ былъ скромень, добръ, и любилъ дарить всю дворию.

Печально, съ потупленными глазами, стоялъ онъ передъ красавицей, какъ грѣшникъ передъ казною, боясь нарушить тревожное раздумье Аники. Это было первое горестное свиданіе, съ-тѣхъ-поръ какъ борода великаго-ворника стала между ихъ счастьемъ.

— Когда ты ѣдешь, Костаки?

— Сего-дня, сей-часъ, прямо изъ этого сада. Отецъ твой просилъ меня продать много гуртовъ въ Трансильванію; ему нужны деньги. Я буду собирать деньги для жены великаго-ворника.

Аника глубоко вздохнула.

— Но они не спросили еще меня, хочу-ли я быть его женою?

— Что-имъ въ твоёмъ желаніи? — Великому-ворнику нужно твое золото. Отцу твоему хочется быть великимъ-ключаремъ. Не довольно-ли этого? А твое сокровище, твое доброе, прекрасное сердце, объ немъ никто и думать не хочетъ. Бѣдная Аника! —

— Когда-жь ты воротиться?

— Мнѣ воротиться? За чѣмъ? — Чтобы видѣть тебя въ объятіяхъ стараго сластолюбца? — Нѣтъ! никогда! — Прежде-всеголи будешь ты женою ворника-де-кутинъ,

тебѣ принесутъ брачный подарокъ — горсть земли съ моею могилы.

Пронзительный вопль вырвался изъ груди дѣвушки.

— Жизнь или смерть? сказалъ Костаки голосомъ твердымъ и рѣшительнымъ, который поразилъ Аннику... Одна минута на раздумье и на приговоръ! —

Съ глазами полными слезъ, закрывъ лице руками, Анника бросилась на грудь Костаки.

Страшны были ихъ клятвы, неистова радость, безумны восторги!

Цыганка Стеси съ материнскою нежностію смотрѣла издали на ласки счастливецъ. Она пришла сказать, что каруца и люди ждутъ Костаки, но пораженная восторгами юной четы, боялась нарушить ея упоеніе. Она остановилась, и черною жилистою рукою призывала на нихъ благословеніе. Прижимая къ груди юную Аннику, Костаки просилъ цыганку, чтобы, черезъ десять дней, въ четыре часа послѣ-обѣда, въ самое глухое время къ Бухарестѣ, она пришла съ Аникой въ одинъ изъ магаловъ, выходящихъ на Дымбовицу, гдѣ онъ будетъ ожидать ихъ съ каруцой, перевезетъ за Карпаты и поселится съ ними на-всегда въ Трансильваніи.

Между-тѣмъ какъ праздный Бухарестъ съ нетерпѣніемъ и восторгомъ ожидалъ великолѣпныхъ празднествъ, которыя должны были послѣдовать во время свадьбы великаго ворника-де-кутинъ, два-только существа не принимали участія въ общей радости и томилась мучительной нестерпимой тоской: Анника, ожидавшая назначеннаго Костаки дня, и ага, преслѣдовавшій Тундзу. Послѣдній нѣсколько разъ находилъ слѣды дерзкаго разбойника, окружалъ его полицейской паутинной, бѣдилъ самъ съ пандурами и служителями, готовъ былъ захлопнуть его въ ловушку, и всякой разъ Тундза, какъ угорь, ускользалъ изъ его рукъ.

— Нѣтъ я не ага, если не поймаю его! — Еще мѣсяцъ, два — потомъ пойду къ господарю, скажу, что я не ага, и попрошу передать другому мою должность! —

Постоянное и дѣятельное преслѣдованіе шайки и смѣтливые соображенія научили агу нѣкоторымъ примѣтамъ, узнавать о мѣстопребываніи Тундзы. Въ это время ему полюбилось Одобешти, селеніе въ пятнадцати верстахъ отъ Фокшанъ. Нѣсколько вооруженныхъ людей, подозрительной наружности, приходили въ шивокъ за водкою; какой-то конный арнаутъ купилъ двухъ барановъ и погналъ въ горы; потомъ издали замѣтили нѣсколько осѣдланыхъ лошадей, которыя деи

и ночь паслись на травѣ. Одинъ смѣльчакъ, пробравшись далѣе, замѣтилъ при подосвѣтѣ обрывистой горы пещеру, закрытую деревьями, и въ ней нѣсколько вооруженныхъ людей. Обо всемъ этомъ дано знать въ Бухарестѣ.

Ага ожилъ, и съ увѣренностію сказалъ про себя:

— Теперь онъ не уйдетъ отъ меня! —

Вѣролатно полагаясь на извѣстность позиціи, Тундза въ первый разъ загостился въ Одобешти, и тѣмъ далъ время агѣ собрать значительное число земскаго войска. Слѣды Тундзы были такъ явны, распоряженія аги такъ вѣрны, пандуры такъ ожесточены противъ разбойника, что будь Тундза семи пядей во лбу, будь онъ точно домовою или оборотень, но черезъ нѣсколько дней онъ долженъ быть въ рукахъ полиціи.

Ночь была мрачна и ненастна. Сильный дождь съ градомъ стучалъ по крышамъ и въ окна домовъ. Вдали раздавались перекаты грома. Молнія вылась съ небесей, и освѣщала грозныя, сѣрыя тучи. Улицы Бухареста опустѣли; кое-гдѣ свѣтился огонекъ и выли сторожевыя собаки.

На широкомъ турецкомъ диванѣ сидѣлъ ага, опершись спиною объ стѣну. Нагорѣвшая свѣча едва освѣщала угрюмое лице его. Онъ то пилъ кофе, то брался за трубку, но безъ всякаго желанія. Всѣ

его думы занималъ гонецъ изъ Одобешти, котораго ожидалъ онъ съ часу-на-часъ.

Вдругъ порывъ вѣтра ворвался въ комнату. Ага тѣниво повернулъ голову. Почтенный бояръ, въ кадуль, съ сѣдою бородою, стоялъ передъ нимъ и, ласково подавая ему руку, привѣтствовалъ:

— *Чи май фачъ, куконашуле!*

Необыкновенное появленіе гостя, сваливагося точно съ потолка, изумило агу, и ласковое «сынась!» оставившись у него въ горлѣ.

— Я давно не могъ воспользоваться вашимъ приглашеніемъ, почтенный ага; то служба, то другія занятія, то мнѣ не-льзя, то вамъ не-когда; на-силу наконецъ удалось... Ну да и погода! прибавилъ онъ, кладя на столъ качулу и не обращая вниманія на ощущенія хозяйна: надо много-много любить васъ, чтобъ выдти изъ дому въ такое ненастье...

— Позвольте мнѣ узнать, съ кѣмъ я имѣю честь...

— Не узнали? Ха! ха! ха! Вотъ какъ забываются пріятели. Сей-часъ, сей-часъ. Извините, у меня есть свои привычки.

Онъ побѣжалъ къ дверямъ и посмотрѣлъ въ соседнюю комнату.

— Никого нѣтъ, а все-таки лучше запереть на замокъ, чтобъ кто-нибудь не помѣшалъ нашей бесѣдѣ.

Да, кажется, и окно я не крѣпко притворилъ; какъ-бы не простудить моего дорогаго друга, достопочтеннѣйшаго агу!..

Онъ началъ заперать окно.

Ага крестился, не понимая, что съ нимъ дѣлается.

Когда гость мѣрными шагами подошелъ опять къ хозяину, ага всплеснулъ руками. Вмѣсто бояра, передъ нимъ стоялъ монахъ, высокой, худой, съ рыжею, включеною бородою.

Монахъ медленно опустился на диванъ.

— Тебя удивляетъ эта перемена, началъ онъ снова. Но успокойся. Измѣнилась наружность, а не душа моя къ тебѣ. Я тотъ-же твой другъ, къ которому ты не совсѣмъ справедливъ. Миѣ давно нужно было переговорить съ тобою. Да, я твой истинный другъ, о которомъ думаешь ты день и ночь. Я Тундза.

Ага невольно вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Но съ этимъ вмѣстѣ предупреждаю тебя, любезнѣйшій и достопочтеннѣйшій другъ, что если ты не только закричишь, но заговоришь громче обыкновеннаго, то я залѣплю тебѣ ротъ вѣтъ этой игрушкой...

Тундза вынулъ изъ рукава небольшой кистень, который на длинной тоненькой оичевкѣ привязанъ былъ къ его рукѣ.

Ага задыхался отъ ярости, но послушно сѣлъ возле Тундзы.

— Я пришелъ отдать тебѣ должную справедливость. Ты хитеръ, уменъ, неусыпнень, храбръ. Тундзу давно-бы повѣсили, если-бы твои зачѣи были сколько-нибудь на тебя похожи, и Тундза ходилъ-бы по княжеству, какъ по скотному двору, если-бы въ Бухарестѣ не было аги. Много самыхъ обдуманыхъ замысловъ уничтожила твоя предусмотрительность. Ты одинокъ мой сильный врагъ; но Тундза справедливъ, и къ тебѣ одному онъ питаетъ искреннее уваженіе. Вотъ доказательство тому, для нашего перваго свиданія у тебя въ-гостяхъ...

Ага сидѣлъ, вынуча глаза.

— Недавно узналъ я, что ты хочешь раздать по корчмамъ новое око. Неужели тебѣ не довольно ста тысячъ левовъ, которые ты ежегодно получаешь отъ слесей должности? Ты воздержень и расчетливъ; десяти тысячъ, которые ты можешь приобрести этою позволенною несправедливостію, не сдѣлаютъ для тебя существенной выгоды, а между-тѣмъ подать эта ляжетъ на бѣдныхъ бирниковъ и цыганъ, и безъ-того угнетенныхъ налогами. Ты добръ и великодушень; отъбѣи это приказаніе.

Ага молчалъ.

— Вчера безвинно посадили въ твою тюрьму двухъ болгаръ изъ Катарджи. Логофеть-де-аджи доказываетъ, что они привели на рынокъ краденаго вола, а ему просто хочется взять съ нихъ взятку. За-чѣмъ угнетать бѣдный народъ? Прикажи ихъ освободить.

Ага наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Покорно благодарю. Дѣла мои вотъ и кончились. Теперь будемъ говорить о городскихъ сплетняхъ...

Тутъ Тундза началъ рассказывать такія чудныя, неслыханныя вещи про куконъ и куконицъ, такія комическія происшествія, такія забавныя домашнія сцены, что ага мало-по-малу невольно его заслушался, потомъ началъ смѣяться, прежде тихо, а тамъ и вслухъ, наконецъ вмѣшался въ разговоръ — и заговорился съ разбойникомъ.

На серединѣ одного разсказа ага всталъ закурить трубку; онъ возвратился на прежнее мѣсто; но передъ нимъ сидѣлъ уже не монахъ, а цыганъ, красивый, курчавый, босой, въ лохмотьяхъ, съ цыганскимъ выговоромъ, съ цыганскими ухватками.

— Тундза! вскричалъ ага отъ полноты своей достойной души: ты чортъ, а не человѣкъ! — Какъ жаль, что ты тратишь не на добрыя дѣла свои способности! —

Горькая улыбка мелькнула на лицѣ цыгана. Онъ замолчалъ на минуту — съ чувствомъ сжалъ руку аги —

и потомъ насмѣшливымъ тономъ продолжалъ прежній разсказъ.

Минуты летѣли незамѣтно для хозяина и для гостя; какъ не-звѣзды болѣе довольные другъ-другомъ, они бесѣдовали словно искренніе пріатели.

— Придетъ-ли кому теперь въ голову, сказалъ наконецъ гость, что Тундза въ-гостяхъ у бухарестскаго аги?..

Ага смутился.

— Будетъ время, когда и ты посмѣешься надо мною. Но теперь пора домой. Что-жь-бы тебѣ оставить на-память, дорогой хозяинъ? — Да! Вотъ мой неразлучный товарищъ, чугуинный кистень. Онъ вѣрнѣе всякаго оружія и всегда послушенъ мѣткой рукѣ. Смотри...

Въ это время на противоположной стѣнѣ поднимался къ потолку паукъ. Тундза махнулъ рукою, влѣпилъ паука въ стѣну, дернулъ за веревочку, и кистень въ одно мгновеніе очутился опять въ его рукѣ. Потомъ онъ пожалъ изумленному хозяину руку и, подойдя къ окну, сказалъ:

— Теперь позволяю тебѣ отворить дверь и позвать хоть всю алжію...

Окно захлопнулось... и Тундза исчезъ во мракѣ ночи...

На другой день ага проснулся мрачный и встревоженный. Тяжелымъ, томительнымъ свидѣніемъ, представлялось ему свиданіе съ Тундзою. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что это было на-яву; ему казалось, что, ожидая вѣстей изъ Одобешти, онъ заснулъ, и мудрено-ли, что ему приснился разбойникъ, о которомъ онъ думалъ ежеминутно. Но, взглянувъ на карнизъ, онъ увидѣлъ знакъ кистеня, и ему показалось, что паукъ изъ своей могилы смѣется надъ нимъ безумнымъ хохотомъ.

Къ-вечеру прибылъ гонецъ изъ Одобешти съ извѣстіемъ, что на-разсвѣтъ пандуры окружили пещеру издали со всевозможною осторожностію, чтобы не открыть себя разбойникамъ, которые безопасно въ ней разхаживали, а когда отняты были все средства къ спасенію, они напали на нее съ остервенѣніемъ. Но вмѣсто разбойниковъ нашли стадо барановъ, одѣтыхъ въ куцавейки, съ красными фесками на головѣ.

Ага искося посмотрѣлъ на карнизъ. Дѣйствительно морщины легли на его лбу. Онъ закурилъ трубку, сѣлъ на диванъ, и махнулъ гонцу рукою.

Напрасно изсмѣшливые завистники некали агу, чтобы разспросить его о послѣдней поимкѣ Тундзы, которая уже разнеслась было по Валахіи. Два дня его вовсе не видѣли въ Бухарестѣ. Но и дома,

углубленіе въ стѣнѣ не дало ему покоя. Дѣло зашло до не-лзя. Куда дѣваться отъ срама, если ночное посѣщеніе будетъ открыто? Скорбій, скорбій надобно погубить Тундзу!

Ага отворилъ шкапулку и вынулъ мѣшокъ съ червонцами.

— Теперь ты мой! сказалъ онъ съ злобною усмѣшкою.

Изъ предмета и вещи, изъ чувства и добродѣтели, которыхъ-бы не-лзя было купить въ Бухарестѣ за деньги. Изъ этого правила очень немного исключеній. Ага брякнулъ золотомъ — и вѣрный товарищъ Тундзы, Іордаки Булаштъ, рѣшился выдать своего атамана.

На кануиъ Ильина дня мостъ на Дымбовицѣ начиненъ былъ вооруженными пандурами. По увѣренію предателя, Тундза долженъ былъ вѣхать въ Бухарестъ въ четыре часа вечера, въ зеленой каруцѣ, шестеркою почтовыхъ лошадей.

Ага съ Булашемъ смотрѣли на дорогу изъ сосѣдняго дома.

Въ назначенный часъ вдали взвилась пыль. Зеленая каруца неслась по Поду-Могушой. Въ вопросъ аги, Іордаки отвѣчалъ:

— Тундза!

Каруцѣ издали кричали, чтобы она остановилась; но ямщикъ, сидя на одной изъ дышловыхъ лошадей, во-весь-духъ гналъ шестерку, не обращая никакого вниманія на крикъ. Когда каруца вѣхала на мостъ, ага приказалъ стрѣлять: пули засвистали, двѣ лошади убиты были въ-минуту; пандуры окружили проѣзжаго, котораго сонъ перерванъ былъ страшною пальбою. Въ недоумѣннн смотрѣлъ онъ на собравшійся вокругъ него народъ, не понимая, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлають.

Это былъ русскій полковникъ Г***.

И ага и Булашъ оцѣненѣли отъ изумленія. Полковникъ осматривался, не ранили-ль его? Деньщика уже повезли въ городъ вырѣзывать пулю.

— Бога-ради прикажите поскорѣе очистить мостъ, кричалъ Булашъ агѣ. Не можетъ-быть, чтобъ онъ обманулъ меня. Онъ будетъ, непременно будетъ.

— А если не будетъ, отвѣчалъ ага рѣшительнымъ голосомъ, то завтра голова твоя выставится на рынкѣ.

Прежнее спокойствіе возстановилось на Дымбовницкомъ мосту. Едва успѣли пандуры зарядить ружья, какъ другая каруца въ шесть лошадей принесла въ изъ-за города.

— Онъ! произнесъ Булашъ — и, закрывъ лице, какъ-бы бояся взора Тундзы, бросился во внутренность покоя.

Лошадей остановили. Ага окружилъ каруцу.

То былъ точно Тундза, и одинъ-одинехонекъ. Но онъ отчаянно сопротивлялся. Видя неизбежную гибель, покрытый ранами, онъ бросился въ рѣку; за нимъ кинулись пандуры. Какъ раненый левъ, съ ожесточеніемъ защищаясь онъ въ рѣкѣ отъ преслѣдователей, махая върными кистенемъ. Дымбовница покрылась кровью и пѣною. Множество народа съ дикимъ крикомъ бѣжало къ берегу. Наконецъ онъ изнемогъ, и его заковали въ тяжелыя цѣпи.

Въ этой суматохѣ никто не замѣтилъ ни произвольнаго вопля, ни унавшей на руки цыганки безчувственной Аники. Это былъ день, въ который обѣщали прѣхать Костаки за нею. Она узнала его въ Тундзѣ.

Черезъ нѣсколько дней Тундза казненъ всенародно. Всгдѣ за-тѣмъ шайка его разсѣялась сама-собою.

Радуль Куралеско.

ЧИШМА-ВАРУИТЬ.

14 июля, 1839.

САФЪ.

=

Сафо, рано пылъ мятежный
 Сердце юное проникъ,
 Рано страсти ненабъжной
 Научила ты языкъ.
 Въ мѣрѣ чувства безграничномъ —
 Слезъ, восторговъ, красоты —
 Духомъ, дѣвъ необычнымъ,
 Рѣшь и витаешь ты.

О, когда рука младенца,
 Угадавъ небесный строй,
 Переводитъ стоны сердца
 Жры звучною игрой; —

О, когда уста дѣтати,
 Свѣжестью блистая розъ,
 Льютъ намъ песни благодати,
 Провѣщаний и угрозъ; —
 О, когда отроковица,
 Феба чувствуя прихоть,
 Слово зоркая орлица
 Крылья духа разовѣтъ,
 И въ надвѣздный селенья
 Полетитъ сквозь дымъ и парь: —
 Боги, въ эти-ли мгновенья
 Вы готовите ударъ?
 Въ сей-ли часть, для всѣхъ надежный,
 Ваша гнѣвная рука
 Сокрушаетъ стебель нѣжный
 Подрасцѣтшаго цвѣтка? —

Бернетъ.

КЛЕЙМО ТОСКИ.

Son sourire est jeune — il n'en est si peu servi!...

(Alphonse Karr. Sous les tilleuls.)

Ce signe du malheur que les anciens appelaient fatalité.

(Léa-Cornelia.)

Vingt ans, et triste?... Ah! vous me faites peur!...

(Mme Deslordes - Valmore.)

Да! есть клеймо тоски на лицах овраченныхъ,
Клеймо несчастія, предвѣстье мукъ и слезъ!
Залогомъ роковымъ проклятья и угрозъ
Судьба отмѣтила жертвъ горю обреченныхъ.

Какъ ихъ легко узнать по блеску ихъ очей,
По гордому челу, по рѣдкой ихъ улыбкѣ,
По рѣчи пламенной, гдѣ слышенъ безъ ошибки
Весь отзвукъ гибельный подавленныхъ страстей!...

Съ какой отвагою безумной и тревожной
Они преслѣдуютъ надежду и вновь зарю!
Какъ щедры на восторги, на преданность свою,
И какъ въ любви неосторожны!...

Судьба, вдохнувши имъ опасныя мечты,
Ихъ отъ скалы крутой къ открытой безднѣ водить,
То въ искушеніе ихъ лукавое приводить,
То бросить ихъ къ ногамъ бездушнoй красоты.

И не минуешь ихъ, и сбудется надъ ними
Несчастный приговоръ, предосудившій ихъ:
Ничто ихъ не спасетъ, ни дружба къ нимъ родныхъ....
Ни тайныя мольбы, невѣдомыя ими!...

Не даромъ въ ихъ чертахъ иѣмой тоски клеймо,
Не даромъ взоры ихъ такъ полны выраженья,
И бурной ихъ души высказываютъ иѣны:
Имъ много горя суждено!....

Скля Анна.

Апрѣль, 1839.

ИШЕЛЬ И ГАСТЕЙНЪ.

изъ

писемъ 1837 года.

==

Съ прелестныхъ береговъ Чернаго-Моря, изъ очаровательной Алуки, перенесенъ я, большой, менше чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ, въ давно-знакомую мнѣ столицу Австріи. Здѣсь многое помолодѣло и похорошѣло, но я покуда слѣгъ для изысканаго и вѣмъ для разсказовъ о немъ. Одно чувство наполняетъ доселѣ мою душу, чувство благодарности къ тому, кто принялъ участіе въ моей болѣзни, пожурилъ за меня докторовъ, заставилъ ихъ при себѣ совѣщаться о моемъ положеніи,

устранилъ препятствія къ отлучкѣ моей отъ должности, прогналъ меня за-границу — и все это съ такимъ живымъ, нетерпѣливымъ, ибжнымъ вниманіемъ къ моей мелкой особѣ, что и, въ младенчествѣ лишенный родителя, позналъ тутъ въ первый разъ, какъ сладки, какъ неоцѣнны и какъ спасительны отеческія попеченія. Простирается-ли въ Австріи такъ далеко заботливость высокихъ начальниковъ о подчиненныхъ? Объ этомъ напишу, когда узнаю.

Изъ Вѣны посылають меня въ Ишель и Гастейнъ. Прекрасно! Поѣдемъ туда, посмотримъ Верхнюю-Австрію, о которой на-Руси, кромѣ учебниковъ, едва-ли кака-нибудь книга даетъ понятіе. «Австрія по-сю сторону-Эиса» и «Австрія за-Эисомъ» — такъ дѣлится маленькая провинція, которая составляетъ ядро Австрийской имперіи. Мудрено-ли, что у насъ называли Закавказскимъ-Краемъ земли, которая поглотили-бы въ себя чуть не всю Нѣмецкую имперію? Эисъ и Австрія! Кавказъ и Россія! Части соразмѣрны цѣлому; но какъ разительно для русскаго гигантское величіе его родины при всякомъ сближеніи съ тѣмъ, что другіе народы называютъ у себя тоже громкими, но ихъ понятію, именами! —

За-Эиская или Верхняя-Австрія заключаетъ въ себя плоскія мѣста, предгорія и высокія горы; въ

ОНИИМЪ.И.МЕРНИКОВЪ
 ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ОНИИМЪ.И.МЕРНИКОВЪ

ней много городов и мѣстечекъ, но мало значительныхъ; къ ней примыкаетъ одна большая рѣка, Дунай, но за-то много небольшихъ рѣчекъ, особливо горныхъ, пересѣкають ея пространство; промышленность жителей: въ меньшемъ размѣрѣ — винодѣліе и шелководство; въ большемъ — скотоводство, земледѣліе, а особливо разведеніе льна; въ главномъ — добываніе соли. Помните! Да это все похоже на нашу Тавриду, на нашу родной Крымъ! Тутъ нѣтъ моря — за-то много большихъ озеръ; тутъ Дунай — у насъ Днѣпръ; на сѣверъ плоскости — наши степи; въ срединѣ предгорія, къ югу горы — не точно-ли такъ у насъ? На нашемъ полуостровѣ нѣтъ Линца и Зальцбурга, но городки, каковы Эисъ и Вельсъ, Брауннау и Ламбахъ, найдутся и у насъ. Скотоводство, земледѣліе, винодѣліе и шелководство наши обшириѣ, садоводство и по-дѣвно, соль мы добываемъ неравненно въ большемъ количествѣ. Правда, у насъ нѣтъ фабрикъ, нѣтъ настоящей торговли. . . . Но если Крымъ пойдетъ все такими-же быстрыми шагами къ усовершенствованіямъ, какъ въ послѣдніе шестнадцать лѣтъ, то — чего въ немъ не будетъ! . . .

23 іюня отправились мы по большой дорогѣ на Линцъ, въ особой почтовой каретѣ (Separatwagen). Въ руки мнѣ дали такъ-называемый «Stundenbuch», те-

традь, въ которой записываютъ время приѣзда на станцію и отъѣзда съ ней. При такой аккуратности, казалось-бы, нельзя пропустить и минуты въ бесполезномъ мѣшканіи, если оно не отъ меня самого. Такъ я и думалъ. На одной станціи остановились мы подлѣ самой городской башни съ часами, и въ ту минуту, когда почтмейстеръ подавъ мнѣ «Stundenbuch» и все готово было къ отъѣзду, колоколъ на башнѣ ударилъ девять; я взглянулъ въ «Stundenbuch» — тамъ стояло: отъѣздъ въ 10 часовъ. — Для чего-жь, сказалъ я почтмейстеру, ставите вы не то время? — «О, не вѣрите нашимъ часамъ, возразилъ онъ; они врутъ.» — Богъ знаетъ, кто вреть, подумалъ я, и обратя вниманіе на «Stundenbuch», замѣтилъ, что всегда время ставится въ тетради впередъ, конечно на тотъ случай, если-бъ почтарю вздумалось замѣшкаться. Въ другой разъ на станціи задержали насъ для того, чтобъ заставить тутъ отобѣдать; и для этого пригодился лишній часъ, поставленный про-запасъ въ тетради.

Вина окружена небольшими прелестными деревеньками, въ которыя жители ея переселяются на лѣто, какъ въ Петербургѣ въ Новую-Деревню, на Черную-Рѣчку и проч. Пенцингъ, Гюттельдорфъ и другія мѣстечки разнообразили для насъ начало пути. Вдалекѣ красовался и прелестный Шенбруннъ съ его

высокою *gloriettoю*. Еще рано вечером приехали мы въ Санкт-Пельтенъ. Это первый уездный или окружный городъ на нашей дорогѣ. Не-даромъ хвалятъ города въ Австрій. Въ Санкт-Пельтенѣ всего до 4,300 жителей, и съ-небольшимъ 300 домовъ, но никакъ не ошибься назвать его городомъ: такъ красиво построены, хорошо вымощены и освѣщены; дома въ три и въ два яруса, не разбросаны на большомъ пространствѣ; нѣтъ пустырей, нѣтъ заборовъ; подъѣзды съ улицъ, которыя не широки, но тѣмъ удобнѣе для мостовой и освѣщенія; порядочныя площади съ фонтанами для общаго употребленія; съ-краю города небольшой бульваръ; есть и театръ. Все это вмѣстѣ конечно составляетъ городъ не по одному названію.

Моши Св. Ипполита были перенесены сюда изъ Тегернзее и дали имя городу. Замѣчательнъ монастырь такъ-называемыхъ «Ангеликъ» (*Angelicae*) или «Ангельскихъ-Дѣвъ» (*Englische Fräulein*). Монахини занимаются воспитаніемъ дѣвушекъ живущихъ у нихъ и приходящихъ. Всѣхъ воспитанницъ, какъ меня увѣрили, до 300: довольно для маленькаго городка!

Мѣстечко Мелькъ съ превосходнымъ зданіемъ Бенедиктинскаго монастыря возвышается на правомъ берегу Дуная. Монастырь собираетъ богатую жатву десятиною и по сокровищамъ своимъ названъ въ про-

стопародіи «*beim vollen Metzen*» — почти тоже, что «*полная мѣша*». Великолѣпная церковь блеститъ серебромъ и золотомъ, изукрашена живописью и разными дарами австрійскихъ герцоговъ, которые въ-старину имѣли въ Мелькѣ свою резиденцію; библіотека изъ 20,000 томовъ и 1,500 рукописей и рисунковъ; а самое лучшее то, что Бенедиктины воспитываютъ до 40 учениковъ и сами занимаются хозяйствомъ, чему доказательство видѣть я при выѣздѣ изъ Мелька, по дорогѣ, вокругъ которой всѣ пригорки усажены рядами лѣсныхъ деревьевъ. Вообще вліянію монаховъ на сельское хозяйство приписываютъ большія успѣхи въ этомъ отношеніи жителей Верхней-Австріи.

Наконецъ переѣхали мы чрезъ рѣку Энсъ, въ собственно За-Энскую или Верхнюю-Австрію. Городокъ Энсъ замѣчательнъ только древностію своею существованія. Здѣсь была военная колонія Римлянъ и мѣсто называлось *Langenst* — имя, сохранившееся еще въ некаженномъ названіи сосѣдней деревеньки Лорхъ. Преданіе гласитъ, что отсюда еще въ 49 году по Р. Х. распространялась христіанская религія, и самъ апостоль Петръ проповѣдывалъ ее въ Лауреумѣ. Въ средіе вѣка Энсъ былъ весьма торговымъ городомъ и славился своею ярманкою; но когда возникла самостоятельность Венгріи, когда торговля Вѣны стала процвѣтать, а

Левантская взяла другое направление, здесь произошла въ ней совершенный упадокъ, и даже близъ-лежащій городъ Штейеръ, при одинакихъ условіяхъ мѣстополюженія, восторжествовалъ надъ Энсомъ. Теперь здѣсь только полотняная фабрика, и та безпрерывно клонится къ упадку; но за-вѣсь-тѣмъ вывѣскою, если не торговаго мѣста, то дороги торговой, служить множество трактировъ и гостиницъ.

Хотя рѣка Энсъ и считается границею двухъ Австрій, но собственно въѣздомъ въ Верхнюю-Австрію признають мостъ чрезъ рѣку Траунъ, въ селеніи Эбельсбергъ, въ двухъ миляхъ отъ Энса. Сужу потому, что здѣсь смотрятъ паспорты проезжающихъ изъ Нижней-Австріи.

Верхняя-Австрія, вопреки простому правилу арифметики, дѣлится на пять четвертей. Такое дѣленіе конечно не могло быть произволомъ систематиковъ-пѣмцевъ, а дѣло случая. Къ четыремъ четвертямъ: Гауерунской (гдѣ главный городъ всей области, Линцъ), Траунской, Мюльской и Инцеской, присоединилъ въ 1816 году отдѣленный отъ Баваріи Зальцбургскій округъ, принадлежавшій прежде владѣтелямъ архіепископамъ и секуляризованный въ 1803 году.

Въ Линцъ мы пріѣхали поздно вечеромъ. Спрашиваемъ, можно-ли записаться на отъѣздъ по желѣзной

дорогѣ въ Гмунденъ; говорятъ, уже поздно. — Когда-жъ отправляются паровозы? — Въ 6 часовъ утра. — Можно-ли имѣть фіакръ, чтобы доехать до желѣзной дороги? — Фіакры выѣзжаютъ на площадь только въ 7 часовъ. — Нечего дѣлать! Надобно мнѣ, больному, готовиться на двухверстное путешествіе по лѣности Линцескихъ кучеровъ. Послѣ узналъ я, что въ главномъ городѣ Верхней-Австріи всего три наемные фіакра, которые, конечно, добывая безъ труда свою копѣйку, не торопятся къ услугамъ путешественниковъ.

Еще въ Энсѣ, по триумфальнымъ воротамъ изъ ельнику, по надписямъ «vical» и пр., узнали мы, что Австрійскій императоръ проезжаетъ чрезъ Линцъ въ Зальцбургъ и Инсль. Здѣсь, въ Линцѣ, видѣли мы великолѣпно освѣщенный домъ, въ которомъ помещалась императорская фамилія; но ни триумфальныхъ воротъ, ни надписей нигдѣ не было. Стало-быть, это дѣлается только по усердію жителей мелкихъ городковъ.

Линцъ, не-такъ-давно имѣвшій до 18,000 жителей, теперь считаетъ ихъ у себя 25,000. Итакъ, не смотря на древность Австрійской монархіи, и ея благоденствіе требуетъ и достигаетъ усовершенствованія. Но положеніе Линца наиболѣе улучшается отъ усилившейся торговли съ Венгріею по Дунаю, въ чемъ произойдетъ еще болѣе живости отъ учрежденія въ нынѣш-

немъ году пароходства. Ежедневно будутъ ходить пароходы отъ Регенсбурга до Линца и до Вѣны, а отсюда существуетъ уже пароходное сообщеніе черезъ всю Венгрію до Галаца. Съ другой стороны, посредствомъ желѣзной дороги, отсюда до Будвейса устроенной уже семь лѣтъ, а до Гмундена три года назадъ, усишилось снабженіе Богеміи солью изъ такъ-называемой Созеродящей-Области, и Линца, какъ средоточіе этого сбыта, много оттого выигрываетъ.

Древняя Leutia можетъ скорѣе назваться новымъ городомъ. Дома здѣсь не такъ высоки, за-то красивѣе, чѣмъ въ другихъ австрійскихъ городахъ; улицы шире, за-то кажутся пустыми, по недостаточному движенію на нихъ людей. Здѣсь главное управленіе всей Верхне-Австрійской области; здѣсь лицей, гимназія, обширная площадь съ прекраснымъ фонтаномъ, публичная библиотека (2,500 томовъ), публичный садъ, театръ, огромная казенная ткацкая фабрика; здѣсь городъ, испытавшій столько разъ вторженіе неприятелей, обнесенъ теперь кругомъ укрѣпленными башнями, могущими прикрывать большой гарнизонъ. Все это достойно вниманія, и все это увижу я въ послѣдствіи, а теперь...

25 іюня, поднявшись въ 4 часа утра въ гостиницѣ «Золотого Льва» и едва успѣвъ исполнить обычный обрядъ русскихъ, чаепитіе, поспѣли мы съ провод-

никомъ къ конторѣ желѣзной дороги — поспѣли въ полномъ смыслѣ, потому-что рессоры нѣшеходнаго экипажа моего были очень разстроены. Издали увидѣли мы толпу, которая суетилась отдавая билеты, накладывая пожитки и садясь на огромные вагоны, запряженные паромъ лошадей. Въ конторѣ едва не отказали дать намъ билетъ, котораго не успѣли мы взять на-каунтъ; но какъ мы попросили для себя особую карету (Separatwagen), то, по рѣдкости такихъ требованій, не затруднились выполнить наше. Тотчасъ поставили для насъ впереди общаго вагона, обыкновенную съ виду карету, запряженную въ одну лошадку. За 9 миль пространства желѣзной дороги до Гмундена взяли съ насъ съ-небольшимъ 4 р. 20 к. сер., что для отдѣльнаго экипажа не дорого.

Желѣзная дорога устроена здѣсь главнѣйше, какъ я сказалъ, для перевоза въ Богемію соли. Пассажиры уже постороннее дѣло, но и тѣ отправляются одинъ разъ взадъ-и-впередъ ежедневно. Потянувшійся за нами длинный поѣздъ, въ нѣсколько сплоченныхъ вагоновъ, вмѣщалъ на себѣ болѣе 60 человекъ, и это на парѣ лошадей. Но какъ грузъ нашей кареты съ пятью сѣдоками для одной лошади былъ несравненно легче, то мы далеко опередили задній поѣздъ и имѣли то преимущество, что могли-бы на нѣсколько

минуть остановиться, если-бъ имѣли въ томъ надобность. Миѣ пришло въ голову, что я неправильно упомянулъ о паровозѣ. Тутъ нѣтъ ни паровъ, ни машины — одиѣ желѣзныя колесы, укрѣпленныя на землѣ отчасти деревомъ, отчасти камнемъ. Колеса экипажей чугунныя съ выpusками отъ обода внутрь дороги, чтобъ не сбивались съ ней. Закладываютъ лошадей взадъ и впередъ, чтобъ не оборачивать вагоновъ. Машина и ходить не можетъ по этой дорогѣ, потому-что она не совершенно горизонтальна и пряма, а уклоняется въ стороны, иногда же вверхъ и внизъ, смотря по трудностямъ, которыя представляло мѣстоположеніе для нивелировки. Дорога устроена на акціяхъ, именно для перевоза соли, и достигаетъ своей цѣли, ибо транспортъ тѣмъ чрезвычайно облегченъ, а сверхъ того и пассажиры доставляютъ выгоду заведенію. Черезъ каждыя двѣ мили сдѣланы станціи, гдѣ переѣзжаютъ лошадей и гдѣ для разѣзда устроено нѣсколько боковыхъ дорогъ, выходящихъ на большую. Такіе объѣзды есть и по-средній дороги, но ихъ мало, и на одномъ, между Вельсомъ и Ламбахомъ, мы принуждены были ожидать минутъ двадцать, пока по главной дорогѣ проѣхали встрѣчныя вагоны. Съ обоихъ концовъ дороги экипажи должны отправляться въ опредѣленное время и разѣзжаться на серединѣ, по

по неравному бѣгу лошадей иногда запаздываютъ. Отъ Линца до Гмундена четыре станціи на 10 миляхъ; отъ Линца къ Будвейсу еще 8 миль. Итакъ вся дорога на 17 миляхъ или 120 верстахъ. Такая дорога могла-бы съ пользою быть сдѣлана и для нашей соли на Давыровскихъ пескахъ, гдѣ проѣздъ очень затруднителенъ. И это тѣмъ дешевле стало-бы у насъ, что не потребовалось-бы никакой нивелировки: степи наши иѣютъ для-того достаточно-гладкую поверхность, а здѣсь должно было разрывать большіе пригорки и за-всѣмъ-тѣмъ дорога къ Гмундену примѣтно идетъ подъ-гору.

Соленодорящая-Область, или такъ-называемая Австрійская Швейцарія, замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Рѣчка Траунъ, возникшая въ Штирии, прорѣзывается между высокихъ горъ Саарштейна и Криштенштейна и, протекая чрезъ огромное Гальштатское озеро, образуетъ уже судоходную рѣку; далѣе проходить она чрезъ Гмунденское озеро, увеличивается еще болѣе, и, втекая въ Дунай, замыкаетъ собою Верхне-Австрійскую область. Долина между озерами Гальштатскимъ и Гмунденскимъ, образуемая рѣкою Трауномъ, называется Соленодорящею-Областью, потому-что въ ней добывается соль изъ двухъ горъ, одной близъ мѣстечка Гальштата, лежащаго на запад-

помъ берегу озера того-же имени, другой близъ Ишеля (правильнѣе Ишль), расположеннаго прелестно на сѣвннхъ рѣчки Ишль съ Трауномъ. Все пространство Соленодящей-Области заключается въ этой долинѣ, величиною съ-небольшимъ въ 11 географическихъ миль. Широта области отъ $47^{\circ} 29'$ до $47^{\circ} 51'$, а долгота отъ $31^{\circ} 8'$ до $31^{\circ} 30'$. Главныя мѣстечка: Гальштатъ, Лауфенъ, Ишель и Лангбатъ. Всѣхъ селеній 68, жителей до 18,000 католиковъ и лютеранъ. Школъ 20, церквей католическихъ 14; для лютеранъ только 3 молитвенные дома: Австрія не терпитъ новобранныхъ церквей. Вся долина ската высокими и лѣсистыми горами. Городокъ Гмунденъ, на сѣверной сторонѣ Гмунденскаго или Траунскаго озера, не принадлежитъ собственно къ Соленодящей-Области; но какъ тутъ главное соляное управленіе, то его называютъ Вишннмъ-Соленодящимъ-Округомъ. Вся область по-справедливости носитъ еще названіе Австрійской Швейцаріи.

Итакъ въ Гмунденъ докатились мы на одной лошади по желѣзнымъ колеямъ въ 12 часовъ, черезъ Вельсъ и Ламбахъ, два порядочныя мѣстечка, гдѣ народъ, въ праздничномъ нарядѣ, собирався уже вокругъ триумфальныхъ воротъ и украшенныхъ ельникомъ фонтановъ, для встрѣчи императора, котораго, на проѣздѣ его величества изъ Линца въ Зальцбургъ,

каждую минуту ожидали. До Ламбаха желѣзная дорога проложена недалеко отъ почтоваго шоссе, почти параллельно съ нимъ. Но отъ Ламбаха она поворачиваетъ влѣво, черезъ лѣса и пригорки, гдѣ проложеніе прямой линіи было весьма затруднительно и гдѣ вообще дорога постепенно спускается подъ-гору, а наконецъ у Гмундена, сходить къ самому руслу Траунскаго озера. Еще при отъѣздѣ изъ Линца стали открываться взорамъ нашимъ вершины Штирійскихъ и Зальцбургскихъ горъ. Здѣсь въ Гмунденѣ эти великаны появились уже цѣлыми купами.

Гмунденъ лежитъ на плоскомъ скатѣ горы къ югу, у самаго берега огромнаго озера, обставленнаго рядами то лѣсистыхъ, то голыхъ, то увѣчанныхъ селеніями возвышенностей. Все вмѣстѣ составляетъ прелестнѣйшую картину. Гмунденскій берегъ унизанъ не великолѣпными, но чистыми и красивыми домами. Одинъ изъ лучшихъ — гостиница подъ выѣскою «Корабля», гдѣ мы расположились обѣдать въ общей залѣ. Вскорѣ за нами прикатились остальные вагоны, и трактиръ наполнился гостями. Нѣмцы въ путешествіяхъ не перемонны: нѣтъ такой странности костюма, которой бы не-льзя-было увидѣть между ними. Къ намъ подѣсь старичекъ въ желтосѣромъ сюртукѣ и въ бѣломъ ночномъ чепцѣ, изъ-подъ котораго выглядывали ключ-

ки рыжого парика, и началъ съ нами разговаривать... Дѣва-прислужница (въ маленькихъ австрійскихъ городахъ трактирные слуги всегда женскаго пола) пода-ла намъ толстую книгу, въ которой посетители записываютъ свои имена, свои впечатлѣнія, всего чаще свои причуды. — Я написалъ тебѣ такъ, сказалъ я, какъ никто не прочтетъ — по-русски! — Развернулъ книгу, и къ величайшему удивленію почти послѣднюю строку нашелъ русскую: то было имя одного изъ гвардейскихъ офицеровъ нашихъ. Налюбовавшись въ окно прекрасными видами Траунскаго озера, я невольно привелъ себѣ на память еще живое впечатлѣніе нашего Чернаго-Моря, нашей не менѣе высокой Яйлы, нашихъ Алуштинскихъ и Гаспринскихъ зданій. Самолюбивое чувство родины вскинуло во мнѣ, и я написалъ въ книгѣ: «Въ сравненіи съ Южнымъ-Берегомъ Крыма это малость!»

Конечно, большая-часть изъ прѣхавшихъ по желѣзной дорогѣ отправлялись въ Ишель, который съ недавняго времени вошелъ въ моду въ Австрійской столицѣ. Многие хлопотали о наймѣ лодокъ для перѣѣзда черезъ озеро; наняли и мы себя особую съ пятью гребцами. Здѣсь существуетъ почти установленная плата по числу гребцовъ: въ тихую погоду по полу-гульдену серебромъ на гребца. Лодка наша, какъ и

все другія, ходяція по озеру, была плоскодонная. На это получилъ я объясненіе, что при устьѣ рѣки Трауна протянуты черезъ все озеро связанныя бревна, которыми остаются плыущія внизъ рѣки въ значительномъ количествѣ дрова. Мы начали плаваніе въ половинѣ втораго часа.

Необыкновенныя красоты природы и разнообразіе видовъ даютъ Траунскому или Гмунденскому озеру мѣсто въ числѣ прелестнѣйшихъ въ Европѣ. Съ восточной стороны рядъ нагихъ скалъ, безъ признака жизни, почти безъ одной пяди плоскаго мѣста, гдѣ-бы могло приклониться жилие человѣческое, и между ними высокій Трауенштейнъ, котораго вершину сами Французы наши схожею съ головою несчастнаго ихъ короля Людовика XVI. Только въ оконечности восточнаго края, тамъ-и-сямъ проглядываютъ маленькія, конечно временныя, рыбацкія хижины. На южномъ, менѣе другихъ холмистомъ берегу, гдѣ Траунъ сливается въ озеро свои воды, чтобы пронести ихъ чрезъ всю длину его, при самомъ этомъ сліяніи, мѣстечко Лангбать, стоящее на плоской возвышенности у входа въ долину, какъ-бы крыльцо великолѣпнаго зданія, чрезъ которое вглядываетесь въ обширную галерею. Противоположный сѣверный берегъ, съ цвѣтущимъ городкомъ Гмунденомъ, расположеннымъ на плоскомъ

скать горы, съ его загородными домами, садами и рощами, представляет амфитеатръ, вмѣстительный для любопытныхъ зрителей и превполненный красотъ для зрѣнща. Но западный берегъ обворожительнѣе всѣхъ. Здѣсь высокія горы отступили отъ береговъ озера и дали столько пространства, чтобъ жмыцы міра сего устроили себѣ пріютъ подъ ихъ громами. Это какъ-бы отдѣлъ нашего Южнаго-Берега, хотя населенія здѣсь не такъ часты и не такъ красивы. Вотъ весь ихъ рядъ, начиная отъ сѣвера: замокъ Ортъ съ видѣющеюся за нимъ деревенькою Шинсдорфъ; мѣстечко Алтмонстеръ съ древнею церковью; усадьба и замокъ Эбенцвейеръ эрцгерцога Максимилиана д-Эсто, покровителя здѣшняго края; мѣстечко Траункирхенъ на бугристомъ мысѣ, вдающемся вглубь озера: вы плывете почти подъ стѣнами церкви, которой стѣны придаютъ глубокую древность. Между Эбенцвейеромъ и Траункирхеномъ, лѣсная, привлекательная и вмѣстѣ грозная для плователей долина Фихтау. Соедините все это въ одну картину, и вамъ не-льзя не воскликнуть вмѣстѣ съ писателемъ Шультесомъ: «Здѣсь природа создала отдѣльную высокую поэму!»

Пространство озера — 6,310 сажень длины и 4,570 сажень ширины. Самая большая глубина 96 сажень, наибольшее мелководье 15 сажень. Отъ Гмундева до

Лангбата переплываютъ въ два съ половиною часа. Скорѣе можно переплыть только съ помощію пассатныхъ вѣтровъ, которые здѣсь бываютъ при восхожденіи и заходѣннн солнца съ юга отъ Траунской долины, въ полдень и въ полночь съ сѣвера отъ Гмундена. Нарушеніе этой правильности предвѣщаетъ бурю. И при небольшомъ вѣтрѣ валы озера легко разыгрываются, такъ-что ни Боденское, ни Люцернское, ни другое озеро Швейцаріи, не вабугриваются, какъ уфѣраютъ, такъ скоро и такъ сильно. Но когда изъ долины Фихтау дохнетъ западный вѣтеръ и отразится скалами востока, валы разъярятся съ такою силою, что, какъ-бы въ зависти на сосѣднихъ великановъ, пытаются захлеснуть имъ очи, и почти нѣтъ спасенія плователямъ. Рассказываютъ много бѣдствій; но мы плыли въ лучшее время года, въ прекрасный день, и не пробовали купаться въ волнахъ Траунзее, кромѣ того - что испытали обрядъ крещенія, которое совершили надъ нами матросы.

Вотъ какъ это было. Когда поравнялись мы съ круглою, какъ сахарная голова, горю Зоништейнъ, вскорѣ за Траункирхеномъ, одинъ изъ матросовъ, учтиво снявъ шляпу, объявилъ намъ, что, по обычаю предковъ, всякаго, плывущаго здѣсь въ первый разъ, надобно вновь крестить. Я испугался, припомни обрядъ

крещенія подъ экваторомъ, гдѣ безъ пощады окуны-
ваютъ съ головою и руками въ воду, что для меня,
вѣнскаго пациента, было-бы совсѣмъ не-къ-стать. Но
мой дамы объявили тотчасъ, что мы плывемъ въ пер-
вый разъ, и спросили, гдѣ-жь возметъ онъ патера.
Вмѣсто отвѣта, матрозы обмакнувъ кисть руки въ воду
и, подойдя къ первой дамѣ, опрыскавъ ее зеленоватою
влагою, бормоча какую-то молитву, заключеніемъ ко-
торой было имя вновь нареченное: «Луиза фон-Шпи-
цельштейнъ». Другая дама наречена «Францискою фон-
Трауенштейнъ». Миѣ досталось имя «Юанна фон-Зони-
штейна». Ясно, что патроны наши были сосѣдніе ве-
ликаны, и я съ особенною любовію посмотрѣлъ на
своего милостивца съ сахарною головою, прося его о
передачѣ молитвъ монахъ по-сосѣдству къ небу за мое
таящее здоровье. Хоть этотъ обрядъ конечно выду-
манъ матросами для увеличенія платы за ихъ труды;
но кто-же будетъ недоволенъ невиннымъ развлеченіемъ
посреди уединеннаго озера, котораго прелестями такъ
сладко насытилась душа, погруженна въ мечтаніе!
Достойный сынъ Зонштейна, я выпрямился потомъ
чуть не до сахарной вершины его; остается еще разъ
поклониться ему, чтобъ также потучить. . . .

* Вышина Зонштейна — 2,828 футовъ надъ Средземнымъ-Моремъ.

Странное дѣло, что мѣстечко при впаденіи Трауна
въ озеро имѣетъ нѣсколько названій, и даже географы,
одни другаго поправляя, называютъ его различно.
Матросы, подвоя насъ къ берегу, сказали: «вотъ и
Гимель!» на почти слышали мы названіе «Лангбатъ»; въ
Ишелѣ величаютъ его «Эбензее»; въ книгѣ нашелъ я:
«*Langbath*», *нынѣ Lamthal*». Какъ-же прикажете ино-
странцу называть его? Едва растолковали миѣ, что
Эбензее особое мѣстечко, за рѣкою отъ Лангбата, ко-
торый неправильно иногда называется тѣмъ-же име-
немъ; но какъ я не осматривалъ въ-подробности ни
того ни другаго, то и оставляю это дѣло нерѣше-
нымъ. Для меня тутъ вышло рѣшеное дѣло то, что
австрійскіе почтмейстеры иногда прижимаютъ проѣз-
жихъ не хуже нашихъ смотрителей. Мы пріѣхали туда
въ четыре часа и потребовали почтовой коляски. Сна-
чала отозвались, что почтмейстера дома нѣтъ, а безъ
него не-кому распорядиться. Какъ больному непріятно
входить въ споры и какъ я уже привыкъ видѣть въ
почтмейстерѣ и трактирника, которому пріятель только
голодный, то и спросилъ чего-то поодличать. Тогда
явился почтмейстеръ, но не совсѣмъ учтивымъ тономъ
сказалъ, что лошадей почтовыхъ нѣтъ, а есть наемный
фурманъ, которому онъ дастъ собственную коляску,
за-что мы должны заплатить такую-то, разумѣется,

незаконную плату. Имѣя въ-виду только полторы мили до Ишеля, я на все тотчасъ согласился; и что-же? Явился почтовая коляска, и не фурмантъ, а почтарь въ красной курткѣ и съ рожкомъ, повезъ насъ вверхъ по долинь.

Траунская долина между Лаугботомъ и Ишелемъ припоминаетъ нашу Бельбекскую. Вы ѣдете по лѣвому берегу Трауна, въ тѣснинѣ между горою и рѣкою, за которою лѣсистые холмы поднимаются одинъ-надъ-другимъ. Только рѣка здѣсь величественнѣе, и далекая перспектива видовъ на южныя горы замыкается высокоимъ Дахштейномъ, съ челомъ увѣчанымъ негашеными льдами.

Наконецъ мы въ Ишелѣ, въ семь часовъ вечера. Приятное мѣстоположеніе, хорошенкой городокъ. Улицы расположены по обоимъ берегамъ Трауна и рѣчки Ишель. Почти у каждаго дома садъ съ бесѣдками. Лавки и подвалы внизу домовъ обнаруживаютъ нѣкоторое движеніе торговли; веселый видъ горожанъ показываетъ довольство; а разбѣянные маленькими группами общества нарядныхъ дамъ и кавалеровъ, то въ садахъ, то на балконахъ и въ окнахъ, даютъ понятіе о переселеніи сюда, на лучшее время года, многихъ столичныхъ жителей. Намъ была уже приготовлена докторомъ Гёномъ, всеобщимъ факторомъ

здѣшнихъ паціентовъ, хорошенкая квартира на Церковной-Улицѣ, и мы расположились въ ней отдыхать, лечиться и излѣчиться.

Что привлекаетъ посѣтителей въ Ишель? — Лечение разсолемъ въ разныхъ видахъ. Купаніе въ разсолѣ нѣкоторые изъ докторовъ сравниваютъ съ морскими ваннами, другіе отдаютъ ему преимущество. Въ этомъ не-легко ихъ повѣрить. Но самое дѣйствительное леченіе для нѣкоторыхъ болѣзней составляютъ пары отъ разсола. Въ солонварняхъ устроены надъ котлами бани или каморки съ рѣшетчатымъ поломъ, куда проходить жаркій паръ съ соляными частицами. Въ этомъ пару сидятъ минутъ десять и чрезъ сильную испарину излечиваются особенно отъ ревматизмовъ. Иногда употребляютъ разсолъ въ смѣси съ сѣрнымъ источникомъ который вытекаетъ изъ Солонной-Горы. Кромѣ-того, почти все большіе употребляютъ «Molkenkur», то-есть пьютъ по-утрамъ сыворотку, приготовленную изъ отлично-хорошаго альпійскаго молока. Неприятно упоминаетъ о болѣзняхъ, но я коротко скажу о тѣхъ, какія, по увѣренію врачей, здѣсь излечиваются; хроническая головная боль, ревматизмы, ломота (Gicht), лишаи, золотуха, затвердѣніе печени, обструкціи, ипохондрія, судороги, падучая. Все это хорошо; но какъ употребленіе соленыхъ ваннъ началось здѣсь не далѣе

1823 года, а прежде о спасительномъ ихъ дѣйствиіи никто и не думалъ; притомъ меня самого послали сюда не ради разсола, а только подышать горнымъ воздухомъ и пріятно пожить: то мнѣ простительно полагать, что одна мода увлекаетъ сюда столичную знать. Въ четырехъ миляхъ отъ Вѣны, въ Баденѣ, сильный сѣрный источникъ привлекалъ туда каждое лѣто чуть не половину вѣскаго населенія; но съ тѣхъ поръ какъ императорская фамилія, испытавъ случайную неприятность, перестала туда ѣздить, Баденъ опустѣлъ. Между тѣмъ и нѣкоторые изъ извѣстныхъ вѣсскихъ докторовъ, Виреръ, Мальфати и другіе, стали покровительствовать Ишелю; и мудро-ли послѣ того, что всѣ мнимые, а частью и дѣйствительно страждущіе — посылаются ими прогуляться по Австрийской Швейцаріи, и чистымъ воздухомъ, ближайшимъ къ природѣ образомъ жизни, конечно и кушаньями, парами, сывороткою, достигать желаемого облегченія въ немощахъ? —

Какъ-бы то ни-было, Ишель стоитъ своего нынѣшняго назначенія. Трудно придумать лучшее соединеніе красотъ, высокихъ, даже грозныхъ и дикихъ, съ миловидными, чисто сельскими или пастушескими. Глубокая чаша, образуемая двумя долинами, при слияніи рѣкъ Ишеля и Трауна, красуется величавыми

границами, каковы: къ северу — Гелькогль (1,024 сажени вышины), къ западу — Цимницъ (815 сажень), къ востоку — Розенкогль (634 сажени) и Высокій-Шротъ (915 сажень), къ югу — Катеръ (766 сажень) и Гайнценъ (862 сажени). Но отъ этихъ гигантовъ, опоясанныхъ мрачными лѣсами, спускаются постепенно холмы, изъ которыхъ Ишценъ, Бальваріенбергъ, Постбюхль и Сиріускогль, отличаются прелестію своихъ склопеній, одѣтыхъ рощами, лугами и полями, пока наконецъ самое побережье рѣкъ, въ видѣ пологихъ скатовъ, удобныхъ къ ходьбѣ и для большого пѣшехода, манитъ его къ себѣ устройствомъ многочисленныхъ бесѣдокъ, гдѣ собирается общество, какъ въ Шмольнау, Реттенбахермюле, роцѣ Вирера, и проч.

Здѣсь существуетъ достойная подражанія обычай богатыхъ посѣтителей. При такомъ разнообразіи природы, въ долині, гдѣ каждый шагъ внѣ города представляетъ особыя, то мрачныя, то веселыя виды, гдѣ вся мѣстность подобна превосходному саду, многіе изъ пріѣзжихъ находили для себя любимыя пріюты, мѣсто, куда правилось имъ ходить для отдыха, уединенія, бесѣды, или мечтаній. Въ такихъ пріютахъ, чтобъ чаще наслаждаться ими, устраивались, по ихъ приказанію, скамьи, бесѣдки, навѣсы: роскошь, не обременительная для каждого, а между тѣмъ вновь

приѣзжающіе гости, почти на каждомъ пригоркѣ, въ каждомъ уединенномъ мѣстѣ, могутъ присѣсть и открывающимся глазамъ ихъ видомъ оцѣнить вкусъ хозяина скамьи. И надобно отдать справедливость, что едва-ли остался какой-либо, хоть нѣсколько замѣчательный, видъ, которымъ-бы не-льзя было насладиться сная на покойной скамьѣ, обыкновенно съ надписью строителя. Этѣ надписи отличаются еще разнообразіемъ своихъ идей. Вы найдете: «покой Элизы, хиацину Терезы, панораму Каролины, уединеніе Элеоноры, память Уккарта, выборъ Эрнестины, отдыхъ Сусанны, ибгу Потоцкой, Мальфатіево небо» — и много, много другихъ. Есть такія-же сѣдалища, устроенныя и русскими: «Сверчкова мѣсто, Байкова павильонъ». Изъ этого видно, что мы, русскіе, положительные люди и не охотники до затѣйливыхъ названій, за которыя много уже кинуто было насмѣшекъ на посѣтителей Ишеля. Впрочемъ напрасно. Имя придаетъ жизнь мѣсту, которое служить вамъ отрадою; а прибавленіе къ имени какой-нибудь идеи влагаетъ и въ него душу, такъ-что и въ глухомъ мѣстѣ вы считаете себя не одинокимъ: тутъ были прежде васъ и находили удовольствіе мечтать, какъ и вы.

Отъ окрестностей обратимся къ центру — къ самому городу. И глубина долины, по которой распо-

ложена Ишель, лежитъ очень высоко надъ поверхностью моря, именно 264 сажени. Такова-же высота Зальцбурга и Минхена. Домовъ въ немъ 253, а жителей только до 2,000. Какъ между первыми есть довольно обширныя здания и вообще на лучшихъ трехъ улицахъ всѣ дома двухъ-этажныя, то несоразмѣрность ихъ съ числомъ жителей ясно показываетъ, какъ многое устроено здѣсь собственно для посѣтителей.

Вотъ маленькая исторія маленькаго города. Еще Римляне имѣли тутъ поселеніе. Въ окрестностяхъ выкапываютъ случайно римскія монеты и въ самомъ городкѣ нашли разъ мѣднаго Гордіана. Серебряный Гордіанъ былъ найденъ въ недалекой деревнѣ Лейстлингъ, вмѣстѣ съ восемью-стами серебряныхъ-же монетъ, которыя тотчасъ были *сплавлены!* — Стало бытъ... но оставимъ это варварство безъ заключенія. Найденъ и камень съ римскою надписью, который вѣшанъ въ стѣну Ишельской церкви. Въ древнихъ грамотахъ въ первый разъ встрѣчаютъ имя Ишеля въ 1192 году. Должно заключать, что тогда уже была здѣсь соловарня, и мѣсто ей назначаютъ въ урочищѣ, которое понынѣ называется «Pfundl» — «сковородка». Но разсолъ или привозился, или былъ проведенъ изъ Гальштатской Соляной-Горы, которая одна была еще тогда извѣстна. Въ грамотѣ 1262 года, при королѣ Оттокарѣ, упоми-

нается уже объ Ишельскомъ соляныхъ дѣль мастерахъ. Рудольфъ Габсбургскій далъ здѣшней Николаевской церкви привилегію собирать по одному пфенингу съ каждой проходящей по Трауну барки. Изъ деревни, герцогъ Албрехтъ, въ 1392 году, возвысилъ Ишель въ мѣстечко. Императоръ Максимилианъ далъ ему гербъ. Наконецъ въ 1562 году открыта и Соляная-Гора Ишельская; въ 1563 ее раскопали; а въ 1571 началось уже солевареніе въ большемъ видѣ. Едва-ли не важнѣе и этого открытія для Ишеля введеніе здѣсь купанья въ рассолѣ, что началось съ 1822 года. Съ-тѣхъ-поръ въ-особенности Ишель обновился, сталъ выстраиваться и хорошеѣть. Впрочемъ Николаевская церковь, какъ мы видѣли, принадлежитъ глубокой древности, и колокольня ея осталась еще въ прежнемъ видѣ; сама-же церковь въ 1769 году перестроена, а въ 1777 сгорѣла и вновь выстроена на 30,000 гульденовъ, ковалованныхъ императрицею Маріею-Терезією.

Противъ самой церкви выстроены въ 1831 году домъ для соляныхъ ваннъ — прекрасное четырех-угольное зданіе, обнесенное колоннадою. Съ сѣверной стороны, прямо съ крыльца, входи въ гостиную, гдѣ можно во всякое время записаться чтеніемъ газетъ, Вѣнскихъ и Баварскихъ. Тутъ, въ самое первое мое посѣщеніе былъ и неожиданно обрадованъ встрѣчею

съ почтеннымъ эмеритусомъ Дерптскаго университета, извѣстнымъ путешественникомъ нашимъ, профессоромъ Ледебуромъ, и его достойною супругою. Давно уже имѣлъ я случай пользоваться гостеприимствомъ ихъ въ Дерптѣ; потомъ старался заплатить такимъ-же въ Крыму; наконецъ въ Ишель — какіе все скачки! — мы оба явились гостями чужеземнаго края. Пріятны такія встрѣчи, какъ пріятно все настоящее съ примѣсомъ только воспоминаній! — Но я уклонился отъ разказа о домѣ для купанья. По-бокамъ всего зданія, между колоннами, галлерей, на которыя выходятъ нумерованныя двери комнатъ съ ваннами. Въ первой камеркѣ раздѣваются, а во второй по-лѣсенкѣ сходятъ въ-глубь, аршина на два, и изъ крановъ напускаютъ рассолъ съ прѣсною водою, смотря по тому, въ какой смѣси предписано это больному. Въ томъ-же зданіи продается и сыворотка, которую пьютъ рано по-утру часа за два до завтрака, причемъ прохаживаются или въ сосѣднихъ садахъ, или, въ дурную погоду, по галлереймъ.

Домъ, или, какъ здѣсь называютъ, замокъ (Schloss) австрійскаго министра графа Коловрата, стоитъ на холмѣ въ самомъ городѣ, и вокругъ него прелестно раскинутъ садъ — не въ-видѣ крымскихъ фруктовыхъ садовъ, а букетами деревъ, кустарниковъ и цвѣтовъ,

съ красивыми дорожками, фонтанами и скамьями. Входъ открытъ для всякаго и во всякое время, не смотря на пребываніе въ домѣ самого графа и семейства его, какъ то было въ мое время. Тутъ я любилъ прогуливаться и бывалъ ежедневно. У самыхъ дверей входа, по правую руку, на скатѣ холма, зеленѣетъ березовая роща. Какъ ни отвыкъ я на югѣ видѣть эгѣхъ красавиць сѣвера, но родное всегда дѣйствуетъ на насъ, какъ магнитная сила, и не съ такимъ удовольствіемъ въ Крыму гуляю я въ каштановой аллеѣ своего сада, какъ гулялъ здѣсь, любуясь на березы.

Соловарня — по объ ней напишу особо. Изъ прочихъ домовъ замѣчательны: почтамтъ, гдѣ вмѣстѣ гостиница для прїѣзжихъ и столовъ для посѣтителей, госпиталь, театръ, домъ г. Сео, гдѣ останавливается императоръ; домъ патера Николаевской церкви, и пр. Дома простыхъ горожанъ поставлены въ рядъ, съ подъездами на улицу и внутрь дворовъ, и некоторые съ балконами, съ лавками. . . Все это, какъ и въ другихъ австрійскихъ городахъ. Но здѣсь примѣчательны надписи, которыя найдешь почти на каждомъ домѣ. Онѣ состоятъ изъ текстовъ библейскихъ и нравоучительныхъ; послѣднія иногда очень забавны. Вотъ одна, которая врѣзалась въ моей памяти, потому-что особен-

но характеризуетъ мѣстность Соловарней-Области и соловареннаго города:

Das Leben ist doch süß, allein der Mensch vergießt
Sich oft, und weinet, und weinet, bis es versalzen ist.

По-русски: «Жизнь сладка, но человекъ часто забывается: солить, солить, да и пересолить.»

О садикахъ, украшающихъ почти каждый домъ и открытыхъ всѣмъ для входа — я уже говорилъ. Но не могу не остановиться еще разъ на превосходномъ качествѣ пѣмневъ — усовершенствовать свою собственность, какъ-бы она мала ни была. У хозяина моего, живописца Краля, весь садикъ заключается въ клочкѣ земли, сажень восемь длины и сажень пять ширины. Тутъ всѣ огородные овощи, нужные для его хозяйства, и каждая грядка обезжена по бокамъ цвѣтами, дорожки вычищены, по заборамъ посажены кустарники, въ самой глубинѣ бесѣдка, въ которой на задней стѣнѣ нарисованъ отшельникъ, читающій книгу, и слушающій его котъ, съ такими сверкающими глазами, которые дѣлають честь искусству живописца-хозяина. Здѣсь, въ дождливую погоду, я часто сидѣлъ подлѣ отшельника и, поглядывая на кота, все думаю, что онъ тихонько мурлычетъ и придетъ ко мнѣ поласкаться. Въ сосѣдствѣ съ хозяйскимъ садикомъ, на-

право, на-лѣво и взади, видѣтъ я такія-же сельскія и городскія насажденія, такія-же бесѣдки, такую-же заботливость въ обработкѣ. . . .

Такъ-называемый «Городской-Садъ», подлѣ дома доктора Гѣца, въ томъ-же родѣ, какъ и всѣ частныя. Одно хорошо въ немъ: изъ него хотять сдѣлать мѣстный ботаническій садъ и собираютъ въ немъ всѣ альпійскія растенія, какія находятся въ окрестностяхъ, даже и на вершинѣ горъ. Въ одномъ изъ частныхъ садиковъ на холмѣ Яицень, за рѣчкою Ишель, находится упомянутая мною «панорама Каролины». Это высокая бесѣдка съ бельведеромъ. Здѣсь на подвижныхъ ручкахъ укрѣплены четыре разноцвѣтныя стекла: зеленое, коричневое и пр. Наводя стекла на окрестности, вы видите ихъ какъ-бы еще въ прелестнѣйшемъ видѣ. Въ крымской Гаспрѣ, въ домѣ князя А. П. Голицына, такія стекла вставлены въ окна; но мысль сдѣлать ихъ подвижными, чтобъ любоваться какими-вздумаешь предметами, мнѣ чрезвычайно понравилась.

15 июля послѣ обѣда сдѣлали мы приятное путешествіе къ Соляной-Горѣ, и даже можно сказать — въ Соляную-Гору. Наемная коляска повезла насъ къ сѣверу, сначала по берегу рѣки Траунъ, потомъ между холмовъ и полей, по узкой, хотя и мощеной дорогѣ, такъ-что каждая встрѣча заставляла приостанавливаться

и ожидать разбѣда на удобномъ мѣстѣ. Но по гористому мѣстоположенію легко можетъ случиться, что экипажи внезапно съѣдутся и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ разбѣздъ невозможенъ; тогда разбѣдъ только обратное движеніе можетъ пособить горю.

У взлѣда на Соляную-Гору, коляска остановилась: крутизна дороги позволяетъ взбираться на нее только привычнымъ лошадямъ; съ посторонними-же случались несчастія, и потому имъ это запрещено. Хотя Ишельскій горный воздухъ и ежеминутныя прогулки возстановили уже мои силы, но трудненько еще было мнѣ подниматься въ жаркій день на полторы версты крутизны. За-то ужъ и одинъ видъ съ горы вознаграждаетъ меня. Горы, какъ вырѣзные шахматы, разставлены были передо мною, одна-другой выше, одна-другой разновиднѣе. Оврагъ, изъ котораго мы поднялись, обращается къ сѣверу въ расщелину скалъ, при началѣ которой, съ вышины десяти или болѣе сажень, бросаются внизъ водопады: одинъ, сврава, наклономъ скалы и какъ-бы размахомъ струи, владеетъ въ пустоту расщелины и виситъ параллельно съ отвѣсною стѣною горы; другой, слѣва, быстро скатывается по изгибамъ скалы и роетъ ихъ гдѣ-ни-попало съ сердитымъ журчаніемъ. Такіе хорошенькіе водопады видали я прежде на картинкахъ и готовъ былъ считать идеальными.

«Rosa-Wasserfälle» — так называют описанные мною водопады, не по красоте ихъ, а по имени одной знатной дамы, которой они особенно понравились.

Дорога по горѣ заворачиваетъ къ востоку, и вдоль по обширному водопроводу, на которомъ стоитъ пыльная мельница, достигли мы до Mundloch или входа въ гору. Этотъ входъ, продѣланный не въ крутизну, а какъ-бы при маленькомъ возвышеніи горы, украшенъ двумя мраморными пирамидами, въ честь посѣщенія горы императорскою фамиліею. Надписи по-вѣмецки и по-латыни гласятъ почти такъ:

На пирамидахъ:

Францъ и Луиза виходили
Во глубь диковинной горы,
Отколь судьбы благоволитъ
Намъ щедрые послать дары.
Укрась, о небо, жизнь драгую
Высокой царственной четою!
Намъ долю не давай другую,
Дай долю той-же соли ты.

На пьедесталѣ:

Здѣсь цесарь Францъ, здѣсь Австріи отецъ,
Врага строитиваго могучій сокрушитель,
И всей Европы кроткій примиритель,
Пронелъ во тмѣ горы съ конця въ конецъ,
Съ Терезой, Фердинандомъ и Антономъ.

Передъ самымъ Mundlochъ стоитъ шалаши или павильонъ, въ которомъ мы отдохнули, чтобы безопасно отъ простуды пуститься въ сырое нѣдро горы. Явился приставъ съ бѣлыми холщевыми халатами и горными шапками, въ которые мы должны были надѣться: гнѣздилищамъ земли приличны саваны. Приготовили три телѣжки, каждая на четырехъ колесцахъ, катящихся по деревяннымъ колеямъ, въ среднѣ которыхъ оставлена щель. Подъ телѣжкой отъ оси придѣланъ стержень, съ подвижною вокругъ него трубкою. Идя по щели между колеями, стержень препятствуетъ телѣжкѣ сбиваться съ нихъ, а трубочка на немъ вертится и облегчаетъ движеніе. Одинъ рабочій тащитъ телѣжку спереди, другой толкаетъ сзади. Впередъ пошелъ Schaffer или приставъ со свѣтильникомъ, за нимъ повлекли меня въ преисподнюю, за мною еще двѣ телѣжки. Мрачный подземный корридоръ въ сажень вышины и около того-же шириною, идетъ въ горизонтальномъ направленіи. Во ста саженьяхъ приставъ остановилъ поѣздъ и сказалъ мнѣ, что тутъ оканчиваются наносныя породы и начинается соляной материкъ; но мы прошли еще по-крайней-мѣрѣ четыреста сажень до «штольны императрицы Людовики», которую обыкновенно показываютъ путешественникамъ. На вопросъ мой о длинѣ корридора приставъ отвѣчалъ,

что онъ имѣетъ 8,000 Bergstaberl, или горной мѣры, каждая въ 4 фута. Но тогда вышло-бы до 4,570 сажень, и я полагаю, что онъ разумѣтъ длину не одного этого, но всѣхъ корридоровъ въ горѣ. Въ «Людовикиной штольнѣ», которая есть не что иное, какъ огромная пещера, рассказали намъ манипуляцію или производство работъ. Штольни дѣлятся на камеры. Здѣшняя горная соль содержится въ смѣси съ глинистыми породами. Камеру наполняютъ водою, чрезъ проведенные къ ней источники, что продолжается въ теченіе 6 недѣль; потомъ даютъ ей устояться 14 или 15 дней, смотря по тому, какъ скоро вода насытится достаточно солью. При насыщеніи, отъ краевъ камеры глина опадаетъ, а рассоль выпускаютъ посредствомъ деревянныхъ трубъ, которыя проведены отсюда въ Ишельскія и Лаугбатскія соловарни. Но при каждомъ новомъ наполненіи водою камеру, онѣ расширяются и не-со-всѣмъ правильно, такъ-что или остаются глыбы, грозяція обваломъ, или двѣ камеры сходятся такъ близко, что рассоль могъ-бы прососаться изъ одной въ другую. Последнее упреждаютъ смазкою стѣнъ гидравлическимъ цементомъ, но за-всѣмъ тѣмъ нѣкоторыя камеры дѣлаются негодными къ употребленію и оставляются. Такова теперь «камера эригерцога Карла», которую всѣмъ показываютъ. Въ нее сходятъ по лѣстницѣ, подлѣ

которой сдѣланъ для работниковъ спускъ ползкомъ по бревнамъ, что для нихъ и скорѣе и легче. Всѣхъ штоленъ или горныхъ отдѣленій, кромѣ трехъ, устроенныхъ для спуска прѣсной воды, двѣнадцать. Изъ нихъ шесть верхнихъ уже почти истощены, четыре среднихъ находятся теперь въ дѣйствиіи, а двѣ внизу остаются еще надеждою на будущую добычу. Чтобы наполнить «камеру эригерцога Карла» нужно 60,000 ведеръ воды. По насыщеніи ея, изъ 100 центнеровъ рассола вываривается 25¼ центнеровъ соли.

Площадка «Людовикиной штольни» не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ вливается прѣсная вода, гдѣ проводится рассоль, и пр. Но какъ вскорѣ ожидали сюда посѣщенія императора, то на ней готовили иллюминацію: множество рабочихъ ставили транспаранты, устроивали берега небольшого пруда, вырытаго и наполненнаго водою, и готовили лодочку. При огняхъ штольня принимаетъ другой видъ: частицы кристаллизовавшейся соли на стѣнахъ ея блестятъ и сверкаютъ. После недолговременнаго осмотра, сѣли мы опять на тележки и пустились въ обратный путь. Когда любопытство удовлетворено, мысли обо всемъ предстоищемъ успокоиваются и обращаются къ самимъ-себѣ. Здѣсь въ длинномъ и мрачномъ корридорѣ, на нѣсколькихъ сотняхъ футовъ подъ землею, закрывъ

глаза, чтобъ не мелькалъ передъ ними и тусклый свѣтъ лампы въ темнотѣ, и погруженный въ мечты, и мнѣ казалось, что удаленный отъ родины, больной и утомленный странникъ, я перешелъ уже въ вѣчность: тяжелый воздухъ и могильная сырость окружали меня. Только движеніе тележекъ и близость слѣдовавшихъ за мною милыхъ мнѣ спутницъ — напоминали мнѣ еще о моемъ земномъ существованіи...

Изъ Галиштата, въ которомъ такая-же Соляная Гора и такой-же способъ добыванія, весь разсолъ спускается деревянными трубами, по-поламъ, въ Ишель и Лавгбать, хотя послѣдній отъ Галиштата въ четырехъ миляхъ разстоянія. Въ Ишель осматривали мы соловарню довольно подробно. Прекрасное зданіе надъ рѣкою Траунъ, почти въ серединѣ города, съ флигелемъ, въ которомъ находятся собственно резервуары или вмѣстительна разсола. Сюда разсолъ поднимъ сифономъ на высоту 3 или 4 сажень. Главная труба, изъ которой его спускаютъ въ резервуары, раздѣлена на 12 крановъ. Какъ-скоро замѣтить, что изъ котораго-либо крана разсолъ течетъ худо или вовсе не течетъ, тотчасъ дають знать приставленнымъ въ трубамъ сторожамъ, которые должны осмотрѣть всѣ колѣна, какими онѣ сплочены, и поправить что нужно. Для наполненія каждаго изъ четырехъ резервуаровъ

нужно до 1,500 ведеръ разсола, и, по наполненіи одного, отводить стокъ его въ другой. На потолкѣ, сдѣланномъ надъ резервуарами, проверчены дыры, въ которыя опускается длинный шестъ съ насѣчками или градусникъ; имъ узнаютъ количество наливашагося разсола. Но, для большей точности свѣдѣній о томъ, устроена еще весьма замысловатая машина. Разсолъ, спускаемый изъ трубъ въ резервуары, долженъ проходить черезъ двѣ кадки, надъ которыми поставлено коромысло съ двумя стержнями, какъ у вѣсовъ. Разсолъ, поднимаясь въ кадкахъ на одномъ горизонтѣ съ резервуарами, по наполненіи ихъ каждымъ пятью ведрами, приподнимаетъ опущенный въ кадку стержень; въ то-же время съ поднявашагося однимъ концемъ коромысла, сдѣланнаго жолобомъ, перекатывается мѣдный шаръ на другой конецъ и опускаетъ въ другую кадку другой стержень. Оттого происходитъ безпрерывное движеніе, при влітіи въ резервуаръ каждаго пяти ведеръ разсола. Надъ коромысломъ придѣлано нѣсколько циферблатовъ, изъ которыхъ на первомъ, стрѣлка, движимая перекатами шара, означаетъ десятокъ такихъ движеній, или пятьдесятъ ведеръ. Какъ-скоро стрѣлка обошла весь кругъ, она задѣваетъ стрѣлку втораго циферблата и переставляетъ ее на слѣдующую цифру. То-же самое происходитъ и съ слѣдующимъ

за-тѣмъ циферблатомъ, такъ-что въ каждую минуту дня можно видѣть, сколько именно разсола находится во всѣхъ резервуарахъ. Тутъ-же особо-приставленный чиновникъ обязанъ часто повѣрять силу разсола гидрометромъ, и какъ-скоро находить его слабымъ, даетъ знать по начальству для изслѣдованія.

Изъ флигеля перешли мы въ главное зданіе соловарни, и прежде-всего къ огромной печи, устроенной внизу и поглощающей ежедневно 30 кубическихъ сажень дровъ. Жаръ этой печи проведенъ вверхъ подъ котлы, которыхъ два, и подъ сушильню. Каждый котель, четверугольной формы, имѣетъ 11 сажень длины и 5 ширины: огромность изумительная, но, кажется, мѣра эта передана мнѣ вѣрно. Разсолъ варится въ котлѣ два часа и столько-же потомъ устанавливается, между-тѣмъ какъ продолжаютъ варить въ другомъ котлѣ. Какъ-скоро соль отседеть на дно, ее сгребаютъ къ краю длинными граблями, потомъ вынимаютъ ковшами и набиваютъ ею осмиугольныя тумбы или боченки, что дѣлается деревянными толчеями. Когда соль провянетъ, ее удобно вынимаютъ изъ боченковъ и несутъ въ сушильню, гдѣ остается она сутки или болѣе и гдѣ такъ жарко, что я не могъ остаться и двухъ минутъ. Въ каждой тумбѣ соли до 35 фунтовъ: но каждая взвѣшивается особо и съ ярлыкомъ отсы-

ляется по Трауну въ Гмунденъ, гдѣ устроены соляные магазины. Къ Ишепской соловарнѣ приписано нѣсколько деревень, которыхъ жители обязаны служить работниками въ течение сорока лѣтъ, съ весьма небольшимъ содержаниемъ. Мучительнымъ въ ихъ жизни нахожу я то, что они работаютъ попеременно чрезъ каждые шесть часовъ, не-смотря на ночь; ибо котлы не должны простывать совершенно, иначе ихъ не скоро вырешь. Въ продолженіе шести часовъ человекъ долженъ поѣсть, выспаться и похлопотать о своей семьѣ! Послѣ сорокалѣтней службы даютъ имъ очень умеренные пенсіоны; однако рѣдкіе достигаютъ того, или умирая ранѣе отъ трудной работы, или подвергавсь штрафамъ, лишаящимъ пенсіона.

Сколько-разъ сидя въ бесѣдкѣ частнаго садика съ привѣтливою надписью*, противъ самой соловарни, я любовался нагрузкою соли на барки. Отъ зданія къ берегу на 100 саженьяхъ проведены двѣ желѣзныя дороги. Работникъ у самой соловарни нагружаетъ тележку десятию или болѣе тумбами соли и, становясь на запятки, толкаетъ ногой тележку: съ этимъ грузомъ тележка очень быстро скагывается по желѣзнымъ ко-

* Вотъ надпись: «Пусть входитъ въ этотъ садикъ доставить столько удовольствія, сколько желаетъ того влзблель!»

лемя подъ-гору къ самому берегу Трауна. Сгружая соль на барку, работникъ по другой желѣзной дорожкѣ втаскиваетъ легко пустую тележку, между-тѣмъ какъ товарищъ его спускается съ грузомъ къ берегу. Такимъ-образомъ нагрузка идетъ чрезвычайно быстро.

Хозяинъ нашъ, живописецъ Крайль, былъ въ большихъ хлопотахъ и заботахъ: никогда, можетъ-быть, не было ему столько заказовъ... Вы думаете срисовывать красоты окрестной природы? — О, нѣтъ! ему заказывали транспаранты. Двуглавые орлы, короны, лавровые и миртовые вѣнки, раждались во множествѣ подъ его творческою рукою. Готовилась къ приѣзду императора иллюминація во всемъ городѣ. По Зальцбургской широкой улицѣ поставлены были въ два ряда столбы, связанные цвѣточными гирляндами. На каждомъ столбѣ изображалось въ транспарантѣ по одной буквѣ, что составляло въ длину улицы съ одной стороны «*Ferdinand*», съ другой «*Marianna*» — имена императора и императрицы. Домъ для нихъ приготовленъ на томъ берегу Трауна, вдоль котораго проложенъ прекрасный бульваръ. Въ концѣ бульвара, на высокомъ столбѣ, поставленъ былъ двуглавый орелъ. Мостъ черезъ Траунъ весь былъ убранъ ельникомъ и альпійскими розами, что дѣлаетъ прелестную смѣсь цвѣтовъ. Передъ мостомъ стояли триумфальныя ворота.

Домъ, приготовленный для высокихъ гостей, былъ также убранъ ельникомъ отъ-низу до перваго яруса. Кромѣ множества транспарантовъ въ частныхъ домахъ, особеннымъ убранствомъ внутри отличались солонья и гостиная въ домѣ для ваннъ. Въ стѣнахъ первой, передъ котлами, прекрасно сдѣланы были короны изъ соли, лежащія на соляныхъ-же подушкахъ съ кистями и на такихъ-же пьедесталахъ. Во второй всѣ стѣны убраны были украшеніями изъ ельника, альпійскихъ розъ и другихъ цвѣтовъ, сдѣланными съ необыкновеннымъ искусствомъ. На задней стѣнѣ представлялась вислицая порфира и надъ нею корона. По-бокамъ гербы Австрійскій и Сардинскій. На фронтонѣ буквы F. и M. На боковыхъ стѣнахъ гербы Богемскій и Венгерскій. Всѣ приготовленія осмотрѣли мы заранѣе.

Юля 7 жители Ишеля и его окрестностей съ-разсвѣта пришли въ движеніе. Передъ нашими окнами готовились ряды маленькихъ дѣвушекъ и мальчиковъ попарно, и каждая пара соединялась цвѣточною дугою. Такіе-же ряды горныхъ и лѣсныхъ рабочихъ въ красивыхъ костюмахъ, съ павлиньими перьями и елками на круглыхъ шляпахъ, становились тоже попарно. Всѣ отправились на Зальцбургскую-Улицу къ заставѣ, у которой ждали приѣзда императора. Пушечный громъ возвести о его прибытіи уже въ полдень; за-тѣмъ

последовали громкія восклицанія народа; дѣвочки бросали цвѣты въ карету, гдѣ сидѣли высокіе посѣтители. Ихъ величества, лишь-только прибыли въ назначенный для нихъ домъ, какъ вышли на балконъ и привѣтствовали народъ поклонами, которые въ этомъ случаѣ приняты были съ благоговѣйнымъ безмолвіемъ.

Въ сумерки вездѣ зажглись огни, заиграла музыка на бульварѣ и на иллюминированной баркѣ, на которой нѣсколько женщинъ пробовали пѣть по-тирольски, но весьма неудачно. Толпы народа волновались на Траунской-Улицѣ и на мосту, за которымъ въ угловомъ домикѣ на широкомъ балконѣ мы сидѣли въ самомъ пріятномъ обществѣ, оживляемомъ бесѣдою привѣтливой русской хозяйки. Однако торжество въ маленькомъ городкѣ не было продолжительнымъ. Въ 9 часу полилъ сильный дождь и потушилъ огни.

Юля 8 данъ былъ спектакль, которымъ хотѣли прилично угостить съѣхавшійся дворъ. Оперная труппа изъ Линца представляла «Норму». Театръ довольно вмѣстительный и былъ полонъ. При входѣ императорской фамиліи, весь партеръ поднялся и закричалъ «viva!» Немногочисленный, но хорошій оркестръ разыгралъ исправно симфонію. Поднялась завѣсъ. Явились въ жалкихъ костюмахъ жалкія фигуры и начали визжать и кричать, такъ-что на лицахъ всѣхъ зрите-

лей, наиболѣе пріѣзжихъ изъ музыкальной Вѣны, изобразились смѣхъ и досада. Итальянское ухо императрицы конечно не привыкло къ такому разладу звуковъ. Ея величество не поднимала глазъ на сцену и не опускала на партеръ. Едва кончилось первое дѣйствіе, къ счастью очень сокращенное, какъ съ выѣздомъ двора весь театръ опустѣлъ. Крики на сценѣ еще продолжались, но это былъ уже гласъ вопиющаго въ пустынь!

Въ хорошую погоду, какой было очень не много въ наше пребываніе въ Ишелѣ, тамошнее общество собирается преимущественно въ Шмольнау и у Реттенбаховой мельницы. Первымъ именемъ называется пригорокъ на лѣвомъ берегу рѣчки Ишелъ, гдѣ, вблизи скромнаго крестьянскаго домика, построено нѣсколько бесѣдокъ разнаго вида и величины. Тамъ садятся отдельными группами и пьютъ хорошей кофе съ отличными сливками, что все подается гостямъ дочерью поселанина Шмольнау, хозяйка избы. Изъ нихъ Фанни была когда-то прекрасна и прославлена столичными посѣтителями въ стихахъ.

И мы нерѣдко посѣщали Шмольнау; а 17 іюля пустились далѣе, прошли небольшую долину съ маленькою деревенькою и взобрались на другой холмъ, гдѣ нашли бесѣдку съ надписью «Dachsteins Ansicht» (видъ Дахштейна). Въ-самомъ-дѣлѣ на этомъ пригоркѣ

можно хорошо видѣть царя злѣшнихъ горъ, именуемаго также и Торштейномъ. Его верхи, покрытые льдами, кажутся издали снѣговою тучею, тѣмъ-болѣе грозною, что вокругъ ней видишь небеса лазореваго цвѣта. Вышина этой господствующей надъ всѣмъ краемъ горы — 1,582 сажени: втрое противъ нашего Чатырдага, на котораго привыкли мы смотрѣть съ такимъ благоговѣніемъ. Недалеко отъ бесѣдки, въ ущельѣ горы пріятно полюбоваться водопадомъ, названнымъ по имени доктора Вирера (Wierers-Wasserfall). Вода падаетъ отвѣсно въ оврагъ съ высоты 4 или 5 сажень. Въ жаркое время тутъ можно наслаждаться пріятною прохладою. На возвратномъ пути мы сблизись съ дороги, принуждены были обойти Шмольнауускій холмъ и лишняго прошли цѣлую милю: прекрасный опытъ исправности ногъ моихъ, которыя не за-долго передъ тѣмъ тяготились каждымъ лишнимъ шагомъ.

Ежедневныя, можно-сказать ежеминутныя прогулки наши, вопреки дождливой погодѣ, не оставили незнакомымъ для насъ почти ни одного уголка въ ближайшихъ окрестностяхъ Ишеда. Съ Кальваріенберга превосходный видъ на окрестности. Роца Вирера служитъ пріятнымъ отдыхомъ и прохладою подъ навѣсомъ тѣнистыхъ сосенъ. Колодезь Вирера, на камнѣ котораго начертанъ 1612 годъ, прохлаждаетъ васъ водою осо-

баго свойства: ее, какъ склебную отъ нѣкоторыхъ недуговъ, разносятъ даже по домамъ. Но всѣхъ прогулокъ не перечтешь. Довольно замѣчательна еще одна: вы идете по старому Траунскому крытому мосту, потомъ мимо школы для стрѣльбы, чрезъ густой сосновый лѣсъ, наконецъ подемъ, и въ разстояніи верстъ четырехъ отъ Ишеда — находите крестьянскій домикъ и широкую мельницу надъ оврагомъ. Это Реттенбахская мельница. Тутъ садитесь въ любую бесѣдку и вамъ подають кофе, еще лучшій, нежели въ Шмольнау, съ превосходными сливками; подають, если угодно, душистые соты меду. (Кстати сказать, что въ Ишедѣ есть общество споспѣшествованія ичеловодству). Отсюда провели насъ къ верховью того-же оврага, представляющему самое дикое мѣстоположеніе. Разсѣлина и дно глубокаго ущелья состоятъ изъ угловатыхъ скалъ, по которымъ спускается рѣчка, вологимъ, но бурливымъ скатомъ, на разстояніи полуверсты. Неровности дна и боковъ придають движенію воды разнообразныя виды: то прыгаетъ она и катится каскадомъ, то крутится вокругъ огромнаго камня, то бьетъ вверхъ фонтаномъ. . . . Деревяныя лѣстницы, спускающіяся ко дну оврага съ обонхъ сторонъ, и мостикъ черезъ рѣчку уже довольно ветхи, такъ-что мы не безъ опас-

ности перешли черезъ оврагъ и на берегу его должны были отдохнуть отъ страха и головокруженія.

Но довольно объ Ишелѣ. Я не могъ познакомить васъ съ нимъ вполнѣ, особливо не могъ рассказать о дальнихъ его окрестностяхъ: Лауфенѣ, Гальштатѣ, шлюзѣ Коринскаго, и пр. Я и самъ, къ сожалѣнію, не видалъ ихъ. Наступило время переезда моего въ Гастейнъ.

Юля 18, въ назначенный для отъезда день, приглашены мы были еще на утренникъ русскою дамою, которая соединяетъ въ себѣ и умъ, и любезность, и тайную благотворительность, сдѣлавшуюся мнѣ случайно извѣстною. На склонѣ Янца, съ той стороны, гдѣ рѣка Траунъ, пробѣжавъ уже городъ, обтекаетъ каменный островокъ съ поставленнымъ на немъ распятіемъ, стоитъ крестьянская хижина и близъ нея одна изъ тѣхъ скамеекъ, которыми посетители оставляютъ здѣсь по себѣ память. Это мѣсто было избрано хозяйкою нашею на время ея здѣсь пребыванія, для уединеннаго отдыха и прогулокъ только въ-кругу ея семейства. Благоустроенія расположили жителей хижины къ радушію, и у нихъ всегда было готово хозяйство къ услугамъ привычныхъ желанныхъ гостей. Тутъ и мы провели пріятное утро за чашкою кофе и тарелкою земляники. Тутъ-же и простились

мы съ привѣтливою семьею, съ которою въ Россіи разделяетъ насъ едва достигаемое пространство между морями Чернымъ и Балтійскимъ.

Переездъ нашъ въ Зальцбургъ продолжался не болѣе осьми часовъ. Поднимаясь къ верховью рѣки Ишеля, мы достигли истока его изъ Вольфганскаго озера, называемаго также и Аберъ. Вода вездѣ украшаетъ мѣстоположеніе: но посреди горъ и на большомъ пространствѣ, она дѣлаетъ видъ невыразимо очаровательнымъ. Мѣстечко Вольфгангъ лежитъ на сѣверномъ берегу озера, а съ южной стороны его, гдѣ пролегаетъ дорога, отдаленность такъ велика, что едва различаешь церковную башню.

На Вольфганскомъ озерѣ, близъ Ст.-Гильгена, поставлено два небольшихъ памятника. Одинъ знаменуетъ печальное происшествіе. Зимой поселяне праздновали на льду свадьбу, и въ самый разгаръ веселья, когда собравшаяся толпа танцевала и топала ногами, ледъ подломился и озеро поглотило всѣхъ пирующихъ, кромѣ музыкантовъ, которые сидѣли на камняхъ, выдающихся изъ воды, гдѣ и поставленъ монументъ. Другой памятникъ напоминаетъ забавное приключеніе. Мясникъ гналъ по берегу вола. Чего-то волъ испугался и бросился въ озеро. Мясникъ схватилъ его за хвостъ и былъ утащенъ въ воду. Волъ, чувствуя,

что его тянуть, въ испугѣ, отправился влзавъ по водѣ и мясникъ за нимъ на хвостѣ. Такъ въ-лицахъ совершилось похищеніе Юпитеромъ Европы. Оба въ изнеможеніи остановились на маленькомъ островкѣ изъ камней, откуда спасли ихъ рыбаки.

Въ Ст.-Гильгенѣ, лежащій на западной оконечности озера, прѣехали мы къ обѣду. Намъ угостили славными форелями. Тутъ нашли мы русскаго молодого пѣшехода, который вышелъ изъ Ишеля въ тотъ же день рано утромъ и уже успѣлъ побывать въ Вольгангѣ, откуда приплылъ сюда на лодкѣ. Онъ совершаетъ ученое пѣшешествіе по здѣшнимъ мѣстамъ и пробирается въ Швейцарію.

Проѣхавъ станцію Гюфъ, мы еще довольно рано вечеромъ достигли Зальцбурга и остановились въ гостиницѣ «Эригерногъ Карлъ». Зальцбургъ и его окрестности стѣлтъ описанія.

Зальцбургскій округъ, принадлежавшій владѣтельнымъ архіепископамъ до 1802 года, обращенъ тогда въ свѣтскую область, и отданъ въ 1805 году австрійскому эригерногу Фердинанду, въ вознагражденіе за отнятую у него Тоскану. Въ 1809 году, въ слѣдствіе Прессбургскаго мира, слѣдствіемъ Наполеона и уступленъ измъ Баваріи, а послѣ Парижскаго мира примкнулъ къ Австрійской имперіи.

Въ древности Цельты населяли его, и отъ нихъ произошло названіе окрестныхъ горъ Таврами, отчего Римляне и ихъ самихъ называли Тавресками: имя нашей Тавриды конечно имѣеть такое-же происхожденіе. Къ Цельтамъ присоединились въ послѣдствіи Бои, основатели Баваріи. Почти весь Зальцбургскій округъ состоитъ изъ одной долины, по которой протекаетъ рѣка Зальцахъ и къ которой примыкаетъ нѣсколько маленькихъ долинъ. Пынѣ остается то-же раздѣленіе округа, какое находимъ въ старыхъ географіяхъ, то-есть на плоскую часть, къ которой принадлежитъ самый Зальцбургъ, Ст.-Гильгенъ, Галлейнъ, Голлингъ и пр., и на гористую, состоящую изъ трехъ отдѣленій, Пунгау, Люнгау и Пинцау. Весь этотъ край былъ очень многолюденъ; но суетное усердіе архіепископовъ, особливо Леопольда Антона, въ гоненіи за лютеранскую вѣру, чрезвычайно уменьшило число полезныхъ жителей. Въ одномъ 1731 году выселилось ихъ въ Германію, Голландію и другія страны, до 30,000. Теперь всего народонаселенія до 180,000.

Мы навравили нашъ путь въ Пунгау, преддверіе Норическихъ Альповъ, которыми съ юга замыкается Зальцахская долина и весь округъ. Тамъ было-бы не далеко перескочить въ Италію; но этотъ скачекъ коснулся-бы заоблачныхъ небесъ, и хотя тамош-

ние жители переѣзжаютъ чрезъ горные хребты, на вьючныхъ лошадяхъ, въ трое сутокъ до самой Венеции, но Гастейнскимъ посетителямъ это конечно не будетъ дозволено.

Юля 19 поѣхали мы вверхъ по Зальцаху. Зальцбургъ окруженъ горами, которыя кажутся очень близки, какъ обыкновенно массивные предметы; но мы ѣхали по ровной дорогѣ до самаго Галлейна, и здѣсь только горы начинаютъ смыкаться. Близъ Галлейна гора Дюрренбергъ доставляетъ соль точно такую-же манипуляцію, какъ въ Ишелѣ и Гальштатѣ, но въ меньшемъ количествѣ. Она была известна еще Римлянамъ подъ названіемъ Туваля. Св. Руертъ, основатель Зальцбурга, усовершенствовалъ добываніе изъ ней соли. Мы не были въ самой горѣ, но въѣхавъ здѣсь у одного горнаго чиновника прекрасно слѣпаную модель горы въ разрѣзѣ ея, съ внутреннимъ освѣщеніемъ. У него-же нашли мы и модель Вильдбад-Гастейна, которую вскорѣ должны были повѣрить на мѣстѣ. Проѣхавъ черезъ мѣстечко Кухель, знаменитое древними рыцарями, которые назывались «Кухлерами» мы поспѣли къ обѣду въ Голлингъ, близъ котораго чудеса природы являютъ въ двухъ разнообразныхъ предметахъ. Шварценбахскій водопадъ привлекаетъ здѣсь вниманіе путешественниковъ, которые не снѣшатъ

помочь въ Гастейнѣ своимъ немощамъ: онъ падаетъ съ огромной высоты и черезъ него перекидывается цѣлая скала на подобіе моста. Еще болѣе заслуживаютъ примѣчанія такъ-называемыя «Печи» на Зальцахѣ. Эта горная рѣка, раздвинувъ быстрымъ потокомъ самыя скалы, нашла себѣ путь и внутри горъ: невдалекѣ отъ Голлинга исчезаетъ она съ поверхности земли и образуетъ надъ собою сводъ, на которомъ есть нѣсколько отверстій, называемыхъ «печами». Какъ по всѣмъ горнымъ рѣкамъ здѣшняго края сплавляютъ рубленые дрова, то и здѣсь дѣлается эта операція: груды лѣса проходятъ подъ тѣснымъ сводомъ Зальцахскихъ-Печей, но иногда спираются и остаиваются. Въ такомъ случаѣ работники опускаются въ печи, то-есть въ отверстія свода, и расталкиваютъ застѣвшія груды. Здѣсь рассказываютъ, что одинъ изъ работниковъ, въ ту самую минуту, какъ нѣсколькими ударами топора пустилъ въ ходъ дровяную громаду по быстрѣй рѣкѣ, отъ неосторожности увязъ одною ногою между полѣнами, и вида неминуемую гибель, ибо тронувшаяся груда утащила-бы его и смяла, махомъ топора отрубилъ себѣ ногу и тѣмъ спасъ жизнь: случай довольно вѣроятный.

Изъ Голлинга путь, то-есть прекрасное австрійское шоссе, ведетъ на высокую гору и вводитъ потомъ

въ длинную галерею, называемую «Люгская тѣснина» (Pass Lueg). Съ двухъ сторонъ отвѣсныя голыя скалы, высоты немощной, оставлющія между собою пространства, гдѣ на 7, гдѣ на 10 сажень — не болѣе; и въ этой ширинѣ крутится, свирѣпый отъ стѣсненія, Зальцахъ, и смиренно пролегаетъ гладкое, но не широкое шоссе. Видимо, что это ущелье прорылъ сердитый Зальцахъ; но во сколько вѣковъ должно было совершить ему это дѣло? Разрѣзъ горъ простирается тутъ на протяженіи верстъ четырехъ. Съ правой стороны хребетъ называется Гагенъ, съ лѣвой Тенненъ или Еловый*. При вѣздѣ въ тѣснину съ обѣихъ сторонъ видите вы блокгаузы или стрѣльницы, которыми защищается въ этомъ мѣстѣ шоссе. Крѣпости эти еще не совершенно достроены. Мы взошли на ту, къ которой ведутъ лѣстницы съ самаго шоссе, и насчитали 205 ступеней, частію высѣченныхъ въ скалы, частію уже изъ прикрѣпленнаго къ ней дерева. На противулежащей сосчиталъ я двадцать-двѣ амбразуры для пушекъ. Но для-чего подобная твердыня въ такомъ, по природѣ своей, неприступномъ мѣстѣ? Если непріятель вздумаетъ пройти по шоссе, то что можно забросать камнями съ вершины скалы, что и было, какъ го-

ворять въ 1809 году, когда Тирольтцы такъ непріязненно угощали у себя и погнали изъ предѣловъ своихъ Французовъ и Баварцевъ подъ командою Бриссона и Кинкеля.

Лишь-только выѣзжаете изъ Люгскаго ущелья, вамъ открывается превосходное зрѣлище — замокъ Гогенверфенъ, скрывающій за собою мѣстечко Верфенъ. Вы вѣхали въ Пунгау. Ущелье здѣсь разступилось и образовало лоцину. Тенненскій хребетъ и дѣтъ слѣва тою-же сѣрою и голою скалою; но справа Гагенъ опушается лѣсомъ и въ видѣ мыса вдается въ долину. Тутъ на вышинѣ этого мыса красуется древній замокъ съ башнями и зубцами. Его построилъ въ 1076 году Зальцбургскій архіепископъ Гебгардъ. Въ послѣдствіи онъ былъ обращенъ въ государственную тюрьму и вполне заслуживалъ это назначеніе. Въ немъ очень много подземныхъ затворовъ, изъ которыхъ ужаснѣйшій назывался «Rechthurm». Черезъ каменное горло спускали несчастныхъ затворниковъ на цѣпяхъ въ преисподнюю, и вдругъ надъ отверстіемъ звонок опускалась желѣзная крыша. Къ утѣшенію человечества теперь тутъ инвалидный домъ, и подземелья хранятъ только кости древнихъ грѣшниковъ. Самое мѣстечко Верфенъ, чистенькое, красивое, даетъ вамъ пріютъ въ хорошей гостиницѣ и отдыхъ послѣ мрач-

* 5,703 фута надъ поверхностью Средиземнаго-Моря.

наго и тѣснаго Люгскаго переѣзда. Оно лежитъ 400 футовъ выше Зальцбурга, а замокъ Гогенверфенъ 500 футовъ выше мѣстечка.

Въ Верфенѣ шоссе раздѣляется: на-лѣво идетъ чрезъ Радштатъ въ Штирию и Каринтію, на-право въ Гастейнъ. Не оставляя праваго берега рѣки Зальцахъ, мы ѣхали по веселымъ холмамъ и вновь любовались обработанными полями: горы были въ-виду и близко со всѣхъ сторонъ, но не тѣснили нашего дыханія. Такъ пріѣхали мы на станцію Ст.-Іоаннъ—мѣстечко на холмѣ, съ хорошою церковью и порядочными домиками, но уже не такое стройное и красивое, какъ другія, а съ примѣсю черныхъ деревянныхъ лачугъ. Таково-же и слѣдующее за-тѣмъ, верстахъ въ четырехъ отсюда, мѣстечко Шварцахъ. Благосостояніе жителей всего этого края много потерпѣло въ извѣстную по исторіи «Мужицкую-Войну», которая слѣдуетъ съ гоненіями за лютеранскую вѣру. Въ Шварцахѣ въ 1731 году было послѣднее собраніе здѣшнихъ мужиковъ. Они рѣшились скорѣе отказаться отъ отечества, нежели отъ новаго ученія—пошли, и не возвращались. Присланные отъ архіепископовъ миссіонеры предприняли тогда задушить въ зародкѣ Лютерову вѣру, и такъ потрясли весь бытъ жителей, что и доселѣ не могутъ они придти въ прежнее положеніе.

Подѣзжая къ Ленду, гдѣ послѣдняя станція до Гоб-Гастейна, поравнялись мы съ нильною мельницею и поражены были зрѣніщемъ Лендскаго водопада. Я велѣлъ остановиться, вышелъ изъ экипажа, и долго не могъ насытить свое зрѣніе. Рѣчка Аха бросается здѣсь съ высокой горы, скрывается въ оврагъ, потомъ вновь изъ него выплескивается съ шумомъ, съ брызгами, съ пѣной, и наконецъ, едва укрощенная, выливается въ Зальцахъ. Богатый водопадами край! И за-всѣмъ тѣмъ—каждый изъ этихъ водопадовъ имѣетъ что-то свое, отличное, такъ-что взглядъ всегда пораженъ новостію.

Въ Лендѣ литейный заводъ, который въ-старину много выплавлялъ серебра и золота, привозимаго изъ Гастейнской долины, гдѣ добывались эти металлы на горѣ Ратгаузѣ или Ратушѣ.

Въ Лендѣ припрягаютъ обыкновенно пару лошадей ко всякому экипажу. Здѣсь новое ущелье, или тѣснина, называемая «Кламскою» (Pass Klamm). Скалы разорваны бѣшеною Ахою; голыя, почернѣвшія стѣны ихъ стоятъ лицомъ-къ-лицу, и на такомъ близкомъ разстояніи, что кромѣ дерзка прорывающейся Ахи, не могутъ дать мѣста другому предмету. Дороги не возможно было сдѣлать въ глубинѣ ущелья, какъ въ Люгской тѣснинѣ. Умудрились провести ее по самой стѣнѣ,

лежащей вправо от скалы. Вы видите, смотря снизу, что дорога лѣнится надъ бездною, оставляя надъ собою нависшіе камни; что во многихъ мѣстахъ она пересѣкается укрѣпленными въ скалѣ бревенчатыми подмостками, какъ лѣстница къ Бахчисарайскому Успенскому монастырю; что экипажи, какъ бумажныя санки, заприжеины мухами, едва-едва встаскиваются на крутую трех-верстную гору и, кажется, при малѣйшемъ встрѣ, готовы слетѣть въ пѣнистую и какъ змѣя вьющуюся и шипящую Аху. Архіепископъ Матѳей въ 1539 году велѣлъ проложить эту дорогу, которая и до-сихъ-поръ составляетъ страхъ и сказку каждаго изъ посѣтителей Гастейна. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ, по ней могъ проѣзжать только одинъ экипажъ, и бѣда, если-бъ случилась встрѣча или какое-нибудь поврежденіе: посторониться и вернуться было не возможно. Теперь однако во многихъ мѣстахъ скала вырвана порохомъ и дорога расширена, такъ-что, завидя встрѣчаго, можно на извѣстныхъ мѣстахъ переждать его, чтобы разъѣхаться. Разумѣется, что еще у подошвы горы, и путешественники, и почтари или кучера, слѣзаютъ, чтобъ идти пѣшкомъ. Нашъ панд-кучеръ сказывалъ намъ, что ему случилось везти двухъ англичанъ, изъ которыхъ одинъ никакъ не хотѣлъ вылѣзть изъ экипажа, но потомъ, завидя впереди нависшую

надъ дорогою шатромъ скалу, спросилъ: безопасно-ли тутъ проѣзжаютъ. — Не-всегда, отвѣчалъ кучеръ. — Стой-же, стой! вскричалъ англичанинъ — и давай скорѣе вылѣзай! — Нѣтъ сомнѣнія, что раннею весною здѣсь и въ Люгской тѣснинѣ проѣздъ весьма опасенъ отъ снѣговыхъ вываловъ. Иногда сообщеніе прекращается на нѣсколько дней, пока разчищаютъ заваленную дорогу. Когда миновали мы весь опасный проѣздъ, вислящій надъ ущельемъ, уже ровная дорога повела насъ далѣе, по срединѣ широкой Гастейнской долины, къ югу которой увидѣли мы горы, покрытыя дѣя за три упавшимъ на вершины ихъ снѣгомъ. Это было 20 іюля.

Въ Гастейнской долинѣ, довольно обширной, три Гастейна: деревня Гастейнъ, дворъ или Гоф-Гастейнъ и телница или Бал-Гастейнъ; послѣдній называютъ и просто Вильдбадъ. Бросимъ сперва общій взглядъ на долину, которая у Римлянъ называлась *Gastuna*. Она лежитъ въ самыхъ южныхъ горахъ Зальдбургскаго округа, подъ 46° сѣверной широты, простирается отъ сѣвера къ югу на пяти съ половиною квадратныхъ миляхъ. Узкая при началѣ (гдѣ Кляммекая тѣснина), она поумѣряемъ расширяется къ югу и замыкается тутъ высочайшими горами. Самый Гоф-Гастейнъ лежитъ на 2,939 парижскихъ футахъ надъ поверхностію Средиземнаго-Моря, но чѣмъ далѣе къ истоку Ахи, то есть

къ югу, тѣмъ выше, и на самой границѣ долины возвышаются уже вершины Шаррека (9,200), Герцога-Эрнста (9,100), Мураеркофа (9,500), Крейцкогла (8,806) и величаваго ледника Ликогла (10,131 фут. надъ поверхностью Средиземнаго-Моря). Составъ этихъ горъ известковый, шиферный и отчасти гранитный. Въ самой долинѣ глинистой зеленоватой шиферъ перемежаются съ большими слоями кварца и массама известковаго камня. Въ горахъ находятъ значительныя слои серпентина, и кромѣ-того бериллы, раухтопазы, гранаты, сіенитъ, асбестъ, порфиръ и пр. Металлы — золото, серебро, мѣдь, свинецъ — добывались здѣсь прежде въ большомъ количествѣ, но теперь источникъ ихъ чрезвычайно изсякъ.

Въ растительномъ царствѣ много сходства съ Швейцарскими-Альпами. Какъ на сѣверѣ, весна здѣсь наступаетъ скоропостижно и все вдругъ начинаетъ распускаться; за-то лѣто не продолжительно. Зимой морозъ бываетъ до 16°, и много снѣгу. Горы покрыты лѣсомъ: сосна, ель, лиственница, ясень, кленъ и пр., растутъ, хотя и не въ изобиліи; но дуба и бука вовсе нѣтъ. Хлѣбопашество довольно въ худомъ положеніи: хлѣба едва достаеъ для своего обихода, а иногда и того нѣтъ — привозятъ изъ Карингіи. Садоводствомъ здѣсь вовсе не занимаются, за-то кормовыя травы много-

различны и превосходны, а потому и скотъ хорошъ.

Число жителей во всей долинѣ простирается до 3,700. Они живутъ въ 20 деревняхъ и 600 домахъ. Городакъ одинъ — Гоф-Гастейнъ.

Все это очеркнулъ я изъ очень хорошаго новаго сочиненія о Гастейнѣ — Алберта Мухара — напечатаннаго въ 1834 году. Но свидѣніе о климатѣ Гастейна я позаимствую изъ стариннаго и забавнаго нѣмецкаго поэта Блюнауэра. Отрывокъ изъ его «Посланія къ Другу» перевелъ я хоть и лубочными стихами, но довольно близко; а притомъ засвидѣтельствую, что въ новѣйшее время Гастейнская климатъ нисколько не пріобрѣлъ драгоцѣннаго постоянства. Представляю переводъ:

Вотъ климатъ, другъ мой, берегись:
Какъ въискія красавицы измѣчивь!

Переупрямить не берись,

А лучше, какъ и къ тѣмъ, не будь доврчивъ.

Гладишь... такъ ясно... Вдругъ заволочетъ,

Сердитый вѣтеръ забушуетъ,

А небо хмурится, да пюетъ...

Тфу провасть! — Глядь... опять и жарить и печь,

И вотъ ручьемъ съ тебя течеть...

Но, братъ, не доврѣай личишъ:

Хоть и июль — держи дрова въ каминѣ! —

Разъ Лето здѣсь затѣло съ Зимой
 Такъ небольшую ссору —
 Ну вотъ какъ часто мужъ съ женой,
 Когда, въ избыткѣ чувствъ, полѣзутъ оба въ-гору,
 Все фрау Зоммеръ (Лето) начала:
 Вдругъ въ слезы! — А за-чѣмъ? — Такъ блажь пришла!
 Льетъ ливнемъ! — Мужъ, старикъ сердитый,
 Герръ Винтеръ (господинъ Морозъ),
 Съдымъ курчавымъ парикомъ покрытый,
 Терякъ, терякъ — да какъ подниметь носъ,
 Какъ оцетивится! — Пришло тутъ не до слезъ...
 Прощай красавица! Прощай нарядъ изъ розъ!
 Всю сѣбгомъ завалилъ бѣдняжку...
 Но что-жь мадамъ? Не бошь, дала поблажку? —
 Да какъ не такъ? Пошла хлестать,
 Да громъ, да молнію кидать —
 Куда старикъ и сѣтъ его дѣвался...
 Лишь грохотъ по горахъ побѣдный раздавался! —

Въ полдень проѣхали мы деревню Гастейнъ, которая не имѣетъ ничего примѣчательнаго, кромѣ развѣ того, что деревянныя дома строятся съ плоскими крышами и драшцы на нихъ прикрѣпляются, вмѣсто гвоздей, просто положенными на нихъ камнями, что показываетъ крайнюю бѣдность жителей. Еще у нѣкоторыхъ домовъ сдѣланы крыльца и балконы съ такими-же

вырѣзными балками, какъ въ русскихъ деревняхъ: въ такой дали, и это сближеніе приятно. Еще версты четыре, и мы въѣхали въ городокъ Гоф-Гастейнъ, городокъ только по названію, потому-что онъ не можетъ идти въ сравненіе и съ послѣдними изъ собственно-австрійскихъ деревень. Кромѣ пяти или шести порядочныхъ домовъ, прочіе похожи также на деревенскія хижины. Мы остановились въ приготовленной уже намъ по перепискѣ квартирѣ, въ гостинницѣ «Золотаго-Орла», которой хозяйинъ — простой Гастейнскій поселеникъ, ремесломъ мясникъ, а прозвищемъ господинъ Шеританеръ. Здѣсь расположились мы, устроили кое-какъ маленькое свое хозяйство, и стали знакомиться съ мѣстностію и жителями. Купанье въ минеральной водѣ, разумѣется, пошло своимъ порядкомъ.

Въ двухъ отношеніяхъ былъ извѣстенъ Гастейнъ изстари: какъ мѣстороженіе благородныхъ металловъ и какъ цѣлебная теплица. Неизвѣстно, пользовались-ли Римляне здѣшними драгоцѣнными рудниками, но слѣды разработки ихъ съ съ южной стороны Гастейнскихъ альповъ еще замѣтны и до-сихъ-поръ. Память о началѣ добыванія въ Гастейнѣ золота сохранилась только въ преданіи. Въ средніе вѣки явились въ Пунгау какіе-то три чужеземца, которые будто первые обратили вниманіе жителей на хранящіяся въ горахъ ихъ сокровища.

Простолюдины считают их досель посланниками небесъ, и часовня, выстроенная на вершинѣ Кламма, досель свидѣтельствуетъ о нихъ сохранившимся въ ней изображеніемъ трехъ чужеземцевъ. Въ народѣ ихъ называютъ «*трехи-Валлерами*», а по нимъ и часовню, равно-какъ и особую тропинку, ведущую на Кламмскую гору; откуда взялось такое названіе, неизвѣстно. Главнѣйшая разработка рудниковъ происходила съ 1492 по 1580 годъ. Началъ ее, какъ здѣсь за-вѣрно утверждаютъ, простой поселянинъ Христофоръ Вейтмозеръ. Онъ съ сыновьями своими трудился неустанно надъ средствами добывать золото изъ богатаго источника, который былъ имъ открытъ. Почти все свое имущество употребилъ онъ на то, и дошелъ до такой крайности, что на праздникъ Рождества-Хридова не могъ купить для себя говядины. Жена его должна была заложить для того свое покрывало. Труды Вейтмозера кончились-бы ничѣмъ, если-бъ не пособилъ ему добрый епископъ Леонардъ. На сто талеровъ, полученнахъ отъ него съ условіемъ возвратитъ какъ-можно скорѣе, Вейтмозеръ успѣлъ извлечь золото изъ богатыхъ жилъ въ немовѣрномъ изобиліи. Онъ разбогатѣлъ. Четыре дочери его вышли за-мужъ за знатнѣйшихъ особъ того времени (три были за князьями Фуггеромъ, Кевенгюлеромъ и Гаусбергомъ, а одна за графомъ Прейсн-

гомъ) и каждая съ 80,000 гульд. приданого. Епископъ Леонардъ не только получилъ свой долгъ; но причитавшаяся ему, какъ владѣтельному князю, доля извлекаемаго изъ рудниковъ металла обогатила и его: намекая на Вейтмозера, сказалъ онъ однажды императору Максимилиану, что у него есть казначей съ нестощаемою сумою. Примѣръ Вейтмозера одушевилъ многихъ изъ единоземцевъ его принятыя за то-же дѣло, и они производили его съ успѣхомъ. Главнѣйшія мѣсты были на горахъ Ратгауцъ и Эрцвизе; притомъ и въ самыхъ рѣчкахъ находили и рачительно добывали золотыя крупинки. Хозяева такихъ предпріятій, какъ самъ Вейтмозеръ, такъ и другіе, назывались «*гевверками*» (заводчиками). Христофоръ Вейтмозеръ умеръ въ 1558 году, пожертвовавъ при жизни до трехъ милліоновъ гульд. на разныя богоугодныя заведенія. Сверхъ-того и тремъ сыновьямъ оставилъ болѣе милліона. Двое изъ нихъ, Иванъ и Христофоръ, продолжали добычу, но въ теченіе сорока лѣтъ такъ раззорились, что все имѣніе ихъ было секвестровано въ казну. Фамилія Вейтмозеровъ исчезла теперь совершенно.

Въ нѣстущее время гевверковъ, Гоф-Гастейнгъ былъ весьма значительнымъ мѣстомъ. Торговля изъ Лугсбурга направляла здѣсь путь въ Италію: черезъ Тавры отправлялись товары на вьючныхъ лошадяхъ въ Венецію,

откуда приходили также вьюки съ различными произведеніями Леванта. Большія зданія воздвигнуты были въ Гоф-Гастейнѣ. Геверки покровительствовали даже наукамъ и искусствамъ. Самый Зальцбургъ имѣлъ отсюда столько выгодъ, что его называли «европейскимъ Перу».

Но все это не было продолжительно. Въ вѣснотѣ того-же XVI столѣтія драгоцѣнные источники чрезвычайно изсякли и надъ Гастейнцами разлилось великое бѣдствіе. Черезъ приходящихъ къ нимъ горно-рабочихъ и черезъ самыхъ геверковъ-ознакомились они съ лютеранскою вѣрою, и вмѣстѣ съ тридцатью тысячами зажиточныхъ жителей Зальцбургскаго округа, до тысячи Гастейнцевъ должны были выселиться отсюда. Край опустѣлъ; работы большею-частью были оставлены; не-кому было бороться съ суровымъ климатомъ, который надвинулъ горы льда на тѣ самыя мѣста, гдѣ производилась добыча. Къ тому содѣйствовало и бывшее сильное потрясеніе Ратгаусберга, разрушившее болѣе пятидесяти строеній. Въ 1731 и 1732 годахъ послѣдовало новое переселеніе отсюда лютеранъ, вѣше въ большемъ количествѣ. Впрочемъ добываніе благородныхъ металловъ никогда не прекращалось, но становилось все слабѣе, и наконецъ нынѣ самая Австрій-

ская казна добываетъ ихъ столько, что выручка немногимъ превышаетъ издержки.

Весьма немногое свидѣтельствуегь еще здѣсь о прежнемъ величій Гоф-Гастейна. Уцѣлѣвшія сервентиповыя колонны подпирають теперь на дворѣ одного поселанца устроенный для скота навѣсъ. Зала соборная геверковъ остается въ прежнемъ видѣ и показывается прѣзкимъ какъ древность: рѣзной деревянный потолокъ съ бывшею на немъ позолотою, какъ въ иномъ Бахчисарайскомъ дворцѣ, и нѣсколько рѣзныхъ украшеній изъ дерева по стѣнамъ — вотъ все примѣчательное въ залѣ, и то единственно по воспоманію грубой жизни богачей-геверковъ.

Нѣкоторые изъ старинныхъ документовъ удостоверяють, что и тельцы Гастейнскія были извѣстны Римлянамъ, ибо здѣшній край входилъ въ составъ Норической провинціи. Однако о времени открытія теплаго источника ничего неизвѣстно положительнаго. Впрочемъ и о томъ существуетъ преданіе: будто двое ловчихъ на охотѣ подстрѣлили оленя, который, бросясь въ тѣнныя ключи, декалъ въ немъ испуленія раны, а два отшельника, видѣвши то, помѣшали убить оленя и стали молиться, какъ-бы о знаменіи неба, указавшемъ путь къ врачеванію. Въ церкви Св. Николая, въ Вильдбалдѣ, есть картина, изображающая это со-

бытіе. Но преданіе не есть исторія, по которой стало извѣстно объ источникѣ съ половины XV вѣка, когда Баварскій герцогъ Фридрихъ, бывшій въ послѣдствіи Римскимъ императоромъ, посѣтилъ Гастейнгъ и исцѣлилъ здѣсь свою раненую ногу. Тогда начались пріѣзды многихъ именитыхъ гостей, о великолѣпнѣи которыхъ и о празднествахъ, дававшихся въ честь ихъ гевецами, есть нѣсколько письменныхъ документовъ. Постоянно каждый годъ стали посѣщать его Зальцбургскій архіепископъ Иеронимъ Коллоредо, любившій дикія красоты здѣшней природы. Въ 1794 году заложилъ онъ дворецъ въ Вильдбадѣ. Онъ-же заставилъ врача Баризани издать первое удовлетворительное сочиненіе о цѣлебномъ свойствѣ Гастейнской воды. Оно явилось въ 1785 году. Впрочемъ уже прежде-того было нѣсколько описаній: Гуггелина въ 1559 и философа Теофраста Парачельса въ 1562. Но какъ источникъ вытекаетъ въ полугорѣ, крутой скатъ которой оставляетъ чрезвычайно мало мѣста для построекъ, то давно уже возникла мысль провести его куда-нибудь ниже въ долину. Совершенно такого плана препятствовали, отчасти большія издержки, отчасти сопротивленіе мѣстныхъ поселенцевъ, боявшихся потерять черезъ то свои выгоды. Между-тѣмъ, когда Зальцбургскій округъ достался Австріи и императоръ Францъ (въ 1807 году)

посѣтилъ Гастейнгъ, въ немъ стало многое улучшаться. Дорога черезъ Кламмъ постепенно исправлялась и нынѣ приведена въ совершенно безопасное положеніе; дворцемъ предоставлено пользоваться посѣтителемъ; по случившимся въ горѣ обваламъ, грозившимъ засыпать источникъ, предѣлана штольня внутри горы и укреплена прочнымъ образомъ. Оставшіяся долго въ забвеніи по разнымъ неудобствамъ пріѣзда и жизни, цѣлебныя воды стали посѣщаться годъ-отъ-года большаго числомъ гостей, такъ-что наконецъ вновь родились неудобства отъ тѣсноты и отъ недостатка помѣщеній. Многіе посѣтителю принуждены были возвращаться вснать. Правительство поручило особому комитету изыскать средства для отвращенія неудобствъ. Но комитеты и въ Австріи не хитрые, чѣмъ въ другихъ земляхъ. Опредѣлили: быть дѣлу по-прежнему. Между-тѣмъ горный чиновникъ Гайшиникъ придумалъ однако средство, и очень дешевое, провести воду изъ Вильдбада въ Гоф-Гастейнгъ по солнечной сторонѣ долины, на пространствѣ 4,000 сажень, трубами изъ листовницы. Издержекъ требовалось на 9,000 гульденовъ одновременно и 100 гульденовъ ежегоднаго содержанія. Казалось-бы, чего лучше и дешевле! Но дѣло долго оставалось въ проэктѣ, и осталось-бы до-сихъ-поръ, если-бъ не нашелся благодѣтельный человекъ, который,

получить облегчение въ болѣзни отъ дѣйствіи воды и посѣщая Гастейнъ каждый годъ, сталъ оказывать ему почти такое-же покровительство, какого примѣръ видимъ мы, жители Крыма, надъ своимъ краемъ. Я говорю о Владиславѣ Пиркерѣ, патриархѣ Венеціи и Эрлаускомъ архіепископѣ. Этотъ почтенный мужъ, видя, что спасительный для многихъ страждущихъ плачь остается въ забвеніи, принялъ на себя ходатайство у императора объ утвержденіи проекта и получилъ согласіе его величества; но въ дѣльгахъ на то было рѣшительно отказано. Тогда онъ составилъ частныя акціи, которыхъ главную долю взялъ самъ. Деньги собрали, приступили къ дѣлу въ 1828 году, и въ слѣдующемъ 1829 трубы уже были проведены. Заброшенный, опустѣвшій Гоф-Гастейнъ сталъ возникать. Вода проведена сюда въ нѣсколько домовъ: въ военный госпиталь, въ домъ мѣстнаго суда (Röggericht), въ домъ аптекаря и въ гостиницы Мозера, Шеританера, и другія. Въ этихъ домахъ обильно по днѣ ванны, изъ которыхъ каждую можно назвать отдѣльною комнатою — такъ онѣ обширны. Больнымъ, живущимъ въ домѣ, назначаютъ, велкому особю, часы для купанья. Это очень удобно, потому что больной не имѣетъ надобности наряжаться, чтобъ идти въ ванну, и послѣ нея тотчасъ, подъ тою-же кровлею, отправ-

ляется къ себѣ и бросается въ постель для предписаннаго отдыха.

Поговоримъ о свойствахъ Гастейнской воды. Они чудесны. Въ Фидлбадѣ, у самаго источника, температура воды отъ 36° до 38° теплоты по-Реомюру. Она не имѣетъ ни малѣйшаго запаха, никакого вкуса и шѣта. Прозрачность ея такъ велика, что на двухъ аршинахъ глубины можно видѣть на днѣ монету не больше серебрянаго пяточка. Никакой осадки она не дѣлаетъ и, сохраненная нѣсколько лѣтъ въ закупоренномъ сосудѣ, остается чиста, какъ ключевая вода, и безъ дурнаго запаха. Далѣе, химики находятъ въ ней много-различныя необыкновенныя качества. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что, при теплотѣ воздуха въ 14° по-Реомюру, она легче, а, при 11° по-Р., тяжеле дистиллированной воды. Другой, что удѣльный вѣсъ ея зависитъ отъ состоянія температуры, но что въ ней онъ всегда легче, нежели въ обыкновенной водѣ, даже и тогда, когда послѣднюю также разогрѣтъ до 70° теплоты, и что отношеніе вѣса Гастейнской воды къ обыкновенной, какъ 985 къ 1,000. Температура Гастейнскаго источника никогда не измѣняется, ни при какихъ обстоятельствахъ, даже при сильныхъ землетрясеніяхъ, какія бывали здѣсь, и въ послѣдній разъ въ 1806 году. Недозрѣлый жемчугъ, положенный въ эту воду, черезъ-часъ начинаетъ

дозрѣвать, то-есть получаетъ молочный цвѣтъ и лоскъ. Вѣискій профессоръ Баумгартенъ сдѣлалъ, посредствомъ магнитной стрѣлки и гальваническаго столба, два весьма важныя открытія. Онъ нашелъ, что эта вода, при самомъ источникѣ, двигаетъ магнитную стрѣлку до 25° мультипликатора, тогда - какъ обыкновенная дистиллированная вода не оказываетъ вовсе подобнаго дѣйствія; потомъ, что, при уменьшенной температурѣ воды до 28°, стрѣлка двигается только на 11°, а въ парахъ той-же воды на 14°. Разложивъ воду вольтовымъ-столбомъ, Баумгартенъ убѣдился, что Гастейнская вода содержитъ въ себѣ, не такъ какъ обыкновенная, двѣ части, а три части водотвора на одну кислотвора. Имъ-же открыто, что эта вода несравненно-лучшій проводникъ электричества, нежели обыкновенная. Наконецъ мюнхенскій профессоръ Шталь замѣтилъ въ этой водѣ необыкновенную силу въ преломленіи лучей.

Обо всемъ этомъ я долженъ быть упомянуть, какъ о феноменахъ, не находимыхъ въ другихъ минеральныхъ источникахъ и тѣмъ-болѣе важныхъ здѣсь, что вовсе еще не извѣдано, чѣмъ именно эта вода спасительна для больныхъ, хотя безпрерывные опыты доказываютъ ея сильное дѣйствіе на человѣческой организмъ. Самый составъ воды заключаетъ въ себѣ что-то

неуловимое для химиковъ, такъ-что въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ была она разлагаема много разъ и результаты оказывались различны, а притомъ сложность мелочныхъ частей такъ въ ней велика и разнообразна, что сама-собою представляетъ уже почти неодолимую трудность въ разложеніи. Вотъ послѣднее, которое сдѣлалъ профессоръ Гюнефельдъ въ лабораторіи величайшаго изъ новѣйшихъ химиковъ, Берцелиуса, въ Стокгольмѣ:

	Въ 1898.361,000 грам.	Въ 1000.0000 гр.
Сѣрниокислаго натра	0.354,360 —	0.1866 —
Хлористаго натрія	0.070,057 —	0.0369 —
Хлористаго калия	0.034,794 —	0.0183 —
Углекислаго натра	0.015,789 —	0.0083 —
Углекислой извести	0.084,000 —	0.0442 —
Кремнезема	0.082,250 —	0.0433 —
Магnezин чистой	0.002,500 —	0.0013 —
Оксид марганца	0.003,500 —	0.0018 —
Оксидъ желѣза	0.012,000 —	0.0063 —
Сѣрвстаго натрія	0.007,440 —	0.0292 —
Фтористаго кальція	слѣды —	слѣды —
Фосфорнокислаго глинозема	id. —	id. —
	0.666,690 —	0.3508 —
Воды	1897.694,310 —	999.6492 —
	<u>1898.361,000 —</u>	<u>1000.0000 —</u>

Изъ всѣхъ наблюдений химиковъ¹, мнѣ, какъ прочтано въ этомъ дѣлѣ, понравилось наиболѣе то, что увядшій, но не засохшій цвѣтокъ, опущенный въ Гастейнскую воду, вновь распускается и освѣжается совершенно. Этотъ нетрудный опытъ я самъ дѣлалъ съ полнымъ успѣхомъ, и онъ очень забавлялъ меня. Только при испусканіи этой воды я могъ убѣдиться, что она минеральная: почти не дѣлая пѣны и пузырей, она падаетъ тяжелою и сплываетъ какъ масло.

Не стану исчислять болѣзней, отъ которыхъ здѣсь ищутъ цѣленія: пришлось-бы писать цѣлую книгу. Наиболѣе стекаются сюда парализованные и слабонервные. Вода дѣйствуетъ слегка раздражающимъ и вмѣстѣ успокоивающимъ образомъ. Больному легко и весело въ ваннѣ; онъ былъ-бы готовъ остаться въ ней на нѣсколько часовъ, но при долгомъ купаніи дѣлается головокруженіе и слабость. Для-того начинаютъ съ десяти минутъ и, ежедневно прибавляя по пяти, доходятъ до часу, а потомъ вилы уменьшаютъ время и при пяти минутахъ оканчиваютъ курсъ, который, если нужно, возобновляется черезъ двѣ недѣли отдыха.

Только истинно больные и увѣчные собираются въ Гастейнъ, и единственно для купанья. Увеселеній

здѣсь нѣтъ никакихъ. Показывали намъ, правда, театръ, но онъ пустъ; въ прошедшемъ году была здѣсь, какъ разсказываютъ, закъжая труппа актеровъ, но и та не нашла своихъ счетовъ. Даже нѣтъ порядочнаго сада для прогулокъ. Маленькій садикъ, заводимый въ самомъ Гоф-Гастейнѣ, подъ надзоромъ аптекаря Шелкава, еще долго не дастъ тѣни. Но и здѣсь уже гости, получающіе облегченіе въ недугахъ, начинаютъ, какъ въ Инсбрукѣ, оставлять памятники своей благодарности. Такъ на западной сторонѣ долины, у ската горъ, построено уже нѣсколько бесѣдокъ и скамеекъ, гдѣ можно укрыться отъ солнца подъ лѣсными деревьями. Я люблю ходить къ такъ-называемому «Вильгельмову-Ключу». Съ горы течетъ рѣчка и бросается въ Аху; почти при ея впаденіи построена мельница, а на спускѣ съ горы четверугольникомъ поставлены скамьи съ задками, обсаженные молодыми деревцами. Тутъ въ рѣчку впадаетъ ключъ холодной и чистой воды, текущій по деревянному, очень прочно устроенному корыту. Все это устройство сдѣлано молодымъ аугсбургскимъ банкиромъ Эссингомъ, приѣзжающимъ сюда каждое лѣто. Сколько приятныхъ часовъ проведь я у этого ключа, отчасти одинъ, съ Шиллеромъ въ рукахъ, котораго перечитывать здѣсь съ новымъ наслажденіемъ, отчасти съ милою спут-

ницею моего унылаго путешествія отъ самаго Крыма, о которомъ не могли не вспоминать мы здѣсь, какъ о землѣ обитованной, иногда-же въ обществѣ многихъ посѣтителей Гастейна, и въ томъ числѣ хозяина бесѣдки барона Эсслинга. Упомянувъ о Шиллерѣ, какъ о единственномъ чтеніи, я долженъ сказать, что въ Гастейнѣ хотъ и есть такъ-называемая библіотека-для-чтенія у всеобъемлющаго здѣсь аптекаря Пеликана, однако въ ней и самый невзыскательный читатель едва-ли найдетъ что-нибудь достойное своей любознательности. И Шиллера брагъ я не изъ этой библіотеки, а отъ обязательной супруги доктора Кинше, котораго совѣтами пользовался.

Въ однообразной и спокойной, но тоскливо-спокойной жизни въ Год-Гастейнѣ, какое утѣшеніе могло быть живѣе, пріятнѣе и усладительнѣе для насъ, какъ не то, чтобъ найти друзей! Изъ Петербурга пріѣхалъ Н. Д. К. съ милою супругою. Съ-этѣхъ-поръ всѣ часы нашей жизни въ Гастейнѣ слились въ неразрывный дружескія бесѣды. Онъ привезъ мнѣ отъ брата нѣсколько новыхъ русскихъ книгъ, и въ-томъ-числѣ великолѣпное изданіе «Уидины» Жуковского. При моемъ безкнижѣ, на чужой сторонѣ, сколько отрады принесли мнѣ эти, на родномъ языкѣ печатанные, листы!

Мой любимый Вильгельмовъ-Ключъ оживился те-

перь для меня громкою русскою бесѣдою и чтеніемъ. Почти ежедневно ходили мы туда съ К—ми; туда-же приносили намъ мороженое (заказываемое въ частномъ домѣ), и сначала за недостаткомъ лучшаго, закомилась имъ мы, а потомъ стали подчивать мельничиху, которая всегда услужливо приносила намъ стаканъ для черпанія ключевой воды. Она увѣряла, что въ-жизнь-свою ничего не ѣдала слаще, и мы охотно вѣрили, особливо когда, по нашимъ разпросамъ, она рассказала намъ о своей вседневной ницѣ. Скучно снабжал себя хлѣбомъ, Гастейнцы, какъ скотоводы, питаются наиболѣе мясомъ, но никогда свѣжимъ. Они продаютъ быковъ, телятъ и барановъ на-убой для пріѣзжихъ гостей, а сами довольствуются козлятиною. Сырую часть этого невкуснаго мѣса разрѣзываютъ они тонкими пластинками и развѣшиваютъ на бичевѣ въ своей дымной хатѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прокоптившіеся куски идутъ въ похлебку, мелко-на-мелко искрошенные. Не думаю, чтобъ и бѣднѣйшій изъ русскихъ мужиковъ сталъ есть такую бурду! — Впрочемъ и скотоводство нельзя считать здѣсь слишкомъ избыточнымъ. Въ 1834 году считали въ долинѣ по всемъ дворамъ и на алпійскихъ пажитяхъ всего 330 лошадей, 33 вола, 4,124 коровы, 1,200 быковъ, 3,168 овецъ, до 1,000 козь и до 200 свиней.

Птиць, кромѣ немвогихъ гостинницъ, вовсе никто не держитъ, потому-что огромные коршуны всѣхъ истребляютъ. Рассказываютъ за-вѣрное, что между Бекштейномъ и Нассфельдомъ, такъ-называемый козій коршунъ (Gemsgeier) унесъ двухлѣтняго младенца въ гнѣздо свое, находившееся вверху отвѣсной скалы. Употребляли всѣ средства спасти ребенка. Одинъ смѣлый стрѣлокъ, вооруженный саблею и парюю пистолецовъ, спущенъ былъ, верхомъ на сидѣлкѣ, подвѣшенной на веревкахъ, къ самому ущелью, гдѣ гнѣздились коршуны. Онъ увидѣлъ уже растерзаннаго страшнымъ образомъ ребенка, и пара коршунцовъ встрѣтила его-самого такимъ грознымъ шипѣніемъ, что онъ почти потерялъ память и тотчасъ далъ условленный знакъ, по которому его подняли вверху.

За обнимъ столомъ у Шеританера мы всегда находили обычныхъ посѣтителей, живущихъ въ одной съ нами гостинницѣ и скоро съ ними познакомилась. Одинъ итальянецъ, съ береговъ Истрии, обращалъ на насъ вниманіе всѣхъ: онъ почти не могъ владѣть ногами. Кромѣ двухъ костылей, на которыхъ держался, ему необходимо было пособіе жены; чтобъ добрести нѣсколько шаговъ отъ его каминты до общаго стола. И когда онъ входилъ, никто не могъ безъ жалости смотрѣть на него: страшнымъ образомъ выворачивались

его ноги, туловище закидывалось назадъ, и съ каждымъ шагомъ, стоющимъ ему чрезвычайнаго усилія, подвигался онъ не болѣе вершка. Что-жь? Каждый день мы были свидѣтелями возрожденія дѣятельности въ ногахъ его: сперва уменьшились постепенно конвульсіи при передвижкѣ ихъ; потомъ — и это не болѣе, какъ черезъ двѣ недѣли — онъ сталъ одинъ, на костыляхъ своихъ, прохаживаться за полверсты отъ Гоф-Гастейна. Такова сила Гастейнской воды. Разставаясь съ нами, онъ говорилъ, что пріѣдетъ сюда еще раздва и надѣется получить вполне употребленіе ногъ.

Мы обжились уже въ Гоф-Гастейнѣ. Надобно было посмотреть окрестности, и всего болѣе Вильдбадъ, источникъ нашего цѣленія. Мы наняли у своего хозяина двѣ тележки, каждая въ одну лошадь, и въ этихъ сельскихъ экипажахъ, на которыхъ здѣсь всѣ разъѣзжаютъ, пустились вверху по долинкѣ. Гоф-Гастейнъ лежитъ на самомъ широкомъ ея мѣстѣ. Посрединѣ течетъ Аха, которая прежде потопляла все нижнее пространство долины; но въ прошедшемъ году русло ея было углублено, берега обдѣланы деревянною набережною и кромѣ-того насыпано по обнимъ сторонамъ два земляныхъ вала, которые при самомъ большомъ половодкѣ препятствуютъ рѣчкѣ разливаться по долинѣ. Все это сдѣлано на счетъ Гастейнскихъ посе-

лить; но въ Зальцбургскихъ газетахъ прочитали мы, что, въ вознагражденіе отчасти издержекъ ихъ, казна жалуетъ имъ 1,200 гульд. (3,000 р.). Какъ-бы хорошо было, думалъ я про-себя, если-бъ Крымскія рѣчки, Салгиръ, Алма, Кача и другія, заключены были въ такія-же предѣлы, какъ Аха! Если была возможность для послѣдней, которая бросается нѣсколькими водопадами съ высочайшихъ горъ и притомъ гораздо поноводитѣ нашихъ, то конечно есть и для тѣхъ. Сколько пришло-бы это пользы прибрежнымъ жителямъ, у которыхъ вода часто захватываетъ лучшія насажденія и портитъ луга, не говоря уже о томъ, что сообщеніе прерывается на нѣсколько дней и каменные мосты съ высокими арками требуютъ ежегодной починки!

На Ахѣ, вблизи Гоф-Гастейна, два небольшихъ деревянныхъ мостика. Черезъ одинъ изъ нихъ мы переправились на лѣвый берегъ ея и вправо увидѣли Шлѣссель, бывший загородный домъ Христофора Вейтмозера, къ которому Гоф-Гастейнскіе гости почти ежедневно ходятъ для прогулки. У деревеньки Гундслорфъ начинается такъ-называемый «Китайскій-Путь» по нагорью Шнееберга: это узенькая дорожка, на которой трудно разѣхаться со встрѣчнымъ, если не увидишь его издалека и не подождешь на устроенныхъ для разѣзда подмосткахъ. Проѣхавъ одну милю, завора-

живаешь вправо, и тутъ является зрѣлище прелестное, но вовсе неуловимое ни для расканичка, ни для живописца. До-сихъ-поръ дѣйствительно ни одинъ живописецъ не могъ изобразить достойно всей красоты этого дикаго мѣста. Деревушка Вильдбад-Гастейнъ виситъ, такъ-сказать, на крутомъ скатѣ высокаго Анкогая, въ узкой ущелинѣ, отдѣляющей эту гору отъ Шнееберга. И въ это-же самое ущелье, посреди самой деревушки, проливается Аха, падая со скалы, совершенно отвѣсной, сажень на двадцать, и несаясь потомъ по крутизнамъ съ ревомъ и клокотаніемъ, такъ-что далеко стонетъ окрестность. Очень вѣроятно, говоритъ одинъ писатель, что вода Ахи, скопившись вверху, въ Бекштейнской долинѣ, образовала огромное озеро, которое всею своею силою прорвалось въ Гастейнскую долину. На самомъ узкомъ мѣстѣ ущелья, перекинуть черезъ него деревянный мостъ, называемый «Мостомъ-Ужаса» (Schreckbrücke). Онъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ крутаго паденія Аха, но всегда покрытъ ея брызгами и непрерывно сотрясается. Долго были мы безмолвными зрителями этой очаровательно-дикой мѣстности. Наконецъ спустились въ ущелье и проѣхали мимо красиваго домика эригерцога Юанна, который часто здѣсь бываетъ; но въ эту минуту онъ былъ въ Крыму, послѣ Вознесенскаго смотра, а я здѣсь у его дома: превратности міра

сего!—Этотъ домъ замѣчательнѣе тѣмъ, что врытъ совершенно въ скалу, по недостатку ровнаго мѣста. Далѣе увидѣли мы еще два порялочныхъ дома по-сторонѣ моста. За нимъ первый принадлежитъ Гастейнскому поселенію Штраубингеру и составляетъ древность здѣшняго края. Главное зданіе этого дома деревянное и существуетъ почти безъ передѣлки болѣе вѣка. Здѣсь издавна останавливались все знаменитые посѣтители Гастейна. Вѣхость его бросается въ глаза тѣмъ болѣе, что часть дома или его принадлежности висятъ на сваяхъ, подставленныхъ со-стороны оврага. Тутъ и теперь главная гостиница. Противъ нея дворецъ архіепископовъ Зальцбургскихъ, обращенный нынѣ тоже въ помѣщеніе для больныхъ. Далѣе по горѣ, то вверхъ, то внизъ, лѣнятся деревянные домики поселенія, гдѣ по-нуждѣ устроены также комнаты для пріѣзжихъ. Въ срединѣ деревни викаріатская церковь, а на самомъ концѣ, почти уже въ глубинѣ оврага, церковь Св. Николая. Все это такъ разрослось по неровности мѣстоположенія, что одинъ путешественникъ сказалъ: какъ-будто кто-нибудь держалъ сжатые въ кулакѣ восемнадцать домиковъ и потомъ для шутки выпустилъ ихъ между пальцевъ. Ваше деревни, по крутизнѣ горы сдѣланы вездѣ, не-льзя сказать дорожки или тропинки, а лазейки, и кой-гдѣ поставлены скамеечки. Это для

прогулокъ; но конечно необходимо, чтобъ больные имѣли очень крѣпкія ноги, если желаютъ здѣсь прогуливаться, а пальъ гоф-гастейнскій итальянецъ не ступилъ-бы и двухъ шаговъ, а развѣ обращался-бы только вокругъ костылей своихъ. Но взглянемъ на самый источникъ.

Гастейнская цѣлебная вода выходитъ изъ горы пятью разными истоками. Свойства ихъ одинаковы, различны только степень теплоты и объемъ. Главнѣйшій источникъ — «Нижній». Тутъ продѣлана штольня, о которой я упомянулъ, въ-видѣ галлерей со сводомъ, до самаго того мѣста, гдѣ вода сочится разными жилами. Я не могъ войти въ эту галлерею, потому-что съ перваго шага меня обдало паромъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ націентовъ прохаживаются въ ней для того, чтобъ лечиться парами. Впрочемъ здѣсь есть и особая паровая баня съ разными препаратами для усиленія паровъ. Во все тѣ дома, гдѣ останавливаются посѣтители проведена вода изъ Нижняго источника, только во дворцѣ она пущена изъ такъ-называемаго «Докторскаго» особаю подъемною машиною. Здѣсь обыкновенно наливаютъ ванны вечеромъ, съ-гѣмъ-что къ утру вода простываетъ и изъ 38° дѣлается въ 28°: степень теплоты, которую предписываютъ для купанья. Въ Гоф-Гастейнъ приходитъ вода съ 30°; слѣдственно тамъ немного стѣять

простудить ее. До-сихъ-поръ существуетъ еще однако недоверіе къ Гоф-Гастейнскимъ ваннамъ и посѣтителн собираются наиболѣе здѣсь въ Вильдбадѣ. Гостинница Штраубингера всегда наполнена. Это происходитъ отчасти и отъ соперничества самихъ Гастейнцевъ: поселане въ Вильдбадѣ увѣряютъ, что только у нихъ вода цѣлебна.

Возбравшись опять на гору по весьма крутому взлѣду, мы проѣхали въ Бекштейнскую долину, которая составляетъ какъ-бы верхній ярусъ Гастейнской. Мѣстечко Бекштейнъ также очень не велико. Меня удивила въ немъ небольшая, но красивая круглая церковь съ куполомъ, совершенно въ греческомъ вкусѣ. Бекштейнъ расположенъ у самой подошвы Ратгаусберга; снизу видны нѣкоторыя изъ деревянныхъ подмоетокъ, по которымъ работники взбираются до мѣстъ, гдѣ копаютъ золотую руду. Но почти недоступно, что тѣ мѣста, гдѣ Христофоръ Вейтмозеръ добывалъ свои сокровища, покрыты теперь вѣчнымъ льдомъ и снѣгомъ. Нынѣ весь этотъ золотой промыселъ остался на попеченіи казны, но и она не въ большихъ барышахъ. Сто человекъ работаетъ въ коняхъ на вершинѣ горы и тридцать въ промывальнѣ. Последнюю мы осматривали. Массы камня взрываются на горѣ порохомъ, свозятся внизъ, размельчаются здѣсь толчеями, при-

водимыми въ движеніе водою, и добываемый чрезъ-то песокъ разстилается на плоскихъ корытахъ, на которыя, по всей ихъ поверхности, спускается нѣсколько разъ чистая вода. Она смываетъ земляныя частицы; остается такъ-называемый серебряный песокъ. Его пропускаютъ съ водою въ чаши, наполненныя ртутью; золото соединяется съ нею и остается, а серебро и мѣдь стекаютъ. Тогда прессами отдѣляютъ золото отъ ртути, серебро-же и мѣдь выплавляютъ.

Эта простая манипуляція остается, какъ мнѣ сказывали, точно въ томъ видѣ, какъ производилась при Вейтмозерѣ, простомъ поселанинѣ. Но руда болѣе и болѣе истощается. Еще не такъ давно казна содержала здѣсь до 600 работниковъ, а теперь и того не можетъ. Изъ 1,000 центнеровъ песку добывается только 16 лотовъ золота и отъ 10 до 12 марокъ серебра. Самородковъ уже вовсе нѣтъ; рады, когда песокъ немного побогаче. Для насъ дѣлали пробу промыванія въ маломъ видѣ: изъ пригоршни песку вышло сотни двѣ блестящихъ зеренъ.

Мы возвратились въ свой любезный Гоф-Гастейнъ, гдѣ по-крайней-мѣрѣ можно дышать, не стѣсняясь окрестными горами, тогда-какъ въ Вильдбадѣ и Бекштейнѣ онѣ ужъ слишкомъ близко напираютъ на грудь смертнаго и грозятъ раздавить ее. Не потому-ли

Вейтмозеръ съ компанією геверковъ жилъ въ Гоф-Гастейнѣ?..

Единственнымъ развлеченіемъ посѣтителей служить здѣсь чтеніе газетъ. Для нихъ выписываются всѣ Вѣнскія, что значило-бы очень немного, если-бъ къ счастью, не получалась одна Баварская — «Allgemeine Zeitung». Мы усердно читаемъ ее и живемъ приносимыми ею новостями отъ почты до почты. И вотъ я начиталъ, что «Эрлаускій архіепископъ, Владиславъ фон-Пиркеръ, *святой католическаго духовенства*, отправился изъ Минхена въ Гастейнъ». Какъ я восхвращался мыслию, что увижу этого почтеннаго мужа, столь прославляемаго здѣсь за многія добрыя дѣла и столь знаменитаго въ нѣмецкой литературѣ! Вскорѣ узналъ я, что онъ пріѣхалъ уже въ Вильдбадъ. Случай ускорило мое съ нимъ свиданіе и знакомство.

Августа 12, трактирщикъ Шеританеръ явился къ намъ и просилъ — извиня его на этотъ день, обѣдать въ другомъ мѣстѣ, по случаю особаго праздника, совершаемаго въ его домѣ. Сынъ одного изъ здѣшнихъ поселитъ учился въ Зальцбургской семинаріи и удостоился посвященія въ патеры. Въ этотъ день онъ долженъ былъ служить первую обѣдню и читать первую проповѣдь, что называется «*Premicen*»; такой торжественный день празднуется всѣми согражданами —

обыкновеніе, строго соблюдаемое католиками, особенно въ Зальцбургскомъ округѣ. Какъ нашъ хозяинъ г. Шеританеръ, былъ въ этомъ году выборнымъ или бургомистромъ города, то празднество, разумѣется, назначено, хотя не на его счетъ, но въ его домѣ.

Въ 9 часовъ утра, съ большой церемоніей и съ музыкой проводили молодаго священника въ церковь, гдѣ я, по тѣсотѣ, не былъ. Тамъ, какъ мнѣ рассказывали, поселяне должны были два раза «*opfern*», то-есть давать деньги въ пользу новичка. Изъ церкви всѣ толпою привалили къ намъ въ домъ и расположились въ обѣденной залѣ, гдѣ священника посадили на первое мѣсто, а подлѣ него маленькую племянницу хозяина, которая была разряжена какъ невѣста. Мнѣ сказали, что малютка представляетъ Церковь, съ которою патерьъ въ этотъ день вѣщается; при-чемъ замѣтили, что не всегда эту роль даютъ малюткамъ. Такой обычай показался мнѣ слишкомъ жестокимъ для молодыхъ патеровъ, осужденныхъ на вѣчное безбрачіе! — Угощеніе происходило въ трехъ разныхъ видахъ: для почетныхъ особый столъ, и еще два стола для простыхъ гражданъ. Каждый изъ нихъ платилъ хорошія деньги хозяину. Послѣ обѣда танцевали.

Оставя у себя вирующихъ, мы отправились обѣдать въ гостиницу Мозера. Зала его обшириѣ

и красивѣе. Докторъ предварилъ уже меня, что тутъ за-столомъ будетъ и прѣхавшій на тотъ день въ Гофъ-Гастейнгъ архіепископъ Пиркеръ. Я поджидалъ его, и когда онъ вошелъ, докторъ рекомендовалъ меня ему, а я отрекомендовалъ ему своихъ дамъ. Мы сѣли за столъ всѣ вмѣстѣ. Скромная, добродушная и почтенная наружность высокаго пастыря уже внушала къ нему уваженіе и довѣренность. Онъ былъ въ простомъ сертукѣ, и только знакъ епископской шапки на золотой цѣпочкѣ въ петлицѣ показывалъ санъ его. Потому-ли, что не знали о его прибытіи, или можетъ-быть за столомъ сидѣли большею-частію лютеране — только никто, кромѣ насъ, не приветствовалъ архіепископа. Я подивился, но не былъ тѣмъ недоволенъ, потому-что въ продолженіе всего стола никто не вступался и въ бесѣду нашу, кромѣ одного профессора, вошедшаго вмѣстѣ съ архіепископомъ. Почти при началѣ разговора, на разспросъ его о моей родинѣ, я невольно упомянулъ въ отвѣтахъ, что считаю за счастье называться однимъ съ нимъ именемъ. Эта пустая фраза, съ полнымъ простодушіемъ сказанная, по-видимому болѣе-всего насъ сблизила. Много разспрашивалъ архіепископъ о Россіи, о Крымѣ, говорилъ о вышедшемъ недавно сочиненіи герцога Рагузскаго, и когда я замѣтилъ, что его описаніе Тавриды

слишкомъ поверхностно, онъ подтвердилъ мнѣ тоже и относительно описанія Венгріи. Пріятно и забавно разнообразилъ нашу бесѣду и упомянутой мною профессоръ, богемецъ Свобода. Онъ училъ въ Пражской гимназіи латинской и греческой словесности, но влюбленъ въ славянскія нарѣчія, занимался усердно русскимъ языкомъ и хотѣлъ нѣсколькими тарабарскими фразами увѣрить насъ, что говорить по-русски, тогда какъ мы, русскіе, ничего въ нихъ не поняли. Когда профессоръ узналъ, что у меня есть русскія книги, въ немъ возгорѣлось такое желаніе видѣть ихъ, что я съ удовольствіемъ пригласилъ его послѣ обѣда къ себѣ. Между-тѣмъ и обѣдъ нашъ кончился; архіепископъ просилъ меня видаться съ нимъ, и мы разстались. Профессоръ Свобода пошелъ къ намъ, съ любовью и наслажденіемъ сталъ разсматривать поданныя ему русскія книги, читалъ въ нихъ многое самымъ-лурнымъ произношеніемъ, но совершенно понимая смыслъ и переводя то по-латыни, то по-нѣмцки. Онъ доставилъ намъ такое удовольствіе этою живою привязанностію къ славянству, что я рѣшился предложить ему въ подарокъ одну книгу, особливо по увѣренію его, что въ Австріи чрезвычайно затруднительно доставать что-нибудь русское. Надобно было любоваться, видя въ профессорѣ смѣсь славянской открытой радости и чо-

порной нѣмецкой церемониальности при моемъ предложеніи подарка. — Хорошо, сказалъ онъ наконецъ, я вамъ пришлю за-то въ Крымъ свои богемскія сочиненія. — Книга, которой досталось въ удѣлъ путешествовать въ Прагу къ сонму любителей русскихъ сочиненій, была «Стихотворенія Якубовича».

Для черезъ два впустился я съ К—мъ въ Вильдбадъ — сдѣлать визитъ архіепископу. Онъ принялъ насъ радушно и ласково. Въ живомъ разговорѣ, о Россіи и Венгріи попеременно, онъ разсказалъ намъ о церкви, которую недавно отстроилъ въ Эрлау, показывалъ планы и фасады ея, наконецъ подарилъ намъ по экземпляру медалей, вычеканенныхъ на ея освященіе. Это великолѣпный храмъ, прекрасной архитектуры! Архіепископъ выстроилъ его почти весь на свой счетъ, съ небольшою добавкою частныхъ приношеній. На постройку употреблено до 600,000 гульд. (1,500,000 руб.); а Пиркеръ самъ ничего особеннаго не имѣетъ, кромѣ содержанія, конечно весьма значительнаго. Минуты, проведенныя мною въ умной бесѣдѣ достойнаго прелата, останутся незабвенными въ моей памяти. Къ счастью свиданія наши возобновились. Добрый старецъ самъ навѣстилъ меня и, по просьбѣ жены моей, не отказалъ благословить на обратный путь въ Россію.

Пиркеръ считается въ Германіи классическимъ

авторомъ; но ни его сочиненія, ни даже названія ихъ неизвѣстны въ Россіи. Да позволено мнѣ будетъ помянуть здѣсь коротенькую его біографію.

Іоаннъ Владиславъ Фельшо-Коръ фон-Пиркеръ, патриархъ Венеціи, архіепископъ Эрлаускій, обергешпанъ (главный правитель) соединенныхъ комитатовъ Геведскаго и Вишнята-Солнокскаго, родился 2 ноября 1772 года въ венгерскомъ городкѣ Лаугѣ, въ Штульвейссенбургской провинціи. Отецъ его былъ управителемъ въ одномъ дворянскомъ имѣніи. Онъ далъ хорошее воспитаніе шестерымъ своимъ дѣтямъ. Владиславъ былъ старшій. Осьми-лѣтъ онъ поступилъ въ элементарную школу въ Штульвейссенбургѣ, потомъ въ тамошнюю монастырскую школу Паулиперовъ, гдѣ особенно отличился успѣхами въ древнихъ языкахъ. На семнадцатомъ году онъ посѣщалъ Финфкирхенскую академию; тамъ слушалъ наиболѣе философскія лекціи. Исполняя волю отца, онъ думалъ вступить въ гражданскую службу, почему и искалъ опредѣлиться въ Офенъ вице-емъ. Его, по обыкновенію тѣхъ мѣстъ, куда опредѣляются не по достоинствамъ, а по рекомендаціямъ, заставили ждать. И это время ожиданія употребилъ онъ въ пользу: выучился основательно языкамъ нѣмецкому, итальянскому и испанскому, а кромѣ того упражнялъ свой поэтическій талантъ, который

развивался уже съ успѣхомъ. Возобнови просьбу объ опредѣленіи, онъ вновь получилъ отказъ и вновь требовали, чтобъ онъ потерпѣлъ. Но его терпѣнія уже на то не достало; съ радостію принялъ онъ предложеніе одного венгерскаго графа, жившаго въ Палермо, быть у него секретаремъ. Весною 1792 года поѣхалъ Пиркеръ изъ Офена черезъ Триестъ и Венецію въ Неаполь. Здѣсь сѣлъ онъ на корабль, отправлявшійся въ Палермо, но едва доплылъ до Сицилійскихъ береговъ, какъ былъ захваченъ алжирскими пиратами и, заключенный въ оковы вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ, отвезенъ въ Алжиръ. Однако еще на Алжирскомъ рейдѣ необыкновеннымъ случаемъ укрылся онъ отъ алжирцевъ и на венеціанскомъ кораблѣ отвезенъ въ Венецію*. Отсюда черезъ Генуу и Швейцарію прѣхалъ Пиркеръ въ Вѣну, и въ томъ-же 1792 году вступилъ въ Дилленфельдъ (въ Нижней-Австріи) въ монашескій орденъ Цистерціановъ (Cistercienser). Теологию слушалъ онъ въ Ст.-Пелтеиской семинаріи, гдѣ кромѣ еврейскаго языка, изучилъ и англійскій. Священные поэты библіи, также Гомеръ и Шекспиръ, были и остались его любимцами. Въ 1796 году сдѣланъ онъ священникомъ. Около этого времени (какъ самъ онъ мнѣ

* Другими похищеніе въ Алжиръ и спасеніе оттуда опровергается.

разсказывалъ), его и другихъ монаховъ приставили къ разнымъ военнымъ госпиталямъ, гдѣ господствовала какая-то спящая заразительная болѣзнь, отъ которой ноги покрывались ранами. Многіе изъ товарищей его сдѣлались жертвами этой болѣзни; Пиркера надумали ѣхать въ Гастейнгъ, гдѣ онъ совершенно излечился, и съ-тѣхъ-поръ почти каждый годъ тамъ бываетъ. Въ Дилленфельдѣ готовился уже онъ быть профессоромъ экзегетики, какъ аббатъ монастыря возложилъ на него въ 1798 году всѣ экономическія дѣла, а потомъ всѣ канцелярскія и дѣсныя, такъ-что Пиркеру вовсе не оставалось времени для другихъ занятій. Въ 1807, по его желанію, назначили его священникомъ въ Тирницъ, гдѣ началъ онъ писать свою «Тунисіаду», для которой давно уже готовилъ матеріалы*. Въ 1811 году призвали его опять въ Дилленфельдскій монастырь на мѣсто пріора, а въ слѣдующемъ единоголосно избранъ онъ былъ въ аббаты. Въ 1818 императоръ Францъ далъ ему упразднившееся мѣсто епископа въ Запшѣ (въ Венгріи). Такія должности, конечно, отвлекали его отъ довершенія начатаго труда. Однако въ 1820 году поэма была напечатана въ Вѣнѣ, и успѣхъ

* Поэма въ двѣнадцати пѣсняхъ, въ которой воспѣвается несчастный походъ Карла V на Тунисъ.

соотвѣтствовала ея достоинству. Сочинителя единогласно признали въ Германіи классическимъ поэтомъ, съ которымъ на-ряду, въ этомъ родѣ, могъ быть поставленъ только Фоссъ. Въ пять лѣтъ вышло три изданія поэмы и столько-же перепечатокъ. Ее перевели почти на всѣ европейскіе языки, даже на латинскій (только, къ-сожалѣнію, не на русскій). Тогда Австрійскій монархъ возвелъ Пиркера въ санъ патріарха Венеціи, къ которому въ 1821 году присоединилось званіе тайнаго-совѣтника. Здѣсь, въ большемъ кругу дѣятельности, неунынно заботясь о насажденіи всего добраго, не забывая ни своей нѣмецкой лиры и удивилъ свѣтъ изданіемъ второй поэмы «Рудольфиада». За-тѣмъ послѣдовали превосходныя библейскія эпопеи, явившіяся, подъ названіемъ «Перлы Старинны» (Perlen der Vorzeit), въ 1824 году; онѣ вскорѣ переведены также на всѣ европейскіе языки. Въ февралѣ 1827 получилъ Пиркеръ мѣсто архіепископа Эрлаускаго, съ которымъ соединены званія примаса Далмаціи и обергенерала въ Гевешѣ и Вишнемъ-Солнокѣ. Въ 1832 началъ онъ построеніе кафедральнаго собора во имя Іоанна Евангелиста въ Эрлау, на который употребилъ большую-часть своихъ доходовъ. До-сихъ-поръ достойный прелатъ занимаетъ свои высокія должности и соединяетъ съ ними рѣдкую благотворительность, покрови-

тельство молодымъ талантамъ, особливо въ духовномъ званіи, поощреніе въ образованіи своего края и необыкновенное добродушіе, очаровательное для всякаго, кто имѣетъ счастье къ нему приблизиться. Гляжу, достойный пастырь, на твой портретъ, который со мною неразлученъ, и горько жалѣю, что не могъ воспользоваться приглашеніемъ посѣтить тебя въ Эрлау, послѣ новаго свиданія нашего въ Вѣнѣ!..

Августа 28 выѣхалъ я изъ Гастейна, чтобъ въ октябрѣ опять туда воротиться и прожить тамъ зимою три мѣсяца. . . .

Ф. К.

ЭЛЕАЗАРЪ.

ИЗЪ

„ДЕЯНИЯ СВЯТЫЯ“

ПЕРКЕРА *.

==

Тихо сидя въ саду подъ прохладною сѣнью пальмы,
Старецъ Элеазаръ углубился въ чтение святое.
Взоры улыбкой сіяли, душа унывала съ отрадой.
Дивную повѣсть читалъ онъ:

* Воспоминаніе о почтенномъ старцѣ сан-Петербургѣ побудило въ прозаикѣ предлѣ-
жить статью желанію передать эту небольшую, страшно его сочиненій на русской языкъ,
чтобы ознакомить съ нимъ русскихъ читателей. Жаленъ былъ поема «Элеазаръ» изъ
второй книги «Малыхъ книгъ», которую онъ дѣлаетъ лучшимъ произведеніемъ автора, но крат-
чайшее; почему переводчикъ и далъ ей такое названіе. Онъ выводитъ изъ-подъ съ своимъ
текстомъ — не себя какъ, но только приглашенъ къ знакомству съ собратіемъ въ
достоинствѣ къ подлинникъ великаго уваженія. В. К.

«И жертву, угодную Богу,
«Радъ принести Авраамъ. Оставя служителей дома,
«На гору шествуетъ бодро, поже въ рукахъ и жаровня:
«Съ нимъ Исаакъ, на закланье Творцемъ обреченная жертва.
«Идутъ безмолвно. — Родитель! дитя наконецъ восклицаетъ.
«— Что ты? отвѣтствуетъ старецъ. — Несемъ мы поже и жаровню;
«Быть привошенью святому; но гдѣ-жъ наша жертва, не вижу! —
«Сердце скрѣпя и отерши слезу, Авраамъ отвѣчаетъ:
«— Сыиъ мой, умоляю! Господь самъ покажетъ намъ жертву! —
«Могъ-ли взглянуть онъ тогда на дитя?.. О вѣтъ! лишь на небо!»

— Чистъ и невиненъ! Таковъ и мой небесный Спаситель!
Элеазаръ разсуждаетъ съ собою. Блаженнымъ счастливымъ,
Жребій которымъ сужденъ, для Него, съ веселіемъ въ сердцѣ,
Тернѣемъ устанный путь проходить въ подвѣздной юдоли! —

Думалъ-ли старецъ тогда, что и онъ такой-же счастливецъ?
Думалъ-ли, что уже предстоить ему радостный подвигъ
Грудью стать за Божій законъ и за вѣру святую? —
Нѣтъ! — Но въ двери къ святому отшельнику вдругъ застучали
Звонкимъ оружіемъ войны. Онъ привѣтливо отперъ
И съ удивленьемъ сказалъ:

— «Ко мнѣ-ли вы посланы, люди?

Видю оружіе; вижу страшныя, грозныя лица:
Что вамъ искать здѣсь? — Для воиновъ нѣтъ тамъ приюта,
Гдѣ одинокій пустыинникъ въ тиши прощася съ жизнью!» —

— Элеазаръ, мы къ тебѣ! отвѣтствуеь военачальникъ.
Царь Антиохъ, самодержецъ Азіійскій и твой повелитель,
Далъ намъ приказъ заключить тебя въ узы и влечь не умедла
Къ свѣтлому трону его, передъ сонмъ великій народный.
Тамъ испытаешь судьбу, какую Зевесъ-Громовержець
Предуказалъ тебѣ: намъ невѣдома воля бессмертныхъ!» —

Старець съ улыбкой въ отвѣтъ:

— «Меня влечь во узахъ
Къ свѣтлому трону царя, передъ сонмъ великій народный?..
Дряхлая нога мнѣ служить, а самъ повлекуся за вами!» —

Царь Антиохъ, на торжищѣ, воевъ толпой окруженный,
Гордо на тронѣ сидѣлъ, блестящемъ парчею и златомъ.
Площадь кишѣла народомъ. Повсюду богамъ Олимпійскимъ
Тучныя жертвы готовы; въ честь ихъ устроены игры.
И самодержецъ, усердный къ богамъ, благосклонный къ народу,
Самъ раздаеть вѣнцы и дары: кто въ бѣгѣ быстрое,
Иль въ колесничномъ ристаньѣ на парѣ коней быстрогого,
Кто тяжелый дискъ всѣхъ дальше со свистомъ бросаетъ,
Кто на палестрѣ, въ борьбѣ-ли, въ бою-ли, равныхъ не видитъ.
Всѣхъ одѣлаши изъ собственныхъ рукъ заслуженной наградой,
Онъ наконецъ восклицаетъ:

— «Народъ мой! вземли мою волю.
Чести и слава бессмертнымъ богамъ, хранителямъ нашимъ!
Но да погибнетъ Егова! — Кто, дерзкій, еще Ему служить,
Пропалъ да будетъ! Награда строптивому дотыла муки!» —

Трепетъ объемлетъ Параназіанъ, трону царя предстолящихъ.
Многіе — слабые духомъ, страшась неизбежныхъ мученій —
Идоламъ мертвымъ пошли готовить безбожныхъ жертвы.
Многіе — первый Исовъ — отступники Бога живаго,
Съ злобною радостью зрѣли позоръ своихъ гибнущихъ братьевъ.
Власти алкая, Исовъ, недостойный потомокъ Левіи,
Грѣшную денегъ цѣною купилъ себѣ санъ Аарона:
Хищника святини, и вѣру и честь отцевъ поругавшій,
Могъ-ли остаться онъ преданнымъ сыномъ отчизны несчастной?
Всѣхъ ненавидѣлъ онъ вѣрныхъ, но — главное — Элеазара,
Старца, котораго святость въ глазахъ неподкупныхъ народа
Наобличала тѣмъ рѣче гнусность души святотатца.
Люди достойные часто имѣютъ враговъ недостойныхъ!
Съ завистью мечь съединилася: Элеазаръ не боялся
Хищника хищникомъ звать, гнущагося предателемъ вѣры;
Гнусный злодѣй къ Антиоху съ наветомъ, что царскою волей
Явно ругается старецъ, шара-жь самого порицаетъ,
Какъ чужеземца, въ Паранъ вводящаго чуждые нравы.

Вотъ чрезъ народъ, на торжищѣ шумнымъ потокомъ кипящій,
Старца ко трону ведутъ, и толпы разступаются къ страхѣ.
Всѣ съ умиленьемъ взирають, скорбятъ объ ужасной судьбинѣ
Мужа, какому подобнаго нѣтъ межъ сыновъ Авраама.
Нагло у трона стоя, смотрѣлъ Исовъ, усмѣхаясь,
Какъ усмѣхается адъ, при встрѣчѣ вновь осужденныхъ;
Вооры подымалъ на него и страдалецъ, но взоры прощенья.

Царь, отвращая лице и на ручку алую престола
Локтем склонялся, гибкий, кипящее бешенство въ сердце;
Позвалъ Ясона къ себѣ и изрекъ повелительнымъ гласомъ:

— «Пусть онъ теперь-же, предъ трономъ моимъ, предъ очами
Жертву Зевесу сожжетъ, могучему, вѣчному богу! (народа,
Пусть хвалою почтутъ, съ теплою, душевною мольбою,
Всѣхъ бессмертныхъ Олимпа! — Тогда прощенье и милость! —
Если-жь, строптивый, замедлитъ нашей покорствоваться волѣ —
Горе ему! — Пусть душу въ лютѣйшихъ мученьяхъ изрыгнетъ! —

Знакъ подаетъ рукой — и ведутъ на ристалище старца.

Супротивъ трона стоялъ истуканъ Олимпийскаго бога,
Семь ступеней у подножья; вверху окатистымъ сводомъ,
Кушолъ раскинуть, повоекъ на мраморныхъ бѣлыхъ колоннахъ,
Круглый алтарь предъ ливнемъ истукана курьельми обвился;
Всюду неслось благовоиѣ. Въ бѣлыхъ дивныхъ одеждахъ,
Поясъ золотой, вкругъ стояли жрецы, и звучало гимны
Или. Восходитъ старецъ, съ небеснымъ величьемъ въ осавѣ,
Бодро на вышнюю храма ступень, передъ взоры народа,
Пламенный взглядъ, исполненный праведной жалости, бросилъ
Онъ на толпу, и скорби слеза, изъ очей его кинувъ,
Пала на грудь... Но какое вдругъ чудное зрѣлище!.. Боже! —
Онъ отступилъ наумленный; уста трепещутъ отверзаты; (хучахъ.
Взоръ то померкнетъ, то вспыхнетъ, какъ мѣсяцъ мелькающій въ

Вотъ на устахъ заиграетъ улыбка небесная. Смотритъ
Прямо на воздухъ... Такъ мнилось тогда... Но онъ предъ собою
Ангела видитъ: Господь послалъ къ нему Уриэла.
Радугою яркою крылья горятъ, надъ главою сіяше,
Двѣ золотыя чашы въ рукахъ — онъ близится къ старцу
Съ лѣвонъ улыбкой привѣта, улыбкой вдыхающей бодрость,
И говорить ему:

— «Элеазаръ! Добродѣтельной жизнью
Прожилъ ты девять десятковъ; одинъ лишь до полнаго вѣка
Жизнь остается. Вотъ въ лѣвой рукѣ у меня долговѣчность,
Власть по-желанью на многія лѣта продлить твою старость;
Правая держитъ источникъ близкой мучительной смерти,
Но съ-тѣмъ-вмѣстѣ и благо людей, примѣрь имъ и образъ.
Что избираешь?» —

Не вепожмился старецъ: онъ сладко трепещетъ;
Мыслить одно лишь, что смерть ему будетъ небесная радость;
Жизнь не манитъ его, къ ласкамъ ея онъ безчувственъ;
Муки и лютаа жизнь устрашать-ли? Онъ видитъ одно въ нихъ —
Славу Егояы! — Схватилъ онъ правую чашу — и выпилъ! —
Новая, мощная бодрость по членамъ его заструилась;
Новыя силы почувствовалъ праведный, доблестный старецъ,
Смѣло на поприще стая, сразиться съ землею за небо.
Тутъ изъ лѣвой руки у ангела чаша упала,
Въ прахъ разлетѣлась, и онъ, озаренный блескомъ сугубымъ,
Обвилъ руками Элеазара и въ-слухъ его молвилъ:

— «Буду я близко тебя, внутренними бодрость усилю.
Въ часъ испытанья, въ часъ смерти твоей утѣшителемъ буду!» —

Рекъ съ серафимской любовью, и скрылся отъ Элеазара.

Тотчасъ явился Исаиъ, и взявъ заповѣдное мясо,
Къ жертвѣ готовое, старцу къ устамъ дерзновенно приблизилъ.
— «Въ славу боговъ, вкуси, возопилъ, и спасешься отъ казни!» —
Но вѣщавецъ стремглавъ полетѣлъ на послѣднιά храма ступени,
Моцно отброшенный; тамъ онъ остался, хулы извергая,
Въ бѣшенствѣ злобномъ. Тогда Никаноръ, полководецъ
Рати Сирийской, приблизился къ Элеазару, и тихо,
Взавши его къ сторонѣ, изрекъ съ умоляющимъ видомъ:

— «Доблестный старецъ! Поминишь-ли время, когда я съ тобою
Жилъ при дворѣ Антиоха, Великимъ чтимаго въ мѣрѣ?
Ты былъ въ то время посломъ у него отъ шпрода.
Вспомни, какъ братскимъ союзомъ тогда сопряглись мы съ тобою.
Вспомни, какъ жили мы... Вспомни и то, какъ однажды
Ты, стоишь Израиля, мною спасенъ былъ отъ царскаго гнѣва:
Смѣло въ защиту лился слова, внутреннимъ дружкой —
И ты избѣгнуть отъ рабства, избѣгнуть отъ горькой темницы.
О! пощади-жь теперь самъ-себя — жизнь дорогую отчизнѣ,
Жизнь дорогую царю, а больше всѣхъ — Никанору!..
Вѣтъ ко спасенью другаго пути! Почто-же ты медлишь?
Маса вкушать законъ не преситъ; повинуйся велѣнью:
Видь лишь обряда исполни; совѣсть останется чистой!..

Больше и царь не потребуетъ; больше не нужно, чтобъ снова
Милость его возвратилась къ тебѣ и прежняя ласка.
О! не отвергни моления! Послушайся вѣрнаго друга!
Видишь чело мое: крупными каплями потъ выступаетъ;
Видишь: огонь загорается снова въ хладящихъ жилахъ,
Чтобъ убѣдить тебя! — Знаю я ревность твою по законѣ,
Знаю желѣзную твердость, преданность отеческимъ правамъ:
Но пощади не себя, такъ друзей! Имѣй состраданье!
Вспомни народъ твой! Вспомни меня, твоего Никанора!» —

Такъ говорилъ онъ въ движеніи сердечномъ: ярко сверкали
Очи его, и душа въ убѣжденіе изливаться хотѣла.
Элеазаръ смиренно взялъ за руку друга и къ мѣсту,
Гдѣ ему Промыслъ назначилъ стоять, къ кумиру Зевеса,
Снова привелъ его. Праведникъ взоромъ крылатымъ, орлинымъ,
Быстро окинулъ свое назначенье, намѣрилъ всю важность
Дѣлъ и заслугъ своихъ, вспомнилъ о крови своей знаменитой.
Гордость отчизны, краса и величіе славнаго рода —
Онъ-ли теперь запитываетъ сѣдины, не забывши срама?
Онъ-ли соблазномъ послужитъ своимъ слабѣющимъ братьямъ? —
Вѣтъ! Рѣшено! — Герой обращается къ нимъ и вѣщаетъ:

— «Родъ избранный Еговой! Внемли! Миѣ дружба внушала
Средство спасти себя. Только наружию для виду,
Могъ-бы вкусить я отъ мяса, которое Божьимъ закономъ
Не воспрещается. Такъ! Но поступокъ такой не воварство-ль?...
Дожию куплю я жизнь, но сгублю безсмертную душу!» —

Мнѣ-ль такъ увидѣться? Я-ли, наставникъ, учитель народа,
 Старецъ едва не столѣтній, такую преступной цѣною,
 Несколько лѣтъ, или мѣсяцевъ, или можетъ дней мимоистныхъ,
 Приобрѣту себѣ? Мнѣ-ли для юныхъ, для слабыхъ собратій,
 Дать примѣръ лицемерія, зести, позорной боязни?
 Я-ли съ проклятыиъ во гробъ понесу свои дряхлыя кости? —
 Нѣтъ! Уладительный смерть отъ полатыи насильемъ сѣкры! —
 Что мнѣ спасенье отъ злыхъ мученій, отъ казни тиранской,
 Что въ наслажденіи жизнью, коварно искусственной, если
 Бары небесной глава моя, тамъ и здѣсь, не избѣгнуть?
 Грѣшникъ презрѣнный уйдетъ-ли отъ грозной десницы Еговы?
 Нѣтъ! На смерть я иду съ торжествомъ! Потухающей жизни
 Вечеръ пусть будетъ такъ чистъ и такъ ясенъ, какъ утро:
 Не омрачится онъ грѣшною тѣнью позорнаго страха! —
 Юноши, я вамъ примѣръ! Гибъ Бога живаго лишь страшитъ:
 Бойтесь Еговы; злобу и ярость людей презирайте:
 Нынѣ мучитель бѣснуется, завтра онъ глѣзетъ въ могилы! —
 Шествуйте смѣло путемъ, который я вамъ открываю:
 Въ жертву отечеству, вѣрѣ отцевъ и родному закону,
 Все отдавайте, бросайтесь на встрѣчу мученій и смерти!» —

Рекъ, и виазель со ступеней, готовы испить свою чашу.
 Вагладъ насѣдливый бросилъ Ясонъ Никавору, который
 Хитростью думалъ спасти его. Тихоно! И въ томъ ужъ видѣла
 Лютая ярость. Минутное сердце участие въ страданіи
 Злобой смѣнилось и жадною мести. Безумному мишлось,
 Будто старецъ святой имъ ругается. Гибный, сибшитъ онъ

Парскую волю познать: та воля была ужъ извѣстна —
 Мука и лютая смерть непреклонному старцу!..

— «Ведите!»

Въ бѣшенствѣ паръ разовилъ. «Ведите! Да гибнетъ крамольникъ!»

И повели на предградіе старца. Народъ всей толпою
 Хлынулъ во слѣдъ ему, съ громкимъ, отчаяннымъ плачемъ.
 Ясень былъ взоръ осужденнаго, свѣтомъ небеснымъ исполненъ;
 Яркимъ румянцемъ, пылали ланиты. О радость! Онъ зреть ужъ,
 Какъ посланникъ небесъ, къ нему свой ликъ обращал,
 Сылеть душистыя розы здема на путь его тажкій,
 Вѣсть во срѣтенъе благоуханьями Божьяго рая.

Вотъ привели кровопійцы... и, на-земь страдальца повергнувъ,
 Члены ломаютъ его, желѣзными прутьями пята
 Бьютъ нещадно, куски вырываютъ изъ мяса...

— «Егова!»

Старецъ воскликнулъ. «Жестокіи страданья! Дай силъ, Всемогущій,
 Слабому смертному! — Выборъ мой былъ, о Господи, вѣренъ:
 И побѣдилъ искушенье, постыдному жизни спасенью
 Смерть предпочелъ; пошли-жь ее мнѣ, умоляю, Создатель! —
 О! ускори разрѣшить безсмертную душу отъ тѣла:
 Дай ей крылья, да соединится съ Тобою на вѣки!» —

Къ лику страдальца близко приналъ угѣшитель небесный.
 Слезы дрожали въ очахъ херувима; томнымъ уныньемъ (съвъ
 Блескъ ихъ эфирный мерцалъ. Онъ замахами радужныхъ крыль-

Тицлся чело освѣжить, палимое смертной тоскою,
 Душу томящуюся прохладить упованьемъ на Бога.
 Точно—какъ легкій туманъ передъ утромъ къ небу несется,
 Скалы обвиня въковыя; онъ вспрянуть готовъ въ поднебесье;
 Вотъ ужъ совсѣмъ улетѣлъ—бы, но гребень хребта не пускаетъ;
 Въ ухахъ непрочныхъ стѣсненъ, онъ выблался парить надъ
 Такъ Элеазара душа тоскливо рвалась изъ тѣла; (землю:
 Томимымъ биеиємъ сердце слабѣи и слабѣи трепетало;
 Вотъ утихаеть, утихло... Конецъ! Нѣтъ болѣе жизни! —
 Другъ неземный бросается страстно къ усопшаго персамъ;
 Съ жаромъ кладеть поцѣлуй на уста, привѣтствуя брата
 Въ райскихъ селеніяхъ. Оба въ объятіяхъ нѣжныхъ, съ востор-
 Землю покинувъ на-вѣкъ, воспарили туда невозвратно. (гомъ,

Смертные взявши остатки страдальца за вѣру и правду,
 Прахъ съ нихъ очистивъ и кровь, народъ съ мольбой и слезами,
 Вынесъ ихъ на распутіе; тамъ совершилъ погребенье
 И изъ обломковъ скалы воздвигнулъ герою гробницу.

В. К.

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА ОНУ им. И.И. МЕЧНИКОВА

П Р О В Ѣ Щ Ы .

ИЗЪ

Г Ѣ Т Е .

—

— «Что такъ я слышу за стѣной?

Что съ моста раздается? —

Пусть эта пѣснь передо мной

Въ чертогахъ пропоется.»

Король сказалъ — и нажъ бѣжить.

Приходить нажъ. Король кричить:

— «Сюда внустите старца!»

— Привѣтъ вамъ, рыцари, привѣтъ,
Привѣтъ и вамъ, прекраснымъ!..
Какъ ярокъ звѣздъ несчетныхъ свѣтъ
На этомъ небѣ ясномъ!
Пусть въ заглѣ блещетъ все вокругъ:
Закрой глаза; не время, другъ,
Восторгамъ предаваться!—

Пѣвецъ закрылъ глаза; гремятъ
Напѣвы, полны силы:
Взоръ рыцарей смѣлѣй, и взглядъ
Прекрасныя склонили,
Король доволенъ былъ игрой
И тутъ-же цѣнью золотой
Велѣтъ украсить старца.

— Не надо цѣни мнѣ златой:
То рыцарей награда;
Враги твои бѣгутъ толпой
Отъ гордаго ихъ взгляда.
Дай канцлеру ее: пусть тамъ
Прибавитъ къ тяжкимъ оцѣ трудамъ
И бремя золотое.

Пою, какъ птица воденъ я,
Что по вѣтвямъ порхаетъ —

И пѣснь свободная меня
Богато награждаетъ!—
Но просьба у меня одна:
Вели мнѣ лучшаго вина
Подать въ златомъ бокалѣ!—

И взялъ бокалъ и выпилъ онъ.
— О сладостный напитокъ!
О, будь благословенъ тотъ домъ,
Гдѣ этотъ даръ избытокъ.
Простите, помните меня,
Хвалите Бога, такъ-какъ я
За этотъ кубокъ полный!—

К. Актаковъ.

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОНЪ.

=

Съ-тѣхъ-поръ какъ заведены минеральныя воды въ Москвѣ, имъ было много описаній. Въ этихъ описаніяхъ говорили пространно и о раннихъ прогулкахъ, и о пестромъ обществѣ водъ, и о докторсахъ, и о больныхъ, и о вредѣ, и о пользѣ заведенія; но не помню, обратилъ-ли кто вниманіе на самую утѣшительную сторону этѣхъ раннихъ прогулокъ и этого пестраго общества. Въ Россіи, общежительность — я разумѣю жизнь въ обществѣ, вкупѣ, словомъ, жизнь общественную — общежительность въ Россіи не принад-

лежить, кажется, къ самымъ блистательнымъ сторонамъ ея нравственнаго быта. Отъ климата-ли, отъ недостатка-ль въ точкахъ соприкосновенія, отъ того-ли, что въ насъ нѣтъ сильной потребности мѣняться другъ-съ-другомъ мыслями и ощущеніями — только мы любимъ больше сидѣть дома, въ-кругу семейства, въ теплой комнатѣ, въ тепломъ халатѣ. Если и выѣзжаемъ, то съ-тѣмъ-чтобъ молча сыграть партію виста, или молча протанцовать нѣсколько кадрилией. Того, что за кадрилию, или за вистомъ, случится иному сказать, ужъ конечно никто не назоветъ разговоромъ. Такая жизнь, отлѣльная, отчужденная, жизнь по захоlustьямъ и въ одиночествѣ, повторяется во всемъ, столько-же въ матеріальной сферѣ, сколько и въ умственной. Недостатокъ въ путяхъ сообщенія, какъ для мысли, такъ и для товаровъ, ошутителенъ вездѣ. Взглянемъ на себя: одни изъ насъ, въ глуши провинцій, во глубинѣ необъятнаго царства русскаго, сбываютъ кой-кому и кое-какъ свои произведенія, сбываютъ ихъ про себя, у себя, да про себя-же, у себя — и проживаютъ добытое. Другіе — плоды своего ума, если ихъ умъ приноситъ плоды, точно-также тратятъ и проживаютъ лишь въ своемъ углу, не мѣняясь ими ни съ кѣмъ, и довольствуясь сырымъ произведеніемъ, которое, однако-жь, во сто, въ тысячу

разъ получило-бы болѣ цѣнности, если-бы было пущено въ оборотъ, разработано, очищено въ общемъ горнилѣ, облагорожено въ умственной мастерской другихъ производителей. При такомъ отсутствіи средствъ къ взаимному сближенію, не-льзя не радоваться, когда представляется возможность сходиться вмѣстѣ, встрѣчаться хоть-бы по неволѣ, хоть-бы по предписанію доктора. Весь этотъ блестящій и не-блестящій кругъ богатыхъ и убогихъ, людей всѣхъ сословій, который собирается каждое лѣтнее утро на Московскихъ минеральныхъ водахъ, безъ нихъ-бы не существовалъ, былъ-бы разсыпанъ по лицу Россіи. Не будь въ Москвѣ этого заведенія — нѣсколько сотъ людей разлѣхались-бы по дальнимъ деревнямъ, или что и того хуже — прожили-бы въ Москвѣ цѣлое лѣто въ одиночествѣ, въ скукѣ, безъ пользы и для себя и для другихъ. Теперь-же, въ шесть или въ семь часовъ утра, хочешь-не-хочешь, ступай на Стоженку и оставайся тамъ въ-кругу людей, съ которыми, можетъ-быть, и вѣкъ-бы не встрѣтился. Какъ весело на-примѣръ видѣть, когда дождь или туманъ заставятъ всѣхъ собраться подъ навѣсъ галлерей! Тутъ по неволѣ заведешь съ кѣмъ-нибудь знакомство, заговоришь, разговорись; тутъ по неволѣ всякой третъ, какъ можетъ, свой умъ объ умъ другого. Да здравствуютъ

Московскія минеральныя воды! Я люблю ихъ, какъ люблю въ Россіи всѣ тѣ мѣста, гдѣ не предписано молчать, играть въ карты, или обѣдать. Я люблю ихъ, потому что стаканъ воды на-тощакъ въ пріятной и веселой бесѣдѣ для меня вкуснѣе цѣлой бутылки шампанскаго послѣ сытнаго, но безмолвнаго ужина.

Впрочемъ, говоря по совѣсти, какъ ни пріятна веселая бесѣда на-тощакъ, но она еще болѣе получаетъ цѣны, когда желудокъ успокоенъ; и потому на минеральныя воды всего лучше ѣздить по-завтракавъ, да и совершенно здоровымъ. Больные, кромѣ неудобства вынввать на тощій желудокъ по нѣскольку стакановъ кислой или соленой воды, имѣютъ еще и другое — затруднительность въ выборѣ. Желать-ли выздоровѣть, или просить небо, чтобъ оно сохранило при насъ прежнюю болѣзнь — вотъ вопросъ. Если задумаете выздоровѣть, неминуемо попадете въ головной отчетъ заведенія, гдѣ будетъ сказано: «Графъ Б., 36 лѣтъ, высокаго роста, слабаго сложенія, немного прихрамывающій на правую ногу, въ молодости служилъ въ военной службѣ, былъ нѣсколько разъ одержимъ..... болѣзнію» — (мы выпускаемъ медицинскій терминъ) — «сверхъ того раненъ въ правую ногу выше колѣна; онъ нѣсколько лѣтъ сряду страдалъ упорнымъ ревматизмомъ и.....» (тутъ слѣдуетъ под-

робное описаніе болѣзни и чудотворное отъ нея исцѣленіе). Или: «Княгиня В., 42 лѣтъ, породная, полнокровная, недавно потерявшая мужа, страдаетъ съ нѣкоторыхъ поръ...» и такъ-далѣе. Если-жь вы побойтесь попасть въ этотъ годовой отчетъ, гдѣ съ такою подробностію описываются и ваши лѣта, и вашъ наружный видъ, и обстоятельства вашей жизни, и недуги, и даже прежнія шалости, а иногда, что еще ужаснѣе, и тайны женскаго туалета — то вамъ придется молить Провидѣніе, чтобъ минеральныя воды не принесли никакой пользы, и только-бъ не увеличили вашей болѣзни. Нѣтъ, то-ли дѣло ѣздить на воды здоровому? Ему нечего страшиться неприятной дилеммы. Онъ вольная птица: пить любую воду, не спрашиваясь доктора; даже не пить никакой; прѣзжаетъ и уѣзжаетъ въ какое время хочетъ; чувствуетъ себя здоровымъ, потому-что и безъ-того былъ здоровъ; а между-тѣмъ вовсе не страшится встрѣтить начальную букву своего имени въ годовомъ отчетѣ съ означеніемъ всѣхъ примѣтъ своихъ.

На другой годъ по открытіи цѣлебнаго заведенія, я пользовался завиднымъ преимуществомъ ѣздить на воды и быть совершенно здоровымъ; толковалъ отъ бездѣлья съ докторами, и не страшился ихъ аттестата. Изъ большаго числа врачей, посѣщавшихъ заведеніе,

одни ѣздили туда по должности, другіе для собственнаго пользованія. Въ числѣ послѣднихъ былъ одинъ мнѣ знакомый медикъ, который страдалъ разлитіемъ желчи, можетъ-быть, оттого-что имѣлъ мало практики. Отъ нечего-дѣлать, не зная кого лечить, онъ вздумалъ самъ лечиться. Долго уговаривалъ онъ меня подвергнуть обзору всю мою жизнь въ медицинскомъ отношеніи, а потомъ, разумѣется, дать полечить себя основательно. Помнится, чтобъ долѣе не спорить, я согласился на его требованіе, и кончилъ тѣмъ, что сталъ пить зельтерскую-воду. Такое послушаніе съ моей стороны насъ очень сблизило. Мой докторъ былъ человѣкъ весьма неглупый, начитанный, который, зная книги, зная однако и людей. Бесѣда съ нимъ была разнообразна, жива, часто даже поучительна. Когда мнѣ надоѣдалъ свѣтскій говоръ и его легкія, щеголеватыя фразы, которыя скользятъ съ языка и скользятъ по слуху, не вырываясь изъ души и не вшиваясь въ душу, я обращался къ полновѣсному разговору доктора и остальную часть утра проводилъ съ нимъ въ какой-нибудь дальней аллеѣ, слушая любопытный разговоръ, или завода рѣчь о предметѣ, для насъ обоихъ занимательномъ.

— «Свѣтскій разговоръ, говорилъ я, очень похожъ на здѣшнія искусственныя воды. Въ немъ также много

летучаго газу, и отъ него также иногда разболится голова. Здѣсь увеличиваютъ количество этого газу противъ настоящихъ водъ для того, чтобъ искусственная вода, которая не бьетъ живымъ ключемъ изъ земли, а хранится закупоренною въ подвалахъ, долго не выдыхалась. Не съ тою-же-ли цѣлью и въ свѣтскій разговоръ примѣшиваютъ столько летучихъ и шипучихъ фразъ? Не думаютъ-ли этимъ придать ему болѣе долговѣчности? Но искусство закупоривать свѣтскую болтовню еще далеко не въ совершенствѣ: при переноскѣ блестящихъ фразъ безъ мысли, шипучій газъ изъ нихъ выдыхается, и на днѣ остается водичка, хорошо коли-бъ только безвкусная, а то часто еще кислая, или горькая.»

— Ваша правда, замѣчалъ мнѣ докторъ. У здѣшнихъ водъ еще и то общаго съ свѣтскимъ разговоромъ, что тутъ—чего хочешь, кислой, соленой, горькой, сѣрной, горячей, или холодной воды—вы найдете все это, даже можете смѣшать вмѣстѣ, какъ это предписываютъ нѣкоторые мои товарищи. Не то-же-ли въ свѣтѣ? Не перемѣшиваютъ-ли и въ немъ всѣхъ возможныхъ словъ, фразъ, чувствъ и мыслей? Между-тѣмъ въ источникахъ натуральныхъ вы найдете лишь одинъ родъ воды, много два, какъ въ головѣ или въ сердцѣ челоуѣка съ головой и съ серд-

цемъ вы встрѣтите лишь одну господствующую мысль, лишь одно господствующее чувство.

Часто, въ продолженіе нашихъ уединенныхъ бесѣдъ, въ дальней аллеѣ, куда мы уходили, намъ встрѣчались двѣ дѣвушки, изъ которыхъ одна всякой-разъ останавливала мое вниманіе своимъ выразительнымъ и вмѣстѣ глубоко-задумчивымъ лицомъ. При каждой встрѣчѣ, мой докторъ имъ кланялся, иногда мѣнялъ съ ними нѣсколько словъ, или, отдѣлясь отъ меня, заводилъ разговоръ.

— Вотъ это одно изъ тѣхъ существъ — сказать отъ мнѣ однажды, послѣ встрѣчи съ задумчивой дѣвушкой — у которыхъ, какъ одинъ родъ воды въ натуральномъ источникѣ, таятся глубоко въ сердцѣ одно чистое чувство. Этого чувства вамъ называть нечего: въ ея лѣта, можетъ-ли что другое, кромѣ любви, такъ сильно овладѣть душею? А по ея блѣдному лицу и задумчивому виду какъ не отгадать, что это любовь несчастная? Я не имѣю права рассказать вамъ ея исторію; впрочемъ, она мнѣ порядочно и неизвѣстна. Сколько знаю, это исторія довольно обыкновенная, разумѣется обыкновенная для насъ, но не для нея. Впрочемъ, такія исторіи всегда трогательны, не-смотря на простоту содержанія. Хотя въ нихъ и мало происшествій вышнихъ, за-то бываетъ много сокровеннаго. Въ глубинѣ

души человеческой разыгрывается часто цѣлая драма; только мы, зрители, не видимъ ея завязки и не понимаемъ катастрофы. А между-тѣмъ эта катастрофа какъ естественна! Когда сердце, переполненное сильнымъ чувствомъ, не находитъ для него свободнаго и естественнаго истока, оно разрывается и гибнетъ. Эту болѣзнь можно назвать нравственнымъ аневризмомъ, и противъ нея никакой мудрецъ вамъ не скажетъ лекарства. Признаюсь, я боюсь очень, чтобъ у несчастной дѣвушки не порвалась въ груди нравственная аорта!...

Эти темныя, но многозначашія слова доктора довольно заставили меня обратить прилежное вниманіе на блѣдную страдалицу. Она и ея подруга почти никогда, кромѣ развѣ совершенно ненастной погоды, не приходили въ галлерей, и всегда прохаживались одиѣ въ самой отдаленной аллѣе сада. Передъ-тѣмъ-какъ уѣзжать, онѣ обыкновенно подходили къ одной пожилой дамѣ, которая оставалась въ галлерей или внутри дома, и потомъ тотчасъ удалялись. Подруга больной дѣвушки была и не такъ задумчива, и не такъ блѣдна; видно ее мучило не собственное, а чужое горе. Судя по виду, онѣ были не сестрами, а только приятельницами; всѣ приемы, движенія, даже выговоръ и способъ выражаться, обнаруживали въ нихъ воспи-

танницъ одного изъ тѣхъ общественныхъ женскихъ заведеній, которыми обѣ русскія столицы по-справедливости могутъ гордиться. Подруги бывали одѣты всегда одинаково, въ простыхъ каютахъ темнаго цвѣта, съ небрежно брошенной шалью на плечахъ, въ какой-нибудь простой соломенной шляпкѣ. Онѣ обѣ, не бывъ красавицами, имѣли въ себѣ много дѣтски-миловиднаго. Особенно, въ наружности больной было что-то необыкновенно привлекательное: ни одна черта лица ея не была правильна; и между-тѣмъ, взятыя вмѣстѣ, онѣ отличались особенной красотой выраженія, если не формы. Видно было, что тайна красоты и прелести этого лица заключалась въ сердцѣ дѣвушки, что въ сердечномъ сосудѣ теплился яркій огонь и что онъ-то освѣщалъ собой ея наружную оболочку. Въ ея поступи, движеніяхъ, взглядѣ, голосѣ, была какая-то невыразимая грація, но грація заунывной простой пѣсенки, что-то мелодически-трогательное. Когда она улыбалась, ея улыбка не имѣла въ себѣ ничего горькаго, или принужденнаго, или даже болѣзненно-печальнаго: это была улыбка ангела, когда граціозная мысль вдругъ застаётъ его посреди раздумья и тоски о страданіяхъ человечества. Она не была изъ числа тѣхъ, которые отъ несчастной любви становятся нелюдимами. Если избѣгала людей, то не

ПЕРВЫЙ СОНЪ.

Гдѣ-то балъ. Кружатся, кружатся, прыгаютъ, прыгаютъ. Такъ весело! Музыка такъ и льется въ душу. Меня безпрестанно ангажируютъ. Я танцую безъ усталости. Но съ кѣмъ? Право, не знаю. Какіе-то люди безъ лицъ; ни одна черта ихъ не вѣзалась въ памяти. Только вотъ, стоитъ группа офицеровъ; всѣ въ золотѣ, такіе блестящіе; мы-же барышни сидимъ вдоль по стѣнѣ, и чинно ждемъ кавалеровъ. У меня что-то сильно забилось сердце (не забудь, что это все во снѣ). Въ это время выходитъ изъ толпы одинъ офицеръ, молоденькой, жантильненькой; мундиръ съ малиновыми отворотами; маленькіе черные усы рисуются надъ губами, какъ крылышки..... Выходитъ и прямо ко мнѣ. Я не знала что мнѣ дѣлать — вся смѣшалась, покрасилась. Правду сказать, я уже его замѣтила съ самаго начала: да онъ такой мудреной — вѣтъ-того, чтобъ подойти ко мнѣ, все танцовалъ съ другими. Я съ досады отвѣчала ему, что устала и танцовать болѣе не буду. Онъ началъ говорить со мною. Что за смѣшной! Все уговаривалъ меня, чтобъ я танцовала; а я все упрямилась. Только вдругъ вижу, что будто онъ обхватилъ мою талию и мы полетѣли; высоко, летимъ... летимъ... и вальсируемъ въ воздухѣ, какъ голубя.

У меня такъ и замерло сердце, я едва перевожу дыханіе; но онъ глядитъ мнѣ прямо въ глаза, и мнѣ какъ-то легче. Трудно пересказать тебѣ, что во мнѣ происходило: и грустно, и весело вмѣстѣ. Никогда я не была такъ счастлива. Долго и далеко мы летѣли; внизу подъ нами разстилались пажити и луга; на нихъ паслись стада, кругомъ насъ порхали жаворонки. И чѣмъ выше, тѣмъ теплѣе. Я вспомнила, что намъ говорилъ учитель географіи; какъ-же, думаю я, вѣдь чѣмъ ближе къ солнцу, тѣмъ холоднѣе? Да это, можетъ-быть, когда летишь одинъ; спрашиваю о томъ у него; онъ что-то отвѣчалъ..... и я покрасилась. Только вотъ подъ нами засинѣлось море; повесъ свѣжій вѣтеръ; я хотѣла укутаться шалью, целовка повернулась, выскользнула у него изъ рукъ, и бухъ прямо въ море! Тутъ я вскрикнула и — проснулась.

ВТОРОЙ СОНЪ.

Черезъ дѣвѣтъ лѣтъ.

Мы будто въ деревнѣ. Великолѣпный домъ съ колоннами, портиками, террасами, въ родѣ тѣхъ, что пишутся на картинкахъ. Съ балкона, по мраморной лѣстницѣ, спускаешься въ садъ; тамъ бьютъ фонтаны.

таны, шумять каскады; густыя аллеи изгибаются по саду и ведут къ гротамъ, купальнямъ. Вездѣ такая прохлада, вездѣ столько цвѣтовъ, столько фруктовъ; террасы покрыты лимонными и апельсиновыми деревьями, виноградъ вьется по стѣнамъ..... Чудо! Увидѣть можно волшебный садъ, какой только во снѣ при видѣться можетъ. Я была вѣдь себя отъ удовольствій. Думаю себѣ..... услышь-же паненка все это безъ меня постронть и посадить. Мы ждемъ гостей; а я еще въ институтскомъ платьѣ, и вы всѣ со мною; тутъ и наши классныя дамы. Я будто хожу съ тобою по дортуару рука-объ-руку, что-то рассказываю тебѣ длинное-предлинное, говорю и не могу наговориться. Мы будто готовимся къ экзамену; но у меня не то въ головѣ. Кто-то сказалъ, что онъ также придетъ. Мнѣ стало такъ-страшно. Ну, если онъ вдругъ спроситъ меня? Я смѣшаюсь и не буду знать, что отвѣчать. Вотъ отворяются двери..... у меня забилось сердце..... гляжу, входитъ, кто-же? Нѣмецкій учитель, за нимъ паненка, тамъ мамзелька, тамъ наши родные, тамъ сосѣди. Я будто опять дома. Вотъ собираются гости, много, много. За ними, я не примѣтила какъ и онъ вошелъ. Только я нисколько не испугалась, когда его увидѣла, напротивъ..... какъ-будто его вѣкъ знала; а онъ ко мнѣ такой холодный, не-

внимательный: говорить со мною только изъ учтивости и, что ни скажешь, ко всемъ соглашается. Учтивость его мнѣ приторна; съ другими и спорить, и смѣется отъ души, веселье и рѣзковъ, какъ ребенокъ; со мною же обходится, какъ съ старой бабушкой. Или мнѣ это такъ казалось? Или онъ въ самомъ дѣлѣ не любитъ меня? Что-жъ ему во мнѣ не нравится? Неужели я не хороша?..... Не знаю; только я плакала. Когда проснулась, моя подушка была вся въ слезахъ.

ТРЕТИЙ СОНЪ.

Черезъ недѣлю.

Онъ проѣхалъ мимо нашихъ оконъ, верхомъ, въ мундирѣ; за нимъ цѣлый полкъ шелъ церемоніальнымъ маршемъ, съ музыкой и барабанами. Полкъ его выступаетъ въ походъ. Я стояла у окна: онъ не могъ меня не замѣтить, приложилъ очень важно правую руку къ своей шляпѣ, едва взглянулъ на меня и продолжалъ ѣхать. Я отвернулась, хотѣла скрыть слезу.... Между-тѣмъ музыка и шумъ все слабѣе и слабѣе; вѣтеръ едва доноситъ звуки, веселый маршъ превратился въ какое-то заунывное эхо. Потомъ, все утихло, исчезъ и слѣдъ; народъ разошелся. Я осталась одна: мнѣ

стало грустно, страхъ какъ грустно. Вотъ я одна оди-
нехонька; его нѣтъ; Богъ-знаетъ, увижу-ль опять? Онъ
идеть на войну; его изранять, или убить; да если
и живъ останется, какое мнѣ утѣшеніе? Сохранится-
ли въ немъ хоть малѣйшая память обо мнѣ? Завтра-же
все забудеть.

Мысли тѣснились въ сердцѣ одна за другою. Мнѣ
показалось наконецъ, будто я въ женскомъ монастырѣ,
въ платьѣ крылошанки, стою на хорахъ и пою. Вся
моя душа вылетала въ звукахъ; ты, и наши подруги,
вы всѣ пѣли со мною. Внутренность храма была чуд-
ная: огромный полупрозрачный куполь, сквозь кото-
рый видѣлось небо; бѣлыя стѣны, словно фарфоро-
вая, и отъ нихъ живо отдѣлялись лики Пречистой
Дѣвы, Спасителя и Святыхъ.... Я пѣла и вмѣстѣ
молилась; мнѣ было такъ легко, такъ отраднo на сердцѣ.
Въ эту минуту я любила цѣлый міръ, и мнѣ казалось,
что цѣлый міръ отвѣчаетъ мнѣ любовью. Мысли о Богѣ,
о Дѣвѣ-Маріи, о вѣчномъ блаженствѣ, невольно пере-
плетались съ мыслями о немъ; и онъ представлялся
мнѣ не холоднымъ и равнодушнымъ, какъ прежде,
но любящимъ, нѣжнымъ, какимъ-то ангеломъ, въ бѣ-
ломъ хитонѣ, съ длинными радужными крыльями. Въ
этотъ день былъ праздникъ, внизу на всѣхъ мольби-
щницахъ бѣлыя платья, я также вся въ бѣломъ; вѣнокъ

изъ бѣлыхъ-же цвѣтовъ обвивалъ мнѣ голову. Обѣдня
кончилась; вы всѣ, и ты впереди нашихъ, под-
ходите ко мнѣ попарно, каждая съ букетомъ цвѣтовъ
въ рукѣ. Я будто невѣста, и вы меня поздравляете.
— «Но кто-же мой женихъ?» спрашиваю я, покраснѣвъ
до ушей. — Мнѣ говорятъ: оглянись! — Я оглядываюсь;
за мною стоитъ онъ, въ бѣломъ хитонѣ и съ длинными
радужными крыльями; высокій, стройный, свѣтлый,
съ небесной кротостью на лицѣ; каштановые волосы,
раздѣленные по-средиѣ, падаютъ кудрями на плечи.
Онъ стоялъ за мною какъ-будто на воздухѣ, и его
распушенные крылья плавали высоко, высоко надъ
моей головою. Вдругъ, внизу, раздалось протяжное
погребальное пѣніе; у воротъ храма показался бѣлый
гробъ; онъ былъ усыпанъ тѣми-же цвѣтами, которые
вы мнѣ подносили. Вы исчезли... Мой спугникъ отдѣ-
лялся больше и больше отъ земли.... хитонъ его сна-
далъ... и онъ весь разлетался прозрачнымъ облакомъ
по воздуху. Наконецъ я увидѣла одну его голову; ее
поддерживали два небольшихъ крылышка; и вотъ, эта
голова херувима остановилась въ воздухѣ надъ самымъ
гробомъ, какъ-будто голубка надъ гнѣздомъ своимъ;
и вотъ, гробъ зашевелился, цвѣты съ него попадали....
Я испугалась..... Далѣе не помню.

ЧЕТВЕРТЫЙ СОНЪ.

Черезъ нѣсколько недель.

Ты, я думаю, слыхала отъ меня о нашемъ дальнемъ родственникѣ П...? Я никогда его не любила, а теперь и подавно... Вижу, будто приѣзжаетъ онъ къ намъ въ деревню. Черезъ нѣсколько времени онъ уводитъ папеньку и маменьку въ другую комнату и говоритъ съ ними о чемъ-то очень долго, все въ полголоса. Наконецъ меня зовутъ туда и объявляютъ, что П. за меня сватается. Я не вспомнила себя, поблѣднѣла, задрожала всѣмъ тѣломъ. П. показался мнѣ такимъ страшнымъ; мнѣ еще въ деревнѣ говаривала нянюшка, что онъ франкмасонъ, колдунъ и чернокнижникъ. Я ничего не отвѣчала; онъ устремилъ на меня глаза и, казалось, читалъ всѣ мои тайныя мысли. Маменька начала было меня утѣшать, говоря, что я не найду лучшей партіи, что мнѣ пора думать о замужствѣ, устроить себя, утѣшить и успокоить ихъ старость, и многое тому подобное. Но П. прервалъ ее и сказалъ, что онъ угадываетъ причину, почему я не соглашаюсь отдать ему свою руку. — «Вы въ ослѣпленіи, говоритъ онъ: но это скоро пройдетъ, и вы увидите свою ошибку.» — Папенька и маменька, которые не знаютъ ничего о моей склон-

ности, не поняли его словъ; но я ихъ очень хорошо понимала. П. опять устремилъ на меня глаза и сказалъ: — «Теперь дѣло идетъ о вашемъ и о моемъ счастіи; а потому всѣ средства позволены, чтобъ вывести васъ изъ заблужденія. Смотрите!» —

Мы вдругъ очутились въ темной комнатѣ. Передъ нами въ нѣсколькихъ шагахъ, на возвышеніи, курился небольшой костеръ изъ ароматическихъ травъ. Синеватый дымъ, сквозь который время-отъ-времени пробивалось тусклое пламя, вылеталъ снопомъ изъ костра и разстилался во всѣ стороны. Однако онъ не доходилъ до насъ и клубился въ какомъ-то очарованномъ кругѣ, назначенномъ служить рамою для какой-нибудь волшебной картины. Наконецъ этотъ дымъ сталъ сгущаться болѣе и болѣе; его струи начали принимать какіе-то опредѣленные образы, прозрачныя, какъ облака, когда они рисуются ландшафтомъ или силуэтомъ на небѣ, потомъ болѣе плотныя, какъ мраморныя рельефы. Всѣ эти очертанія и фигуры стали сначала толпиться въ нестройныхъ групахъ, какъ-будто въ какомъ-то бѣсовскомъ танцѣ; но вскорѣ все это поемногу успокоилось, картина прояснилась, и я вскрикнула отъ удивленія.

Передо мною явился Тверской-Бульваръ. Множество дамъ и мужчинъ ходило взадъ-и-впередъ. Вдругъ

между ними мелькнулъ и онъ. У меня будто оторвалось сердце. Какъ очутился онъ въ Москвѣ? Я почитала его далеко. Онъ шелъ одинъ, обхваченный стройнымъ сертукомъ; красивая сабля писала слѣды по песку и звенѣла; шляпа съ бѣлымъ волнистымъ перомъ была небрежно надѣта на голову. Ровняясь съ дамами, однимъ онъ только кланялся, съ другими мѣнялъ нѣсколько словъ, на третьихъ бросалъ косые взгляды и проходилъ мимо. Но вотъ, онъ догоняетъ группу дамъ и подходитъ къ одной молодой дѣвушкѣ. Я не рассмотрѣла ея; у меня помутилось въ глазахъ; я слышала только, что проходившіе говорили между собою:—«Видѣли-ль вы молодого жениха? Его полкъ уже въ походѣ; онъ остался здѣсь для невѣсты; сказываютъ, что завтра будетъ помолвка; а свадьба отложена до его возвращенія изъ похода.»—Я уже ничего не видала болѣе. Миѣ показалось только, что когда дамы сѣли въ карету, онъ и молодая дѣвушка бросили другъ-на-друга такіе взгляды!... Боже мой, что со мною будетъ?..

ПЯТЫЙ СОНЪ.

Черезъ три мѣсяца.

Объявлена Туркамъ война. Я будто въ пустыньномъ, дикомъ мѣстѣ: вдали горы, слѣва шумитъ море,

на-право взоръ терлется въ однообразной равнинѣ. За горами слышна стрѣльба. Съ каждымъ выстрѣломъ сердце мое такъ и обливадается кровью. Я боюсь не за себя, нѣтъ, а за него: миѣ что-то говорить, что онъ тамъ, за горами, въ сраженіи. Хочу бѣжать туда, но ноги подгибаются подо мною. Стрѣльба будто все ближе и ближе; однако, горы мѣшаютъ миѣ видѣть сраженіе. Въ волненіи, въ невѣстности объ его участи, я падаю на колѣна и прошу небо, чтобъ оно дало миѣ силу перейти горы и взглянуть на сражающихся. Я лежу ницъ, но подо мною ужь не земля, а конь, и мы летимъ. Я закрыла глаза отъ страха, и отъ быстроты бѣга едва перевожу дыханіе. Когда очнулась, коня уже не было; я одна на высокой горѣ; передо мною страшная и вмѣстѣ великолѣпная картина: на-лѣво—все то-же синее море, волнуется и плещетъ на крутой берегъ; на-право и прямо—обширная равнина; и край уже не тотъ, что по ту сторону горъ. Все въ природѣ цвѣтетъ и улыбается; и небо какъ-то лазурнѣй, и рощи зеленѣй, и разнообразнѣй, краше растенія. Ландшафтъ чудный, какого я въ Россіи и не видала. Но на этой благословенной равнинѣ происходитъ страшное дѣло: небо меркнетъ отъ дыму; въ рощахъ, вмѣсто пѣнія птицъ, слышны ружейные выстрѣлы; по полямъ

и шивамъ мчатся въ разныя стороны буйныя толпы турецкихъ всадниковъ. У подошвы горы стоятъ наши. Дымъ относить вѣтромъ въ-сторону, и онъ не застигаетъ отъ меня нашего войска. Я стою на горѣ безъ боли: гора такъ высока, что выстрѣлы до меня долетѣть не могутъ, и люди кажутся мнѣ почти черными точками. Я всматриваюсь, всматриваюсь, ищу *его* глазами, не могу найти. Тутъ сраженіе какъ-то постепенно исчезаетъ, или, лучше-сказать, превращается въ что-то похожее на балъ. Наше каре стоитъ на томъ-же мѣстѣ: но это ужъ не каре, а огромная кадрили. Всѣ сходятся, расходятся и сплетаются руками. Нашъ институтскій танцмейстеръ, въ шитомъ генеральскомъ мундирѣ, въ башмакахъ со шпорами и съ скринкой въ рукѣ, командуетъ танцующими такимъ-же голосомъ, какимъ, я слышала, командуютъ на парадѣ. По всему полю, вблизи и вдали, видны отряды нашихъ институтокъ. Всѣ раздѣлены по классамъ: въ каждомъ отрядѣ свое каре; но онѣ ужъ оттанцовались, и классныя дамы командовали имъ: «смирно». Вотъ, вдругъ, откуда ни возмись Смольянки: вѣдь ты знаешь, онѣ наши вѣчныя неприятельницы; все также отрядами: отрядъ «голубыхъ», отрядъ «кофейныхъ», отрядъ «бѣлыхъ». Онѣ всѣ верхами, въ амазонскихъ платьяхъ, съ тюрбанами на головѣ. Наскакали. Наши стоятъ крѣпко и

мѣста не уступаютъ. Только вотъ амазонки въ тюрбанахъ какъ-то странно превращаются въ турокъ; еще сидятъ по-женски, а уже у нихъ выросли страшныя усы и предлинныя бороды. Сабли въ зубахъ, за поясомъ кинжалъ и пистолеты. Гдѣ устоять передъ ними нашимъ институткамъ? Турки смяли нашихъ.... Ужасъ какъ было страшно! Я не утерпѣла, забыла все и побѣжала къ нашимъ на помощь. Гора была длинная и крутая: я не столько бѣжала, сколько катилась. Наконецъ, вотъ уже внизу, и спѣшу къ кадрили. Она опять построилась въ густое каре. По срединѣ сидитъ, верхомъ на пушкѣ, танцмейстеръ нашъ въ генеральскомъ мундирѣ и командуетъ смычкомъ. Но не успѣла я добѣжать до каре, какъ настигаетъ меня отрядъ турецкихъ всадниковъ и окружаетъ со всѣхъ сторонъ. Турки съ ужаснымъ крикомъ бросаются на меня, махая надъ головой страшными кривыми саблями. Я обомлѣла отъ ужаса, хотѣла кричать, но духъ занялся въ груди. Тутъ, отъ страшнаго волненія, я вскочила и — проснулась. Однако проснулась не совсемъ. Въ комнатѣ было темно; я лежала, закрывъ глаза; мое разгоряченное воображеніе дорисовывало картину, видѣнную во снѣ. Мнѣ ясно, живо представлялось — и это было не во снѣ и не на-яву — какъ турки еще толпились вокругъ меня, какъ, Богъ-знаетъ

откуда, прилетѣлъ *онъ* на борзomъ конѣ, прорубился сквозь толпу и подскакалъ ко мнѣ. Я подняла благодарные взоры къ небу, и они встрѣтились съ его взорами..... Ахъ, другъ Аннета, какъ *онъ* былъ хорошъ въ эту минуту! Никогда я такимъ его не видала. Щеки его пылали огнемъ мужества, но лицо было спокойно. Въ глазахъ выражалось столько твердости, неустрашимости, презрѣнія къ врагамъ и вмѣстѣ жалости ко мнѣ, что я, очарованная чуднымъ явленіемъ, оставалась неподвижна, прикована взорами къ этой мужественной красотѣ. Я совершенно поняла въ эту минуту, что первая добродѣтель, самое высшее качество мужчины есть героизмъ; что никогда не является *онъ* въ такомъ блескѣ, какъ въ битвѣ; что возвышенные качества души его, сила и крѣпость тѣлесная, нигдѣ не находятъ такого раздолья и случая явить себя, какъ передъ врагомъ, лицомъ къ лицу съ опасностью. Когда же къ сильнымъ качествамъ мужественнаго сердца примѣшается ибѣжное чувство состраданія, жалость къ беззащитному: о! тогда мужчина вдвое прекраснѣе, тогда сердце женщины бьется восторгомъ и умиленіемъ; тогда, съ улыбкой радости на устахъ, и съ глазами, полными слезъ, она смотритъ на него, и какъ на героя, и какъ на ангела-хранителя. О! защита и охраненіе слабости есть, конечно, самый лучший долгъ мужчины,

самая изящная изъ его обязанностей. Тогда-лишь мужчина истинно прекрасенъ.

И *онъ* точно былъ прекрасенъ въ эту минуту, прекрасенъ, какъ надежда для погибающаго, какъ упованіе для грѣшника. Въ избыткѣ чувствъ я бросилась въ его объятія. Но.... Здѣсь я не могу продолжать богѣ.... Одно воспоминаніе леденитъ мои члены. Пораженный сотнями ударовъ, *онъ* упалъ къ моимъ ногамъ..... я долго не приходила въ себя.....

ШЕСТОЙ СОНЪ.

Черезъ два мѣсяца.

Куда какъ душно наше сердце! Почти всегда, къ самымъ благороднымъ его побужденіямъ, примѣшается непременно что-нибудь нечистое и себялюбивое. Слѣтъхъ-поръ какъ я узнала, что *онъ* убитъ, мое сердце стало спокойно; тихую грусть мою не возмущало ничто постороннее. Я была почти счастлива. Но теперь.... Дай, расскажу тебѣ послѣдній сонъ свой.

Я будто въ карантинѣ. Темный слухъ о томъ, будто *онъ* еще живъ, привелъ меня туда. Я одѣта въ темнокоричневое платье; большой золотой крестъ виситъ на груди. Мнѣ казалось, одежда сердобольной-

вдовы всего приличіе для женщины въ смутное военное время. Я хотѣла перебраться за-границу, но услышала, что много раненыхъ, возвращавшихся въ Россію, лежить въ карантинномъ госпиталѣ. Я желала ихъ видѣть. Меня повели по длиннымъ, предлиннымъ палатамъ: тамъ лежали больные солдаты. Нечего тебѣ сказывать, какая страшная, душу возмущающая, картина миѣ тутъ представилась. Я спѣшила далѣе, въ офицерское отдѣленіе. Здѣсь миѣ стало стыдно; я съ трудомъ рѣшилась войти туда. Наконецъ, прикинувшись старушкой, согнувшись и сморщившись, я собрала духъ и вошла. Почти никто не обращалъ на меня вниманія; блѣдые, худые, со впалыми глазами и щеками, а что еще ужаснѣе, безъ галстуховъ, небритые, съ безобразно-длинными усами, лежали раненые офицеры, кто въ-забытѣхъ, кто съ трубкой во рту, но почти всё молча; только немногіе, въ длинныхъ бѣлыхъ халатахъ, медленно прохаживались по комнатамъ, или глядѣли въ окно на дворъ, заваленный тюками и подвалами, да по-временамъ на Божье небо, завидуя его простору и приволью. Надъ каждой кроватью висѣла черная дощечка съ бѣлой надписью. Надвинувъ чепчикъ на глаза и по-временамъ закашливаясь, я, будто изъ простаго любопытства, безъ видимаго участія, поглядывала на эти черныя

дощечки; но одинъ знаетъ Богъ, что тогда происходило у меня въ душѣ. Наконецъ, я ваткнулась на одну дощечку: на ней стояло его имя.... Я забыла все, забыла и притворяться старушкой; я подбѣжала къ нему. Это точно былъ онъ. Но, къ счастью, онъ меня не узналъ. О! какъ переѣвился мой благородный, великодушный, мужественный витязь! Одна рука его висѣла на черномъ платкѣ; на другой лежала, отяжелѣлая, голова его, вся перевязанная. Я смотрѣла ему прямо въ глаза, назвала его по имени; но онъ, представъ, и не откликнулся на мой голосъ, и не оживился отъ моего взгляда, въ которомъ было столько горячей любви, столько теплаго участія! Я сѣла у его изголовья, и, преодолевъ стыдливость, взяла большого за руку. Какой холодный потъ покрывалъ ее, какъ медленъ и неровенъ былъ пульсъ! Я чувствовала, однако, что рука его согрѣвается; пульсъ оживаетъ. Присосновеніе моей руки какъ-будто придало ему силы и жизни. Не оборачивая ко миѣ головы, онъ спросилъ меня, кто я, откуда. Я отвѣчала, стараясь поддѣлаться подъ старушечій голосъ, хотя голосъ и безъ того уже дрожалъ отъ волненія; я отвѣчала, что изъ Петербурга, сердобольная-вдова. Онъ, съ свойственнымъ больному равнодушіемъ, меня болѣе не разспрашивалъ. Долго оставалась я при немъ. Когда увѣрилась, что

раны его не опасны и что онъ близокъ къ выздоровленію, я стала его разспрашивать обо всемъ, что ему близко, и мое живое участіе, казалось, его тронуло. Онъ сталъ со мною откровененъ, и вообрази, что я отъ него улышалась!.. Онъ знаетъ про мою къ нему.. про мою склонность. Я такъ и вспыхнула. Какъ узнать онъ объ этомъ? Я замѣтила ему, что съ его стороны это слишкомъ самолюбиво, и что дѣвушка, о которой онъ говоритъ, о немъ и не помышляетъ. — (Представь, меня достало на эту ложь...) — «Ахъ, какъ мало надо быть провинцательну», — отвѣчала онъ мнѣ улыбаясь, — «чтобъ умѣть разгадать сердечную тайну молодой дѣвушки!.. Повѣрьте, я очень хорошо знаю, что она меня любитъ», — примолвилъ онъ, да съ такою самоувѣренностію, что я испугалась. — Но кто она такая, какъ зовутъ ее? — спросила я у него. — «Вотъ ужъ этого я вамъ не скажу» — отвѣчалъ онъ сухо. Въ эту минуту я-бы его разцѣловала. — А вы — спросила я дрожащимъ голосомъ, и при этомъ мое сердце, казалось, хотѣло выскочить — а вы, чувствуете-ли къ ней какое-нибудь расположеніе? — «Расположеніе, да — но не любовь: мое сердце и мое слово дано другой»...

Что тебѣ сказать на это? — Когда я открыла глаза, меня оттирали. Говорятъ, будто я вдругъ про-

изительно закричала, и когда подбѣжали ко мнѣ, я лежала въ обморокъ. Глухой сонъ!

СЕДЬМОЙ СОНЪ.

Черезъ пять мѣсяцевъ.

Теперь сны ко мнѣ приходятъ все рѣже и рѣже; но зато съ каждымъ разомъ они ужаснѣй и ужаснѣй. Последний сонъ мой былъ таковъ, что я не знаю, соберу-ли силы пересказать его; даже не знаю, переживу-ли его исполненіе. ...

Прежняя, давнишняя сцена возобновилась. Извѣстный тебѣ родственникъ приступилъ ко мнѣ опять. Я отвѣчала ему тѣмъ-же, что сердце мое уже не свободно. — «И вы не преодолѣли своей безумной страсти?» сказала онъ гнѣвно. — Это не страсть, а любовь, отвѣчала я съ твердостью; о томъ-же, безумна-ли она, я не дала вамъ права судить. Оставьте меня; принадлежать вамъ я никогда не буду. — «Никогда?» — Нѣтъ! — «Такъ смотрите-же!» сказала ужасный человѣкъ потрясающимъ голосомъ, и разорвалъ передо мной какую-то магическую завѣсу. Вокругъ насъ опять стало темно; освѣщенъ былъ только волшебный кругъ, но освѣщенъ не земнымъ свѣтомъ. — «Смотрите!»!

повторилъ мой чародѣй, и голосъ его принялъ выраженіе злой, мрачной радости.

Я увидѣла передъ собой молодую, мнѣ незнакомую дѣвушку, красоты ослѣпительной. Ее убирала къ вѣнцу. Бѣлое атласное платье, нѣсколько померанцовыхъ цвѣтовъ въ головѣ, маленькая ножка, на которую надѣвали почти дѣтскій башмакъ... Нѣтъ, я не стану описывать тебѣ ни ея туалета, ни ея наружности. При ея видѣ, страшная, адская зависть овладѣла мною... — *Она* правъ, подумала я: теперь повинжаю его страсть. О! если-бы злой геній послалъ мнѣ ее на встрѣчу: я не знаю, что-бы со мной было: я-бы не вынесла ея превосходства... Счастливица! — А я!...

Вотъ около нея толпятся подруги, родственницы. Вдругъ объявляютъ о пріѣздѣ шафера. Этотъ входитъ и говоритъ, что женихъ уже въ церкви. Въ то-же мгновеніе мой волшебникъ таинственно проводитъ рукой, и передъ нами, въ чародѣйномъ кругу, уже не будуаръ невѣсты, а церковь ярко освѣщенная. Толпа народу; всѣ лампы, всѣ свѣчи зажжены; оклады мѣстныхъ образовъ такъ и горятъ отъ нихъ; угодники Божіи будто ликуютъ вмѣстѣ съ присутствующими. Любопытство и ожиданіе на всѣхъ лицахъ. И вотъ, шумъ на паверти, наружныя двери отвори-

лись пастежь, входятъ шаферы съ образами, за ними невѣста, за нею посаженные, родственники. На встрѣчу къ невѣстѣ идетъ офицеръ въ гвардейскомъ мундирѣ, грудь украшена орденами. Я взглянула на офицера...

Милый другъ, милая Аннета! Не спрашивай далѣе... Это письмо уже не смочено слезами, они высохли...

Папенька и маменька теперь все знаютъ. Я вынесла новую, тяжелую сцену... Но что она значить передъ сномъ?... Я больна не-на-шутку: завтра мы ѣдемъ къ тебѣ въ Москву; меня хотять лечить; напрасно!... Но тамъ я увижу тебя и этого довольно. Можеть-быть, то будетъ послѣднее наше свиданіе. Охъ, тяжело на сердцѣ!...

ИЗЪ ЖУРНАЛА АННЕТЫ.

..... Вчера она пріѣхала сюда; завтра, не теряя времени, мы начинаемъ пить искусственныя воды.

О! если-бы знали люди, какъ мучительно переносить ей ихъ участіе! Мы ѣдимъ на воды; всѣ спрашиваютъ ее о здоровьи. Сколько насмѣшливости

въ этихъ разспросахъ!.. Лечение не принесетъ ей пользы, напротивъ. Отъ бессоницы, которою она страдаетъ, у ней горитъ лицо, горятъ глаза; прежніе сны уже не слетаютъ къ ней. Она даже не плачетъ. Сегодня сильно жалуется на головную боль. Послали за докторомъ.

Нынѣшнее утро мы на воды не ѣздили; да и гдѣ-бы ей? Она уже какъ-будто заговаривается. Докторъ сказалъ мнѣ, что у ней воспаленіе въ мозгу. — «Опасно?» спросила я. — «Молитесь!» отвѣчалъ онъ.... Я всю ночь молилась.

Вотъ уже три дня и три ночи, какъ мы не отходимъ отъ ея постели. Она не узнаетъ насъ, и все говоритъ: «Его сердце, да, и его слово дано другой... Смотрите, смотрите, вотъ ѣдутъ молодые... О! какъ онъ хорошъ!... Но нѣтъ, теперь любоваться имъ уже преступленіе.... А вотъ и она.... Какъ цѣловка, что за лицо! Правда — свѣжа, черты правильны, но безъ выраженія.... А глаза? Да и глаза.... Ахъ, вѣдь это сабля за храбрость! Вѣрно за-то, что онъ защитилъ меня отъ Турокъ?... Аннета, Аннета, гдѣ ты? Ужъ не убита-ли?... Боже мой, какое ужасное сраженіе!..

Убейте и меня.... Ахъ, вотъ ядро, прямо въ голову; голова распадается; больно!... О, скорѣй, отрубите мнѣ ее! Голова моя, голова!» —

Наконецъ, она будто успокоилась. Мы начинали оживать. Но сегодня, въ семь часовъ утра, ей опять сдѣлалось хуже... Вся надежда исчезла... И теперь — ея уже нѣтъ между живыми, у меня уже нѣтъ друга!... Последнія минуты были тихи... Господи, успокой душу страдальцы!..

Ж. Мельгуновъ.

— 238 —

Жизнь моя бездоляная:
Родина — холодная,
Дума — непривольная,
Муза — несвободная! —
Будто струйка на морѣ
Пѣною жемчужная,
Я родилась на горе,
И живу — не нужна.
Мнѣ, зарю розовой,
Радость — гѣнь пріятная
Рощицы березовой.

— 239 —

Влага необъятная,
Дальняя, лазурная,
Мало взоръ легыла:
Непогода бурная
Дѣтскость думъ развѣяла.
Небо вѣчно плачется,
Люди — безотзывные:
Что имъ ни назначится —
Вздохи непрерывные.
Рада-бъ горе высказать —
Не найдешь участія;
Рада-бъ дружбу высказать —
Смоквишь отъ безстрастія!
Только беззакатная
Звѣздочка призванія —
Отдыхъ отъ страданія...
Да и-то я связана:
Отъ умовъ безсовѣстныхъ
Вольность не приказана;
Люди гонять горестивыхъ!...
Но могу-ль противиться
Той, къ-мъ Божьей милостью
Жребій мой счастливится,
Сладостной увѣстью?

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ им. І.І. МЕНДІКОВА

Если море синее
Предъ глазами плещется,
Не-хотя уныние
Въ сердцѣ затрещется!

Слуга еста Шахова.

ПОРТРЕТЪ.

Какъ ты мила, блистательна на бабѣ,
Какъ гибокъ твой полу-воздушный станъ,
Когда паришь сѣльфидою по залѣ,
Въ газъ облачась, какъ въ серебряный туманъ!
Я самъ-не-свой, глазъ не свожу съ тебя:
О милый другъ, такъ нарисуй себя!

Какъ ты мила въ одеждѣ сѣгубьлой,
Въ часъ утренній! Какъ гений тихій дна
Ты явишься съ улыбкою веселой,
И отлетать заботы отъ меня!
Я самъ-не-свой, глазъ не свожу съ тебя:
О милый другъ, такъ нарисуй себя!

Какъ ты мила, когда, власы небрежно
 Разсыпавши волнами по плечамъ,
 Ты предана задумчивости иѣжной,
 И пролетитъ унынье по чертамъ!
 Я самъ-не-свой, глазъ не свожу съ тебя:
 О мильнй другъ, такъ нарисуй себя!

Какъ ты мила, когда въ восторгѣ таешь,
 Къ молодой груди прижавъ дѣтей своихъ,
 Когда ты вся любовью просіяешь!
 Я нью восторгъ изъ свѣтлыхъ глазъ твоихъ;
 Я самъ-не-свой, глазъ не свожу съ тебя:
 О мильнй другъ, такъ нарисуй себя.

Нѣтъ, не рисуй! Художника искусство
 Не передастъ достойно полотну
 Твой свѣтлый взоръ, и пламенное чувство,
 И шелкъ волосъ, и лицй бѣлизну!
 О мильнй другъ, ты на меня гледи:
 Пусть вѣрнется твой ликъ въ моей груди!

П. Овдовскій.

ГОЛА.

=

Хоть ясенъ день, хоть день ненастенъ,
 О водопадъ, твой гость привычный здѣсь.
 Твой всемя грозный шумъ, я полонъ грусти весь;
 Но я здѣсь менѣ несчастенъ.
 Настанетъ только день, я жду часа
 Ити къ скамьѣ, какъ день завечерѣетъ.
 Здѣсь этотъ отбрызгъ колеса,
 Когда онъ мнѣ студеной влагой вѣетъ,
 Плесканье волнъ, сей влаги хладъ —
 Какъ воды сонныя изъ злой рѣки забвенья,
 Какъ неизвестное начало разрушенья,
 Въ больную грудь вливають ядъ.

Но я прикованъ здѣсь какой-то тайной силой:
 Я здѣсь дружусь — съ моею могилой.....
 Здѣсь хорошо! Крестовъ надгробныхъ рядъ,
 Тотъ мостъ, гдѣ смерти тишь и грозныхъ водъ кинѣнье,
 Гдѣ близки такъ и бытіе и тлѣнье,
 И этотъ берегъ, этотъ домъ,
 Прель нимъ дорога, скать долины,
 Подъ тѣнью лигъ развѣсистыхъ Кренгольмъ —
 Мои любимыя картины!...

Страдалецъ, я влекусь неволью къ вамъ:
 Люблю, здѣсь волю давъ мучительнымъ мечтамъ,
 Когда свѣтло дня зайдетъ за синей далью,
 Начнетъ, какъ жизнь моя, уныло догарать,
 Въ шуму Наровы волнъ бродить одинъ съ печалью
 И имъ одиѣмъ тоску души моеи вѣрять....

В. Филимоновъ.

НАУКОВА БІБЛИОТЕКА ОНУ им. І.І. МЕЧНИКОВА

ГЛАСЪ
ВОИЮЩАГО ВЪ ПУСТЫНѢ.

Мы въ земномъ пиру пируемъ
 И земнымъ сердца чаруемъ:
 Пиръ земной роскошенъ, пышенъ,
 И на немъ для насъ не слышенъ
 Гласъ въ пустынѣ воиющаго,
 Къ показно зовущаго.

Насъ земныя суеты,
 Обольщеня и мечты

Укачали, услышили:

Мы, безпечные, забыли

Гласъ въ пустыни вопіющаго,

Къ покаянію зовущаго.

Нашихъ дѣлъ ужасна повѣсть,

И вотще намъ шепчетъ совѣсть,

Что забыли мы законъ;

Въ нашемъ сердцѣ заглушень

Гласъ въ пустыни вопіющаго,

Къ покаянію зовущаго.

Мы слѣпцы, мы чада праха,

И въѣряемъ безъ страха

Обольщеньямъ жизни красной,

И для насъ гремитъ напрасно

Гласъ въ пустыни вопіющаго,

Къ покаянію зовущаго.

Долго-ль, долго-ль въ слѣпотѣ

Предаваться намъ мечтѣ?

Мы земнымъ живемъ и дышимъ:

Скоро-ль, скоро-ль мы услышимъ

Гласъ въ пустыни вопіющаго

Къ покаянію зовущаго?

Мы для благъ земнаго края

Позабыли блага райа:

Рай для грѣшниковъ закрыть,

И вотще для насъ гремитъ

Гласъ въ пустыни вопіющаго

Къ покаянію зовущаго.

Разъчь.

КАПОДИСТРІЯ ВЪ ГРЕЦІИ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ

ИСТОРИЧЕСКАГО СОЧИНЕНІЯ.

=

Бѣдствія Эллады въ теченіе 1826 и 1827 годовъ возрасли до высочайшей степени. Египтяне обладали большею частію Пелопоннса; на твердой землѣ, Аѳины и Мессолонги, сіи завѣтныя вѣстивлицы древней и современной славы народа, находились въ рукахъ мусульманъ; морскія ополченія Идры и Спеціи, до-

толѣ состязавшіяся съ огромными турецкими флотами, къ удивленію всей Европы, или бездѣйствовали въ пристаняхъ, или пострекаемыя скудостію, предавались морскимъ разбоямъ; англійскіе приверженцы, ухватясь за Фавье и Чорча*, раздѣляли съ сими военачальниками позоръ ежедневныхъ неудачъ на ратномъ полѣ, или не менѣе постыднаго бездѣйствія. Одинъ Георгій Каравескаки еще не отчаявался въ спасеніи отечества. Сей храбрый и умный вождь одаренъ былъ высокимъ геніемъ, возмужавшимъ въ бояхъ и превратностяхъ, вопреки дикому образу жизни кляфтовъ. Тогда-какъ все вокругъ него поникло подъ ударами меча и налицы турецкой, онъ, не надѣясь болѣе на призракъ правительства**, отакившего вѣкъ свой за стѣнами Навиліи, набралъ удалую вольницу изъ горцевъ, приобывшихъ къ лишенію и трудамъ, и выступилъ изъ ущельевъ на встрѣчу все-истребляв-

* Полковники Фавье и Чорчъ — первый французъ, бывшій ординарецъ Наполеона, а второй англичанинъ — командовали отрядами греческихъ войскъ.

** *Призракъ* — потому-что временная правительственная коммисія, составленная изъ трехъ членовъ, безъ всякаго вѣса и личнаго вліянія, заперлась тогда въ крѣпости Навилійской и служила играющимъ буйнымъ крамольникамъ: Паламидъ грозилъ ей; а прочіе въ областяхъ разбѣянные храбрые витязи Креста, почитали для себя униженіемъ, ей повиноваться.

шимъ отрядамъ турецкимъ. Горсть неустрашимыхъ вездѣ разила неприятелей, вела съ ними разсыпную войну, и мало-по-малу возрасла въ грозное восьми-тысячное отборное ополченіе. Естественно, всѣ бездомные жители Ливадіи, Акарнаній и Аттики, стекались подъ знамена искуснаго Каравскаки, коего предпріятія становились смѣле по мѣрѣ умноженія его сподвижниковъ. При Араховѣ и Дистомѣ, Каравскаки одержалъ надъ Турками блистательныя побѣды. Ободренный успѣхомъ, онъ обратилъ всѣ усилія на избавленіе Акрополіса или крѣпости Афинской, осаждаемой ратію Решидъ-Паши.

День и ночь высокій умъ вождя занятъ былъ двойкою, нераздѣльною цѣлюю: избавленіемъ Афинъ и избраніемъ въ правители Греціи Іоанна Каподистриі. Успѣхъ въ томъ и другомъ герой почиталъ залогомъ спасенія отечества и въшемъ собственной дѣятельной жизни. Громя враговъ, онъ непрестанно переписывался съ благомыслящими въ Навлаіи; обличалъ ничтожность и безсиліе англійской партіи, занаменовавшей свое владычество надъ Греціею одними бѣдствіями, и твердо настаивалъ на избраніе того, кто прославилъ и возвысилъ Греческое имя во всей Европѣ. Головою побѣдителя Турковъ и сліянные съ нимъ воли народа, съ восторгомъ провозгласившаго имя Каподи-

стрии, привели въ осуществленіе обезславленную шайку противниковъ. 1827 года $\frac{2}{14}$ апрѣля, народное собраніе въ Ермонѣ провозгласило графа Іоанна Каподистрию правителемъ Греціи въ присутствіи Кохрана и Чорча. Такимъ-образомъ совершилось главное желаніе Каравскаки, подкрѣпленное обѣтами и благословеніями всѣхъ искреннихъ сыновъ отечества.

Предстояло второе снискательное начинаніе — исторженіе Афинъ изъ челюстей мусульманъ. Кохранъ и Чорчъ отправились къ мѣсту борьбы; имѣли свиданія съ Каравскаки и вызвались содѣйствовать нападенію на станъ визиря съ морской стороны, высадкою войскъ и пловучею силою. До приступа къ дѣлу многотрудному, ибо надлежало напасть на укрѣпленный станъ отважнаго Решиды и разгромить его силы, чтобы пробраться до Акрополіса, Каравскаки неутомимо обслѣдывалъ положеніе мѣсть и соображалъ способы къ нападенію, испытывая мощь неприятеля ежедневными перепалками. Однажды Турки, усиливъ напоръ, потѣснили греческихъ стрѣлковъ. Георгій, свѣдавъ о томъ, выбѣжалъ изъ ставки, и появленіемъ своимъ разсѣялъ враговъ; но, возвращаясь къ своимъ, раненъ былъ въ животъ ружейнымъ выстрѣломъ изъ кустарника, въ коемъ засѣли бѣглые Турки. Съ воплемъ и рыданіемъ понесли его воины на одръ смертный. Ге-

рой прожить еще несколько часов и, борясь съ безвременною кончиною, безпрестанно твердилъ окружающимъ: «освободите, освободите мнѣ Афины!» Завѣщавъ сподвижникамъ исполнить начатое имъ, Каранскаки испустилъ духъ.

Греція и правитель утратили въ немъ надежный оплотъ, опоры непоколебимую. . . .

Между-тѣмъ, 1827 года октября $\frac{9}{20}$ дня, грануло Наваринское сраженіе; но имъ бѣдствія и страданія Грековъ не прекратились. Чудовищное безначаліе терзало истощенную Грецію: сонмы злосчастныхъ невольниковъ отсылаемы были въ Египеть; поселяне скрывались въ ущелияхъ горъ; на пепелищахъ городовъ и селъ гнѣздилося заустѣніе; на моряхъ своевольствовали корсары; хищный клефъ Гривасъ засѣлъ въ крѣпости Паламидѣ и съ вершины исполинскаго утеса повелѣвалъ Навплиею.

Въ сихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ, правитель графъ Іоаннъ Каподистрія, на англійскомъ линейномъ кораблѣ, одинъ, безъ войска и оружія, явился у береговъ опустошеннаго Египтянами полуострова. Зложелатели внутренно радовались непреодолимому разстройству страны одичавшей, въ которой избраниць, по мнѣнію

ихъ, долженствовали лишиться своей славы. Но предчувствія людей, ослѣпленныхъ злобною непріязнію, посрамлены были событіемъ. Каподистрія повелѣлъ Гривасу сдать крѣпость Паламиду, и меченосецъ-клефъ безпрекословно исполнилъ данное ему приказаніе. Народъ воспрянулъ съ единодушнымъ восторгомъ; крамольники оробѣли и, для безопасности своей, изъявляли притворную радость и безусловное повиновеніе. Правитель Греціи на время утвердилъ свое пребываніе на островѣ Эгинѣ; жилъ въ хижинѣ; наскоро выстроилъ скромный домъ; и, назначивъ себѣ сотрудниковъ, безъ всякаго разбора мнѣній и партій, ревностно принялся за священное дѣло воцаренія законовъ и исцѣленія глубокихъ язвъ осиротѣвшей отчизны.

Съ наступленіемъ 1828 года обнаружались признаки неизбежнаго разрыва между Россіею и Турціею. . . .

Адрианопольскій миръ отнялъ у правителя Греціи возможность дѣйствовать наступательно на христіанскую Фессалію и Эпиръ, и естественнымъ образомъ умножилъ число и силы явныхъ и тайныхъ его зложелателей. Однако, не взирая на сію превратность, графъ Іоаннъ, пріобыкшій во всю жизнь бороться съ враждебною судьбиною, не потерялъ свойственной ему твердости

духа и пребыть вѣрнымъ обѣту братолюбія и покорности воли Всевышняго. Со дня заключенія мира, Каподистрія, какъ истинный труженикъ, несъ тяжкое бремя правленія, единственно по долгу, съ отверженіемъ всѣхъ надеждъ земныхъ.

Выстроивъ въ Эгинѣ собственнымъ иждивеніемъ и съ помощію нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ иноземцевъ огромное зданіе для помѣщенія въ немъ сиротъ мужескаго пола, Каподистрія призрѣлъ въ семь заведеній болѣе шести-сотъ дѣтей, скитавшихся безъ приюта и обреченныхъ нищетѣ и разврату. Подъ надзоромъ добрыхъ наставниковъ, сіи малолѣтки, спасенные отъ гибели душевной и тѣлесной, получали первоначальное образованіе въ вѣрѣ, чтеніи, письмѣ, арифметикѣ, правилахъ отечественнаго языка, церковномъ пѣніи и рисованіи, чтобы изъ сего благодатнаго расадника перейти, смотря по своимъ склонностямъ, въ различныя званія, полезныя для общества. Иные обучались ремесламъ, другіе вступали въ типографіи наборщиками, или въ правительственныя мѣста переписчиками. Оказавшихъ высшія способности опредѣляли въ главное военное училище «*Εὐελπίδων*» (Благонадежныхъ). По примѣру и побужденію чадолюбиваго правителя, въ малыхъ полуразрушенныхъ городахъ и селеніяхъ, среди развалинь, открыты

были по всей Греціи школы взаимнаго обученія; въ Эгинѣ, Навплии, Афинѣхъ и Мессолонги, основались среднія училища для преподаванія приуготовительныхъ наукъ, то-есть грамматики, исторіи, географіи и началъ математики. Наконецъ въ Поросѣ, опустѣвшая древняя обитель инокъ назначена была для духовнаго училища или семинаріи. При совершенномъ оскудѣніи пособій духовныхъ и учебныхъ, мудрый ревнитель святаго православія поручилъ архимандриту Венемикту и проповѣднику Прокопію надзоръ за весьма малымъ числомъ воспитанниковъ, наставляемыхъ въ ученіи и благоправіи христіанскомъ.*

* Несмотря на скудость и крайній недостатокъ въ способахъ денежныхъ, графъ Іоаннъ, кромѣ личнаго изъясненія нами правительственныхъ мѣръ и учрежденій, во время четырехлѣтняго своего правленія, успѣлъ образовывать два учебныхъ батальона и два батальона регулярнаго войска; основалъ въ Эгинѣ музей отечественныхъ древностей и наводносной, но безплодной, восточной Аргосской равнины, завелъ образцовую ферму, близъ Турново, въ которой пространныя шитомники деревь обильно давали растительную пищу безчисленнымъ берегамъ Пелопоннеса, тамъ гдѣ вѣковое варварство истребило все, кромѣ исподлическаго оверра утесовъ и скалъ, уничтожившихъ среди общаго разрушенія. Ему-же Греція обязана возстановленіемъ городовъ Патраса, Мессолонги, Эгинны и Пороса. Онъ въ голодный годъ, ввелъ садку картофея, и разработкою обширныхъ полей пропиталъ многія тысячи семействъ бездомныхъ, спасшихся бѣгствомъ отъ меча Египтянъ, позора и неволи.

Сими мѣрами заложивъ зданіе государственнаго бытія, Каподистрія обратилъ вниманіе свое на устройство властей и воцареніе закона и порядка. Онъ учредилъ «герусію» или сенатъ, въ составъ коего вступили почетные граждане, старѣйшины всѣхъ областей и острововъ Элады, по мѣстному вліянію и заслугамъ cadaго. Не полагаясь на мнѣнія своихъ статс-секретарей, правитель отсылалъ всѣ предначертанія на разсмотрѣніе герусіи, внималъ сужденіямъ ея и сообразовалъ дѣянія правительства съ ходомъ совѣщаній и предложеніями сей государственной думы. Судопроизводство, на основаніи общихъ началъ праводѣнія, постепенно было введено повсюду, начиная отъ мирнаго судіи или «армоста», до высшихъ судилищъ. Судіямъ дано было въ руководство уложеніе Римскихъ императоровъ, извѣстное подъ названіемъ Царскихъ-Книгъ, то-есть «Сборникъ Василія Македонянина». По дѣламъ уголовнымъ, полицейскимъ и торговымъ, правитель призналъ нужнымъ руководствоваться формами и законами французскими. Морское вѣдомство, порядокъ мореплаванія, устройство гаваней, таможенъ, и въ-особенности карантинныя мѣры въ предотвращеніе моровой язвы, сугубо грозной для Греціи по причинѣ сосѣдства турецкаго — всѣ сіи важныя отрасли правленія были предметомъ неуспѣ-

ныхъ, всеобъемлющихъ попеченій Каподистрія. Лишь-только мужъ великій и кроткій успѣлъ принять кормило государственное, морскіе разбои прекратились какъ-бы волшебнымъ сіяніемъ. Зложелатели, дотоли громко вопіявшіе противъ сего закоренѣлаго зла, изумились и съ трудомъ могли скрыть свою досаду; ибо они не безъ умысла оглашали Европу непрестанными жалобами на греческихъ корсаровъ, не изъ усердія къ безопасности торговли, но дабы преувеличенными разсказами объ убыткахъ и обидахъ болѣе и болѣе раздражать державы европейскія противъ ненавидимаго ими народа, и наконецъ, подъ предлогомъ разбоевъ, узаконить общую ловлю и травлю отчаянныхъ христіанъ. Одно появленіе Каподистрія поправило козни ихъ. Онъ, почти безъ строгости, возстановилъ на моряхъ вождѣльную безопасность, и тотчасъ приступилъ къ водворенію тишины на твердой землѣ. Сколько разъ присутствіе безоружнаго правителя среди мятежныхъ скопищъ буйныхъ клефтовъ мгновенно укрощало строптивыхъ и внушало имъ повинновеніе! Обезпечивъ на-время содержаніе войскъ, Каподистрія неумолимо взыскивалъ съ нихъ за малѣйшее своевольство или притѣсненіе сельскихъ жителей. Подавленный дотоли неустовыми шайками, злосчастный народъ ожилъ, свободно вздохнулъ, и единогласно благословлялъ сво-

его покровителя. Пользуясь во всякое время свободным доступомъ къ нему, бѣднѣйшій простолюдинъ зналъ гдѣ искать себѣ защиты, совѣта, утѣшенія и перѣдко существенной помощи. Народъ сдружился съ добрымъ властелиномъ, и въ излияніи любви сыновней, нелицемѣрной, радушно прозвалъ Каподистрию «*Barbàlani*», то-есть «Дядю-Иваномъ» — простонародное выраженіе изъясняющее любовь и довѣріе къ старшему и благодѣтелю*. Въ годину мира, въ странѣ, еще не опустошенной безначаліемъ и не зараженной чужеземствомъ, довольно было-бы сихъ подвиговъ для счастья народа и для безсмертной славы его избавителя. Но труженнику надлежало преодолевать невидимыхъ враговъ и устранять неумѣрныя преграды на пути къ возрожденію народному.

Первый исполнискій трудъ состоялъ въ обрѣтеніи денежныхъ пособій. Казны не было въ Греціи. Англійскіе займы болѣею-частію разошлись по рукамъ

* Слѣдующій случай живо знаменуетъ народное довѣріе къ правителю. Какой-то пашиаръ, или удалецъ изъ военныхъ, спорилъ съ поселениномъ о цѣнѣ продажнаго барана. Мужикъ просилъ пять левовъ, а меченосецъ судилъ только три, и грозилъ отнять барана безъ платы, по праву сильного. Но продавецъ, не робѣя, хладнокровно сказалъ ему: «Поглади, служивый, у моего барана на лбу написано *«Barbàlani»*, а на затылкѣ тоже прописью *«плати левовъ»*. Угодно, такъ возьми.»

безовѣстныхъ предметниковъ Каподистрии. Частнымъ привошеніемъ на алтарь отечества пресѣклись съ надеждою на будущія завоеванія. А народъ бѣдствовалъ въ горахъ, на пещелищахъ сель, среди полей, заросшихъ терніемъ. Стада, виноградники, масличныя и шелковичныя деревья, всѣ пожитки селянина пожрала, сожгла, изрубила, уничтожила война кровавая! Невозможно было ожидать податей отъ обвинявшаго, истощеннаго народа.

Созванное правителемъ народное собраніе, вопреки надеждамъ и предсказаніямъ англо-французской партіи, явилось къ нему полное довѣріе и облекло Каподистрию властію почти неограниченною. Но сіе собраніе не умѣло изыскать источниковъ дохода, и въ недоумѣніи своемъ всю тягость обстоятельствъ возвергло на правителя. Сложность государственныхъ доходовъ не превышала трехъ милліоновъ рублей; а расходы, при строгой, мелочной бережливости, простирались до шести милліоновъ. Каподистрія жилъ и содержалъ свой домъ собственнымъ достояніемъ; на трехкратное предложеніе представителей народныхъ опредѣлить приличную сумму (по 120,000 фениковъ или фряковъ) на его содержаніе, великій гражданинъ отвѣтствовалъ отказомъ. Между-тѣмъ начеты и недостатки увеличились до такой степени, что графъ Каподистрія

принужденъ былъ просить помощи у Россіи и Карла X. Ходатайство его было уважено, и Греческая казна разновременно получила подкрѣпленія. Сверхъ-того Каподистрія добывалъ вспомогательныя суммы ревностнымъ содѣйствіемъ друга своего и друга человечества, женеваго богача г. Эйнара, оказавшаго Греціи незабвенныя услуги. Трудясь надъ умноженіемъ способовъ къ поддержанію народнаго бытія, правитель Эллады не находилъ средствъ сократить издержки, несообразныя доходамъ. Соимы воиновъ и воинскихъ чиновъ, приобыкшихъ жить добычею и войною, въ мирное время, требовали по-крайней-мѣрѣ половиннаго жалованья и, въ-случаѣ малѣйшей отсрочки въ платежахъ, передавались въ руки возмутителей иноземныхъ, съ жадностію ловившихъ всѣ поводы къ возбужденію ропота и неуройства. Однако-же, не-смотря на всѣ преграды, Каподистрія неуклонно шествовалъ къ своей цѣли путемъ искушеній; бдительно наблюдалъ за ходомъ Лондонскихъ переговоровъ, дожилиествовавшихъ рѣшить судьбу Греціи; дѣятельно участвовалъ въ совѣщаніяхъ трехъ посланниковъ въ Персѣ; краснорѣчиво защищалъ права своего народа, и съ свойственнымъ ему искусствомъ выставлялъ тѣ условія политическаго бытія въ отношеніи къ независимости и предѣламъ Греціи, безъ коихъ она существовать не можетъ.

Враги правителя старались оклеветать его предъ народомъ нелѣпнымъ порицаніемъ, будто онъ всемірно отклонялъ избраніе будущаго монарха съ намѣреніемъ удержать бразды правленія. А безкорыстный мужъ въ сіе самое время, обширною перепискою съ дворами Европейскими, не переставалъ внушать, что временное правленіе пагубно для Греціи и непреодолимо препятствуетъ успѣхамъ внутренняго благоустройства.

Доколѣ длились переговоры о семъ важномъ предметѣ, предтеча будущаго вѣнценосца, въ потѣ лица уготовлявшій ему стезю правую, ограничивался настояніями о выборѣ монарха, но не указывалъ ни на кого исключительно. Какъ-скоро избраніе Леопольда (принца Саксенъ-Кобургскаго, нынѣшняго короля Бельгійскаго) сдѣлалось гласнымъ, Каподистрія посигншалъ привѣтствовать новаго властелина именемъ всѣхъ Эллинцевъ, убѣдительно молилъ его высочество не медлить прибытіемъ своимъ въ Грецію, правдолюбиво раскрылъ предъ нимъ положеніе страждущаго народа, и сообщеніе сіе заключилъ изъявленіемъ единодушнаго желанія Грековъ «никогда увидѣть царя своего, поклоняющагося Господу въ единомъ храмѣ съ своими подданными». Отъ избытка сердца провѣ-

шали уста его, не заграждаемая робкими соображениями и расчетами политики земной.

Встрѣтивъ затрудненія въ обезпеченіи займа, необходимаго для возсозданія Греціи, принцъ Леопольдъ отказался отъ предлагаемаго ему вѣнца, увидавъ терніями, и будущая участь Элады снова предана была случайностямъ непредвидимымъ. Менадежность настоящаго порядка снова взволновала умы, порабощенные мятежнымъ вліяніемъ европейскихъ крамоль. Маврокордато, Чорчъ и пришельцы Византійскіе, извѣстные подъ названіемъ Фавариотовъ, составили общій заговоръ противъ правителя, боготворимаго простымъ народомъ. Искусно пользуясь неудовольствіемъ моряковъ и богачей идріотскихъ за то, что Каподистрія не хотѣлъ безъ разбора утверждать счетовъ и требованій денежныхъ, взводимыхъ ими на казну государственную и простиравшихся до двадцати милліоновъ франковъ, пользуясь, говорю, симъ сѣменемъ раздора, коварная шайка успѣла привлечь къ себѣ множество островитянъ упорныхъ и корыстолюбивыхъ. По примѣру ихъ, нѣсколько строитивыхъ клеветовъ и Морейскіе старѣвшины, коимъ возбранялось тѣснить по прежнему простой народъ, пристали къ сторонѣ противниковъ; но еще не дерзали явно противодѣйствовать спасителю отечества. Горсть

книжниковъ, полу-ученыхъ наглецовъ, напиванныхъ суемудрыми ученіями университетовъ запада, вкрались въ довѣріе коренныхъ жителей, и буйными внушеніями сугубо раздражили и ополчили ихъ противъ правительства. Недостатокъ волшебнаго металлическаго талисмана, обыкновенно усыпляющаго неветовья страсти. Со-всѣмъ-тѣмъ глубокое почтеніе къ особѣ правителя, его добродѣтели и живая преданность народная все еще удерживали крамольниковъ въ предѣлахъ угрюмага, но безмолвнаго повиновенія. Внезапно раздалась по всей Европѣ поражающая вѣсть о низверженіи Бурбоновъ съ престола С. Лудовика и о воцареніи на опустѣвшемъ тронѣ Орлеанскаго дома. Сія революція имѣла золотворное вліяніе на судьбу взнемогавшей Элады. . . .

Водители крамолы возчувствовали въ себѣ отвагу и дерзость. Они начали нападеніе мечемъ обоюдоострымъ — изданіемъ въ Идрѣ демагогическаго журнала, изрыгавшаго на правителя, на союзниковъ его, на церковь, смрадный потокъ лжи, клеветъ и ругательствъ. Общія заповѣдныя слова мятежниковъ западныхъ были и ихъ обычнымъ призывомъ. Сія зловѣщія звуки тѣмъ сильнѣе очаровывали толпу, чѣмъ менѣе она ихъ понимала. Измѣна овладѣла невѣжествомъ, и всеобщая

нищета вступила въ тѣсный союзъ съ возмутителями. Мнимо-равнодушные зрители сей борьбы, иностранцы, тайно подстрекали неистовыя страсти туземцевъ. Долго и непреклонно противился Каподистрія; то мѣрами твердости, то кроткими внушеніями останавливалъ онъ порывы измѣнниковъ и посрамлялъ ихъ козни. Мудрая бдительность правителя разсѣяла подушенный ими бунтъ звѣрскихъ Маниатовъ; онъ уничтожилъ полчища капитана Каратассо, подкупленнаго крамолою. На твердой землѣ содѣйствовали ему Колокотрони и Балергій; на морѣ — герой, пребывшій вѣрнымъ отечеству, Константинъ Канарисъ. Кромѣ дѣтельнаго отраженія изступленной крамолы, Каподистрія постоянно заботился о распространеніи въ народѣ понятій здравыхъ....

Третья часть Пелопониса принадлежала Туркамъ. Теперь недвижимость сія, купленная цѣною греческой крови, досталась въ удѣлъ государству. Въ описаніи, оцѣнкѣ и справедливомъ разпределеніи сихъ земель заключалась цѣль всѣхъ усилій, размышленій и трудовъ правителя. Онъ все готовилъ къ раздачѣ земель сельскимъ жителямъ, и въ осадлости народа находилъ единственное ручательство благонадежности выбора

будущихъ представителей членовъ народнаго собранія. Въ сихъ попеченіяхъ Каподистрія о прочномъ благополучіи Эллады, безпристрастное потомство безъ сомнѣнія увидитъ начертанный приговоръ его порицателей; а нелицеприятная исторія на скрижаляхъ сохранитъ память его заслугъ и вопіющей на небо неблагодарности его современниковъ. Иноземная партія, замѣтивъ успѣхи своего журнала, побудила Идріотовъ отразить вооруженною рукою присланныхъ отъ начальства для закрытія ядовитой типографіи, въ коей печатаема была газета «Аполлонъ». Издателью оной, извергу Полизонди, вѣрно было разглашать, что правитель уклоняется отъ созванія конгресса, и принесть сіе отлагательство несытному его властолюбію. На дерзкую клевету Каподистрія отвѣчалъ, что, по первому ежечасно ожидаемому извѣстію объ избраніи короля, народное собраніе будетъ созвано. Тогда крамольники, страшась близкой развязки и видя безполезность всѣхъ мятежныхъ усилій на твердой землѣ, двинули морскую силу, внезапно овладѣли Поросомъ и находившеюся въ сей гавани эскадрою правительства. По приглашенію Каподистрія, російскій контр-адмиралъ Риккордъ съ малымъ числомъ военныхъ судовъ отправился въ Порось; тщетно покушался усовѣстить Маврокордато и греческаго наварха Міаули; наконецъ убѣдился въ пре-

ступномъ ожесточеніи измѣнниковъ, установилъ предъ гаванью строгую блокаду. Изступленные Идріоты осмѣлились стрѣлять по російскому бригу, и, злѣбясь на твердость контр-адмирала, вмѣсто требуемой отъ нихъ покорности и сдачи захваченной эскадры, въ виду нашихъ судовъ, зажгли шестидесяти-четыре-пушечный корабль «Элладу», стоявшій Гречіи болѣе двухъ миліоновъ франковъ, два парохода и одну военную корветту. Злодѣяніе, достойное вѣчнаго позраженія и примѣрной казни! Морская сила Англичанъ и Французовъ слабо содѣйствовала Россіянамъ и еще болѣе раздражала вѣроломныхъ безвременнымъ своимъ посредничествомъ. Правитель вступился за поруганную народную честь; повелѣлъ производить выборъ членовъ конгресса; но, щадя противниковъ, онъ предлагалъ имъ изгнать изъ Идры главныхъ зачинщиковъ мятежа, а виновныхъ въ бунтѣ и сожженіи флота представить суду народнаго собранія. Кроткія предложенія великой души были отринуты и междоусобная война закипѣла. Всѣ пришельцы-демагоги радовались въкладѣнному событію. Многіе малодушные чиновники подали въ отставку или были удалены правительемъ, являвшимъ при обстоятельствахъ только смутныхъ обмолновенную неустрашимость. Пораженный въ сердце, но непреклонный духомъ Канодистрій, среди общаго смутенія,

окруженный измѣною, слѣдами и кознями, умѣлъ охранить спокойствіе твердой земли, не призывавъ къ себѣ на помощь ни одного французскаго солдата. Борясь съ внутреннею печалію и напѣтами злобы, онъ все еще мужался, ходатайствовалъ въ Лондонѣ о избраніи короля и жертвовалъ послѣднимъ достоинствомъ для восполненія государственныхъ доходовъ. Казна Гречіи совершенно истощилась; на раменахъ великаго труженика лежало неудобовосимое бремя. Денежныхъ пособій, заимообразно обѣщанныхъ, ни откуда не приходило; участь народа не рѣшалась.

Въ сію страшную годану искушенія пребыли вѣрными правителью и отечеству слѣдующіе сановники, коихъ имена принадлежать исторіи и въ лѣтонисяхъ Эллады займутъ почетное мѣсто: меньшей братъ незабвеннаго графъ Августинъ Канодистрій (старшій обратнo уѣхалъ въ Корфу); І. Спидали, государственный секретарь; полковникъ Калергій; мужественный

* Отрядъ французскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Шнейдера, расположенный въ Мессинѣ, имѣлъ приказаніе, по первому востребованію правителя, двинуться къ нему на помощь. Но графъ Іованнъ, безъ содѣйствія иноземнаго усмирить Маниатовъ, дозволилъ только генералу Шнейдеру временно занять войсками ближайшіе къ Мелону города; и то единственно по настоянію Французовъ, чтобы недовѣрчивостію не оскорбить ихъ.

вождь Θ . Колокотрони; военачальникъ И. Никитасъ; вождь храбрыхъ Суллиотовъ Дзавеласъ и гроза Турковъ на моряхъ Константъ Канарисъ; почетные Идриоты: председатель сената Цамадосъ, Георгій Гюна; отставный русскій офицеръ, греческой службы полковникъ Райко; коммандантъ Навилійской крѣпости португалецъ Альмейда; и нѣкоторое число чиновниковъ, менѣе извѣстныхъ. Въ герусіи, въ сонмѣ димогеронтовъ или старшинъ городовъ, по всему государству, большинство склонялось на сторону правителя, но не умѣло соединиться для отраженія дерзкой крамолы, гордившейся вѣншиимъ покровительствомъ. Что-жь касается до буйныхъ геростратовъ, кои сожгли отечественный флотъ и на развалинахъ изощрили свои книжалы, готовясь къ послѣдному злодѣянію — перо дѣисателя отказывается начертать имена ихъ, обреченныя безславію. Они, негодуя и стыдясь собственнато безсмія, что неумѣли еще испровергнуть власти законной, оглашали Грецію и Еврону ложными извѣстіями и поношеніями на правителя, твердя, что *тиранъ* — (такъ называли они благодѣтеля Эллады) — заключить въ тюрьмы безчисленное множество невинныхъ. Но когда не стало *тирана*, мѣстное изслѣдованіе обнаружило, что подъ стражею находилось не болѣе

семнадцати человекъ, частью обвиняемыхъ, частью уже обличенныхъ преступниковъ*.

Наконецъ клевета и коварство истожили разжеченныя свои стрѣлы. Несмотря на все происки, тайныя подрывы, явные возстанія и святотатственные покушенія сильной крамолы, правитель Эллады отразилъ удары ея, обличилъ зловредные умыслы, сохранилъ тишину на твердой землѣ и уже готовился нанести злодѣямъ конечное поражение, торжественнымъ открытіемъ въ Аргосѣ народнаго собранія. Не успѣвъ остановить хода помѣстныхъ выборовъ, противники въ изступленіи злобы безсильной единогласно рѣшили умертвить графа Каподистрию. Надлежало избрать опытныхъ кровопійцъ: ихъ нашли въ сонмѣ празднующихся звѣрскихъ Маніатовъ. Между ними первенствовала Петро-Бей Мавромихали, при владычествѣ Турковъ нареченный беємъ или княземъ Маніатскимъ. Сребролюбивый и кровожадный старецъ не престававъ жалѣть объ утраченномъ владычествѣ надъ Манією. Присутствуя въ герусіи и кромѣ-того пользуясь денежнымъ пособіемъ отъ правительства, онъ принялъ

* См. отчетъ правительства Аргосскому конгрессу, поданный въ началѣ 1832 года, и дипломатическую переписку г. Стратфорда Каннинга съ графомъ Августиномъ Каподистриемъ.

дѣятельное участіе въ измѣнѣ Идріото-Фанаріотовъ; по наущенію ихъ тайно бѣжалъ изъ Навплинъ въ свою родину и возбунтовалъ часть тамошнихъ жителей; но вскорѣ былъ пойманъ и нѣсколько мѣсяцевъ находился подъ стражею вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Георгіемъ и племянникомъ Константиномъ Мавромихали. Графъ Каподистрія, уважая его сдѣланы и заслуги двухъ сыновей его, нѣкогда навшихъ на полѣ битвы, не рѣшился предать суду преступника, увлеченнаго въ бездну преступниками, болѣе его-самого виновными. Петро-Бей неоднократно былъ допрашиваемъ въ тюрьмѣ, а сыну и племяннику его дозволено было жить въ частномъ домѣ подъ карауломъ и ходить по городу въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ служителей. Сихъ молодыхъ изверговъ избрала крамола и расположила къ ужасному злодѣянію. Они, подкупивъ шурлика Макри-Іаинъ, къ нимъ приставленнаго, тайными связями успѣли сдѣлать его при себѣ бездѣльнымъ, купили пистолеты, изострили завитые кинжалы. Зная, что правитель безъ страха и безъ страха прогуливается одинъ, любитъ бесѣдовать съ простымъ народомъ и часто бываетъ въ храмѣ Божіемъ, убійцы, съ августа 1831 года, рыскали по всѣмъ закоулкамъ, заходили во всѣ церкви и жадно ловили всѣ случаи къ осуществленію адекаго замысла. Долго не удавалосьъ

имъ подстеречь его безобязанно подвергавшаго ежечаснымъ опасностямъ главу свою, увѣчанную прежде-временными сдѣланными и чистою славою. Два воскресныхъ дня среды, изверги Георгій и Константинъ являлись въ древній, измененный храмъ Св. Спиридона-Чудотворна, часто посѣщаемый правителемъ. Но непредвидѣнные занятія и разстройство здоровья, двараза отвратили отъ него чашу послѣдняго страданія.

Настало 26 сентября, день, въ который святая церковь празднуетъ преставленіе отъ міра суетнаго въ міръ горній наперсваго ученика Господня. Тогда кровопийцы показали у входа въ уединенный храмъ, коего святыня не смягчала лютаго ихъ ожесточенія. Не дождавшись обреченной жертвы, они хладнокровно отложили убійство до слѣдующаго воскреснаго дни 27 сентября.

Въ странахъ восточныхъ литургія совершается при первыхъ лучахъ денницы. По благочестивому преданію, хрістіане, подъ теплымъ, благотворнымъ небомъ, заранѣе стекаются въ храмы, не вкусивъ никакой пищи или нитія, дабы принять крупны отъ преломленія даровъ и сѣрдцѣ, еще свободныя отъ заботъ лукаваго дня, освятить утреннимъ слово-словіемъ. Но въ сей роковой день утреневали не одни вѣрные; и *мужи крови*, сыны погибели и проклятій,

бодрствовали. Георгій и Константинъ Мавромихали, окутавъ себя въ большія епанчи, стояли зловѣщие и неподвижные у вратъ церковныхъ на панертѣи.

Прошло шесть часовъ утра. На близъ-лежащей площади все готовилось къ назначенному пѣхотному и артиллерійскому смотру. Внутри храма Св. Спиридона довольно уже собралось молящихся. Вдали показался графъ Иоаннъ въ обычной темно-синей одеждѣ. Онъ шелъ пѣшкомъ къ церкви. За нимъ сабдовали: одинокій урядникъ Георгій, уроженецъ острова Крита, изувѣченный въ Наваринской битвѣ и жившій ординарцемъ въ домѣ правителя, и, въ нѣкоторомъ разстоянн позади ординарца, рядовой Навплийской внутренней стражи. Завидѣвъ и узнавъ издали пѣшихъ крамольниковъ, Каподистрия нимало не усумнился, вопреки намекамъ и предостереженіямъ, накануне къ нему дошедшимъ. Единому Сердцевѣдцу извѣстно, что происходило тогда въ душѣ мученика, которому предстояло допить до дна чашу скорбей земныхъ. Онъ, твердою поступью подошелъ къ безмолвнымъ чудовищамъ, на поклонъ обоимъ отвѣтствовалъ приподнятіемъ шляпы — и въ тотъ-же мигъ Георгій и Константинъ выстрѣлили въ него изъ пистолетовъ, прицѣлившись къ безстрашному его челу. Потомъ Георгій схватилъ изъ-за пояса кинжалъ и пронзилъ животъ изнемогаю-

щаго праведника. Кровь хлынула изъ ранъ; онъ зашатался и упалъ на грудь ординарца, который подхватилъ его рукою и положилъ на спасенную имъ греческую землю! Убийцы обратились въ бѣгство.

Толпа въ безпамятствѣ высыпала изъ храма; мерзость злодѣянія проникла въ святилище. Вѣрный тѣлохранитель, быстро отворотивъ отъ умерщвленнаго, хотѣлъ выстрѣлить въ Константина, но пистолетъ оскѣся; удалецъ, отбросивъ вѣроломное орудіе казни, выхватилъ другое, ринулся какъ левъ по-пятамъ бѣгущаго разбойника и вторымъ выстрѣломъ прострѣлилъ ему поленицу. Убийца падалъ, приподнимался, силится бѣжать, крошилъ слѣды свои кровью. Народъ сбѣжался на вопль храбраго мстителя, осыпалъ проклятіями злодѣя, который громко винилъ своего товарища, и наконецъ, исторгнувъ его душу, повлекъ искаженное тѣло къ крутому берегу, откуда оно брошено было въ море. Тѣмъ временемъ, сынъ Петро-Белъ, Георгій, вмѣсто-того-чтобы искать спасенія за близкою городскою оградой, направилъ бѣгъ свой, чрезъ площадь и улицу, къ дому французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ барона Руана. Услышавъ крикъ встревоженныхъ жителей, злодѣй оробѣлъ и, не надѣясь безопасно достигнуть предположеннаго убѣжища, сбѣжалъ въ ближайшій къ оному домъ Валліана, чтобы скорѣе укрыться отъ вниманія

толпы. Оттуда, чрезъ знакомую калитку, Мавромихали пробрался во дворъ представителя Франціи, постучался въ двери и послѣ минутнаго разговора былъ впущенъ подъ кровъ гостеприимный. Поцѣловавъ пистолеть свой, онъ отдалъ смертоносное орудіе, пресѣкшее жизнь драгоцѣнную, въ руки француза, подполковника Пеліона, и просилъ защиты.

Между-тѣмъ страшная вѣсть о кончинѣ правителя громомъ раздавалась по всему городу. Братъ убіеннаго, графъ Августинъ, явился на мѣстѣ свершившагося злодѣйства, убитый горестію, но подкрѣпляемый христіанскимъ желаніемъ отвратить безначаліе, не допустить народъ до самоуправства и предать мщеніе единому Богу.

Вскорѣ герусія дала знать, что временная правительственная коммисія уже учреждена и представителемъ оной избранъ графъ Августинъ Канониста.

Вопреки злѣрскому и упорному отрицанію на-верга Георгія и полу-признаніямъ Марціана и товарища его изъ сонма простыхъ воиновъ, верховное судишище, утвердивъ заключенія свои на очевидности, тождествѣ лицъ и безчисленныхъ свидѣльствахъ, приговорило Георгія Мавромихали къ смерти, съ пред-

варительнымъ отсѣченіемъ правой руки, а сообщниковъ его осудило на пожизненное тюремное заключеніе въ оковахъ. Графъ Августинъ отмѣнилъ отсѣченіе руки.

Георгія Мавромихали вывели на лобное мѣсто. Ожесточенный преступникъ предъ самою вѣчностію еще дерзнулъ обратиться къ народу. Уста, дышавшія адекою нераскаянностію, отверзлись, дабы произвести нѣсколько несвязныхъ увѣщаній и побужденій къ миру и единодушію согражданъ. На отрывистыя слова его, всѣ зрители, въ одинъ грозный голосъ или отголосокъ небесъ, отвѣчали: «Анагема!»

Раздались ружейные выстрѣлы, и губитель отчаянъ упалъ на землю, пронзенный пулями.

Съ шумомъ погибла память нечестивыхъ; а драгоцѣнные остатки правителя подверглись врачебному изслѣдованію и разытію, по коему оказалось, что мозгъ прострѣленъ двумя связанными пулями, а утробѣ нанесена рана, которая сама-по-себѣ признана смертельною. За исключеніемъ сихъ поврежденій, вмѣстѣ съ душою великой найдено, во всѣхъ орудіяхъ жизни, совершенно здравымъ и нестошненнымъ,

толпы. Оттуда, чрезъ знакомую калитку, Мавромихали пробрался во дворъ представителя Франціи, постучался въ двери и послѣ минутнаго разговора былъ впущенъ подъ кровль гостепріимный. Поцѣловавъ пистолеть свой, онъ отдалъ смертоносное орудіе, пресѣкшее жизнь драгоцѣнную, въ руки француза, подполковника Пеліона, и просилъ защиты.

Между-тѣмъ страшная вѣсть о кончинѣ правителя громомъ раздавалась по всему городу. Братъ убіеннаго, графъ Августинъ, явился на мѣстѣ свершившагося злодѣяства, убитый горестію, но подкрѣпляемый христіанскимъ желаніемъ отвратить безначаліе, недопустить народъ до самоуправства и предать мщеніе единому Богу.

Вскорѣ герусія дала знать, что временная правительственная коммисія уже учреждена и представителемъ оной избранъ графъ Августинъ Каводистри.

Вопреки зѣрскому и упорному отрицанію изверга Георгія и полу-признаніямъ Макка-Іанія и товарища его изъ сонма простыхъ воиновъ, верховное судилище, утвердивъ заключенія свои на очевидности, тождествѣ лицъ и безчисленныхъ свидѣтельствахъ, приговорило Георгія Мавромихали къ смерти, съ пред-

варительнымъ отсѣченіемъ правой руки, а сообщниковъ его осудило на пожизненное тюремное заключеніе въ оковахъ. Графъ Августинъ отмѣнилъ отсѣченіе руки.

Георгія Мавромихали вывели на лобное мѣсто. Ожесточенный преступникъ предъ самою вѣчностію еще дерзнулъ обратитъ рѣчь къ народу. Уста, дышавшія далекою нераскаянностію, отверзлись, дабы пропознвести нѣсколько несвязныхъ увѣщаній и побужденій къ миру и единодушію согражданъ. На отрывистыя слова его, все зрители, въ одинъ грозный голосъ или отголосокъ небесъ, отвѣчали: «Анагема!»

Раздались ружейные выстрѣлы, и губитель отчизны упалъ на землю, пронзенный пулями.

Съ шумомъ погибла память нечестивыхъ; а драгоцѣнные остатки правителя подверглись врачебному изслѣдованію и разъятію, по коему оказалось, что мозгъ прострѣленъ двумя связанными пулями, а утробѣ нанесена рана, которая сама-по-себѣ признана смертельною. За исключеніемъ сихъ поврежденій, вмѣстѣ души великой найдено, во всѣхъ орудіяхъ жизни, совершенно здравымъ и неистощеннымъ,

объщавшимъ маститую и бодрую старость. Бальзамированное тѣло графа Іоанна, съ печальнымъ торжествомъ, вынесли изъ дома въ соборную церковь Св. Великомученика Георгія и отиѣли при стеченіи всѣхъ жителей, чиновъ, герусіи, войскъ, юныхъ питомцевъ усопшаго, и въ-присутствіи адмираловъ и посланниковъ иностранныхъ. Плачь народа оглашалъ воздухъ и вторилъ молитвамъ объ упокоеніи праведника въ горнихъ обителяхъ, неприступныхъ для злобы человѣческой. . . .

А. Стурдза.

==

НОВОГРЕЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

==

I.

ГОЛОСЪ ИЗЪ МОГИЛЫ.

==

Мы цѣлый день субботу и воскресенье шли,
А въ понедѣльникъ утромъ вина у насъ не стало;
И вотъ мнѣ капитанъ нашъ велѣлъ вина промыслить.
Куда идти не зналъ я, въ странѣ мнѣ неизвѣстной:
Я вышелъ на-удачу на первую тропинку,
И привела тропинка меня на холмъ высокой.

Смотрю: кругомъ могилы, могилы паликаромъ.
 Одна была поодаля, отъ всѣхъ была въ-сторонкѣ;
 Я шелъ, и не-замѣта на голову ступилъ ей.
 И слышу подо мною земля вопить и стонеть.
 — Скажи, о чемъ ты стонешь, о чемъ вопишь, могила?
 Земля-ли тебя давить, или давить черный камень? —
 — «Нѣтъ, не тяжелъ мнѣ камень, не тяжела земля мнѣ;
 Но мнѣ такъа обида, мнѣ такъа оскорбленье:
 Меня ты обезславилъ, на голову ступилъ мнѣ.
 И я какъ ты былъ молодецъ, и я былъ паликаромъ;
 Гулялъ и я бывало при свѣтѣ лунной ночи!» —

II.

УЗНАННЫЙ.

=

Последнюю чарой унитъся хочу: налей мнѣ, родная,
 То близкой разлуки печальная чара: налей! До свиданья! —
 — Дверь отвори мнѣ, красавица, дверь мнѣ, душа, отвори! —
 — «Имя скажи мнѣ свое? Кто ты и какъ прозываютъ?» —
 — Я тотъ, что бывало въ платочкѣ носилъ тебѣ яблоки, сливы,
 Яблоки, сливы, и лакомилъ сладкимъ тебя виноградомъ.
 И сладко, въ награду, я въ вѣчныхъ губки тебя цѣловалъ. —
 — «Что у меня на дворѣ, расскажи, и тогда отпущу я.» —

— Яблона есть у воротъ; есть виноградникъ въ дворѣ;
 Онъ бѣлый даетъ винограда и славенъ мускатнымъ виноградомъ;
 Кто разъ то отбѣдалъ вино, въ другой ужъ навѣрно попроситъ! —
 — «Нѣтъ, лжешь ты, хитрецъ: все это тебѣ рассказали сосѣди!
 Что въ домѣ у васъ, расскажи, и тогда отпущу тебѣ двери.» —
 — Въ самой серединѣ покоя виситъ золотая лампада:
 Она тебѣ свѣтитъ, когда ты свиваешь завѣстья, одежду. —
 — «Нѣтъ, лжешь ты, хитрецъ: все это тебѣ рассказали сосѣди!
 Коли хочешь войдти, коли хочешь, чтобъ двери тебѣ отворили,
 Скажи мои знаки на тѣлѣ.» — На тѣлѣ ихъ два у тебя:
 Одинъ на плечѣ, другой на рукѣ; а межъ бѣлыхъ грудей
 И вѣснецъ и асныя звѣзды. — «Служанки, бѣгите скорѣй;
 Служанки, бѣгите, сѣшите, ворота и двери всѣ настежь!» —

III.

НОЧНАЯ ПОѢЗДКА.

=

— Есть у меня девять братьевъ, родная, сестрица одна:
 Ты въ сумерки моешь ее, при солнышкѣ волосы чешешь,
 Въ богатую радешь одежду ее при лунѣ полуночной.
 Свѣтъ изъ Багдада за ней привѣжалъ, онъ ищетъ невѣсты;
 И пусть она идетъ, родная, пусть ее въ асмя чужую;
 Отрадите будетъ и мнѣ тогда отираваться въ чужбину.

— «Всегда ты разумно судилъ, Константинъ, а теперь неразумно: Въ разлукѣ со мною, кто счастье и горе раздѣлитъ съ Аретой?» —

И матери Господомъ Богомъ поклялся тогда Константинъ, — Поклялся, что въ радости-ль, въ горѣ-ль, а онъ привезетъ къ ней За годомъ годъ проходить, и девять всѣ умерли братьевъ. (Арету. Горько зашавкала мать надъ трупомъ послѣдняго сына:

— «Что-жь, Константинъ мой, вставай, поди привези мнѣ Арету! Ты клялся мнѣ Господомъ Богомъ, Святыми поклялся ты мнѣ, Что въ радости-ль будетъ, или въ горѣ, а ты привезешь мнѣ Арету!» —

Вотъ полночь пробило. Отправилась въ путь мертвецъ за сестрою. Приѣхалъ и видить: при мѣсяцѣ волосы чешетъ она.

— Арета, собирайся въ дорожку! Родная прислала меня! —
— «Ахъ, братецъ мой милый, пора-ли теперь собираться въ до-
Коль ѣхать домой на веселье, цвѣтное я платье надѣну; (ротъ)
А если на горе, тогда въ чемъ была, въ томъ съ тобою поѣду.» —
— Какъ ты есть, поѣзжай: у насъ все по-прежнему въ домѣ! —

И вотъ они въ путь собрались, и вотъ они ѣдутъ дорогою, (чатъ: И слышать, какъ птицы поютъ имъ, и слышать, какъ птицы кри-
«Смотрите, смотрите: дѣвица съ собою везетъ мертвеца!» — (чатъ?)
— «Слышишь, Костаки, что птицы поютъ тамъ, что птицы кри-
— Полно, что слушать намъ птицъ, что договору ихъ и до крика! —
— «Братецъ, мнѣ страшно съ тобой! Мнѣ что-то слышится ладонь!
— Я былъ у вечерни вчера, былъ въ церкви Святаго-Юдана:
Насъ ладовомъ понь закалилъ, чтого тебѣ слышится ладонь. —

— Арету привезъ я, скорѣй ворота отвори намъ, родная! —

— «Далеко отсюда Арета моя, далеко, въ чужбинѣ.
Не смѣйся надъ горемъ! Или, не тревожь ты насъ въ полночь!» —
— Скорѣй ворота отвори! Я слышъ твой, а слышъ твой, Костаки:
Я Господомъ Богомъ поклялся тебѣ, поклялся Святыми,
Что въ радости-ль, въ горѣ-ль, тебѣ привезу я Арету! —
Ворота тогда отворились, а мать испустила дыханье.

IV.

ДНЫЧАРЪ И МАНОЛИ.

=

— Штъ жены твоей прекраснѣй:
Что скучаешь, другъ Манолы?
Что скучаешь, мой красавецъ? —

— «Гдѣ жену мою ты видѣлъ?
Какъ жену мою ты знаешь?» —

— Мужу знать того не надо,
Гдѣ жену его я видѣлъ,
Какъ жену его я знаю! —

— «Какъ, скажи, она одѣта?
Цвѣтъ, скажи, ея повязка?» —

— Въ бѣломъ платьѣ она ходитъ,
Носитъ красную повязку!—

Въ полночь явчаръ подарокъ
Получилъ въ мѣшкѣ кровавомъ,
Развязалъ — и въ немъ находитъ
Голову жены Маноли.

V.

ЛЮБОВЬ ИЗЪ-ЗА МОГИЛЫ.

=

Ты видишь ту гору? И вправо и влево простерлась она.
За этой высокой горою лежала когда-то тропинка;
По этой тропинкѣ съѣзжала невѣста сиротка.
Тысяча сватовъ передъ нею, тысяча шла позади,
Четыреста шло по бокамъ, отъ солнца ее укрывали.
Конь подъ невѣстой споткнулся, раскрылось на ней покрывало;
Тутъ изъ сватовъ одинъ красотѣ позавидовалъ, злобный:
Изъ поѣзда скачетъ впередъ, къ свекрови на дворъ прибѣгаетъ.
— Скажите: гдѣ мать жениха? Скажите: свекровь гдѣ невѣсты?—
И мать отвѣчаетъ: «Я мать жениха, свекровь я невѣсты!»—
— Невѣстка твоя, ей свать говоритъ, три мѣсяца носить!—

И слышитъ то мать жениха и слышитъ сестра его Ева:
— «Готовьте обѣдъ, похара, обѣдъ для сватовъ вы готовьте;
А девять змѣйныхъ головъ для нашей невѣстки сварите,
Судемы двѣ щепотки прибавьте, да яду прибавьте щепотку;
Кувшины съ водою опростайте, изъ бочекъ всю вылейте воду!»—

Отравленъ былъ первый кусокъ, былъ первый кусокъ ей отравой.
Руку бѣдняжка на сердце кладетъ, и къ свекрови подходитъ:
— «Воды мнѣ, воды, умираю — спасеньемъ души заклинаю!»—
— Воды у насъ нѣтъ, отвѣчаетъ, отсюда источникъ далеко!—
Руку бѣдняжка на сердце кладетъ, и къ свекру подходитъ:
— «Воды мнѣ, воды, умираю — спасеньемъ души заклинаю!»—
— Воды у насъ нѣтъ, отвѣчаетъ, отсюда источникъ далеко!—
Руку бѣдняжка на сердце кладетъ, и къ мужу подходитъ:
— «Воды мнѣ, воды, умираю — спасеньемъ души заклинаю!»—
Еще не успѣла сказать, не договорила начатой рѣчи;
Онъ ковшикомъ хватаетъ златой и сифнитъ для жены за водою.
Пока онъ ходилъ и пришелъ, въ живыхъ ужъ ее не находитъ:
Онъ плакальщикъ видитъ въ дому; священникъ читаетъ молитвы.
— Довольно молиться, отецъ мой; не войте вы, старыя бабы!—
И вотъ изъ поженъ золотыхъ дорогой своей книжалъ вынимаетъ;
Высоко подбросилъ его — и въ сердце книжалъ попадетъ.

Въ оградѣ пустынныхъ церкви тѣла закопали ихъ въ землю:
Тростникъ изъ могилы одной, изъ другой книжалъ вырастаетъ.
Глядя, какъ вѣтеръ пустынный ихъ вѣтки другъ-къ-другу склоня-
Прохожій неволью судьбу злополучной четы вспоминаетъ (есть,

И, можетъ, примолвить неразъ, подходя къ позабытымъ могиламъ:
«Смотрите: другъ-друга ласкаютъ они замогильною лаской!»

VI.

МАТЬ И ДОЧЬ.

=

Царь съ Анатольцами хочетъ родиться и ищетъ невѣсты.
Три года какъ ищутъ объ вѣнѣ; три года другихъ отвѣчаютъ;
Десять лѣтъ ищутъ объ томъ, что мать сберегла для невѣсты.
Но время пришло: обдѣла съ богатымъ приданымъ невѣста;
Разъ, поздною ночью, за пражюю сила, она погорѣла.
Заплакала горько бѣдняжка тогда, и просить у Бога:
— «Удастся-ли, Боже, еще увидать мнѣ родимый источникъ,
Буда за водою ходили рабы, гдѣ черпали воду?» —

Разъ при источникѣ утромъ встрѣчаютъ рабы незнакомку.
— Кто ты скажи, незнакомка, и здѣсь ты кого ожидаешь? —
— «Я къ вашей пришла госпожѣ, идите и ей расскажите,
Что встрѣтили вы при источникѣ утромъ сегодня сиротку;
Что бархаты ткать дорогіе умѣетъ сиротка, скажите!» — (читъ!)
— Скорѣй пусть приходитъ ко мнѣ, пусть она бархатъ мой кон-
Сказала рабамъ госпожа. И дочь, не сиротка, къ ней входитъ.
Первый пустила челнокъ и горько надъ нимъ зарыдала:

— «Бархатъ мой, бархатъ, бѣдняжка, бархатъ ты мой, сиротника!
Была я богатой невѣстой, когда тебя ткать начинала,
Кончатъ довелось теперь, какъ нищей бездомной я стала!» —

— Арега, дитя мое, дочь моя! въ радости мать возопила.
Цѣлуешь ее, но не долго. Въ мгновенье не стало обвѣхъ:
На радостномъ мѣстѣ свиданья остались два сѣрые камня.

Н. Протопоповъ.

=

Гармонь Станиславъ

Милы

СЦЕНА ИЗЪ БАУСТА.

=

(Внутренность собора. Звуки органа. Нѣмие въ толпѣ прихожанъ. Близъ алтара стоитъ Маргарита. Попадъ ея Злой-Духъ.)

ДУХЪ.

А помнишь, Гретхенъ, какъ бывало
Съ своей невинностью, одна,
Ты свой молитвенникъ читала
У алтара, у этого окна?
Не знала ты тогда печали,
Игрушки дѣтскія, да Богъ

Твой умъ и сердце занимали.
Кто-бъ думать могъ
Что ты преступна?
Твоя молитва недоступна!
Кто брата твоего убилъ,
Тебя и честь твою сгубилъ?
Бѣдняжка, что съ тобою сталося?
Куда дѣвалась
Головушка твоя?
Ты стыдъ и совѣсть позабыла,
Ты мать родную погубила,
Напрасно молишься, дитя!

Кровь обстунила
Сердце твое;
Страхъ и раскаянье
Гложуть его!

ГРЕТХЕНЬ.

Боже мой, Боже!
Страшныя мысли,
Противу воли,
Вѣчно и всюду
Ходять за мной.

ХОРЪ.

Dies irae, dies illa
Solvat sacclum in favilla.

(Звуки органа).

ДУХЪ.

Горе ждѣть тебя!
Слышишь, грубный гласъ!
Это грозный часъ
Страшнаго суда!

Мертвые встали,
Гробы дрожать!
Грѣшныя кости
Въ гробѣ стучать!

Обновилось изъ пепла
Много-грѣшное сердце!

Ждутъ, наступили
Лютя муки!

ГРЕТХЕНЪ.

Если-бъ могла я отсюда уйти!
Органъ мнѣ занялъ дыханье,
Нѣнье протяжное душу томить,
Сердце и рвется и ноетъ...

ХОРЪ.

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet adparebit,
Nil inultum remanebit.

ГРЕТХЕНЪ.

Черныя стѣны кругомъ,
Страшно отъ нихъ и темно!

Рядами колонны
Меня обступили:
И душно и тѣсно,
И мѣста мнѣ нѣтъ!
Скорѣй-бы на воздухъ,
Скорѣй-бы на свѣтъ!

ДУХЪ.

Прячься! не спрячешь грѣха!
Кройся! не скроешь стыла!

Съ ними не сыщешь
Мѣста нигдѣ:
Душно и тѣсно
Будетъ вездѣ!

ХОРЪ.

Quid tum miser tunc dicturus?
Quem patronum rogaturus?
Cum vix justus sit securus.

ДУХЪ.

Святители прочь отъ тебя
Лики свои отврати;
Угодникамъ страшно тебѣ
Помощи руку подать.
Худо тебѣ!

ХОРЪ.

Quid sum miser tunc dicturus?

ГРЕТХЕНЪ.

Душно, дурно! Помогите.....

(Надъ собою чувствуетъ).

А. Струговщикова.

ЕВРЕЙСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

=

I.

Покрытые таинственною мглою, пути Провидѣнія мрачны и несповѣдимы; но они благи и праведны. Пусть такъ помышляетъ человекъ, надѣленный свыше силою разума: и ощутительные удары неумолимаго рока не повергнутъ его въ отчаянное уныніе, и неудачныя преднамѣренія не поставятъ его въ безутѣшное положеніе. Такъ мыслилъ, такъ поступалъ рабби Акиба, который, неодолимый въ превратностяхъ счастья, съ дѣтскою покорностію волѣ премудраго

Создателя, безропотно переносилъ все напасти, будучи убѣжденъ, что все, попускаемое Провидѣніемъ, совершается ко благу человека.

Вотъ одна черта высокаго его характера, взятая изъ Тальмуда.

На побѣгѣ своемъ отъ гоненія, воздвигнутаго на раввиновъ Римскимъ императоромъ Адрианомъ, изъ Сиріи въ Эфесъ, рабби Акиба проходилъ чрезъ одну изъ самыхъ негостеприимныхъ странъ того жаркаго пояса. Мучимый зноемъ и обезсиленный тяжкою пошею, которую онъ раздѣлялъ съ вѣрнымъ спутникомъ своего изгнанія, терпѣливымъ осломъ, мудрецъ съ жадностію искалъ мѣста для отдыха и съ нетерпѣніемъ оглядывался на все стороны, не встрѣтитъ-ли гдѣ-нибудь жилища людей, чтобы успокоить тамъ утомленные свои члены. И не смотря на то, что въ пустынной этой степи не видно было ни малѣйшаго слѣда человеческого пребыванія и дѣятельности, благочестивый рабби, въ полномъ упованіи на Мірохравителя, пекушагося и о пресмыкающемся червячкѣ и о рождающейся былинкѣ, продолжалъ путь свой безъ ропота. Кто можетъ изобразить его радость, когда вдругъ увидѣлъ онъ верхъ городской башни, озаренный послѣдними лучами заходящаго солнца! Надежда найти желанное успокоеніе укрѣпила изнемогающія его силы

и окрылила ноги его. Онъ поспѣшно приблизился къ небольшому городку. Но увы! желѣзная воля тирана, его преслѣдовавшаго, была уже извѣстна и въ этомъ отдаленномъ уголѣ; никто не хотѣлъ исполнить священнаго долга гостепріимства, никто не хотѣлъ дать преслѣдуемому рабби почета. Съ спокойствіемъ, различнымъ истинному величію, произнесъ онъ:

— «Господь управляетъ волею человѣческою; дѣянія Его премудры и праведны. Я вереночую въ гѣсу. Ты, Отецъ Небесный, будь моею защитой!» —

Онъ засвѣтилъ свѣчу, снялъ вьюкъ съ своего осла, и сѣлъ подъ кустомъ, держа при себѣ пѣтуха, служившаго ему вмѣсто часовъ.

Едва сомкнулись утружденные его вѣжды, какъ онъ уже былъ разбуженъ ревомъ голоднаго льва, который, бросившись на его осла, раздиралъ и пожиралъ его.

— «О Всеблагій! произнесъ мудрецъ, вознося руки къ небу: почто Ты лишилъ меня послѣдней моей опоры?» —

Лишь-только слова сія соскользнули съ устъ его, какъ подкралась лисица и задушила его пѣтуха.

— «Судьбы Твои праведны! воскликнулъ мудрецъ. Будь имя Твое благословенно! По-крайней-мѣрѣ при мнѣ

есть свѣча, и въ приближеніи опасности я буду еще въ состояніи взлѣзть на дерево!» —

Тутъ подулъ вѣтеръ, и свѣча потухла.

— «Да будетъ воля Твоя!» произнесъ съ благоговѣніемъ рабби Акиба. —

Въ ту самую ночь на тотъ городокъ напало неприятельское войско. Жители были ограблены и подверглись жестокимъ истязаніямъ. Увидя городъ облитый пламенемъ, рабби Акиба повергся въ прахъ предъ Господомъ.

— «Непостижимый! воскликнулъ онъ. Я признавалъ благость Твою, и Ты чудно вознаградилъ меня за-то. Если-бъ я остался въ городѣ, если-бы мой оселъ заревѣлъ, мой пѣтухъ запѣлъ, или если-бы свѣча моя не потухла, то я неминуемо сдѣлался-бы добычею смерти!» —

II.

Мрачны и неисповѣдимы пути Провидѣнія; но они благи и праведны. Это мы видимъ изъ приключенія рабби Акибы. Но что они не только неисповѣдимы, но также и непреложны, поучаетъ насъ слѣдующая притча.

Посреди царскаго совѣта, царь Соломонъ увидѣлъ однажды ангела смерти, который, невидимый никѣмъ,

съ грознымъ лицомъ стоялъ за столомъ канцлера его Агіова. Сильно потрясенный этою зловѣщею примѣтою, грозившею ему лишеніемъ одного изъ первыхъ его любимцевъ, царь распустилъ собраніе. Онъ повелъ Агіова въ тайный свой кабинетъ, молча напечатлѣлъ ему на вискахъ свой таинственный перстень, и силою кабалистическаго заклинанія переселилъ его въ уединенную хижину среди пустыни, болѣе чѣмъ на пятьсотъ миль отдаленной отъ столицы, думая такимъ образомъ скрыть его отъ взоровъ и отъ власти страшнаго духа. Недоступенъ для глазъ человѣческихъ и даже для взоровъ духовныхъ существъ былъ этотъ уголокъ дикой пустыни, гдѣ со времени мірозданія не ступала нога смертнаго, не мелькала улыбка духовъ безсмертныхъ. И царь успокоился на время.

Но невыразимая скорбь наполнила душу царя, когда на другой день, заглянувъ въ волшебное зеркало, онъ увидѣлъ своего Агіова бездыханнаго. Съ торжествующимъ лицомъ стоялъ въ головахъ у него ангелъ смерти.

— «Какъ? спросилъ его Соломонъ. Вчера еще лице твое было такъ мрачно; отчего оно сегодня такъ весело?» —

— Вчера, мудрый повелитель, отвѣчалъ грозный ангелъ, вчера не зналъ я еще, какъ мнѣ воз-

можно будетъ исполнить мое порученіе, взять душу этого человѣка, когда онъ находился еще въ твоей столицѣ, въ такомъ разстояніи отъ мѣста, предопредѣленнаго вѣчными судьбами. Но въ изрѣченіяхъ Господнихъ нѣтъ противорѣчій. Сегодня въ назначенный часъ увидѣть я его здѣсь, и — исполнилъ долгъ свой! —

— «О! воскликнуть пораженный удивленіемъ царь Соломонъ: такъ это я самъ, вмѣсто-того-чтобы спасти его, споспѣшествовалъ его смерти, прелавъ его въ твои руки! О какъ близорукъ самый прозорливый изъ смертныхъ! Предопредѣленіе Господа неизбѣжно. Я скорблю, но съ благоговѣніемъ поклонюсь Тебѣ, Всемогущій!» —

III.

Жену доблестную кто обрѣтетъ? Она дороже многоцѣннаго камня.

Такую драгоценность обрѣлъ рабби Меиръ, знаменитый учитель. Однажды въ субботу, между-тѣмъ какъ онъ всеародно объяснялъ слово Божіе, умерли отъ язвы два его сына: оба прекрасные наружною и озаренные свѣтомъ закона Божія. Жена его понесла ихъ въ свой теремъ, положила на брач-

ное свое ложе, и покрыла трупы ихъ бѣлымъ покрываломъ. Вечеромъ, возвратившись домой, рабби Меиръ спрашиваетъ дѣтей своихъ, чтобы дать имъ свое благословеніе.

— «Они пошли въ синагогу» — отвѣчаетъ супруга.

— Я озирался повсюду, и нигдѣ ихъ не замѣтилъ, возразилъ онъ.

Она подала ему кубокъ, наполненный виномъ. Рабби восхвалялъ Господа, прочелъ молитву, вкусилъ священный напитокъ изъ поднесенной нѣжною супругой чаши, и въ другой разъ спросилъ:

— Гдѣ-жъ мои дѣти? Пусть придутъ и вкусятъ отъ чаши благословенія! —

— «Они вѣрно не вдали отсюда» — отвѣчала она, и оставила столъ приготовленнымъ брашномъ.

Весело провелъ рабби въ бесѣдѣ съ мудрою супругою священныя минуты отходящей субботы. Выслушавъ послѣднюю молитву, доблестная жена вновь начала разговоръ сими словами:

— «Рабби, позволь мнѣ предложить тебѣ вопросъ!» —

— Говори, драгоценнѣйшая изъ женъ, отвѣчалъ онъ. —

«За нѣсколько времени предъ-симъ, нѣкто далъ мнѣ для сохраненія драгоценныя вещи; теперь онъ требуетъ ихъ обратно; возвратитъ ли ему ихъ? —

— Какъ? возразилъ Мейръ. И жена моя предлагаетъ мнѣ такой вопросъ? — Неужели ты одну минуту могла колебаться возвратить владѣльцу его собственность? —

— «О! нѣтъ! отвѣчала она. Но и возвратить не смѣла я безъ твоего вѣдома.» —

Вслѣдъ за-симъ она повела его въ теремъ, приблизилась къ ложу, и сняла покрывало съ труновъ.

— Увы! дѣти мои! возопилъ пораженный внезапно отецъ: дѣти мои и наставники! Я произвелъ васъ на свѣтъ, но вы просвѣтили глаза мои въ законѣ!

И она обернулась въ сторону, и плакала, не будучи въ состояніи спокойно переносить душевную скорбь, столь сильно овладѣвшую ея мужемъ. Наконецъ ободрившись, взяла его за руку и сказала:

— «Рабби! не учишь-ли ты меня, что не должно колебаться возвратить то, что поручено намъ для сохраненія? — Не Господь-ли далъ, не Господь-ли взялъ? — Да будетъ имя Господа благословенно!» —

— Да будетъ имя Господа благословенно! возгласилъ и онъ. Истинно вѣщаетъ писаніе: «Жену доблестную кто обрѣтетъ? Она дороже многоцѣннаго камня!» —

Функель.

ЧЕРНООКАЯ.

=

Дѣва прекрасная, дѣва жестокая,
Идожь напрасныхъ молитвъ,
Я-ль не любилъ тебя, другъ-черноокая,
Болѣе пѣсень и битвъ!

Поминишь-ли степи?.. Въ тѣ степи безводныя
Я за тобою бѣжалъ;
Поминишь-ли пѣсни?.. Въ тѣ пѣсни народныя
Имя твое я вписалъ!

Между арабами пѣсней лучшей
Пѣсня была моихъ слезъ.
Конь мой невзвзданный бурей летучею
Вновь къ тебѣ друга принесть...

Степь та безводная, степь та широкая,
Пѣсни, арабы — все тѣжъ!
Дѣва прекрасная, дѣва жестокая,
Радость души моей — гдѣ-жь?

Бура пескомъ на забвеніе вѣчною
Слѣдъ засыпаетъ коня:
Дѣва забыла влеченье сердечное,
Дѣва забыла меня! —

Николай Гервазовскій.

БАНДУРИСТЪ.

Вечерній сводъ неба былъ ясенъ и чистъ.
У темной дубравы сидѣлъ бандуристъ,
Главу на бандуру склоняя;
Предъ нимъ разстиались Сулы берега,
Въ цвѣтахъ разноцвѣтныхъ нестрѣли луга
И степь протанулась глухая.

Лишь тамъ въ отдаленіи видишь курганъ,
За нимъ-же все пусто, и степь, какъ туманъ,
Сливается съ небомъ далекимъ.

И тихо въ той степи. Ковыль тамъ шумитъ,
 Да воронъ печально надъ ней прокричитъ
 Въ полетѣ своемъ одинокомъ.

Въ лицѣ бандуриста видѣлась тоска:
 Знать горе знакомо душѣ старика!..
 Но пылко глядѣлъ онъ, какъ юный...
 Слеза засверкала на ясныхъ очахъ;
 Подруга бандура въ могучихъ рукахъ—
 И звучно настроилъ онъ струны.

По-прежнему грустно смотрѣлъ онъ на даль,
 И слышалась въ громкихъ аккордахъ печаль.
 Но вотъ и пѣвецъ голосистый
 Струнамъ началъ вторить въ вечерней тиши,
 И пѣсня, родной отголосокъ души,
 Изъ устъ полилась бандуриста:

— «Ты какъ яворъ стройна,
 Ты какъ небо ясна —
 Да боюсь тебя, прелесть дѣвица:
 Отъ полуночныхъ травъ,
 Отъ ужасныхъ отравъ,
 Ядовитѣй твой взоръ, чаровница!»

Ты роскошна какъ змугъ;
 Зубки словно жемчугъ,

Губки алма слово-калина;
 И какъ смоль волоса,
 И волниста коса,
 Не румянецъ на щечкахъ — малина.

Какъ любовь — ты чиста,
 Какъ молитва — свята,
 Вкругъ тебя будто ангелы вѣютъ;
 Какъ въ звездахъ небеса,
 Твои блещутъ глаза —
 Да мои въ нихъ смотрѣться не смѣютъ.

Не пойму я себя!
 Убѣгу отъ тебя —
 Ты страшнѣе меня, прелесть-дѣвица:
 Отъ полуночныхъ травъ,
 Отъ ужасныхъ отравъ,
 Ядовитѣй твой взоръ, чаровница!

Ты явилась — съ-тѣхъ-поръ
 Душу жжетъ мнѣ твой взоръ
 И вывадетъ отраву недуга...
 На тебя посмотрю,
 Пламенью, горю —
 А за мною тоскуетъ подруга!

Убѣгу, улечу,
 Все въ душѣ залечу

Потекутъ снова дни мои сладко;
 О тебѣ-жь, красота,
 Не взгрустну никогда,
 Я не вспомню тебя и украдкой!» —

И козакъ молодой
 Улетѣлъ въ край родной.
 Хороша, какъ и прежде подруга,
 И ласкаетъ его;
 Но въ душѣ у него
 Затаилась отраву недуга.

Онъ подругой живетъ,
 Для нее онъ поетъ,
 И счастливъ близъ любимой дѣвницы:
 Но груститъ въ тишинѣ
 По другой сторонѣ...
 Такъ и свѣтятъ глаза чаровницы!

Серце сказа печаль,
 Сердце просится въ даль;
 Но козакъ здѣсь обѣтомъ прикованъ.
 А душа все туда,
 Гдѣ бѣднякъ навсегда
 Чаровницею былъ очарованъ.

Сталъ онъ тяжело страдать,
 День и ночь умолять

Небеса объ отрадной кончинѣ;
 Но подруга его
 Не могла ничего
 Отгадать объ ужасной кручинѣ.

Такъ прошло много лѣтъ.
 Онъ хранилъ свой обѣтъ,
 Онъ до гроба былъ вѣренъ обѣту;
 Но съ разбитой душой,
 И съ клюкой, и съ сумой,
 Онъ безумцемъ скитался по свѣту... —

Умолекъ бандуристь; но все та-же тоска:
 Знать горе знакомо душѣ старика!..
 Но пылко глядѣлъ онъ, какъ юный!..
 Глаза утонули въ блестящихъ слезахъ,
 Послышались звуки бандуры въ струнахъ:
 То слезы ударили въ струны.

Александръ Чужбинскій.

Исковцы.
 10 апрѣля, 1839.

РАЗОЧАРОВАНИЕ.

=

Въ борьбѣ съ враждующей судьбою,
Я вѣру въ счастье теряю,
И, поглощенный суетою,
Къ душевной смерти привыкаю.

Я мнилъ: что сердце волновало
На утрѣ юношескихъ дней,
Тому не воскресать; пропало
На мрачномъ днѣ души моей!

Безъ чувствъ, въ раздумьи одинокомъ,
Какъ тѣнь, бродилъ по свѣту я...
Вдругъ невзначай, въ краю далекомъ
Мелькнулъ мнѣ вѣстникъ бытія.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ роза надъ могилой,
Затрепетала жизнь во мнѣ,
И долго, долго, образъ милой
Слѣдилъ меня въ волшебномъ снѣ...

Но дни бѣгутъ, съ очей спадаетъ
Повязка радужной мечты,
И ужъ невѣрно отражаетъ
Мнѣ память мильна черта,

И предо мною съ прежней силой
Встаетъ борьба земныхъ страстей...
Да! день еще, и образъ милой
Покинетъ мракъ души моей!..

Такъ чистый ангелъ съ содроганьемъ
Летитъ изъ храма, узавлечъ
Тлетворнымъ грѣшника дыханьемъ,
И мчится въ свѣтлый небосклонъ.

тесъ на-примѣръ въ Дианен-Бадѣ, или у фактора Маркуса. Тамъ должна быть въ свѣжей памяти моя прыть; тамъ показывалъ я себя недавно — и даромъ. . .

Не-смотря на то, я точно «гулялъ» по Бессарабіи. Какъ-же иначе велите назвать экскурсію, въ которой, въ-продолженіе какихъ-нибудь двухъ недѣль, пролетѣлъ я отъ Измаила до Хотина, отъ Леова до Бендеръ? — Гуляютъ не только пѣшкомъ, гуляютъ и верхомъ; почему-жъ не гулять въ коляскѣ? — *Конце концовъ* — я «прогулялся» только по обширной Бессарабской области, и хотя извѣдывалъ ее по всѣмъ направленіямъ, вдоль и поперекъ, но не хочу морочить православный народъ, выдавая себя за «путешественника». Не угодно-ли и другимъ-прочимъ «прогуляться» за мной воображеніемъ? Бессарабія такая сторона, что въ ней на-лету можно схватить много любопытныхъ впечатлѣній, соединяющихъ съ разнообразіемъ прелесть новости. Если я не сумѣю передать ихъ въ той занимательности, какую онѣ имѣли для меня, это значитъ, я не мастеръ гулять по бумагѣ; вѣрно перо мое также плохо, какъ ноги! . .

Прошлая весна, по-видимому, вовсе не предвѣщала того знойнаго, огнедыщащаго лѣта, которое даже въ

Петербургѣ угрожало высунуть до-дна бездонныя болота. Она стала очень поздно. Въ концѣ марта, Одесса праздновала Пасху, опоясанная льдами. Весь апрѣль, погода была ледая, но суровая. Постоянно дули сухіе холодные вѣтры. Дождя хоть-бы капелька. Грустно глядѣли нагія деревья, мучась не раздражающимися почками; въ завітный Егорьевъ день на нихъ не было листа и въ полушку, какъ бываетъ иногда подь Москвой: Черствая степь едва опушалась блѣдною, тощею зеленью.

Таково было положеніе доброй-матери природы, когда мы собрались въ Бессарабію. Положеніе для насъ вовсе не обидное! Такъ бываетъ обыкновенно на свѣтѣ: однимъ дурно, другимъ хорошо, и обратно. Намъ совсѣмъ не нужно было дождя, который могъ только испортить гладкую скатерть степныхъ дорогъ, взмѣсить на ней калужское-гѣсто вязкой степной грязи. А холодъ?.. Будто мы не потомки гeredотовыхъ Невровъ, которые такъ ловко превращались въ мохнатыхъ волковъ, при появленіи въ воздухѣ гиперборейскаго серебрянаго пуха! . .

Мы выѣхали изъ Одессы 29 апрѣля, утромъ. Таможенные аргусы — Богъ имъ судья! — перешунали всѣ ребра нашей коляски. Впрочемъ спасибо и за то, что истязаніе скоро кончилось. Черезъ какіе-ни-

будь полчаса, мы уже мчались по Овидіопольскому тракту.

Отъ Одессы до Овидіополя считается 36 верстъ, составляющія одинъ почтовый перегонъ. Дорога отдѣляющаяся отъ большой Тираспольской, влѣво, у самой таможни, идетъ чистою степью, слегка изрытою разлогими, неглубокими балками. Моря нигдѣ не видно; направленіе дороги постепенно отклоняется отъ него все дальше и дальше.

На 12 верстѣ отъ города, церковь довольно красивой архитектуры, обратила наше вниманіе. Я хотѣлъ знать, что это за селеніе. Миѣ отвѣчали, что это еще Одесса, или, если угодно, предметіе Одессы, называемое Татарка. Вотъ почему въ Одессѣ считается до 70,000 жителей. Къ ней причисляются все окрестныя хутора, деревни и селенія. Первая станція по Тираспольской дорогѣ, большое село Дальникъ, до котораго платится прогоновъ за 15 верстъ, все еще Одесса! —

Въ 20 верстахъ, уже за чертою города и градоначальства, въ уѣздѣ, лежитъ прекрасная нѣмецкая колонія Либенталь. Дорога разрѣзываетъ ее поперекъ. Она имѣетъ наружность совершенно иностранную. Маленькіе, чистенькіе домики, разбросанные въ живописномъ беспорядкѣ по дну широкой балки, тонуть въ густотѣ садовъ, выращенныхъ истинно-нѣмецкимъ

террѣціемъ. Жители, не говоря уже о фізіономіи и климатѣ, сохраняютъ свой отечественный костюмъ, слегка отѣвенный необходимыми уступками здѣшнему, хотя и южному, климату.

Верстъ за 5 открывается широкое, величественное зеркало Дибстровскаго-Лимана, и надъ нимъ, по ту-сторону, Аккерманъ съ своими высокими башнями. — Гдѣ-жъ Овидіополь? спрашивалъ я петербуржца. — Будетъ; отвѣчалъ сухо ямщикъ, понукая приуставшихъ коней. — Вскрай лимана, по-сю-сторону, торчалъ какой-то одинокій шестикъ; онъ началъ расти, расти, и наконецъ выросъ цѣлою колокольнею. Мы подѣхали къ самому лиману. Овидіополь лежалъ у насъ подъ ногами.

Восточный, собственно-новороссійскій, берегъ лимана высокъ, и круто обрывается почти надъ самымъ водоемомъ. Подъ нимъ-то, глядясь смиренно въ пышное зеркало волнъ, покоится Овидіополь. Еще съ полу-горы начинается улица, которая шириною можетъ поспорить съ Невскимъ-Проспектомъ. Длина ея совершенно равна этой величавой ширинѣ, такъ-что вся улица имѣетъ видъ правильнѣйшаго квадрата. Поворачивая тотчасъ влѣво, она приводитъ васъ немедленно къ гавани. Тутъ стоитъ церковь, бѣлокаменная, довольно опрятной наружности. Вдоль берега тя-

нется веренища хать, маленькихъ, сѣренькихъ, точно стадо дикихъ утокъ, снугнутое съ лимана. Впрочемъ это не весь еще Овидіополь. По вольности степныхъ селеній, которыя любятъ просторъ, онъ раскидывается широко, на необозримое глазомъ пространство. Однако на этомъ необозримомъ пространствѣ всего-на-все насчитывается немного больше трехъ-сотъ домовъ и трехъ-тысячъ жителей.

— Какимъ чудомъ имя знаменитаго поэта классической древности могло прильнуть къ этой коллекціи мазанокъ и землянокъ, населенной всякимъ сбродомъ племень и лицъ, варѣчій и одеждъ? — Извѣстно, что опальный любимецъ Августа былъ сосланъ въ древнюю Мизію, которая никогда не простиралась по-сю-сторону Дуная. Пространство между Истромъ и Тирасомъ, между Дунаемъ и Днѣстромъ, было тогда наполнено Гетами и Сарматами, не перепускавшими хищныхъ орловъ Рима въ свои вольныя степи. Овидій хвастается, что его муза, выучившаяся на-досугъ языку варваровъ, нашла доступъ къ ихъ грубымъ сердцамъ, что онъ пѣлъ для нихъ пѣсни, сложенные на римскій ладъ изъ ихъ родныхъ звуковъ, и что «безчеловѣчные» дикари, въ избыткѣ чувствъ, признали и провозгласили его своимъ пѣнтой.

... Didici Getice Sarmaticeque loqui . . .

Structaque sunt nostris barbara verba modis ,

Et placuit gratare mihi, coepique poetae

Inter inhumanos nomen habere Getas. *

Если все это правда, то, по вѣроятности, ежели не тождества, то по-крайней-мѣрѣ близкаго родства древнихъ Гетовъ и Сарматовъ съ нашими предками, мы могли-бы начать лѣтовисъ нашей поэзіи не съ соловья Байна, а съ горемычной кукушки Овидія: даже — чего добраго — не его-ли прародительское кукованье и воднесь, черезъ осьмнадцать вѣковъ, отзывается въ «заглическихъ куку» нашихъ нынѣшнихъ пѣнть?.. — Все это однако не имѣетъ никакого отношенія къ Овидіополю. Городъ Томы, куда сосланъ былъ Овидій, очевидно былъ не здѣсь. Сомнительно даже, чтобы когда-нибудь, хоть издали, хоть изъ-за лимана, бѣдный поэтъ, состоявшій подъ надзоромъ Томской полиціи, могъ видѣть этотъ клочекъ дальней степи, украшающійся теперь его именемъ. Просто, ученый капризъ былъ причиною, что ничтожная деревушка Хаджидеръ, прозябавшая здѣсь во время турецкаго влады-

* Epist. Pont. III. 1.

чества, перекрещена въ Овидіополь. Когда Россійская имперія раздвинула предѣлы свои до Днѣстра, карта повопріобрѣтенныхъ степенъ была совершенно голая; чтобы наполнить ее, прибѣгли къ древнимъ классическимъ преданіямъ: воскресли знаменитыя имена Херсона, Ольвіи, Тираса, Одиссеа. Работа кистля; не-когда было пускаться въ слишкомъ-глубокія изслѣдованія; не требовалось и не предетояло надобности, чтобы древнія имена пришлись точь-въ-точь на своихъ мѣстахъ: Херсонъ очутился на Днѣпрѣ; Ольвія подвинулась на полтараста верстъ выше по Бугу; Одиссея пересѣлъ на мѣсто древняго пристанища Истріанъ; Тирасъ перебрался по-сю-сторону Днѣстра. Тутъ припомнился и Овидій: ему указали житьельствовать въ Хаджи-дерѣ! И по-дѣломъ! Это самое благороднѣйшее мщеніе, какое только могли придумать потомки Сарматовъ и Гетовъ для ругателя, позорившаго на весь свѣтъ ихъ храбрыхъ, вольнолюбивыхъ предковъ.

Овидіополь назначался быть не на шутку «городомъ». Въ немъ сооружена была крѣпость, которой остатки виднѣются еще и теперь на высотѣ берега, вверхъ по теченію Днѣстра, за балкой. Тутъ-же находились карантинъ, таможня и другія пограничныя учрежденія. «Городъ Овидія» поставленъ былъ стражемъ Россіи, въ то время какъ Днѣстръ служилъ ей

предѣломъ. Мы не имѣли ни времени, ни охоты, смотреть на развалины Овидіопольской крѣпости. Впрочемъ — судя по виду издали — это былъ карточный домикъ въ сравненіи съ противолежащею грозною твердынею Аккермана. Но не въ каменныхъ сила. Кто-то говорилъ, что одной шляпы Наполеона, вздѣтой на палку, достаточно-бъ было, чтобы переполошить всю Европу: такое-жъ магическое дѣйствіе на Турковъ имѣлъ двуглавый Русскій орелъ, развѣвавшійся надъ карточнымъ домикомъ Овидіополя. И зачѣмъ было трудиться напрасно? Россія чувствовала, что здѣсь не для-чего заводится въ-прокъ, что тутъ только временная для ней стоянка, краткій отдыхъ. Она прорвалась за Днѣстръ, прежде-нежели Овидіопольскія мазанки успѣли окрѣпнуть. Дружка Аккерману не имѣлъ-бы времени и выстроиться.

Мы пробыли въ Овидіополѣ не долго; и это было большое счастье. Пришлось-бы иначе воскресить жалобный плачь Овидія, хоть прозой, за неумѣніемъ рыдать стихами. Въ городѣ пріютиться рѣшительно не-гдѣ. Единственное зданіе, имѣющее видъ дома, есть присутственное градское мѣсто. Подлѣ него отличается еще отъ прочихъ хатъ, обширностью и близкою стѣнъ, приходское училище. Къ-чести Овидіопольскихъ гражданъ должно сказать, что они — да

утѣшится тѣнь Овидія — на свой собственный счетъ содержать аристарха, который посвящаетъ любознательное юношество въ таинства россійской грамоты, учить «*Getice Sarmaticeque loqui*». Признаюсь, что, чистотою и порядкомъ этого скромнаго предверія къ храму музъ, «градъ Овидія» перещеголяетъ многихъ изъ своихъ русскихъ собратій. А онъ — замѣйте — городъ такъ, только по имени, городъ безуѣздный, заштатный, титулярный, если можно такъ выразиться не въ обиду гг. титулярнымъ совѣтникамъ. Все правительство его совмѣщается въ одномъ полицейскомъ чиновникѣ, который есть и городничій, и голова, и бургомистръ, и ратманъ, однимъ словомъ — всѣ и все въ городѣ. Чуть-ли однако оттого не лучше! Еще старикъ Гомеръ сказалъ, что «не добро многоначаліе». Благодаря именно всеобъемлющему единовластию Овидіополя, мы не испытали здѣсь никакой задержки въ отношеніи къ перевозу черезъ лиманъ, хотя обстоятельства расположились-было вовсе не въ нашу пользу. Перевозъ производится посредствомъ четырехъ лодокъ, изъ которыхъ двѣ принадлежатъ Овидіополю, другія двѣ Аккерману. Когда мы пріѣхали, ни одной овидіопольской лодки не было на этой сторонѣ; послѣднія только-что отчалили отъ берега съ пассажирами, упреdivшими насъ какимъ-нибудь полчасакомъ. Довелось-

бы сочинить не одну азгегію, если-бъ дожидаться ихъ возврата. Но могучій единоначальникъ Овидіополя задержалъ аккерманскую лодку, которая собралась ѣхать назадъ пороженю, и, не-смотря на оппозицію шкинера, который возражалъ, что лодка его слишкомъ мала для нашей коляски, повелѣлъ — и мы отправились. . .

Перевозъ считается въ 9 верстъ клзенной мѣры. Такъ и должно быть по прямой линіи отъ Овидіополя до Аккермана. При попутномъ вѣтрѣ переѣздъ, говорить, дѣлается въ три-четверти часа, не больше. Намъ вѣтеръ былъ не попутный, но и не прямо противный, а боковой. Въ-слѣдствіе-того, мы должны были прежде спускаться долго внизъ, вдоль берега, чтобы стать подъ вѣтеръ: такъ шли мы версты 4, на шестахъ; послѣ-чего вздернули парусъ, и пустились перебивать лиманъ поперекъ. При такомъ кругѣ пришлось намъ слѣзть не 9 верстъ, а гораздо побольше; оттого мы и ѣхали часа три съ половиною. Но все это было еще — слава Богу! Въ иной разъ быются сутки, и болѣе. Ѣхать двѣнадцать, четырнадцать и шестнадцать часовъ, вовсе не считается рѣдкостью. Послѣднія передъ нами почти скиталась по лиману больше полусутокъ. Вѣтры здѣсь и сильны и измѣнчивы, такъ-что не рѣдко случается поѣхать съ однимъ

и на половинѣ переѣзда встрѣтить другой совершенно противный: лодка носится взадъ и впередъ, не имѣя возможности прибѣсть ни къ тому ни къ другому берегу. Какъ-же послѣ-того не благословлять правительство, учреждающее здѣсь постоянное парходное сообщеніе! Новый огневдышущій «Арго», украшенный добровѣщнымъ именовемъ «Графа-Вороцова», скоро явится положить предѣлъ этому своевольству буйной челяди Эола.

Какъ ландшафтъ, лиманъ представляетъ картину истинно величественную. Это не рѣка, а обширное, великолѣнное озеро, если не отрывокъ моря. Вверхъ по теченію, глазъ не видитъ предѣла массѣ водъ, сливающихся съ горизонтомъ. Ниже она свертывается нѣсколько уже, и становится болѣе похожею на рѣку; но какую рѣку? Это скорѣе проливъ, соединяющій два моря. Берега съ обѣихъ сторонъ голы: тѣмъ рѣзче обрисовывается на нихъ Аккерманъ съ своими обширными окрестностями; тѣмъ замѣтнѣе и скромнѣе, одинокой Овидіополь. Впрочемъ, при такой картинѣ рамы почти забываются.

Чудно это превращеніе Днѣстра, который весьма не далеко струится еще простою, обыкновенною рѣкою. Село Чигири, считающееся предмѣстіемъ Аккермана и находящееся верстахъ въ 4 выше крѣпости,

лежитъ почти противъ устья настоящей Днѣстровской трубы, тоненькой земной пробирательной сквозъ лѣсъ камышей или такъ-называемыхъ здѣсь «плавни». Устье это непримѣтно, потому-что по обѣ стороны лиманъ углубляется далеко вверхъ обширными заливами: лѣвый изъ нихъ, по новороссійскую сторону, называется «Горкольскимъ» и имѣетъ въ длину до 5, въ ширину до $1\frac{1}{2}$ версты; правый, на бессарабской сторонѣ, еще длиннѣе и шире. Этотъ послѣдній служитъ вмѣстѣ устьемъ для двухъ побочныхъ рѣчекъ, параллельныхъ почти Днѣстровской трубѣ, которыя называются Ганза и Турунчукъ. Рѣчка Ганза вовсе ничтожная. Турунчукъ больше ея: онъ имѣетъ при устьѣ до $2\frac{1}{2}$ сажень глубины на 4 сажняхъ ширины, лѣтъ перешеголязъ и самый Днѣстръ, глубина котораго при входѣ въ лиманъ простирается только на $2\frac{1}{2}$ фута. Въ-слѣдствіе того путь судамъ въ Днѣстровскую трубу проложенъ черезъ Турунчукъ, который для-того соединенъ съ нею каналомъ, извѣстнымъ подъ именовемъ «Поповскаго», оттого-что первый вырылъ его поитъ, истинный преемникъ апостоловъ, для рыбной ловли. Но и этотъ сверникъ Днѣстра, то-есть Турунчукъ, имѣетъ всего теченія не больше какъ на 8 вереть. Откуда-жъ берется, чѣмъ питается такая обширная масса водъ, каковъ Днѣстровскій-Лиманъ? —

Это отличительная черта не одного Дибстра, но всех здѣшнихъ рѣкъ, въ большей или меньшей степени. Посмотрите, на-примѣръ, на Бугъ и на Ингуль: что они въ Вознесенскѣ и въ Елизаветградѣ, и что подь Николаевымъ! Туземцы называютъ эти колоссальныя расширения рѣкъ, обыкновенно случающіяся передъ ихъ устьемъ, вообще «лиманами». Явно, что это испорченное греческое «λίμνη» — «озеро», или лучше «болото». Но вотъ что должно принять къ свѣдѣнію. «Лиманами» называются здѣсь не одни только широкія устья рѣкъ, но и просто озера, совсѣмъ не проточныя, лишь-бы-только они находились близъ моря, или даже близъ русла большой рѣки, вливающейся въ море. Такихъ «лимановъ» здѣсь безчисленное множество. Тѣ изъ нихъ, которые находятся при морѣ, имѣютъ и воду большей-частью соленую: отъ моря-же отдѣляются обыкновенно узкими песчаными перешейками, которые вообще посятъ здѣсь имя «пересышей»: такова именно «пересышь», лѣвшая мѣсто и имя нынѣшнему предмету Одессы, которое лежитъ между заливомъ и лиманами, славящимися цѣлбною силою своихъ водъ и грязей. Значить — и это заключеніе основывается не на одномъ словопроизводствѣ, но и на прочихъ мѣстныхъ соображеніяхъ — значить, говорю, нынѣшніе прибрежныя водоемы,

называемые «лиманами», составляли нѣкогда часть моря, были его заливами, и, въ-послѣдствіи, при замѣчаемомъ вообще постепенномъ упадкѣ водъ на земномъ шарѣ, «пересышались» и отдѣлились. Есть даже основательныя причины предполагать, что они въ свое время служили устьями для рѣкъ, которыя теперь пересохли, оставя впрочемъ замѣтные слѣды въ длинныхъ, непрерывныхъ балкахъ, по которымъ донынѣ вешняя вода сбѣгаетъ бурными, сердитыми потоками: таковы были, конечно, Аксіакъ, Обіусса и другія скиоскія рѣки, которыхъ теперь ученые напрасно ищутъ по сѣвернымъ берегамъ Чернаго-Моря. Если-жъ такъ, то и Дибстровскій-Лиманъ долженъ принадлежать къ той-же категоріи, имѣть то-же происхожденіе. Теперь, и при его соединеніи съ моремъ, которое называется турецкимъ именемъ «Бугасъ» — «Горло» — находится уже песчаная «пересышь». Она еще не пересышала всего лимана: остаются двѣ жилы, которыми масса лиманскихъ водъ все еще должна въливаться въ море. Но что значать эти жалкіе протоки? Правый изъ нихъ, называемый «Стамбульскимъ-Гирломъ» или собственно «Бугасомъ», имѣетъ въ ширину 150 сажень, въ глубину около 26 футовъ; лѣвый, или «Гирло-Очаковское», и того меньше, шириной до 70 сажень, глубиной отъ 18 до

5 футовъ. Между-тѣмъ «пересыпь» высыпалась уже промежъ нихъ островомъ въ $3\frac{3}{4}$ версты длиною и въ $\frac{1}{2}$ версты шириною. Такъ, вѣрно, не было во-времена-оны! Что сообщеніе съ моремъ было здѣсь гораздо свободнѣе, тому доказательствомъ служить лиманъ, называемый теперь «Будацкимъ» (правильнѣе кажется Бужацкимъ), который, при 2 или 3 верстахъ ширины, простирается на 17 верствъ въ длину, вскрай моря, по-правую-сторону Стамбульскаго-Гирла. Этотъ лиманъ на всемъ своемъ протяженіи отдѣляется отъ моря узенькою полоскою, имѣющею въ ширину отъ 5 до 25 сажень. Къ лиману Дибстровскому онъ приближается иногда сажень на 40, не отступая нигдѣ дальше 150 сажень; и этотъ промежутокъ такъ непрочю преграждаетъ оба водоема, что ничего не стоило соединить ихъ безчисленнымъ множествомъ «эриковъ» или канавъ, по которымъ изъ лимана въ лиманъ переманивается кефаль, извѣстная черноморская рыба, для-того-чтобы на черепуть попадалась въ сѣти. Съ лиманомъ Будацкимъ соединяется еще другой, называемый Кимбетскимъ, направленіемъ почти параллельный Дибстровскому: вода въ немъ соленая. Все это не явно-ли было некогда одною сплошною массою волнъ, однимъ огромнымъ «лиманомъ», одною морскою губою, которою поглощался Дибстръ?

Когда это было, не извѣстно. Вѣроятно однако, что Дибстровскій-Лиманъ былъ гораздо полноводнѣе, следовательно и шире, въ то время какъ древніе Греки завели на немъ свою колонію, мѣсто которой, по всѣмъ соображеніямъ, занимаетъ нынѣ Аккерманомъ. Теперь отсюда до моря считается окло 18 верствъ. Какъ ни хвастались древніе потомки Эллина своимъ молодецтвомъ и удалствомъ, все-же трудно повѣрить, чтобы они отважились забраться такъ далеко въ глубь края, который не-даромъ слытъ у нихъ подъ именемъ «Негостеприимнаго», по такимъ узкимъ гирламъ, какъ нынѣшнія, которыя ничего не стоило перехватить горсти вооруженныхъ варваровъ, съ-тѣмъ-чтобы запереть ходъ въ море и изъ моря. Притомъ, ни одинъ изъ ихъ землеописателей не упоминаетъ объ этихъ двухъ гирлахъ. Значить, тутъ было одно только шарокое горло, одинъ большой заливъ, отпахнувшійся прямо отъ моря. При такомъ положеніи, конечно и настоящая труба Дибстра, предъ впаденіемъ въ лиманъ, была многоводнѣе. Нынѣшній Турчукъ, вѣрно, не былъ отдѣльною рѣчкою, но рукавомъ главнаго русла. Самое имя его должно, кажется, означать — «маленькій-Дибстръ» или «Дибстрикъ». Главная Дибстровская труба называется донынѣ у туземцевъ «Турла»: имя, изъ котораго безъ-сомнѣнія древніе Греки составили свое «Тирасъ», произносимое «Тю-

расть» или «Турасть» — «*Tûρας*»; которое, должно-быть, и теперь скрывается въ наименованіи «Дибетръ» — «*Danastris*». Туруичукъ — маленькая Турла! — Не такъ-ли точно подобныя рукава у Волги называются Волжками или Волошками? —

Теперь Дибетровскій-Лиманъ уже почти озеро. Вода въ немъ сладкая. Теченіе медленно. Туземцы полагаютъ, что настоящая струя Дибетра идетъ въ лиманъ по западному, бессарабскому, берегу, къ которому принадлежитъ и главное, Стамбульское, гирло. Въ-самомъ-дѣлѣ, тамъ и больше теченія, и фарватеръ глубже. Довольно глубоко и у восточнаго берега. Но середина лимана очень мелка: мѣстами она проросла уже камышемъ. Зимой весь лиманъ замерзаетъ, такъ-что можно ѣздить по льду съ берега на берегъ. Впрочемъ ледъ никогда не бываетъ толстъ, и безпрестанно ломается большими трещинами. Это не пугаетъ обрусѣлаго уже народа: гдѣ трещины очень широкі, тамъ бросаютъ доски, которыя всякой беретъ съ собою про-завастъ, и по нимъ, какъ по живому мосту, переѣзжаютъ черезъ зіяющія пронасти; большею-же-частью разгоняютъ лошадей и заставляютъ ихъ съ-размаху перескакивать черезъ щели. Осторожная почта ѣздитъ въ это время черезъ Тирасполь и Бендеры, и такимъ-образомъ отъ Одессы до Аккермана, вмѣсто 45, дѣлаетъ 217 верстъ.

Но боюсь задержать васъ на Дибетрѣ долѣе, чѣмъ онъ задержалъ насъ. Вотъ пристань, подъ стѣною грозныхъ бойницъ Аккермана! Поспѣшимъ на берегъ — привѣтствовать обитовавшую страну Бессарабіи...

«Спѣшите медленно» — говорить мудрое изреченіе древности. Если старинные философы, хаживавшіе обыкновенно пѣшкомъ и носившіе все свое за-плечами, держались этого золотого правила; то тѣмъ-болѣе оно должно имѣть силу въ наши времена для тѣхъ, которые, вовсе не по-философски, скачутъ гулять въ Бессарабію на-почтовыхъ. Какъ-нарочно для обузданія вашей нетерпѣливости, при первомъ шагѣ на берегъ Бессарабіи вы встрѣчаете запятую. Почтовая станція находится за Аккерманомъ, на стени, верстахъ въ 3 отъ пристани. Надо посылать туда за лошадьми, и пока приведутъ ихъ — дожидаться смиренно подъ горою, составляя предметъ любопытнаго созерцанія для аккерманскихъ жителей, которые толпами выходятъ любоваться на новоприбывшихъ гостей. Мы покорились уставу края: только, вмѣсто-того-чтобы сидѣть подъ горой, оставили тамъ одну коляску, а сами взобрались на гору, то-есть на верхъ берега, на которомъ стоитъ Аккерманъ.

Было около четырехъ часовъ по-полудни. Погода стояла вѣтреная, но ясная. Пышно катилось весеннее

солнце юга по безоблачному небу. Склоняясь къ западу, оно скользило своими лучами по зеркалу лимана, который, перехватывая и дробя ихъ слегка волнующимися зыбями, горѣлъ исполненнымъ фейерверкомъ безчисленныхъ разноцвѣтныхъ огней. Въ этомъ морѣ блеска, мелкая живопись лачужекъ, изъ которыхъ составляется городъ Аккерманъ, показалась намъ еще мельче. Но тѣмъ величественнѣе обрисовывалась грозная Аккерманская твердыня. Мы находились въ такомъ разстояніи отъ ней, что глазъ обхватывалъ всю ея длину. Впрочемъ это не лучшая сторона крѣпости въ живописномъ отношеніи. Вы видите только длинную, высокую, почти глухую стѣну, изрѣдка перехватываемую башнями. Навлучшій видъ съ лимана, къ которому обращены ея главнѣйшія укрѣпленія, гдѣ тройной оплотъ стѣнъ и бойницъ спускается къ самымъ волнамъ колоссальнымъ окаменѣлымъ каскадомъ.

При самомъ выходѣ на верхъ берега, насъ поразило огромное круглое возвышеніе земли, въ родѣ кургана, совершенно уединенное. Мы поспѣшили взобраться на него, что-бы лучше видѣть во всѣ стороны. Но каково-жъ было наше удивленіе! Поверхность этого кургана зіяла множествомъ болѣе или менѣе широкихъ отверстій. Я глянулъ въ одно изъ нихъ; подъ ногами у насъ большая зала со сводами. Гляжу въ прочія:

корридоры, или другія части зданія, очевидно не проэтаго, имѣвшаго какое-то особенное назначеніе. Внутри кургана скрывались цѣлыя палаты. Схожу внизъ и отыскиваю входы въ этотъ подземный лабиринтъ. О незабвенная маэристъ Радклиффъ! прелестное, очаровательное пугало нашей юности! Кака-бы драгоценная находка для тебя, любительница подземельевъ! Тутъ есть все, и ходы, и переходы, и завалившіеся двери, и обвалившіеся потолки, и ржавая плѣсень на обитыхъ стѣнахъ, и могильная сырость, и... и... однимъ словомъ — все, что вамъ угодно, даже много и такого, что вовсе не угодно... Я терялся въ догадкахъ, что-бы могли значить этѣ таинственные катакомбы. Оказалось, что это была иѣкогда турецкая баня, въ которой иѣжились высокомошныя пашы Аккермана и ихъ сладострастныя одадыки. Брошенное безъ употребленія по изгнаніи Турковъ, это святилище восточныхъ утѣхъ развалилось, замелось сугробами степной пыли, поросло дикою травою. «*Vanitas vanitatum*!»! думалъ я, взобравшись опять на этотъ краснорѣчивый надгробный памятникъ соблазнамъ лукаваго міра...

Такая душеспасительная настроенность тѣмъ болѣе должна была найти себѣ пици, когда къ намъ, на томъ-же печальномъ гробницѣ мусульманской рос-

коши, присоединился иѣмецкій пасторъ сосѣднихъ колоній, который ѣдучи съ семьей изъ Одессы, также *состоялъ* въ ожиданіи лошадей, хотя переѣхалъ лиманъ раньше насъ. Но этотъ новый собесѣдникъ далъ другое направленіе нашимъ мыслямъ. Мы разговорились съ нимъ объ немъ самомъ, о его житіи-бытіи въ Бессарабіи. Уроженецъ ливляндскій, воспитанникъ Дерптскаго университета, и еще недавній, молодой пасторъ сучалъ на чужбинѣ, тосковалъ по родинѣ. Видно, что русскій иѣмецъ! Заграничные легче обживаются на чужой сторонѣ и не слишкомъ страстны къ «дыму отечества»!..

Между-тѣмъ благосклонное начальство города приняло участіе въ нашемъ положеніи на развалинахъ бани. Полиція выслала собственныхъ лошадей, которыя привезли и насъ и коляску въ квартиру, приготовленную въ одномъ изъ обывательскихъ домовъ. Аккерманъ еще не обзавелся трактирами.

Первымъ предметомъ моего любопытства, разумѣется, была крѣпость. Я отправился туда въ тотъ-же вечеръ. Громада дивная! Она расположена на углу берега, который мысомъ выдается въ лиманъ, и потому съ двухъ сторонъ въ буквальномъ смыслѣ омывается волнами; стороны, обращенныя къ сушѣ, заповсыва-

ются глубокимъ рвомъ, котораго бока и дно обшиты камнемъ. Голова крѣпости, выходящая на лиманъ, увеличена замкомъ или собственно «*цитаделью*»: тутъ стѣна на стѣнѣ, башня на башнѣ; продолженіе состоитъ изъ обширной площади, обнесенной высокимъ землянымъ вѣломъ. Лишь эта послѣдняя часть, прикинутая къ замку снаружи, но внутри совершенно отдѣльная, имѣетъ единственное сообщеніе съ вышнимъ городомъ посредствомъ воротъ, иѣкогда весьма укрѣпленныхъ, и моста, довольно небрежно перекинутого черезъ ровъ; другія противоположныя воротца сообщаютъ ее съ лиманомъ. Что касается до замка, то онъ имѣетъ явный выходъ только въ это такъ-сказать преддверіе крѣпости; да имѣть, говорятъ, потаенный спускъ на лиманъ, который теперь не существуетъ. Съ 1832 года Аккерманская крѣпость уже не считается военною; несмотря на то она сохранилась во всемъ величій мужественной, боевой осанки. Замокъ совершенно цѣль. Земляная осыпь тоже. По преданію, продолжаютъ досихъ-поръ старые обычай крѣпостной дисциплины: каждый вечеръ, въ урочный часъ, ворота тщательно запираются. Но кого ими запираютъ? Мирное семейство штатнаго-смотрителя Аккерманскаго уѣзднаго училища. Да, внутри крѣпостнаго вала теперь училище: паставительная ферула царствуетъ тамъ, гдѣ вѣдали грозные

бунчуки. И будто для-того-чтобъ это превращеніе выражалось краснорѣчивѣе, среди широкой площади, передъ самымъ святилищемъ уѣздныхъ музъ, жалкою фигурою торчитъ длинный турецкій минаретъ, принадлежавшій къ крѣпостной мечети, которая сломана: бѣдняжка, къ довершенію эффекта выбѣленный недавно-съ-ногъ-до-головы, кажется запоздалымъ мертвецомъ, который, при пѣвнн утреннихъ пѣтуховъ, не успѣлъ, въ-слѣдъ за прочими собратіями, обратиться въ могилу!..

Я обошелъ кругомъ крѣпость, по стѣнамъ и по валу. Видъ на лиманъ, особенно при захоженіи солнца, невыразимо очарователенъ. Мой чичероне, одинъ изъ учителей уѣзднаго училища, указалъ мнѣ прибрежную башню, на которой Пушкинъ провелъ будто однажды нѣдную ночь, погруженный въ созерцаніе: я этому очень вѣрю. Прибавляютъ, что эта башня съ-тѣхъ-поръ называется «Овидіевою». Не потому-ли, что поэтъ здѣсь можетъ-быть велъ свою вдохновенную бесѣду съ тѣнью Овидія?... Въ-самомъ-дѣлѣ, воспоминаніе о римскомъ изгнанникѣ такъ легко и естественно могло возбудиться городомъ, украшеннымъ его именемъ, который отсюда видѣется на краю горизонта, сливающегося съ лиманомъ, во всей своей пустынной красѣ. Во всякомъ случаѣ пріятно слышать это признательное преданіе, которое оживляетъ безмолвныя груды

каменей, приковываетъ къ нимъ свѣтлый, вдохновительный образъ, хотя-объ то было и мионической цѣпью. Другими древнѣйшими преданіями эти каменья не богаты. Мнѣ указали одно высокое дерево, растущее внутри башни, которая сама вырастаетъ изъ глубины крѣпостнаго рва: это, говорятъ, посадилъ какой-то изъ пашей Аккерманскихъ на могилѣ любимой жены. Истори обо рвѣ: объ немъ я слышалъ сказанія весьма свѣжія и, какъ говорятъ, несомнѣнно достоверныя, но такія, что это кладъ для нынѣшнихъ нувелистовъ, у которыхъ дѣло останавливается не за рассказомъ, а за содержаніемъ рассказа. Дѣло вотъ въ чемъ. Ровъ Аккерманской крѣпости чрезвычайно глубокъ, и притомъ, какъ я замѣтилъ уже, выстланъ камнемъ. Разъ, утромъ рано, услышали на днѣ его глухіе, жалобные стоны. Смотрятъ: тѣло женщины лежитъ, простертое на помостѣ. Несчастную, очевидно упавшую въ эту пропасть, вытащили и, что весьма удивительно по высотѣ паденія, совершенно возвратили къ жизни. Но еще удивительнѣе, что никто не знаетъ досихъ-поръ, какъ она попала въ глубину рва!... Богатѣйшая казна для тѣхъ, которые выжидаютъ на неизлечимой таинственности развязки! — Другое происшествіе проше. Одинъ изъ обитателей крѣпости разъ поссорился съ своей женой, которая, сильная только

языкомъ, при первомъ взмахѣ могучаго супружнго кулака, обратилась въ бѣгство. Мужъ за ней. Жена на крѣпостной валъ. Онъ туда-же. Въ отчаяніи, не зная куда дѣваться, преслѣдуемая бросается со всего размаха прямо въ ровъ съ вала, въ которомъ, замѣтьте, по-крайней-мѣрѣ столько-же еще вышины, сколько во рву глубины. Несчастнй мужъ обмеръ со страха. Но пока онъ еще стоялъ, какъ ошалѣлый, героиня успѣла вскочить на ноги, обѣжала кругомъ по рву, воротилась въ крѣпость, и прямо къ командиру съ жалобой на безчинное обращеніе мужа.... Не любо, не слушайте; а я передаю то, что слышала самъ, и — признаюсь — потому только, что самъ не пишу повѣстей. Пишите, господа, кому угодно: даромъ отдаю оба сюжета, не требуя никакой доли въ барышахъ, какъ дѣлаютъ нынѣшніе поставщики содержанія для мастеровъ книжныхъ дѣлъ. Съ меня и того довольно, что я изъ обонхъ этихъ разсказовъ, которымъ отъ души вѣрю, извлекъ про-себя такое назидательное заключеніе: стало-быть, смерть столько-же капризна, какъ и фортуна!

Официальная исторія крѣпости записана на стѣнахъ ея неизгладимыми слѣдами русскихъ ядеръ. Аккерманъ достался намъ не вдругъ: онъ былъ завоевываемъ нѣсколько разъ. Первоначально взятъ онъ былъ 25

сентября 1770 года, барономъ Игельстромомъ, послѣ десятидневнаго сопротивленія турецкаго гарнизона; Кучукъ-Кайнарджійскій миръ возвратилъ его Туркамъ. Въ слѣдующую войну, Аккерманъ двѣнадцать дней удерживалъ противъ самого князя Потемкина, лично предводительствовавшего осадой, и сдали исторично, почти ровно черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ перваго взятія, 30 сентября 1789 года; миръ Ясскій опять отдалъ его назадъ. Наконецъ, въ 1806 году, 30 января, въ слѣдъ за объявленіемъ новой войны Порту, дюкъ де-Ришелье занялъ городъ и крѣпость уже безъ выстрѣла; и съ-тѣхъ-поръ Аккерманъ остался за Россією, укрѣпленный ей Бухарестскимъ миромъ вмѣстѣ со всей Бессарабской областью.

Какъ давно существуетъ Аккерманъ? — Почти несомнительно, что знаменитая греческая колонія Тира, основанная на Тирасѣ за шесть вѣковъ до Р. Х., находилась на мѣстѣ нынѣшняго Аккермана. За нѣсколько недель передъ нашимъ пріѣздомъ, у самой пристани, обдѣлываемой теперь для парохода, найдена золотая, отлично сохранившаяся монета, съ весьма четкою подписью: «*Βασιλέως Λυσιμάχου*», то-есть «царя Лисимаха». Лисимахомъ, какъ извѣстно, назывался одинъ изъ сподвижниковъ Александра-Великаго, захватившій себя, послѣ смерти его, Фракію, а потомъ,

послѣ знаменитаго сраженія при Инсѣ, и весь Мало-Азіятскій полуостровъ, съ титуломъ царя. То было за 300 лѣтъ до Р. Х. Страшная игра случая! Этому Лисимаху при жизни довелось весьма близко познакомиться съ стороною, гдѣ теперь, спустя двѣ тысячи сто лѣтъ, отыскалась его монета. Оракійскія владѣнія его находились въ нынѣшней Румелии: жадный къ завоеваніямъ, онъ раздвинулъ ихъ до Дуная, въ нынѣшнюю Булгарію; потомъ прорвался и за Дунай, къ Гетамъ, древнимъ обитателямъ пространства между Тисою и Днѣстромъ. Но здѣсь счастье покинуло своего любимца. Измѣна переметчика передала Лисимаха со всѣмъ войскомъ въ руки варваровъ. Раздраженные дикари приговорили къ мучительной казни незванаго гостя, угрожавшаго имъ рабствомъ или гибелью: яростными криками требовали они отъ своего князя, чтобы онъ немедленно исполналъ ихъ рѣшеніе. Но тотъ явилъ изумительный образецъ великодушія и мудрости. Онъ велѣлъ приготовить плѣннику роскошную греческую трапезу, въ великолѣпныхъ сосудахъ, которые вмѣстѣ съ нимъ достались ему въ доичичу; а самъ возлѣ расположился обѣдать по-домашнему, по-гетски, изъ простой деревянной и глиняной посуды, наполненной суровыми яствами варваровъ. По окончаніи стола, онъ спросилъ Лисимаха: какой обѣдъ кажется ему вкус-

нѣе, гетскій или греческій? Не было нужды дожидаться отвѣта на такой вопросъ; и умный дикарь тотчасъ присовокупилъ замѣчаніе, что не-за-чѣмъ ходить въ сторону, гдѣ не-чѣмъ поживиться, не-для-чего тревожить народъ, съ котораго не-чего взять; потомъ предложилъ трепещущему плѣннику свою дружбу и возвратилъ ему полную свободу безъ всякаго выкупа. Лисимахъ былъ тронутъ до глубины души: онъ не только отказался отъ всѣхъ слѣданныхъ имъ уже завоеваній по-сто-сторону Дуная, но, въ закрѣпленіе мира и дружбы, отдалъ свою дочь за благороднаго князя Гетовъ. Можетъ-быть эта любопытная сцена происходила гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Аккермана! Можетъ-быть найденная теперь монета принадлежала къ вѣну Греческой царицы, слѣдшею Гетскою княгинею, и отъ ней, за какой-нибудь лоскутокъ пурпуровой ткани или за другую принадлежность древняго дамскаго туалета, перешла въ сундукъ Тирасскаго кунца! По-крайней-мѣрѣ, судя по виду монеты, не-льзя полагать, чтобы она слишкомъ долго ходила въ обращеніи; а обронить ее мудроно было гдѣ-нибудь кромѣ торговаго города. Слѣдовательно, находка эта представляетъ одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ положенія древней Тиръ въ чертѣ нынѣшняго Аккермана. Поселеніе это, дожившее до водворенія Римскихъ орловъ

на берегахъ Чернаго-Моря, исчезло наконецъ въ бурномъ волненіи народовъ, поглотившемъ міродержавное владычество Рима. Вѣроятно однако, что здѣсь оставались какіе-нибудь слѣды древняго жила, когда новые отдаленнѣйшіе пришельцы, завлеченные сюда тѣмъ-же духомъ промышленности, Генуэзцы, основали тутъ-же свою колонію и факторію подъ именемъ Монкастро. Это должно было случиться не позже XIV вѣка нашей эры: венеціанецъ Иосафатъ Барбаро, жившій въ Черноморьѣ съ 1436 года, упоминаетъ уже о существованіи Монкастро. Кажется, эти-то новые гости положили основаніе и нынѣшней крѣпости: въ концѣ прошлаго столѣтія на стѣнахъ ея видѣли гербъ знаменитой генуэзской фамиліи Доріа, котораго къ-сожалѣнію мы не имѣли удовольствія отыскать, можетъ-быть потому-что онъ уже и не существуетъ. Есть однако и донныя греческія надписи, въ которыхъ читаютъ имя Стефана-Великаго, господаря, соединившаго подъ своимъ скипетромъ Молдавію, Валахію и Бессарабію, около 1474 года. Стефанъ принималъ подъ свое покровительство Генуэзцевъ, искавшихъ въ Монкастро послѣдняго убѣжища отъ Турковъ, уже прорвавшихся по-сю-сторону Чернаго-Моря. Послѣ роковаго сраженія при Вале-Алба, онъ долженъ былъ уступить султану все За-Прутѣ,

слѣдовательно и Монкастро; но, вдохновенный торжественнымъ закліаніемъ матери, пославшей его побѣдить или умереть, скоро возвратилъ опять всѣ свои потери. Это было впрочемъ не налога. Рокъ отмѣтилъ уже свою жертву. Въ 1503 году, Богданъ III, господарь Молдавіи, призналъ себя вассаломъ турецкимъ; и, конечно, съ-тѣхъ-поръ луна заблестала на башняхъ, воздвигнутыхъ подъ знаменемъ Св. Георгія.

Нынѣшнее наименованіе Аккермана — турецкое: оно значитъ слово-въ-слово — «Бѣлая-Крѣпость». Подъ именемъ «Бѣлгорода» Аккерманъ извѣстенъ былъ издавна русскимъ и полякамъ; онъ и теперь такъ называется по-русски. Молдаване именуютъ его по-своему «Читате-Алба», что значитъ тоже самое — «Бѣлый-Городъ». Кто у кого заимствовалъ это прозвище, и почему досталось оно Аккерману? То и другое неизвѣстно. Можетъ-быть, просто, по близости стѣны огромной крѣпости, единственной въ краѣ во время ея основанія, она была такъ проименована единогласно всѣми ео-сѣдами. Но, можетъ-быть, нѣтъ-ли соотношенія между этимъ именемъ и туземными жителями страны, которые въ разные времена, у разныхъ народовъ, неизвѣстно почему, слыли не рѣдко «бѣлыми»? Древнѣйшая наша лѣтопись говорить о «Бѣлыхъ-Уграхъ», которые будто вытѣснили когда-то съ Дуная Волоховъ, вытѣс-

нивших отсюда первобытное Славянское население. Турки различали «Акь-Улань» и «Кара-Улань», то-есть Валахию «Бѣлую» и «Черную»: первая называлась также и «Акь-Сербъ», то-есть «Бѣлая-Сербія». Полагают даже, что самое имя Бессарабии можетъ происходить отъ турецкаго «бязъ» — «бѣдый» — и что Бессы, обитавшіе въ первыхъ четырехъ вѣкахъ по Р. Х. при устьяхъ Дуная, были не что иное какъ «Біазы», то-есть «Бѣляки». Впрочемъ, это такія задачи, которыхъ не-льзя рѣшить «гуляючи».

Я хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ высмотрѣть настоящее положеніе Бессарабскаго Бѣгорода. Но и это превосходило предѣлы «прогулки». То, что называется теперь «городомъ Аккерманомъ», занимаетъ преогромное пространство: есть селенія, отстоящія отъ крѣпости на 5 и болѣе верстъ, которыя все считаются городскими предмѣстіями. Населеніе этого пространства нечислимо: полагаютъ, что оно простирается далеко за тридцать тысячъ душъ. И кого нѣтъ здѣсь? Велико-россіяне, Малороссы, Поляки, Болгары, Молдаване, Греки, Армяне, Нѣмцы всякаго рода, Жиды, Цыганы. Домовъ насчитываютъ до 2,500. Но какіе это дома? Правда, тотъ, въ которомъ привелось намъ остановиться, очень милъ: такой чистенькій и красивенькій; но онъ принадлежитъ къ городскимъ рѣдко-

стямъ. Единственное огромное зданіе, достойное европейскаго города, строится еще — кажется, для казармъ: обращенное къ лиману, оно вмѣстѣ съ крѣпостью, даетъ обманчивое величіе панорамѣ Аккермана. Прочее все — такая мелочь! Соборная церковь помѣщается все еще въ преждебывшей мечети, почти вросшей въ землю. Строится новый соборъ уже нѣсколько лѣтъ; но, вѣрно, при смѣшеніи языковъ ничто не можетъ достроиться: примѣръ тому былъ уже при столпотвореніи! — Замѣчательно, что въ этой вавилонской пестротѣ аккерманскаго народонаселенія нѣтъ только — кого-бы вы думали? — Турковъ! Все она, по присоединеніи Бессарабии къ Россіи, пользуется данною свободою, убралась тотчасъ во-свои.

На другой день утромъ — это было воскресенье — я отправился къ обѣднѣ въ греческую церковь. Она имѣетъ красивое мѣстоположеніе на берегу лимана, не вдалекѣ отъ крѣпости. Замѣчательно, что въ ней изстари чтится память Св. Іоанна Сучавскаго, пріавшаго мученическую смерть въ Аккерманѣ. Говорятъ, есть житіе этого праведника, написанное на греческомъ языкѣ: въ немъ повѣствуется, что Св. Іоаннъ былъ родомъ изъ Трапезонта (нынѣшняго Трбизонда), званіемъ кунецъ, пострадалъ-же отъ Турковъ въ 7000 году отъ сотворенія міра, то-есть въ 1492 году хри-

стіанскаго літочисленія. Это совпадает со временем окончательнаго покоренія Бессарабіи Турками. Не задолго еще передъ-тѣмъ, Монастро и Трєбизондъ принадлежали къ одной коммерческой сѣти, которую Генуезцы опутывали Черное-Море. Сучава, иѣкогда греческо-молдаванская епископія, нынѣ принадлежащая Австріи, имѣла также генуезскую факторію. Это можетъ подать поводъ ко многимъ соображеніямъ.

Между греческими преданіями, любопытнымъ показался мнѣ рассказъ о «Крыницѣ Параскевіи». Это родникъ, находящійся въ 1½ верстахъ отъ Аккермана, надъ самымъ лиманомъ, между скалъ, которыя образуютъ здѣсь берегомъ. Говорятъ, что, во времена оны, въ сералѣ Аккерманскаго пашы была похищена парочко изъ Польши дѣвушка красоты неописанной, по-имени Параскевія. Ей было только шестнадцать лѣтъ; но твердость ея равнялась красотѣ. Паша сначала прибѣгнулъ къ ласкамъ, къ убѣжденіямъ, къ мольбамъ. Все было напрасно. Пльницца отвѣчала ему презрѣніемъ, укрѣпляя свое мужество непрерывною молитвою. Такъ протекло нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ терпѣніе сластолюбиваго тирана истощилось. Онъ ворвался ночью въ харемную келью затворницы; но на помощь ей предсталъ ангелъ, видъ котораго поразилъ злодѣя ужасомъ до оцѣненія. Параскевія, пользуясь этою

минутою, бросилась въ отпертыя двери, ускользнула отъ бдительности стражи, вырвалась изъ крѣпости и пустилась по берегу лимана, въ надеждѣ найти челнокъ, который-бы перевезъ ее на-ту-сторону. Но паша скоро пришелъ въ чувство. Быстро высыпалась погоня во все стороны. Слѣды бѣглянки открыты. Она ищетъ укрыться въ скалахъ. Тщетно. Ее примѣтили, настигли, окружили, хотятъ взять... Врукъ изъ груди камней прыснулъ ключъ живой воды, и гонители отступили въ изумленіи. Параскевія не стало. Остался только родникъ, или, какъ здѣсь говорятъ по-малороссійски — «крыница». Водѣ этой крыницы приписывается донынѣ чудная цѣлебная сила. Она называется также и «Святою»; но больше известна подъ именемъ «Крыницы Параскевіи». Больные часто ѣздятъ сюда купаться съ вѣрою и молитвою. Родникъ имѣетъ теперь видъ колодезя, съ отверстіемъ въ квадратный аршинъ, глубиною въ поларшина. Другое преданіе прибавляетъ, что Параскевія нашла путь изъ крѣпости къ скаламъ черезъ подземный ходъ, котораго дверь, со стороны скалъ, закладена будто еще недавно греческими священниками.

Можетъ-быть я наслушался-бы и еще болѣе. Но время не терпѣло. Въ полдень мы выѣхали изъ Аккермана по дорогѣ къ Измаилу.

На довольно значительное пространство Аккерманъ со всѣхъ сторонъ окружается виноградниками, занимающими почти четвертую долю всей принадлежащей ему земли. Виноградъ аккерманскій славится своимъ вкусомъ и даетъ лучшее бессарабское вино. До-сихъ-поръ винодѣліе составляло главнѣйшую промышленность городскихъ жителей: въ предмѣстіи Шабъ находится цѣлая колонія виноградарей, вызванныхъ изъ Швейцаріи; было даже здѣсь особое училище винодѣлія. Семь лѣтъ постоянного неурожая винограда нанесли тяжкій ударъ аккерманскимъ погребамъ: теперь трудно извѣдать на опытъ, дѣйствительно-ли нѣкоторыя изъ здѣшнихъ винъ подошли близко къ благодатному нектару Токаля. Кромѣ вина, жители Аккермана работаютъ прилежно и цѣль водою, занимаются рыболовствомъ въ лиманѣ и въ морѣ. Есть также опыты разведенія шелковичныхъ деревьевъ и червей. Другихъ вѣтвей промышленности пока еще никакихъ не видится. Фабрикъ и заводовъ вовсе нѣтъ. Торговля, по неудобности судоходства, шевелится слабо. Единственнымъ оживленіемъ для ней служить Никольская ярманка, продолжающаяся съ 6 до 20 декабря; впрочемъ такая, что весь оборотъ ея едва заходитъ за сотню тысячъ рублей. Но будетъ-же время, когда слава древняго Тираса воскреснетъ!

Давно-ли польская пшеница проходила въ Средиземное-Море единственно черезъ «Бялогродъ»? Живая струя Днѣстра, не изсыкающая столько вѣковъ подъ руками варваровъ, уже-ли должна «пересышаться» пылѣ? Орлу Русскому стоить только прилежаться ее своимъ благодѣтельнымъ крыломъ!..

Степь, степь и степь — открывается за Аккерманомъ. Вдѣло, еще въ городской чертѣ, разстилается широкая полоса песчаныхъ сугробовъ, которые здѣсь называются «кучугурами»; имя, которое не худо принять къ свѣдѣнію и соображенію: въ старину говаривали о какихъ-то «Кутригурахъ», которые очень могли быть передѣланы изъ «Кучугуровъ». Наша дорога не коснулась этой полосы. Первая стѣна лошадей, черезъ $23\frac{1}{2}$ версты, называется Кибабчи; вторая, черезъ $19\frac{3}{4}$ версты, Сарьяры. Обѣ эти станицы состоятъ изъ одинокихъ хуторковъ, торчащихъ на безбрежной степи. Меня поразило, что жители ихъ, исправляющіе почтовую гоньбу, настоящіе русскіе; и не просто русскіе, но чистые велико-россіяне, подмосковные велико-россіяне! Кажется, имъ очень тепло здѣсь на югѣ. Они разодѣты щегольски, въ цвѣтныхъ рубашкахъ, въ синихъ суконныхъ армякахъ, шляпа на бекрень, сапоги съ напускомъ, борода разчесана и разглажена — что наши мѣщане и даже купцы! Женщины, впрочемъ

можетъ-быть ради воскреснаго праздника, точно куколки, въ нѣмецкихъ писанныхъ платяхъ и кофтахъ. Вотъ онѣ, наши старинныя сказки: «доселѣ русскаго духа слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынче русскій духъ въ-очью проявляется!» Что-жь? Тѣмъ лучше! Никто такъ не обруситъ земли, какъ чистый москаль, настоящий русскій!

Третья станція, черезъ $22\frac{3}{4}$ версты, находится близъ большаго селенія Татаръ-Бунаръ. Влѣво свивются волны обширнаго лимана, называемаго «Сасыкъ», или «Кундукъ», по-имени рѣчки Кундука, при которой лежитъ и селеніе. Сасыкъ есть морской лиманъ, отдѣляющійся отъ моря тончайшею пересыщью. Онъ принадлежитъ къ числу озеръ, въ которыхъ производится Бессарабскій соляной промыселъ. Селеніе Татаръ-Бунаръ состоитъ теперь изъ малороссійанъ. Въ его имени остается единственный слѣдъ пребыванія Татаръ, которые недавно еще были хозяевами всей южной части Бессарабіи.

Эти Татары, нѣкогда гроза своихъ сосѣдей, въ особенности Подолія и Украины, извѣстны были подъ именемъ «Буджацкихъ» или просто «Буджаковъ». Они составляли вѣтвь орды Ногайской, оторвавшейся, какъ извѣстно, отъ Великой-Орды около 1261 года. Обыкновенно относятъ начало поселенія ихъ за Днѣстромъ къ

1560 году, когда дѣйствительно до 30,000 Ногайскихъ семействъ уклонилось сюда изъ-подъ владычества Крымскихъ хановъ. Но византійскіе историки свидѣтельствуютъ, что еще сынъ Ногай, основателя самостоятельности Ногайской орды, по-имени Джакъ, проникъ до Булгаріи въ 1294 году. Слѣдовательно, Татары въ Бессарабіи гораздо старше XVI вѣка. Несправедливо однако думаютъ, что они и прозвались Буджаками по предводителю своему Джаку. Скорѣе Джакъ передѣланъ Византійцами изъ Буджака. «Буджакъ» — слово турецко-татарское — значитъ «уголь». Весьма естественно было такъ назвать юго-восточную оконечность Бессарабіи, образующую дѣйствительно почти прямой «уголь» между моремъ и Днѣстромъ. Слѣдовательно, «Буджацкіе-Татары», пріютившіеся первоначально въ этомъ углу, не что иное какъ — «Угловые-Татары». Разпространясь далѣе и далѣе, они разнесли съ собою имя Буджака на окрестности; такъ-что теперь Буджакомъ называется вся степная, низинная, придунайская часть Бессарабіи, отъ Днѣстра до Прута, заключающая нѣнѣшніе уѣзды Аккерманскій, Кагульскій и частію Бендерскій. Татары Буджацкіе были родъ мусульманскихъ козаковъ: они состояли бѣльшей-частью изъ изгнанниковъ и бѣглецовъ; ихъ ремесло было также хищничество и разбой. Обхваченные кругомъ турец-

кими владѣніями, они принуждены были признать надъ собой власть великаго-пашаха и часто дѣйствовали въ войнахъ Порты съ Польшею, Австріею и Россіею; но чаще слушались своего буйнаго произвола, чѣмъ фирмановъ посылаемыхъ изъ Стамбула. У нихъ были долго свои ханы, которымъ Турки давали титулъ беевъ. Одинъ изъ этихъ разбойничьихъ атамановъ, Ханъ-Темиръ-Мурза, заставилъ Порту уступить ему городъ и крѣпость Аккерманъ, съ титломъ паша. Вѣроятно, съ-этихъ-поръ Буджацкіе Татары сдѣлались извѣстны у насъ и у поляковъ подъ именемъ «Бѣлогородскихъ». Верстахъ въ 30 отъ Аккермана, близъ почтовой дороги въ Кишиневъ, на разстояніи 8 верстъ отъ Днѣстра, находится селеніе, называемое «Ханъ-Кышла»: это значитъ — «ханское зимовище». Тутъ примѣтны донынѣ остатки двухъ фонтановъ; а у туземцевъ сохраняется преданіе о существовавшемъ нѣкогда большомъ городѣ съ дворцомъ паша. Вѣроятно, это была зимняя резиденція Буджацкихъ хановъ, къ которой и вся орда прикочевывала на-зиму со стеной, по обычаю помадовъ: ханъ-паша могъ здѣсь оставить для себя загородную виллу. И все прошло, все исчезло! Теперь во всей Бессарабіи нѣтъ ни одного татарина. Буджацкихъ Татаръ нѣтъ и вовсе нигдѣ. Покинувъ край, они

покинули имя. Явное доказательство, что не край прозвался отъ нихъ, а они отъ края.

Слѣдующая за Татаръ-Буваромъ станція, черезъ 21½ версту, называется Зміевскою. Это опять одинокая хижинка. Тутъ мы остановились почевать. Отсюда отдѣляется нѣко почтовая дорога къ крѣпости Килию, которая не входила въ нашъ маршрутъ. Здѣсь оканчивается уѣздъ Аккерманскій и начинается Кагульскій.

Рано по-утру проѣхали мы слѣдующій перегонъ, состоящій изъ 18¾ верстъ. Станцію нашли мы при селеніи, которое называется Трояни! — Трояни! Какое имя! — Но этого мало. Здѣсь мы увидѣли во всемъ монументальномъ величій знаменитый валъ, прорѣзывающій поперекъ Бессарабію и называемый донынѣ — «Траяновымъ»! —

Нѣтъ нужды распространяться о происхожденіи этого вала. Кто не знаетъ славнаго Римскаго императора, обезсмертившаго своими доблестями имя Траяна? Принявъ мощною рукою бразды міродержавной имперіи, онъ явился лично на берега Дуная, обуздать дерзость Децебала, вождя Даковъ, обитавшихъ тогда между Дунаемъ и Карпатами. Дорого стоила ему побѣда надъ варварами; но то была побѣда рѣшительная. Децебаль умертвилъ самъ-себя въ отчаяніи. Все за-дунайское понизовье, начиная отъ рѣки Тисы, обращено въ Римскую провинцію, подъ именемъ Дакии. Что-бы

прочтѣй укрѣпить имперіи этотъ край, Траяцъ заложилъ здѣсь города, населилъ ихъ колонистами изъ самой Италіи. Весьма вѣроятно, что онъ приказалъ провести и этотъ валъ, удержавшій за собой его славное имя послѣ столькихъ вѣковъ и переворотовъ. Памятникъ конечно не такъ красивый, какъ знаменитая колонна, возвышающаяся среди Рима съ именемъ Траяна; но едва-ли не величественнѣйшій, и безъ-сомнѣнія долговѣчнѣйшій! —

Но какое могло быть назначеніе этой узкой земляной ленты, извивающейся по широкому раздолью степей? — Въ княжествѣ Седмиградскомъ, вѣкогда составлявшемъ также часть римской Дакии, завоеванной и организованной Траяномъ, находятся остатки дороги, которая въ народѣ зовется «Траяновою». Она идетъ отъ мѣстечка Варгели вдоль рѣки Стрей, впадающей въ Марошъ, проходитъ черезъ Карльсбургъ и Торду (древній Салинумъ), и отсюда пускаетъ одну вѣтвь на Клаузенбургъ и далѣе до Карпатъ, другою продолжается къ сѣверо-востоку по Марошу. Въ настоящее время, здѣшній валъ также слыветъ дорогою, и не только въ-самомъ-дѣлѣ исправляетъ должность натурального шоссе на почтовомъ трактѣ. Это не было слѣдствіемъ нынѣшняго устройства почтъ. Еще при Екатеринѣ, русскіе солдаты, вспоминая свои побѣдоносные походы въ Бессарабіи, пѣвали:

На разсвѣтѣ было въ среду,
На дорогѣ на Траяновой,
Подойди мы близко къ лагерю.

Теперь вотъ и другое замѣчательное обстоятельство. Въ Бессарабіи два вала извѣстны подъ именемъ «Траяновыхъ». Тотъ, который встрѣтили мы на пути изъ Аккермана въ Измаилъ, называется «Нижнимъ». Другой, и по имени и по положенію «Верхній», проходитъ далѣе къ сѣверу, верстахъ во 100. Этотъ послѣдній находится почти на одной чертѣ съ Седмиградскою «Траяновою-Дорогою» такъ-что можетъ показаться ея продолженіемъ. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что оба вала начинаются не въ Бессарабіи, а входятъ въ нее изъ Молдавіи черезъ Прутъ; между Прутомъ и верховьемъ Мароша разстояніе не очень значительно; притомъ, какъ будто не-даромъ, тамъ при границѣ Седмиградскаго княжества, между Быстрицею и Молдавою, находится мѣстечко Галбинъ, и здѣсь, близъ «Верхняго Траянова-Вала, селеніе Гура-Галбина. Все бы превосходно; но вотъ вопросъ: за-чѣмъ двѣ дороги, въ такомъ недалнемъ разстояніи одна-отъ-другой, могли быть проложены на ровной и гладкой степи, которая сама-по-себѣ лучше всѣхъ шоссе и мостовыхъ въ мірѣ? Притомъ, «Нижній Валъ» въ особенности, и по направленію своему не слишкомъ соотвѣтствуетъ на-

значению дороги: онъ идетъ не прямо, по круто-ломающимися колѣнами, прикасаясь какъ-будто нарочно къ оконечностямъ лимановъ, которые въ изобиліи отбрасываются Дунаемъ на степь. Правдоподобіе, что эти валы въ Бессарабіи высыпаны Римлянами первоначально для той-же цѣли, для какой недавно еще на степной границѣ Русскаго царства выводились такія-же земляныя осыпи, сохраняющіяся донынѣ въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ. То-есть — это были пограничныя сторожевыя линіи, предохраняющія отъ внезапныхъ набѣговъ, со-стороны хищныхъ, необузданныхъ, сосѣдей. Пространство между обими Бессарабскими валами безъ-сомнѣнія было самымъ восточнымъ продолженіемъ Трансальпинской-Дакіи Римлянъ: въ старинныхъ географіяхъ оно именно называется «Траяновою-Областью» — «*Provincia Trajani*». Валы должны были ограждать это пространство отъ варваровъ, гнѣздившихся къ сѣверу въ горахъ Верхней-Бессарабіи, къ югу въ камышахъ Дунайскаго устья. Сомнительно, чтобы колоніи Римлянъ въ то время могли простираться сюда, въ голую, открытую степь, называвшуюся «пустыней Гетской» — «*Solitudo Getarum*». Вѣроятно, что Римляне были здѣсь для себя только сообщеніе съ сѣверными берегами Чернаго-Моря, съ древнею Тирою, и еще болѣе съ Тавридою. То-есть

все это пространство составляло широкую «дорогу», съ обѣихъ сторонъ окованную валами! — Такъ-ли, не знаю; но такъ мнѣ кажется. Замѣчательно, что и нашъ старинный ивнецъ «Полка Игорей», очень знакомый съ окрестностями Дуная, упоминаетъ «тропу Тролию» и «землю Тролию»....

Имя вышшняго селенія Тролии, конечно, произошло уже отъ вала, который здѣсь упирается въ озеро Китай, длинной и узкой полосой простирающееся къ Дунаю. Отсюда валъ тянется въ юго-западномъ направленіи, до другаго большаго озера Котлабуга, при которомъ находится слѣдующая станція. Весь перегонъ, на разстояніи 17½ верстъ, дорога идетъ вблизи вала, и черѣдко дерзаетъ забѣгать на этотъ священный остатокъ древности. Мы были счастливы Наполеона: на того сорокъ вѣковъ смотрѣли гордо съ недосыгаемой вершины пирамидъ; мы поширили семнадцать вѣковъ, смиренно дрожавшіе подъ нашими колесами.

Еще, не доѣзжая до Котлабуга, замѣтилъ я влѣво на горизонтѣ сизыя пятна, которая все больше и больше сгущались, между-тѣмъ какъ утро было совершенно ясно и небо чисто. — Что это? спросилъ я у ямщика. Въотъ тамъ синѣется! — «Могила за Дунаемъ!» — отвѣчалъ онъ весьма простодушно. — Какія могила? —

«А вотъ такія-же, какъ и здѣсь, только больше!» — И онъ указалъ кнутомъ на курганы, разсыпанные и на здѣшней стѣнѣ въ такомъ-же изобиліи, какъ на всемъ пространствѣ нашего юга. — А далеко еще до Дуная? — «Да верстъ 30 будетъ.» — Стало-быть, какія-жъ это могилы? Это вѣрно горы? — «Стало-быть!» — Въ-самомъ-дѣлѣ, то былъ уже правый горный берегъ Дуная. — Но за-чѣмъ-же ты называешь и тѣ горы и эти курганы «могилами»? спросилъ я опять. — «Не мы такъ прозвали, а старики!» — Развѣ тутъ кто-нибудь зарыть подъ ними? — «Богъ ихъ вѣдаетъ, баринъ! Не можемъ знать. Мы тогда не родились!» — «Могилы»? подумалъ я. Въ-самомъ-дѣлѣ, степные курганы у туземцевъ, говорящихъ славянскими языками, извѣстны вездѣ подъ именемъ «могилъ»; «курганъ» слово татарско-турецкое! Но что значить слово — «могила»? Къ какому языку принадлежитъ оно первоначально? Въ русскомъ, кажется, итъ ему корня. И притомъ, здѣсь оно очевидно имѣетъ значеніе гораздо обширнѣе, чѣмъ надгробная насыпь: цѣлыя горы называются «могилами». Любопытная задача, надъ которой стоить потрудиться филологамъ въ пользу исторіи! —

Отъ Котлабуга до Измаила одинъ уже, послѣдній, перегонъ въ 29½ верстъ. Озеро Котлабугъ имѣетъ всѣ

признаки преждебывшаго дунайскаго рукава: оно почти соединяется съ вышнимъ русломъ Дуная. Замѣчательно, что вать Траяновъ, упершись въ конецъ его, перерывается, и потомъ отъ его бока начинается опять, но измѣнивъ направленіе къ сѣверо-востоку: явнѣе, что это была не дорога, а окопъ, который сочтенъ ненужнымъ тамъ, гдѣ широкій водоемъ озера самъ-по-себѣ представлялъ достаточную защиту. На Котлабужскую станцію выходитъ дорога изъ Кишинева въ Имамлъ, которая прежде была почтовою.

До - сихъ - поръ, пересѣкая поперекъ Бессарабію, мы ѣхали больше на западъ съ легкимъ склоненіемъ къ югу; но теперь рѣшительно повернули на югъ. Чѣмъ ближе подвигались мы къ Имамлу, тѣмъ рѣзче и величественнѣе обрисовывались передъ нами высоты праваго Дунайскаго берега, принадлежащаго уже Турціи. Особенно разрастались тѣ пята, которыя еще прежде обратили наше вниманіе. Это была цѣлая группа массивныхъ холмовъ, весьма похожая съ-виду на Ренское Семьгорье (Siebengebirge): подъ ней находится извѣстный турецкій городъ Тульча. Обманутый видимою близостью горъ, я дивился, что никакихъ признаковъ Имамла не открывалось на горизонтѣ. Миѣ казалось, что я различалъ уже сѣдыя волны Дуная у подошвы

холмовъ. Но то былъ новый оптический призракъ: то была прозрачная мгла, посившаяся надъ русломъ великой рѣки. Наконецъ открылась небольшая церковь, стоящая на берегу водоема, похожаго на рѣку. Это все еще не былъ Измаилъ; вода принадлежала не Дунаю, но лиману, который называется Сафтіанъ. Городъ показался весьма не издалека: мы еще не успѣли всмотрѣться въ него, какъ уже увидѣли себя въ немъ.

Зрѣніе совершенно печальное поразило насъ. На отдаленнѣйшемъ краю имперіи, во глубинѣ степей, еще недавно бывшихъ логовищемъ дикой кочующей орды, чего должно было ожидать отъ мѣста, которое носить на лбу живое свидѣтельство турецкаго происхожденія, которое называется «Измаиломъ»? Къ изумленію нашему, мы увидѣли себя въ прекрасномъ европейскомъ городкѣ. Широкая улица или лучше аллея, обставленная прелестными домиками, привела насъ на красивую площадь, кругомъ обсаженную рядами тополей, съ великолѣпною церковью на срединѣ. Ни малѣйшаго признака турецины. Скорѣй можно было подумать, что мы вѣхали въ одинъ изъ городковъ Италіи или Южной-Франціи, если-бъ строгая симметричность и изящная чистота, господствующая въ наружности города, не избличала Россіи, единственной

стороны, гдѣ главное — чистъ и порядокъ! Но куда-жъ дѣвался прежній Измаилъ, который при Туркахъ считался большимъ городомъ? Задача скоро объяснилась. Мы вѣхали въ новый городъ, созданный возлѣ стараго Измаила генераломъ Тучковымъ: по имени своего основателя и онъ теперь носить имя Тучкова.

Насъ подвели прямо къ трактиру, находящемуся на самой площади. О аллахъ! Изъ дверей выскочило двое официантовъ, въ ситцевыхъ рубашкахъ съ козымъ воротомъ, въ кружокъ волосы, борода-нижегородка, во всей формѣ ганимеды московскихъ рестораций. Входимъ въ самый трактиръ. Очарованіе возрастаетъ. Вы видите тѣ-же столы, накрытые несмыслимыми скатертями, украшенные невечеряемыми графинами съ шѣтливою влагою на-подобіе водки; тутъ стойка, исправляющая должность буфета, съ кусками свѣжей, облитой еще кровью, живности; тамъ зеленое поле бильярда, избороженное непослушными кіями; здѣсь стѣнные часы, и чуть-ли не съ курантами. Намъ отвели по востребованію особую комнату, отдѣляемую впрочемъ отъ другихъ уже по-азіятски, толстою занавѣсною занавѣсью. Только это послѣднее обстоятельство, да еще скудость и увѣчье мебели, напомнили намъ, что мы хотя и въ русскомъ трактирѣ, но уже не внутри Россіи.

Въ ожиданіи обѣда, я началъ разсматривать картинки, которыми стѣны нашей комнаты украшались въ изобиліи. Новые сюрпризы! Это были все произведенія московской литографіи Логинава. Ба! ба! ба! — «Ценсоръ Сергій Аксаковъ!» — Здравствуйте, почтеннѣйшій! Посылаю вамъ дружескій поклонъ съ береговъ Дуная на берега Лузы! — Право, завидная доля быть ценсоромъ, и въ-особенности московскимъ! Вездѣ, на всемъ безпредѣльномъ пространствѣ Россіи, вы встрѣчаете его имя, обреченное безсмертію. Помню, какъ, во глубинѣ сѣверныхъ подъ-Уральскихъ лѣсовъ, я точно также встрѣчалъ имена, сликомъ знакомыя мнѣ, старому писаѣ, развѣщенныя по стѣнамъ зырянскихъ избъ. Допишемся-ли мы до такой широкой извѣстности? Никогда!.. Но вотъ еще замѣчаніе. Вспомнивъ про другой противоположный полюсъ русскаго міра при сей occasiō, я извлекъ для себя новое подтвержденіе той печальной истины, что люди вездѣ и всегда равнодушны къ своему, предпочитаютъ отдаленное, чужое. У Зырянъ я видѣлъ преимущественно картинки, изображающія Бобелину, сраженіе съ Турками, даже султана Махмуда. Здѣсь напротивъ — королева Викторія, сцены изъ Павла и Виргиніи, страшный разбойникъ Роджеръ, и тому подобное...

Пообѣдавъ, чѣмъ Богъ послалъ, мы отправились

взглянуть на старый городъ, который заключается въ стѣнахъ знаменитой Измаильской крѣпости. Грозныя воспоминанія сопряжены съ этими стѣнами. Тому ровно пятьдесятъ лѣтъ, какъ онѣ рухнули подъ пятою Суворова. Вы знаете микель-анджеловскую картину, въ которой Державишъ увѣковѣчилъ подвигъ,

Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ! —

Крѣпость опять возобновлена Турками; и теперь безирестанно распространяется и укрѣпляется, служа уже оградой Россіи. Глазъ не можетъ окинуть ея протяженія, осыпаннаго высокимъ землянымъ валомъ: это дѣлаетъ ее менѣ живописною, чѣмъ Аккерманская крѣпость, которая со всѣхъ сторонъ какъ на блюдечкѣ. Внутренность Измаильской крѣпости все застроивается помѣщеніями для гарнизона; частныя дома выведены или выводятся въ Тучковъ. Многія зданія обширны и великолѣпны. Намъ указали одинъ домикъ, въ которомъ помѣщается «клубъ» или что-то въ-родѣ «благороднаго собранія». Клубъ въ Измаильской крѣпости, у которой надъ воротами еще свѣтъ какой-то кудрявый вензель изъ турецкихъ каракулекъ!.. Вдругъ раздался шумъ колесъ. Мимо насъ промчалась щегольская коляска, запряженная четверней лихихъ коней. Двѣ разодѣтыя дамы возвращались откуда-то

домой. И это тамъ, гдѣ за двадцать пять лѣтъ развѣвались только гробовыя покрывала несчастныхъ затворницъ харемовъ!.. Да!..

Измаилъ стоитъ на самомъ берегу Килійскаго Дуная. Такъ называется сѣверный изъ трехъ рукавовъ, на которые Дунай раздѣляется немного выше Измаила. Известно, что еще Геродотъ называлъ свой Истръ или Дунай «пяти-устымъ». Но или отецъ исторіи ошибался въ счетѣ, или съ его времени въ устьѣ Дуная произошли важныя перемѣны. Теперь Дунай, близясь къ морю, развѣвается на три Дуная, изъ которыхъ сѣверный называется Килійскимъ, южный Георгіевскимъ, а средній, нѣсколько позже отдѣляющійся отъ Георгіевскаго, Сулинскимъ. По этѣмъ тремъ главнымъ трубамъ считается и три главныхъ устья, или, какъ здѣсь говорятъ, «гирла» Дуная, послѣднія тѣ-же самыя наименованія. Но изъ нихъ одно Килійское называется въ море семью отдѣльными истоками: гирло Георгіевское имѣетъ опять два отдѣльныя устья. Следовательно, Дунай теперь является по-крайней-мѣрѣ «десяти-устымъ». Само-собою разумѣется, что отсюда происходятъ множество острововъ, число которыхъ увеличивается еще тѣмъ, что Дунай Килійскій, еще до окончательнаго развѣтвленія своего передъ впаденіемъ въ море, нѣсколько разъ раскидывается и опять свертывается. Въ

настоящее время дельта Дуная представляетъ фантастическое узорочье, въ которомъ не знаешь, вода-ли вышита по землѣ, или земля по водѣ. Пространство, ею замыкаемое, весьма обширно. Подъ Измаиломъ, находящимся почти у вершины треугольника, два крайніе рукава Дуная распахиваются уже такъ широко, что до турецкаго берега, находящагося по-ту-сторону Георгіевскаго Дуная, считается, разумѣется дорогами, до 30 верстъ. Конечно, на такомъ пространствѣ должно быть больше земли, чѣмъ воды: иначе, это вышло-бы заливъ моря. Но земля эта, прорѣзанная безчисленнымъ множествомъ рѣчекъ, ручьевъ и ручейковъ, непрерывная несметнымъ количествомъ озеръ всякой величины и глубины, почти вся состоитъ изъ плавней, покрытыхъ густыми, дремучими лѣсами камыша. Между-тѣмъ древніе классическіе историки и географы говорятъ объ островахъ Дунайскаго устья что-то гораздо болѣе! По увѣренію ихъ, одинъ изъ этихъ острововъ, по-имени Певки, вмѣщала въ себя цѣлый народъ Певкиновъ, со многими городами. Этотъ островъ долженъ быть нынѣшній Георгіевскій, находящійся между рукавами Георгіевскимъ и Сулинскимъ. Гирло самое южное, то-есть нынѣшнее Георгіевское, называлось у древнихъ «Певкинскимъ», и сверхъ-того слыло еще, неизвѣстно почему, «Святымъ

Устьемъ» (*Ἰερόν Στόμα*); почему въ позднѣйшія христіанскія времена весьма натурально переосвятилось только на имя Св. Георгія. Любопытно было-бы посѣтить этотъ островъ съ щупомъ и мотыкою антикварія: можетъ-быть и тамъ нашлось-бы кое-что въ-родѣ драгоценныхъ открытій, сдѣланныхъ недавно на островкѣ Фидониси, древнемъ Левки, находящемся противъ самаго Свято-Георгіевскаго устья. Съ моей стороны, «прогуливаясь» глазами по этому спорному владѣнію воды и земли, я могъ сдѣлать только слѣдующія заключенія. Островъ Певки считался у древнихъ самымъ большимъ изъ Дунайскихъ острововъ. Но теперь онъ меньше того пространства, которое заключается между рукавами Сулинскимъ и Килійскимъ. Что-жь, старики лгали? Нѣтъ: но, вѣроятно, воды Дуная въ ихъ время были выше; слѣдовательно и это пространство, которое очевидно ниже Георгіевскаго острова, тогда раздѣлялось на нѣсколько мелкихъ островковъ, поперечными протоками, слѣды которыхъ донынѣ болѣе или менѣе примѣтны. Это тѣмъ достовѣрнѣе, что здѣсь до-сихъ-поръ считаютъ два острова, одинъ верхній подъ именемъ Читала, другой нижній подъ именемъ Лети, которые въ-самомъ-дѣлѣ отдѣляются еще и теперь небольшою рѣчкою Тондою, соединяющею рукава Сулинскій и

Килійскій: каждый изъ нихъ самъ-по-себѣ будетъ меньше Георгіевскаго острова. Далѣе: третье устье съ юга, соответствующее нынѣшнему Килійскому, называлось у древнихъ «Прекраснымъ», по-гречески «*Καλὸν Στόμα*». Чѣмъ оно могло заслужить такое лестное имя, я не могъ угадать со стѣнъ Измаила, подъ которыми Килійскій Дунай, сказать по-совѣсти, не имѣетъ ничего прекраснаго: рѣка какъ рѣка, и даже очень, очень обыкновенная! Но я увѣренъ, что нынѣшнее его названіе есть искаженный отголосокъ древняго: изъ «*Καλὸν*» такъ легко сдѣлать «Килію». Куда-жь дѣвались два остальныхъ устья древнихъ, изъ которыхъ одно называлось «Ложнымъ», а другое, самое сѣверное, «Малымъ»? Если они не принадлежатъ къ развѣтвленіямъ Килійскаго гирла, которыхъ, какъ я сказалъ, считается теперь до семи, то вѣрно пересохли. Это послѣднее тѣмъ правдоподобнѣе, что самыя наименованія ихъ не представляли благонадежнаго ручательства за долговѣчность: «Ложное» совсѣмъ пропало, «Малое» уменьшилось до ничтожества.

Въ сумерки того-жь дня мы оставили Измаиль. Смотрѣть было нечего больше. Что сказать еще объ этомъ городѣ? Исторію другой онъ не имѣетъ, кромѣ той, которая записана Державнымъ. Привести

въ статистическія цифры настоящее его состояніе — задача трудная. Въ Измаилѣ считаютъ до пятнадцати тысячъ жителей; но какъ учесть городъ, въ которомъ донныѣ еще особый классъ народонаселенія составляютъ такъ называемые «бѣженари»? Что Измаилъ образуетъ особое градоначальство, къ которому принадлежить крѣпость Килия и пограничное мѣстечко Рени, это вы знаете; что здѣсь есть таможня и карантинъ, это разумѣется само-собою. Развѣ прибавить, что тутъ находится два училища: русское (уѣздное) и греческое. Греки преимущественно держатъ въ своихъ рукахъ торговлю, которая, несмотря на соперничество Галаца, весьма значительна.

Мы опять обратили тылъ Дунаю и Турціи. Дорога повеза насъ прямо на сѣверъ, вдоль большаго Дунайскаго лимана, простирающагося верстъ на 50 длины и состоящаго изъ двухъ главныхъ водоемовъ, одного известнаго подъ именемъ озера Кугурдуй, другаго называющагося лиманомъ Ялухъ. Эта обширная масса водъ имѣетъ донныѣ непосредственное сообщеніе съ русломъ Дуная, посредствомъ множества мелкихъ протоковъ, пробирающихся сквозь плавни. Все заставляетъ думать, что прежде она сообщалась съ нимъ гораздо свободнѣе и что дельта Дунайская начиналась тогда гораздо выше, около нынѣшняго Сатунова.

прославленнаго переходомъ побѣдопоснаго русскаго войска за Дунай въ послѣднюю войну съ Турціей.

Черезъ 21 версту, мы смѣнили лошадей при селеніи Чинма-Варунтъ. Еще $20\frac{1}{2}$ верстъ, и мы пріѣхали въ Болградъ, гдѣ остановились до-утра.

Болградъ есть столица маленькаго болгарскаго міра, передвинувшагося сюда недавно изъ-за Дуная. Болгаре, наши единоплеменники и единовѣрцы, братья одного славнаго семейства, дѣти одной православной церкви; Болгаре, вѣкогда предшественники наши на нозорницѣ исторіи, воспріемники предковъ нашихъ отъ святой купѣли крещенія, наставники и руководители нашихъ первыхъ шаговъ къ просвѣщенію; Болгаре, предъ которыми столько вѣковъ трепетала надменная Византія, отъ которыхъ получила она столько славныхъ кесарей и мудрыхъ первосвященниковъ; теперь, осужденные на сугубое рабство, подавляемые варварскимъ насадіемъ Турковъ и варварскими кознями Грековъ, могли-ль оставаться равнодушными, когда во-кругъ нихъ зашумѣли крылья роднаго орла Святой Руси?— Съ 1809 года началось переселеніе Болгаръ по-сю-сторону Дуная: оно продолжалось непрерывно, когда Бессарабія осталась за Россією. Въ 1823 году состоялось положеніе о Болгарскихъ колоніяхъ, по которому утверждено за ними обширное пространство

въ юго-восточномъ углу Бессарабской области, со многими привилегіями. Война 1830 года присоединила къ нимъ 28 новыхъ колоній, выселившихся изъ-за Балкана. Теперь считается въ нихъ до десяти-тысячь семействъ и до пятидесяти-семи тысячъ душъ, круглымъ числомъ. Мѣстечко Болградъ основано въ 1822 году, и имѣеть уже 860 домовъ съ 5,800 жителей. Оно находится на прекрасномъ мѣстоположеніи, возлѣ Ялпукскаго водоема, здѣсь уже почти оканчивающагося. Но мѣстоположеніе ничто въ сравненіи съ устройствомъ мѣстечка. Это, просто, заглядѣнье! Живая картинка изъ великолѣпнаго англійскаго кипсека! Что за прелесть эти миленькіе домики, обсаженные величественными раинами! Какъ художественно отдѣланъ во всѣхъ подробностяхъ этотъ очаровательный идилическій пейзажъ! На широкой площади, вкрай лимана, возвышается изящнѣйшей архитектуры церковь, которой золотой крестъ сіяеть беззакатною звѣздой надъ гостепрѣимнымъ убѣжищемъ пришельцевъ, населившихъ здѣсь новое отечество. И понимаю восторгъ, господствовавшій при торжественномъ освященіи этого великолѣпнаго храма, совершенномъ прошлаго осенью. Это было торжество полного усыновленія новыхъ дѣтей савтой матери Руси! —

Вскорѣ за Болградомъ мы переѣхали снова Ужак-

ній Тралновъ-Валъ. Имъ ограничиваются съ сѣвера болгарскія колоніи, лежащая между Ялпухомъ и Прутотомъ. Не далеко отсюда онъ упирается въ Прутъ, между селеніями Колибаши и Вадулуй-Исаки.

Станція Гречени, въ 22 верстахъ отъ Болграда, находится при рѣчкѣ, посвящѣй славное имя Кагула. Начиная съ ней, видъ страны онутительно измѣняется. Земля холмится. Высоты опушаются кустарниками, разрастающимися наконецъ въ густые перелѣски. Дорога влечетъ долиною Кагула, который, во глубинѣ ея, едва приметною струйкою пробирается къ Кагульскому обширному лиману, находящемуся въ самой почти окочности угла, образуемаго слияніемъ Прута съ Дунаемъ.

Еще наканунѣ пробѣжала надъ нами небольшая тучка. Весь прошлый вечеръ облака толпились надъ за-Дунайскими горами. По-утру мы проснулись подъ нахмурившимся небомъ. Теперь прыснулъ сильный проливной дождь. Дрянныя лошади заставили насъ до дождя еще воротиться назадъ въ Гречени пѣшкомъ; но и другія, лучшія изъ всей конюшни содержателя жиды, были не лучше. Насилу вытащились мы изъ Кагульской долины, которую должны были оставить вправѣ. Весь перегонъ состоялъ только изъ 22½ верстъ; но у самой станціи, находящейся при городѣ Кагулъ, клячи наши стали рѣшительно подъ горою, на которой

лежить городъ. Дождь льетъ какъ изъ ведра. Грязная Niagara стремилась прямо на насъ съ крутой и высокой горы. Уже свѣжія лошади съ городской станціи выручили насъ изъ бѣды.

Городъ Кагулъ недавно еще возведенъ въ это званіе изъ молдаванскаго селенія Формозъ. До-сихъ-поръ карта Бессарабской области все еще ходитъ въ корректурѣ. При первоначальномъ раздѣленіи на цинуты, изъ юго-восточнаго угла ея образованъ былъ цинуть Изамилскій. Когда Измилъ отдѣлился въ особое градоначальство, уѣздъ его переименованъ былъ въ Кагульскій въ честь знаменитой побѣды при Кагулѣ; но управленіе его перенесено было въ мѣстечко Леово, находящееся выше на Прутѣ. Скоро однако замѣтили, что Леово стоитъ на краю принадлежащаго къ нему уѣзда: почему селеніе Формозы, лежащее почти въ центрѣ, произведено въ уѣздный городъ, съ переименованіемъ въ Кагулъ.

Не-даромъ это селеніе называлось Формозы, то-есть «Красивое». Положеніе его дѣйствительно прекрасно. Оно царствуетъ надъ широкою долиною Прута, сопровождаемою съ молдавской стороны цѣлью живописнѣйшихъ холмовъ, съ которыми гордо переглядывается съ своего не менѣе высокаго пѣдестаала. Но только при томъ пока и остается. Новый городъ

рѣшительно не обзавелся еще ничѣмъ, сообразно своему рангу. Онъ та-же молдаванская деревушка, какъ былъ прежде; только населенъ уже не крестьянами, а чиновниками. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Кагулъ едва-ли не единственный городъ во всемъ свѣтѣ; можно побиться объ закладъ, что такого чисто-аристократическаго народонаселенія не найдешь нигдѣ и съ діогеновымъ фонаремъ. Кромѣ настоящихъ классныхъ чиновниковъ, здѣсь живутъ еще солдаты и писаря, которые все-же принадлежатъ къ низшимъ воинскимъ и канцелярскимъ чинамъ, а не къ простонародію. Слѣдствіемъ этого было однако то, что мы, расположивъ объѣхать на станціи, не нашли ничего во всемъ городѣ, кромѣ утиныхъ яицъ, изъ которыхъ состряпали намъ какую-то пурпурнаго цвѣта личинку. И то правда: можетъ-быть куры слишкомъ плебейская птица для аристократическаго города!..

Поле знаменитой Кагульской битвы находится въ 10 верстахъ отъ города, совершенно въ-сторонѣ отъ большой дороги. Погода вовсе не благопріятствовала такой отдаленной экскурсіи; почему мы должны были отказаться отъ наслажденія взглянуть на это позорище русской славы, стяжавшее безсмертную честь Румянцеву. Это было 20 іюня 1770 года, назадъ тому почти ровно шестьдесятъ-девять лѣтъ. Битва Кагульская есть

нетинно баснословное событіе, которое, случись нѣсколькими вѣками раньше, единогласно было-бы отнесено въ область мифовъ. Семнадцать-тысячь Русскихъ попались между полтораэта-тысячною арміею Турокъ и сто-тысячною ордою Татаръ. И что-жь? Турки разбиты въ прахъ; Татары сами развѣялись прахомъ. Мы потеряли только тысячу человекъ; Турковъ погибло до сорока тысячъ. Весь лагерь, сто сорокъ орудій, шестьдесятъ знаменъ, достались побѣдителямъ. Какими соображеніями стратегіи и тактики можетъ быть изъяснено это чудо? Изъ официальныхъ извѣстій видно, что побѣда сначала не только колебалась, но даже грозила склониться на сторону Турковъ. Внезапный натискъ десяти-тысячнаго корпуса лычаръ смялъ и опрокинулъ Русскихъ... Вдругъ сцена переменяется... Паническій страхъ овладѣваетъ неприятелемъ... Все бѣжитъ, все гибнетъ... Да! Въ книгѣ судебъ Россіи много страницъ, которыхъ не объяснить никакая человѣческая мудрость! Остается только восклицать съ поэтомъ:

Языки, вѣдайте: великъ Россійскій Богъ! —

Съ Кагула почтовая дорога начинается идти постоянно берегомъ Прута. Богъ наконецъ край Россіи, предѣлъ великой имперіи! Для русскаго, граница оте-

чества всегда есть что-то чудное, необычайное: онъ такъ привыкъ къ его безграницности! Признаюсь, я самъ, знакомый уже съ чужбиною, не безъ любопытства смотрѣлъ гдѣ-нибудь на землю, которая уже не называется Россіею. Долина Прутская имѣетъ значительную ширину, постоянно верстъ на 5, и болѣе; но самъ Прутъ зміется по ней тонкою, часто сквозь камышъ едва примѣтною, струею. Ничто не обнаруживаетъ, что здѣсь проходитъ межа двухъ имперій, такъ различныхъ между собою во всѣхъ отношеніяхъ; только маленькія будочки, съ нашей стороны, время-отъ-времени обозначаютъ протяженіе карантинной цѣпи. Настоящая граница положена на серединѣ самой рѣки; но она такъ своевольно мечется въ своемъ широкомъ ложѣ, что оба берега безпрестанно входятъ другъ-въ-друга, болѣе или менѣе обширными клиньями. Часто вы третесь объ молдавскую землю; а внутри ея нѣсколько разъ изгибается цѣпь русскихъ вѣдоговъ, безотлучно слѣдующая за изгибами Прута. При такомъ круженіи не рѣдко бываетъ, что рѣка прорываетъ себѣ новые пути, измѣняетъ русло; и тогда цѣлые куски земли отхватываются то отъ того, то отъ другаго края, перекидываются изъ имперіи въ имперію. Право, этотъ Прутъ себѣ-на-умѣ: онъ очень хорошо понимаетъ, что не его мелкой струѣ сдерживать ги-

ганта, который только из великодушія дозволил ему пресмыкаться у своихъ ногъ; вотъ онъ и вылезетъ то туда, то сюда, чтобы не подать и вида, будто въ-самомъ-дѣлѣ смѣетъ обуздывать силу, которая не знаетъ другой узды, кромѣ собственной воли.

Рѣку Прутъ, какъ притокъ Дуная, зналъ еще Геродотъ, и — что особенно замѣчательно — почти подъ нынѣшнимъ именемъ. Но увѣренію его, Скифы называли ее по-своему «Пората». Греки сдѣлали отсюда Пиретось или Пуретось, и потомъ еще короче — Порась. Въ послѣдствіи эта рѣка является подъ другимъ наименованіемъ Герасоса или Герасоса, къ которому впрочемъ присоединился и Порась, въ качествѣ рукава. Между Герасомъ и Порасомъ нашли себѣ приближеніе остатки вольныхъ Даковъ, не захотѣвшихъ покориться Траяну: они жили здѣсь подъ именемъ Тирагетовъ, вѣроятно Тирасскихъ (то-есть Днѣстровскихъ) Гетовъ, и имѣли многіе города, которыхъ имена всѣ почти оканчивались на «дава», на-примѣръ «Пироборидава», «Царигадава», и тому подобныя. Гдѣ были эти странные города, очень подозрительные въ славянизмѣ? Что это за Герасось, которому Прутъ отдавался въ побочные спутники? — Для рѣшенія этихъ вопросовъ надо было перебраться на-ту-сторону Прута. Извѣстно, что между Рени и Галацомъ находится большой лиманъ,

съ которымъ Прутъ и теперь еще въ сообщеніи: быть-можетъ этотъ лиманъ былъ икогда устьемъ Герасоса. Но перебраться черезъ Прутъ легко, да назадъ воротаться скучно: надо просидѣть по-меньшей мѣрѣ, четыре дня въ карантинномъ чистилищѣ.

Перемѣнивъ лошадей въ Готештахъ, черезъ 25½ версты, мы остановились почевать на слѣдующей станціи Леки, черезъ 20½ версты. Оба эти наименованія принадлежатъ молдавскимъ селеніямъ, въ сосѣдствѣ которыхъ находятся станціи. Это здѣсь непреложный законъ, что станціонныя домики никогда не находятся въ самыхъ селеніяхъ, но всегда въ значительномъ отъ нихъ отдаленіи, точно отшельническія кельи пустыльниковъ. Такое распоряженіе, конечно, выгодно для лошадей, доставляя имъ удовольствіе гулять въ степномъ привольѣ, избѣжиться на подножномъ корму. Но проѣзжіе?... И они также должны довольствоваться подножнымъ кормомъ и чистымъ воздухомъ степей, если сами не запаслись ничѣмъ существеннѣе...

Ночь, проведенная нами въ Леки, была первая весенняя ночь, растворенная всею благодатью юга. Тучи промчались. Освѣженный воздухъ дышалъ мягкою уютною прохладою. Земля жадно сосала животворящую влагу небесъ и пышно курилась признаательно давяю прозрачныхъ, благоухающихъ испа-

реши. Почтовый домик стоялъ надъ самымъ Прутомъ. Молдавскіе холмы дрожали волшебными тѣнями подъ дымкою полусвѣтлаго сумрака. Рѣка недвижно лежала голубой лентой, осыпанная лиманами, точно крупными яхонтами. Чудная почъ! Восхитительная почъ! —

Отъ Леки 19 верстъ до Леова. Мы пріѣхали туда на другой день рано утромъ, переѣхавъ подъ самымъ мѣстечкомъ Верхній Траяновъ-Валь.

Ничего не могу сказать объ Леовѣ; потому-что, благодаря удивленности станціи, я наслаждался созерцаніемъ его въ почтительномъ разстояніи. Видно лишь было, что это большое молдавское селеніе. Небольшой уголокъ его, который захватывается дорогою, кишить жидами, необходимою принадлежностью «мѣстечка». Въ Леовѣ до-сихъ-поръ существуетъ карантинная застава. Здѣсь мы имѣли случай замѣтить, съ какой буквальной точностью наблюдается строгость границы съ нашей стороны. Кто-то убилъ дикую утку. Она упала прямо въ Прутъ, но, по-несчастью, ближе къ молдавскому, чѣмъ къ нашему берегу. Стрѣлокъ не могъ воспользоваться своею добычею и, окруженный толпою любопытныхъ, медленно слѣдовалъ за ней по берегу, въ ожиданіи пока игра струи или вѣтра передвинетъ ее за заповѣдную черту. Не знаю, скоро-ли вознаградилась эта пытка Тантала, такъ живо

напоминающая русскую пословицу: «по усамъ течеть а въ ротъ не попадаетъ!»

Въ Леовѣ мы оставили Прутъ, и вернулись вправо, внутрь берега, по направленію къ Кишиневу. Дорога два раза пересѣкала Траяновъ-Валь; наконецъ, въ исходѣ перваго перегона, завернувъ круто на сѣверъ, оставила его продолжаться въ направленіи къ востоку. Верхній Траяновъ-Валь тѣмъ отличается отъ Нижняго, что идетъ гораздо прямѣе, почти какъ по сиурку. Онъ упирается въ Днѣстръ промежъ Каушагъ и Бендери. Бессарабія разсѣкается имъ во всю свою ширину.

Двѣ первыя станціи отъ Леова — первая черезъ 21, вторая черезъ 24 версты — называются Гура-Сараника и Гура-Галбинна. «Гура» значитъ по-молдавски — «устье». Впрочемъ рѣчка Сарата, на которой находится станція перваго имени и потомъ дальше село Сараника, впадаетъ въ Прутъ ниже Леова, въ довольно далекомъ отсюда разстояніи. Дорога долго идетъ долиною этой рѣчки. Чѣмъ дальше двигались мы, тѣмъ земля становилась холмистѣе. За Гурой-Галбиной начинаются горы, одна другой выше и круче. Мы должны были пересѣкать ихъ поперекъ. Лѣса густѣютъ. Раза два мы должны были проѣзжать довольно обширными перелѣсками. Перегонъ отъ Гуры-Галбины до Резени простирается на 27 верстъ. Лошади,

как-нарочно жидовскія, не могли одолѣть ряда горъ, и въ половинѣ перегона рѣшительно стали. Это дало намъ случай познакомиться съ молдаванами, со стороны, сдѣлавшей на насъ благопріятное впечатлѣніе.

Огромная гора, покрытая густой чешуей лѣса, загородила намъ дорогу. Лошади въ-тупикъ, ни съ мѣста. Что дѣлать! Посылать въ деревню за помощью — далеко! Ямщикъ, даромъ-что русскій, выбился изъ силъ, и только-лишь охалъ да клялъ по-русски и горы, и клячъ, и жида-хозяина. Подъ горою, во глубинѣ долины, видѣлся хуторокъ, вокругъ котораго паслись на лужку вола и лошади, очевидно принадлежавшіе къ хозяйству поселянна. Рѣшено отправить ямщика хоть туда за подмогою. Пока онъ спускался съ горы, да добирался до хутора, изъ глубины лѣса явился молдаванъ, одѣтый довольно опрятно, въ полосатомъ халатѣ, въ красномъ кушакѣ, въ цвѣтной фескѣ съ длинною кистью, безъ-сомнѣній «мазыль», если не «болрынашъ». Онъ увидѣлъ наше горе, и безъ призыву самъ принялся выручать насъ. Побранивъ предварительно ямщика, за-то-что онъ не поѣхалъ на гору въ объѣздъ, онъ подошелъ къ лошадямъ, схватилъ ихъ могучею рукой за узды и повернулъ въ сторону; потомъ подперъ сзади коляску плечомъ, и гикнулъ громко. Точно-будто онъ намагнетизировалъ

клячъ своимъ взглядомъ, прикосновеніемъ и голосомъ. Лошади, которыхъ не могли сдвинуть съ мѣста въ три дубины, взяли и потянули. Молдаванъ снова прикрикнулъ. Онъ чувлъ предосторожность поставить коляску нѣскольکو подъ-гору. Клячи пустились рысью. Не давая имъ останавливаться, молдаванъ продолжалъ, бѣгучи вмѣстѣ, кричать, направляя ихъ постепенно въ гору только маханьемъ рукъ. Такъ въѣхали мы въ лѣсъ и цѣликомъ пробрались на объѣздную дорогу. Но горы оставалось еще много. Импровизированные бѣгуны опять пристали. Тутъ настигъ насъ ямщикъ съ другимъ молдаваномъ, хозяиномъ хутора, который пригналъ съ собою пару лошадей: этотъ послѣдній былъ уже настоящій «царанъ», во всей наготѣ лѣтняго южнаго костюма. Новыя лошади оказались совершенно безполезными, потому-что на нихъ не было ни хомутокъ, ни шлеекъ. Первый молдаванъ посадилъ второго на козлы, самъ опять къ коляскѣ, подперъ сзади, крикнулъ еще громче вдвоемъ; и клячи опять побѣжали въ-гору. Скоро мы подвинулись наверхъ, и уже безъ всякихъ приключеній домчались опять до почтовой дороги. Мазыль все бѣжалъ и кричалъ: въ этомъ, кажется, заключался весь талисманъ нашего спасенія. Когда коляска выѣхала на дорогу, крупный потъ струился по его разгорѣвшемуся лицу; открытая,

заросшая косматою шерстью грудь, тяжело переводила духъ; большіе черные глаза горѣли яркими карбункулами. Въ эту минуту вся физиономія его показалась мнѣ запечатливою особеннымъ выраженіемъ живости, силы, огня. Нѣтъ! не сѣверная гетская кровь бушуетъ въ жилахъ пылѣвшихъ румуновъ: много подлито въ нее южнаго горячаго масла! Другой молдаванъ казался гораздо спокойнѣе; но глаза его также сверкали острымъ, пронзительнымъ блескомъ итальянскихъ очей. Колонія Траяновы не перевелись въ землѣ Траяна!—Мы предложили обомъ по стакану молдавскаго вина. Мазыль осушилъ его съ громкою, краснорѣчивою благодарностью, засвидѣтельствовавъ за своего единоплемяка, который вовсе не говорилъ по-русски, что онъ также бьетъ челомъ на нашей ласкѣ. Сцена кончилась тѣмъ, что оба на прощанье схватили наши руки и, прежде-чѣмъ мы успѣли отнять, почтительно поцѣловали. Долго еще раздавались въ слѣдъ намъ ихъ напутственные крики.

Передъ селеніемъ Резени мы перѣехали рѣчку Ботию, замѣчательную въ исторіи Бессарабіи. Рѣчка эта, начинаясь внутри горной бессарабской стороны, проходить мимо Каушанъ въ Днѣстръ. На ней, или лучше на одномъ изъ ея правыхъ притоковъ, находится селеніе Карбуна, нынѣ ничего не значащее, но мѣткогда бывшее резиденціею вождей Бессовъ или Бес-

саравовъ. Здѣсь именно жилъ Вали-Ханъ, посылавшій въ 1346 году войско свое на помощь Византійской императрицѣ Аннѣ Савойской противъ Іоанна Кантакузина. Итакъ мы были теперь въ сердцѣ Бессарабіи собственно такъ называемой.

Откуда взялось это имя—«Бессарабія»?—Извѣстно, что «Бессарабія» или «Бессараба», съ конца XIV вѣка, было фамильнымъ именемъ для цѣлой династіи воеводъ Валахскихъ, которые владычествовали и надъ Бессарабіей. Но какъ это область-ли отъ нихъ получила, или они отъ области? Кажется, ни то, ни другое. Родоначальникомъ воеводской династіи «Бессарабовъ» въ Валахіи считается Барбуль Бессараба, который, уже въ-слѣдствіе притѣсненія Турковъ, около половины XV столѣтія, вышелъ изъ нынѣшней Бессарабіи, сначала въ Сербію, а потомъ въ Валахію къ воеводѣ Владу II Лайотаеу, отъ котораго получилъ титулъ бана Краіовскаго. Но какъ, и прежде еще, воеводы Валахіи, начиная съ самаго Радула-Чернаго, основателя Валахскаго княжества, назывались «Бессарабами», то, кажется, это имя не было фамильнымъ, а просто титульнымъ вождей народа, обитавшаго въ Валахіи и Бессарабіи. Ориенталисты находятъ, что оно можетъ быть составлено изъ слова «рабъ» или «ребъ», означающаго въ нынѣшнемъ турецкомъ языкѣ именно «вождя» или «повелителя»; въ такомъ

случай «Бессарабъ» значило-бы слово-въ-слово «повелитель» или «вождь Бессовъ» — народа, какъ и уже имѣлъ случай сказать, жившаго по-обѣ-стороны Дунайского устья въ первыхъ вѣкахъ христіанской эры. Еще Геродотъ зналъ Бессовъ, которые въ его время обитали въ горахъ Гемуса, нынѣшняго Балкана. Это, вѣроятно, было одно и то-же колено, единоплеменное съ Гетами, Даками, и потомъ Антами, въ сосѣдствѣ которыхъ оно встрѣчается и съ которыми вмѣстѣ движется то туда, то сюда, между Балканомъ и Карпатами. Но и сомнѣваюсь, чтобы эти Бессы были турецкіе «Біазы»; мудрено, чтобы орда Турковъ такъ рано могла пробраться въ Балканъ и Карпаты. Сомнѣваюсь, чтобы и имя «Бессарабъ» было составлено Турками: слово «рабъ» есть собственно арабское, а не турецкое, тоже что еврейское «равви». Скорѣе предположить, что оно значить «Бессъ-Сорабъ», или «Бессъ-Сербъ»!

Въ-самомъ-дѣлѣ, Бессы, равно-какъ Геты, Даки и Анты, должны принадлежать къ первобытному славянскому народонаселенію дунайскаго бассейна, котораго обширнѣйшую вѣтвь составляютъ Сербы, давно существующіе подъ нынѣшнимъ своимъ именемъ. Вихри народовъ, набывавшіе сюда, то съ запада, то съ востока, перекидывали ихъ съ мѣста на мѣсто. Римская колонизация заставила Бессовъ гнѣ-

даться въ ущельяхъ горъ по обѣимъ сторонамъ Дуная. Въ VII вѣкѣ, при совершенномъ распаденіи міровластительнаго колосса, за-дунайскіе Бессы съ Балкана, изъ сосѣдства нынѣшней Сербіи, двинулись на-сью-сторону Дуная, и основались при Алутѣ или Олтѣ, въ нынѣшней Малой-Валахія: мудрено-ли, что ихъ вождь, какъ представитель всего племени, тогда-жъ еще прозвался «Бессарабомъ», то-есть главою «Сербскихъ» или «Славянскихъ Бессовъ», чистыхъ Славянъ, въ отличіе отъ Славянъ обитавшихся Римскою колонизаціею, которые по той самой причинѣ прозваны «Волохами» или «Влохами», именемъ до-сихъ-поръ означующимъ по-славянски племя Галло-Романское? Между-тѣмъ натискъ азіатскихъ ордъ съ востока поглотилъ, но не уничтожилъ Бессовъ, остававшихся по-сью-сторону Дуная, гдѣ они, въ нижней части нынѣшней Бессарабіи, въ VIII вѣкѣ, извѣстны были подъ именемъ Биессовъ и Биессеновъ, смѣшавшихся потомъ съ Печенѣгами и Половцами или Команами. Впрочемъ можетъ-быть и имя Печенѣговъ, по-византійски Панинаковъ, первоначально принадлежало имъ-же, усть-дунайскимъ Бессамъ, и было только искаженіемъ древняго имени Певциновъ и Певкиновъ, жителей усть-дунайскаго острова Певки. У этихъ послѣднихъ Бессовъ, имя «Бессарабъ» является также именемъ вождя, только гораздо позже: въ хроникѣ

безименнаго архидіакона Гнѣзненскаго оно упоминается подъ 1259 годомъ и отъ него производится областное наименованіе теперешней Бессарабіи. Справимся съ событіями. Съ VII по XIII вѣкъ, много здѣсь протекло воды, много было волненій и переворотовъ. Балканскіе Бессы не остались спокойными въ своихъ новыхъ жилищахъ на Олтѣ. Скоро въ Карпаты ворвались Мадары, и оттуда бурнымъ потокомъ начали сливаться въ долину Дуная: король Венгерскій Стефанъ I, съ 1004 года, владѣлъ уже всею Трансильваніею или нынѣшнимъ Седмиградскимъ княжествомъ. Съ другой стороны, Болгаре, которые вѣроятно были виновниками и перваго переселенія Бессовъ съ Балкана за Дунай, не оставили ихъ здѣсь въ покоѣ: въ 1204 году, король Болгарскій Іоанникій въ самомъ сердцѣ Малой-Валахій заложилъ городъ, который наименовалъ Крайовомъ, то-есть «Край-Іоанникія (сокращенно по-болгарски — Іо)». Само-собою разумѣется, что, при такомъ стѣсненіи съ обѣихъ сторонъ, Бессарабамъ на Олтѣ стало душно; что-жъ естественнѣе было, какъ не двинуться дальше на сѣверо-востокъ, къ своимъ усть-дунайскимъ братьямъ, въ нынѣшнюю Бессарабію? Такъ показаніе Гнѣзненскаго лѣтописца совершенно соглашается съ фактами. Смуты, воспослѣдовавшія въ Болгаріи и въ Венгріи въ концѣ XIII столѣтія, дали возможность

Радулу-Черному, воеводу Бессовъ, попавшихся въ Трансильванію подъ власть Мадяровъ, возстановить независимость Валахій, къ которой присоединился и Крайовскій баннать. Радуль и его преемники удержали за собой почетный титулъ «Бессарабовъ»: около 1356 года, Бессараба, банъ Крайовскій, отдалъ свои владѣнія въ приданое за дочь, которая вышла за-мужъ за Уроша V, краля Сербскаго. Но имя Бессарабіи, какъ земля, осталось исключительно за нашею Бессарабіею, откуда Барбуль въ XV вѣкѣ воротился наконецъ опять въ сторону своихъ дѣдовъ, побывавъ впрочемъ прежде въ Сербіи. Этѣ частыя связи Бессарабовъ съ Сербіею показываютъ, что они знали свое къ ней отношеніе, что они сами-себя считали Бессо-Сербами. И не отсюда-ли произошло турецкое названіе «Акь-Сербъ» — «Бѣлая-Сербія» — соответствующее землѣ Бессарабовъ? Тѣмъ болѣе это вѣроятно, что народное имя «Бессовъ» представляло такое близкое созвучіе съ «біязъ», однозначительнымъ у Турковъ съ словомъ «акъ» — «бѣлый».

Стало-быть, имя, носимое нынѣ Бессарабскою областію; было слѣдствіемъ вторичнаго ославянированія древней Дакии, которую Римляне оволошли. Впрочемъ это ославянированіе было уже не столько народное, сколько политическое. Завоева-

тельное колено Бессо-Сербовъ, вѣроятно меньшее въ численномъ количествѣ, не могло преодолѣть волошскаго характера въ потомствѣ колоній Рима. Языкъ народа, покорствовавшего Бессарабамъ, остался румынскимъ; но языкъ правительства, языкъ вѣры, языкъ гражданского этикета, языкъ всѣхъ главныхъ общественныхъ условій и приличій, съ возвращеніемъ Бессовъ въ Дакию, является бессо-сербскимъ, славянскимъ. Какая странная игра судьбы! Нѣкогда народныя имена Славянъ, у предковъ нынѣшнихъ Румуновъ, были синонимами «рабства» (*Dacus, Geta, Servus*); теперь, у потомковъ древнихъ Римлянъ, названія власти и чести всѣ почти славянскія (*господарь, бояръ, дворникъ, чашишкъ, постельшишкъ, и тому подобныя*). Какъ народъ, Бессо-Сербы скоро поглотились большинствомъ Румуновъ, оставивъ только свои преданія при дворѣ державныхъ Бессарабовъ: ихъ языкъ долго держался въ исключительномъ употребленіи для всѣхъ высшихъ цѣлей общественной и государственной жизни, былъ единственнымъ освященнымъ языкомъ богослуженія, дипломатіи, законодательства, и вообще книгъ; да и теперь, по-крайней-мѣрѣ буквы, употребляемая Румунами, все еще кирилловскія, славянскія.

Весьма вѣроятно, что Бессы издревле страшны были своимъ сосѣдамъ, даже и единоплеменнымъ:

оттого во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ имя ихъ сдѣлалось синонимомъ «злыхъ духовъ». Но, стѣсненные отсюду, они наконецъ «перебѣсались», завѣщавъ свое молодечество продолжавшимся почти до нашихъ временъ сѣчамъ Козаковъ, уклонившихся глубже въ широкое доно степей. Хищные гайдамаки, до самаго ихъ уничтоженія, слыли «бѣсовыми дѣтьми» въ мирныхъ украинскихъ хижинахъ.

Все это можно было передумать на переѣздѣ отъ Резени до Кишинева, содержащемъ безъ-четверти 25 версты. Мы проѣхали его въ глубокіе сумерки, перекатываясь съ горы на гору. Все было тихо и спокойно. Такъ-ли было въ то время, когда грозные Бессарабы воеводствовали въ Карбунѣ? Нынѣшняя столица Бессарабіи встрѣтила насъ мирнымъ фейерверкомъ огней, освѣщавшихъ ее послѣ дневныхъ трудовъ на сонъ гражданскій. Мы остановились въ трактирѣ Антонія.

На другой день—это были праздникъ Вознесенія—звонъ колоколовъ извѣстилъ насъ, что мы находимся въ городѣ, изобилующемъ храмами Божіими. Мы спѣшили съ нимъ ознакомиться короче и ближе.

Изманилъ удивилъ насъ своею европейскою физиономією; но какое разстояніе между имъ и Кишиневомъ! Ни одинъ изъ губернскихъ городовъ Новороссійскаго края не можетъ выдержать сравненія съ областнымъ.

городомъ Бессарабіи. Какая площадь! Какой великолѣпный соборъ! Какіе дома! И это все такъ свѣжо, такъ ново, только-что съ иголки. Много прекрасныхъ зданій уже совершенно окончано: больше еще строится. Старая молдаванская скорлупа, изъ которой юный городъ развертывается, тѣмъ рѣзче выказываетъ его прелесть, тѣмъ торжественнѣе свидѣлствуетъ неизмѣрную быстроту его дивнаго преображенія.

Городъ Кишиневъ недавно еще существуетъ въ званіи города. Самое имя его производить отъ словъ «кишла» — зимовище, хуторъ — и «нау» — «новый». Слово «кишла», какъ уже было замѣчено, есть слово татарско-турецкое; слѣдовательно, если это производство справедливо, то Кишенуау одолжено первоначальнымъ происхожденіемъ своимъ прихоти какого-нибудь буджацкаго мурзы, прикочевывавшаго сюда со степя, или можетъ-быть турецкаго пашы, имѣвшаго резиденцію въ Бендерахъ, не въ дальнемъ отсюда разстояніи. До присоединенія Бессарабіи къ Россіи, здѣсь была ничтожная деревушка. При организаціи областного правительства, выборъ центральнаго города для всей области колебался между Бендерами и Орхеемъ (нынѣшнимъ Оргеевомъ). Никто и не думалъ о Кишенуау. Выборъ установился здѣсь единственно по настоянію знаменитаго экзарха Гавріила Бодони. Въ-

самомъ-дѣлѣ мѣстности совершенно удовлетворяла назначенію: Кишиневъ находится въ самой серединѣ области, на рубежѣ степной и горной Бессарабіи. Владыка учредилъ здѣсь-же свою кафедру, которая донынѣ сохранила имя «митрополіи». Разумѣется, городъ началъ распространяться быстро: но при устройствѣ его порядокъ и вкусъ не принимались во вниманіе. Это была огромная молдаванская деревня до 1834 года, когда начальникомъ области и хозяиномъ города сдѣлался нынѣшній военный губернаторъ Кишиневскій, генералъ-лейтенантъ П. И. Федоровъ. Съ-тѣхъ-поръ началось перерожденіе Кишинева; и теперь, въ какихъ-нибудь пять лѣтъ никто не узнаетъ стараго молдаванскаго Кишенуау.

Какимъ волшебнымъ желаніемъ производится это превращеніе! — Талисманъ заключается въ соревнованіи, которое весьма искусно пробуждено въ самыхъ жителяхъ города. Они строятся добровольно, поощряемые выгодами, которыя предварительно обезпечиваются сооружаемымъ ими домамъ. Это разшевелило даже евреевъ, которымъ принадлежитъ теперь много прекрасныхъ и великолѣпныхъ зданій. Только молдаване мало еще принимаютъ участія въ общемъ рвеніи: они продолжаютъ довольствоваться своими безобразными

«касами», гармонирующими съ ихъ полу-азиатскимъ костюмомъ и полу-мусульманскими привычками.

Я не буду разроstrаняться о наружности города, чтобы тѣмъ свободнѣе предаться впечатлѣнiямъ, возбуждаемымъ жизнью его пестраго населенiя. Въ Кишиневѣ считается теперь больше сорока-тысячъ жителей. Всѣ города здѣшняго края отличаются смѣшенiемъ языковъ и племенъ. Но тутъ мы увидѣли въ-первый-разъ особую стихiю румынскую, во всей роскоши ея національной самообразности.

Какъ-нарочито для насъ случился праздничный день, знаменующiйся въ Кишиневѣ общенародными гуляньями въ прекрасно устроенномъ публичномъ саду. Добрый хозяинъ города имѣлъ любезную благосклонность самъ повести насъ туда: Гулянье только-что начиналось. Среди сада, на широкой площадкѣ, образуемой перекресткомъ аллеи, гремѣла полковая музыка. Народъ приливалъ густыми волнами, и частiю поворачивался кругомъ площадки, частiю разсыпался по аллеямъ.

Еще многiе изъ румыновъ, особенно старики, сохранили свой народный, живописный костюмъ. вмѣстѣ съ нимъ, они, кажется, сохраняютъ и глубокое предубѣжденiе противъ всего, отзывающагося помянутой русско-европейской цивилизации. Эти кореняки,

представители упорнаго румынскаго націонализма, сдѣлали безмолвно или прохаживались медленно, погруженные въ самихъ себя. Вѣроятно, они уносились мыслiю въ тѣ блаженныя времена, когда Бессарабiя оглашалась пронзительными звуками жидовскихъ цимбалъ или бѣшенымъ визгомъ цыганскаго табора. О вкусахъ спорить не-льзя; но замѣтно уже, что новое поколѣнiе рѣшительно измѣнитъ своимъ отцомъ. Почти вся аристократическая молодость одѣвается по-европейски, имѣетъ или по-крайней-мѣрѣ показываетъ европейскiя потребности и прихоти. Первый шагъ къ отступленiю отъ старины, разумѣется, и здѣсь какъ вездѣ, подается прекрасною половиною человѣческаго рода. Вы уже не различите теперь по платью румынскихъ куконицъ и куконь: богатѣйшия изъ нихъ разубраны по парижскимъ, или по-крайней-мѣрѣ вѣнскимъ картинкамъ модъ. Только рѣзкая печать полу-азиатской физиономiи изобличаетъ ихъ недавнее усминовленiе Европѣ. О! европейскiй безвѣтный лоскъ достается не-даромъ, особенно женщинѣ! Надо долго прохаживать княжнюю кровь, гладить и уютить вѣроломное выраженiе лица, наводить матовой тушкѣ на очи горящiя жизнью, приводить въ разочтанный тактъ свободную игру движенiй. Румынки не сдѣлали еще большихъ успѣховъ въ этой трудной наукѣ, облег-

ченной для европейскъ всѣми усиліями воспитанія и примѣра. Онѣ еще дочери природы. И какой природы!..

Вообще образованіе румуновъ идетъ еще очень туго. Въ аристократіи есть порывы къ цивилизаціи; но чѣмъ они обнаруживаются? Первымъ долгомъ считается умѣть говорить по-французски и одѣться по-нѣмецки. Языкъ французскій, разумеется съ молдавнскимъ произношеніемъ и безъ всякихъ идей — это все, полный курсъ мудрости и просвѣщенія! До Парижа далеко, и потому онѣ извѣстны здѣсь только по-слуху; но за-то многіе бывають въ Вѣнѣ. Вѣна — высочайшій идеалъ, до какого только можетъ простираться воображеніе румуна! Кто былъ въ Вѣнѣ, тотъ считается образцомъ всѣхъ возможныхъ совершенствъ, джентельменомъ *non plus ultra*. Но ни французское лепетанье, ни фашіонабельное путешествованіе въ заграничную столицу Австріи, не препятствуетъ «альмамъ» бессарабской аристократіи косить въ праотеческихъ привычкахъ, представляющихъ сліяніе болгарской снѣси съ мусульманскою невзыскательностью. Говорять, случается еще видѣть щегольскую вѣнскую коляску, у которой передъ козлами привѣты гвоздями большіе сапоги, а къ козламъ приштопано кучерское платье: въ это полное облаченіе влѣзаетъ ногой цыганъ, когда

получаетъ повелѣніе исправлять должность возницы. По сему же и прочая разумѣвай. Чтеніе еще не вошло въ потребность румунской образованности. По-русски рѣдко кто умѣетъ и говорить, не только читать. Национальной литературы пока вовсе нѣтъ. Книги иностранныя считаются неумѣстною роскошью, которую дозволяютъ себѣ немногіе.

Между-тѣмъ правительство съ своей стороны несусьно печется о водвореніи истиннаго просвѣщенія въ столицѣ Бессарабіи. Кишиневъ давно уже имѣетъ духовную семинарію для снабженія храмовъ Божіихъ достойными пастырями; при этой семинаріи нѣсколько лѣтъ находился пансіонъ, имѣвшій цѣлю образованіе переводчиковъ для государственной службы въ области: покойный Венелинъ, при первомъ своемъ вступленіи въ Россію, исправлялъ тутъ должность надзирателя. Гимназія открыта недавно, но находится въ полномъ ходу, обещающемъ несомнѣнные успѣхи: при ней существуетъ благородный пансіонъ, отлично устроенный. Уѣздное училище имѣетъ ланкастерскую школу, снабженную такъ роскошно, какъ нигдѣ въ Россіи: это распоряженіе простирающееся въ равной мѣрѣ и на прочіе города области, въ которыхъ находятся уѣздныя училища, принадлежитъ единственно просвѣщенному усердію нынѣшняго областного начальника.

Есть также училище для канцелярскихъ служителей. Даже евреи учредили для себя родъ высшаго уѣзднаго училища, по образцу подобнаго въ Одессѣ. Видно, что городъ возраждается не только наружно, но и внутренно. Только для созрѣнія духовныхъ сѣмянъ потребно время, и время.

Долго пробыли мы въ саду. Невозможно налюбоваться внимательностію, съ какою устроено здѣсь все для удовольствія гуляющихъ, которыхъ большую часть надо еще учить находить удовольствіе въ гуляніи. Тамъ устроена прекрасная бесѣдка съ широкими балконами. Здѣсь возвышается зданіе «клуба», снабженное роскошнымъ буфетомъ. Мысль учредить «клубъ» въ Кишиневѣ есть самая счастливая: это лучшее средство сблизить румынскихъ бояръ съ русскими жителями города, разшевелить въ нихъ чувство обществённости, складить съ лицъ ихъ боярскую важность и привить къ нимъ русское радушіе. Для полноты русскаго раздолья, сдѣланы русскія качели; и это, кажется, самый опасный камень преткванія для румынской національности: тутъ часто не только вѣтреная младость, но и допотопные антики увлекаются вихремъ соблазна; цвѣтныя куцавейки и шляпки только-что мелькаютъ въ воздухѣ яркою радугою.

Въ Кишиневѣ есть и театръ — театръ русскій!

Мы взяли билеты и просидѣли все представленіе. Играли какую-то комедію, переводъ г. Ленскаго: такъ, помню, сказано было въ афишѣ. Что касается до названія, то, откровенно вѣрюсь, не припомню; а содержаніе какъ-то такъ мадерно, что я хорошо не понимаю. Актеры играли преусердно, и публика была очень признательна: она награждала ихъ часто рукоплесканіями, но еще чаще шумнымъ хохотомъ при каждой двусмысленной выходкѣ. Чудное дѣло! Румыны, очень плохо понимающіе по-русски, такъ чутки въ остроуміи г. Ленскаго: вѣрно, этѣ острооты очень остры и бодривы. Извольте-жъ вѣрить послѣ-того столичнымъ «фельетонамъ!» Въ театрѣ находился молодой гвардейскій офицеръ Молдавскаго господаря, весь залитый въ золото, котораго я видѣлъ еще въ саду. Знал по-русски, оцъ внимательно слѣдилъ за представленіемъ и не рѣдко дѣлалъ своей очень миленькой сосялкѣ замѣчанія, разумѣется по-французски, сравнивая здѣшнихъ актеровъ съ французскою труппою, играющею въ Иссахъ. Замѣчанія эти не были слишкомъ неблагопріятны для кишиневскихъ артистовъ. Впрочемъ на этотъ разъ труппа была не въ полномъ своемъ блескѣ: на сценѣ не было знаменитаго Соленика, въ то время принадлежавшаго кишиневскому театру. Намъ обѣщали именно для насъ дать «Гамлета», и въ новомъ переводѣ г. Полеваго.

«Гамлетъ»—на кишиневскомъ театрѣ! Это, конечно, стоило посмотрѣть. Къ-сожалѣнію, обстоятельства расположились такъ, что намъ этого удовольствія не досталось. Театръ заключился разными плясками, которыя также были осыпаны рукоплесканіями.

Повторю опять: Кишиневъ перерождается во всѣхъ отношеніяхъ; и это будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на всю Бессарабію. Уже и теперь многіе съ гордостію говорятъ о Кишиневѣ и даже дерзаютъ сравнивать его съ Яссами; а Яссы, въ понятіяхъ Бессараблянъ, занимаютъ первое мѣсто послѣ Вѣны: въ Одессѣ они бывають рѣдко; о Петербургѣ и Москвѣ знаютъ только, что тамъ очень холодно. Надо въ самомъ сердцѣ родной ихъ стороны утверждать разсадники истиннаго просвѣщенія, водворять и развивать общественность со всѣми ея благородными наслажденіями, споспѣшествовать пробужденію вкуса и любви къ порядку, къ гармоніи, къ изяществу. Всему этому полагаются теперь благія начала; и будетъ время, что это будетъ! Тогда мѣстный патриотизмъ разовьетъ благородное чувство симпатіи и соревнованія къ общей жизни великаго отечества, усыновившаго себѣ страну Румуновъ. И Россія сдѣластъ приобрѣтеніе. Возрожденное потомство Римлянъ не будетъ лишнимъ въ ея семьѣ; напротивъ обогатитъ ея народную физиономію новыми оттѣнками, оразно-

образить игру общественной ея жизни. Обрусѣлый бояръ не станетъ бояться сѣверныхъ морозовъ; и прекрасная полянка кукуницы, вмѣсто аллеи Пратера, заскользитъ охотибе по граниту Невскаго-Проспекта или по гладкой скатерти Тверскаго-Бульвара... Кстати о ножкахъ. Говорить, что очаровательныя «ножки», воспѣтыя Пушкинымъ, еще движутся по роскошнымъ коврамъ кишиневской зелени... Кстати о Пушкинѣ. Еще цѣль домикъ, въ которомъ онъ жилъ во время пребыванія своего въ столицѣ Бессарабіи...

Въ этотъ разъ только сутки провели мы въ Кишиневѣ. Въ слѣдующій день, около десяти часовъ утра, отправился въ дальнѣйшій путь. Погода все колебалась. День разсвѣнулъ сѣренькимъ, подернутымъ облачками, изъ-за которыхъ впрочемъ временами выглядывало солнце.

Дорога продолжалась черезъ пригорки, успѣвшіе уже приодѣться свѣжею зеленью весны. Пригорки эти не такъ высоки, какъ между Леовомъ и Кишиневомъ. Кишиневъ лежитъ на юго-восточной оконечности реберъ, составляющихъ горный оставъ сѣверной Бессарабіи. Рѣка Быкъ, при которой онъ находится, принадлежитъ уже къ бассейну Дуэстра.

Первая смѣна лошадей, черезъ 22½ версты, при деревнѣ Пересѣчени. Положеніе этой деревни, въ пре-

лестной долины, которой бока заросены густыми садами, очень живописно. Но, любясь видомъ, я не забылъ этимологическаго конька, заносащаго меня въ другой слой мечтаній. Имя «Пересѣчени» обратило мое вниманіе уже и тѣмъ, что въ немъ въ-первый-разъ внутри Бессарабіи услышалъ я чистые славянскіе звуки, съ насѣчкою румынскаго чекана. Значить, оно принесено сюда не Русскими послѣ завоеванія области. Но это еще не самое важное. Мнѣ вспомнился древній городъ Пересѣчень, упоминаемый въ нашей лѣтописи еще при великомъ князѣ Игорѣ, слѣдовательно въ началѣ X вѣка. Тамъ говорится, что это былъ городъ «Уличей» или «Угличей»: воевода Игоревъ Свентельдъ стоялъ подъ нимъ цѣлые три года и едва успѣлъ наконецъ валтъ. Еще не рѣшено до сихъ поръ, кто были эти «Уличи», или «Угличи», или еще по другимъ вариантамъ «Углецы». Изъ соображенія нѣкоторыхъ параллельныхъ мѣстъ въ лѣтописи, впрочемъ параллельныхъ только наружно, Шлецеръ вывелъ заключеніе, что «Уличи» должны быть «Суличи», жители по рѣкѣ Сулѣ, впадающей, какъ извѣстно, въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, въ нынѣшней Полтавской губерніи. Другое мнѣніе, котораго онъ не опровергаетъ, помѣщаетъ «Угличей» на рѣкѣ Орели, впадающей въ Днѣпръ съ той-же стороны нѣсколько ниже Сулы, въ те-

перешней Екатеринославской губерніи, по той причинѣ, что будто эта рѣка называлась когда-то Угль. Въ обоихъ случаяхъ, это выходитъ народъ, обитавшій въ приднѣпровскихъ степяхъ. Но возможно-ли, чтобы тамъ, на этой безбрежной равнинѣ, покрытой однимъ ковылемъ, въ тѣ отдаленныя времена существовалъ городъ, подъ которымъ должно было простоять три года? И куда-жь-бы онъ потомъ дѣвался, не остави по себѣ никакихъ слѣдовъ?.. Въ лѣтописи прибавляется, что «Уличи» или «Угличи» сдѣлали вѣсть по Днѣпру, но потомъ перешли Днѣстръ и сѣли тамъ. Это что-то близко уже къ бессарабскому «Пересѣчени». Но еще важнѣе, что въ этнографической росписи славянскихъ племенъ, предлагаемой тою-же самою лѣтописью, «Улицы», вмѣстѣ съ Тиверцами, показаны «присѣланными ко Дунаеву», причемъ прибавлено еще, что «множество ихъ сдѣлали по Бугу и по Днѣстру, иныя до моря». Тутъ ужъ, кажется, столько ясно, что и разсуждать нечего. Припомнимъ, что «Татары», поселивъ въ позднѣйшее время въ южной Бессарабіи, между Днѣстромъ и Дунаемъ, назвались «Буджаками», то-есть «Угловыми». Племя Славянъ, жившихъ въ томъ-же самомъ углу, какъ иначе могло назвать себя, какъ не «Угличами», или пожалуй «Углецами»? Даже очень можетъ быть, что Татары, занявъ ихъ мѣсто,

отъ нихъ заимствовали и прозвище, только перетолмачивъ его по-своему. Вѣроятно, этихъ-то при-дунайскихъ и при-днѣстровскихъ «Угличей» императоръ Константинъ Порфирогенетъ разумѣлъ подь именемъ «Ультиновъ». Какъ-же теперь объяснить то мѣсто лѣтописи, гдѣ говорится, что «Угличи» сидѣли по Днѣпру внизъ, и потомъ перешли Днѣстръ, или пришли на Днѣстръ (текстъ здѣсь очень теменъ и очевидно обезображенъ)? А такъ, что «Угличи», подобно преемникамъ своимъ «Буджакамъ», прогуливались по раздолью степей до Днѣпра, да тамъ и приживали. Вѣншій Олегъ, округляя свои владѣнія преимущественно съ сѣверо-востока и съ сѣверо-запада, только-лишь «имѣлъ рать» съ «У(г)личами» и Тиверцами. Воевода Игоревъ, воспитанный въ школѣ Олега, обратился настойчивѣе къ югу. Онъ «примучилъ» попавшихся ему на Днѣпрѣ «Угличей», то-есть заставилъ покориться: но отдаленное за Днѣстромъ «Пересѣченъ» отказалось платить дань; и Свентельдъ, судя по теперешнему положенію мѣста, былъ еще герой, когда успѣлъ взять его хоть въ три года. Въ-самомъ-дѣлѣ, это живописное мѣстоположеніе съ тѣмъ-вмѣстѣ есть превосходная натуральная крѣпость. Скажутъ: слишкомъ далеко отсюда до Кіева; но Новгородъ чуть-ли не вдвое дальше, а Руссамъ это была прогулка; притомъ здѣсь лежала сухонутная дорога

въ Болгарію и Царьградъ, куда взоры нашихъ предковъ стремились безпрестанно съ горъ Кіевскихъ. Возразятъ еще, что въ старинномъ спискѣ русскихъ городовъ, находящемся при нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописей и относящемся уже къ позднѣйшему времени, «Пересѣченъ» упоминается въ числѣ городовъ Кіевскихъ; но тамъ также находится и городъ «Корсунъ»: что-же, къ этому Корсуну должно относить всѣ происшествія древней нашей исторіи, при которыхъ упоминается это имя, а не къ отдаленному Херсонесу-Таврическому? — Однимъ-словомъ: я увѣренъ, что нашелъ настоящій Свентельдовъ Пересѣченъ и настоящихъ Угличей-Славянъ. Вообще древняя наша географія тѣмъ запутана, что никто не приурочивалъ ее живымъ наблюдениемъ. Ларчикъ часто открывается гораздо проще, нежели какъ думается намъ въ кабинетѣ надъ грудями книгъ.

За драгоцѣннымъ моимъ «Пересѣченемъ» начинаются такъ-называемые «Оргеевскіе-Лѣса», важнѣйшіе и обширнѣйшіе во всей Бессарабіи. Они покрываютъ большую часть уѣздовъ Кишиневскаго и Оргеевского, даже входятъ частями въ Кагульскій, Бендерскій и Ясскій. Имя ихъ заимствовано отъ города Оргеева, который отстоитъ отъ Пересѣчени на одинъ почтовый перегонъ, заключающій 17 верстъ.

Городъ Оргеевъ, до соединенія Бессарабіи съ

Россією, былъ главнымъ ея городомъ, резиденціею «серадаря Бессарабскаго». Тогда онъ назывался Орхей или Орхен. При первой организаціи области русскимъ правительствомъ, Орхей, ставъ свое мѣсто Кишиневу, не удостоился и званія уѣзднаго города. Эта честь предоставлена ему только въ 1836 году, при послѣднемъ преобразованіи Бессарабской карты. Онъ находится при рѣкѣ Реутъ, главной изъ внутреннихъ рѣкъ сѣверной Бессарабіи, впадающей тоже въ Днѣстръ. Ничего въ немъ нѣтъ замѣчательнаго. Народонаселеніе простирается до четырехъ-тысячъ душъ. Физіономія — молдавано-жидовская.

Лѣса за Оргеевомъ опять превращаются; но земля все холмится, особенно верусть долины Реута, которою идетъ дорога. Высоты, межъ которыми замѣчается даже рѣки, пресыщены известнякомъ; въ удолияхъ стелются роскошныя пастбища. По обѣ стороны Реута толнятся таинственныя «могилы», то заирая долину какъ-будто вытянутою нарочно цѣпью, то разсыпаясь по бокамъ ея безъ всякой видимой правильности и симметріи. Что могутъ тутъ значить эти обѣмѣвшіе остатки старины незнамятной? Тутъ уже нельзя думать ни о сторожевыхъ подзорныхъ маякахъ, ни тѣмъ-менѣе объ укрѣпленіяхъ. Мѣстность сама природа укрѣпляетъ холмами, которые въ то-же

время служить лучшими вѣдетами для подзорной сторожевой цѣпи. Кто звался этою страшною, неизвѣстною работою? Отчего курганы здѣсь кроются смиренно въ долины, тамъ гордо красуются на высотахъ? Часто видишь себя какъ-будто въ кругу, ими опоясаннымъ. Въ другомъ мѣстѣ, они растягиваются передъ вами длиннымъ строемъ. Иногда одинокій отшельникъ торчитъ на вершинѣ холма, или во глубинѣ долины. Чаше встрѣчаются пары, двойники, изъ которыхъ одинъ бываетъ нѣсколько побольше. Въ особенности замѣчательно мѣстоположеніе города Бѣлецъ, который находится тоже на Реутѣ. Вокругъ него, по всѣмъ высотамъ виднѣются курганы-двойники, и разстояніе ихъ другъ-отъ-друга представляетъ нѣкоторый, можетъ-быть обманчивый, но тѣмъ не менѣе поразительный призракъ симметріи.

Отъ Оргеева до Бѣлецъ три перегона: первый, въ 25 верстѣ, до Саратени; второй, въ 27 верстѣ, до Копачени; третій, до Бѣлецъ, въ 28 верстѣ.

Бѣлицы пожалованы городомъ со времени русскаго владычества. По первоначальному учрежденію, здѣсь утверждень центръ для обширнаго цинута, простиравшагося во всю ширину Бессарабіи между цинутами Кишиневскимъ и Хотинскимъ. Все это пространство удержало за собой имя цинута Ясскаго, въ память

прежней непосредственной зависимости отъ молдавской столицы Яссы. Теперь отдѣлены большей-частью отъ него два новообразованные уѣзда: Оргеевскій и Сорокскій; но имя Яскаго осталось при уѣздѣ, подчиненномъ Бѣльцамъ. По своему положенію въ средоточіи верхней Бессарабіи, Бѣльцы сдѣлались центромъ окружной торговли, пускающей вѣтви свои и за границу. Здѣсь каждый мѣсяць бываютъ арманки, на которыя преимущественно пригоняютъ рогатый скотъ и лошадей, какъ изъ самой Бессарабіи, такъ и изъ смежныхъ губерній, Подольской и Херсонской. Закупщики прѣзжаютъ изъ Молдавіи и изъ Австріи. Оттого въ Бѣльцахъ много зажиточнаго купечества, большей-частью изъ евреевъ или изъ армянъ. Впрочемъ городъ обстроены весьма небрежно, и по случаю дождей шедшаго всю ночь, которую мы провели на Копаченской стціи, встрѣтилъ насъ топучею, непроходимую грязью. При всемъ томъ видъ его очень милъ, съ прѣзда отъ Кишинева. Бѣленькія мазанки, раскиданныя въ живописномъ безпорядкѣ по скату, тонуть въ густой зелени садовъ. Огромное, не по городу, зданіе, выстроено не такъ давно для церкви; но оно вовсе не имѣетъ того священнаго типа, подъ которымъ мы привыкли представлять храмъ Божій. Это совершенно простой домъ. Назначеніе его обнаруживается только двумя

крестами, поставленными по оба конца двухреберной кровли. Въ городѣ есть уѣздное училище. Сверхъ-того военный полугоспиталь помѣщается въ довольно красивыхъ, хотя и миниатюрныхъ, зданіяхъ. Жителей въ Бѣльцахъ около четырехъ-тысячъ пяти-сотъ душъ.

Мы остановились въ трактирѣ: Бѣльцы имѣютъ трактирѣ! Что городъ, то поровѣ; и я имѣлъ случай замѣтить черту, которая показалась мнѣ любопытнымъ идиотизмомъ бѣлецкаго жителя-бытья. Мы прѣехали утромъ, часовъ около семи. Бѣлецкіе граждане, разужаете чиновные, только-что просыпались и завтракали. Но какъ завтракали? Съ удивленіемъ замѣтили мы еще передъ трактиромъ толпу дѣвокъ, которыя толклись взадъ и впередъ, мѣся грязь босыми ногами: каждая изъ нихъ держала въ рукахъ небольшой глиняной чайникъ. Это были служанки, приходившія изъ домовъ въ трактирѣ за утреннимъ чаемъ для господъ и госпожъ. Услужливый трактирщикъ вацѣживалъ имъ кипящей влаги, уже смѣшанной съ чаемъ, какъ слѣдуетъ, и благоуханіе китайской травы разливалось дымящимся паромъ на улицахъ. Конечно, недостатокъ угля причиною, что здѣсь не держать собственныхъ самоваровъ, этихъ домашнихъ очаговъ русскаго семейнаго быта и счастья. Мы не имѣли случая попробовать, какъ далеко поваръ бѣлецкаго трактира въ гастроно-

мическомъ искусствѣ: полиціе-мейстеръ города, старый воинъ, пожертвовавшій отчизнѣ ногами, оказать намъ радушное, истинно русское, гостепріимство.

Изъ Бѣлецъ въ Хотинъ идетъ прямая дорога; но мы предпочли слѣзть крюкъ, чтобы взглянуть на городъ Сороку и проѣхать берегомъ Днѣстра. Итакъ мы взяли на-право, къ востоку. Дорога здѣсь не только почтовая, но и первостепенная, осьмикопѣчная: она, черезъ Могилевъ-на-Днѣстрѣ, соединяетъ Петербургъ съ Молдавією и Валахією.

Между Бѣльцами и Сорокою одна только станція Кайнари-Беки, отъ Бѣлецъ $29\frac{1}{2}$, отъ Сороки 23 версты. Небольшой лѣсокъ подбѣгаетъ къ дорогѣ подъ самую Сорокою. Холмы продолжаютъ. Мы наѣхали на Сороку уже въ сумерки.

Говорю, наѣхали; потому-что новопроизведенный городъ Сорока, впрочемъ имѣющій жителей до трехъ-тысячъ душъ, лежитъ подъ крутымъ и довольно высокимъ берегомъ, надъ самой струей Днѣстра, даромъ-что новый въ званіи уѣднаго, городъ имѣетъ сановитости болѣе, чѣмъ прочія его собратья, старшіе по производству. Онъ украшается въ-особенности стариннымъ массивнымъ замкомъ, обставленнымъ высокими бойницами. Построеніе этого замка съ вѣролнностію можетъ быть отнесено къ эпохѣ Генуэзцевъ. Есть преданіе,

что Генуэзцы, по взятіи Монкастро Турками, удалились въ Сороку, гдѣ будто находились недавно еще латинскія надписи, свидѣтельствующія ихъ пребываніе: можетъ-быть, онѣ есть и теперь; но мы не были во внутренности замка. Въ послѣдующія времена Сорока ограждала турецкую Молдавію отъ Польши, въ-особенности отъ Козаковъ. За-то первая она-жъ и страдала, когда эти вольные дѣти степенъ прорывались за Днѣстръ потѣшиться надъ бусурманами. Въ 1683 году, възнаменованномъ избавленіемъ Вѣны отъ Турковъ рыцарскою храбростію Яна Собѣскаго, Куницкій, гетманъ Козаковъ на правой сторонѣ Днѣпра, очистивъ низкую Подолію отъ засѣвшихъ въ ней подъ турецкимъ бунчукомъ Молдаванъ, взявъ Сороку, и отсюда разрушительнымъ вихремъ промчался внизъ до твердынь Аккермана. Черезъ восемь лѣтъ, вольница козацкая, нанятая, подъ рукой самаго Собѣскаго, боролатамъ кастелланомъ Хельмскимъ, Казимиромъ Завацкимъ, повторила ту-же исторію, и чрезъ Сороку добралась до самаго сердца Молдавін, до Сучавы и Пямца; кажется, этотъ подвигъ доставилъ и гетманскую булаву предводителю его Самусю. Вотъ что было здѣсь во времена прежнія. Теперь нѣтъ ни Турковъ, ни Козаковъ, ни Молдаванъ, ни Поляковъ. Одинъ красно-

ногіе аисты, перелетая черезъ Дибстръ, отдыхаютъ на опустѣлыхъ башняхъ Сороки.

Имя Татаръ сохраняется еще въ деревнѣ Татаревка-Веки, при которѣй находится станція, въ 27 верстахъ отъ Сороки. За ней, лошади мѣняются черезъ 24 версты, въ Атакахъ, противъ самаго Могилева-на-Дибстрѣ.

Видъ Могилева представляетъ очаровательнѣйшій ландшафтъ. Мы не были въ немъ; но тѣмъ лучше: онъ весь былъ у насъ подъ ногами. Съ высоты бессарабскаго берега Дибстра можно перечестъ все его дома, разсыпанные надъ самой рѣкой. Въ устройствѣ города очевидна печать дисциплины, которой онъ нѣкогда былъ средоточіемъ и святилищемъ. Но съ тѣмъ-вмѣстѣ опустительное и запустѣніе: нынѣшнее населеніе Могилева не соответствуетъ его наружности.

Атаки есть большое мѣстечко, роскошествующее евреями. Кажется, оно не принимало участія въ прежнемъ цвѣтущемъ состояніи своего сосѣда. Ничто не отличаетъ его отъ прочихъ бессарабскихъ селеній, кромѣ живописнаго положенія на крутомъ скатѣ высокаго каменистаго берега. Вообще долина Дибстра отличается здѣсь очаровательною прелестью. Бессарабскій берегъ величавъ до дикости; но Подольскій пышенъ и узорчатъ, какъ кайма роскошной азіатской

шали. Всякой разъ какъ дорога наша приближалась къ Дибстру, мнѣ напоминалось впечатлѣніе, произведенное на меня первымъ видомъ Италіи въ полу-швейцарской долинѣ Топи. Та-же роскошь зелени на пухлыхъ округлостяхъ миниатюрныхъ холмовъ; и среди ней, стада бѣлоснѣжныхъ домиковъ, толпящихся вокругъ Божьяго храма, залитыя прозрачною синевою небесью.

Вскорѣ за Атаками дорога взяла опять влѣво отъ Дибстра, и пошла гористою стѣною. На слѣдующей станціи, при селеніи Окницѣ, черезъ 26 версты, мы въѣхали въ нынѣшній Хотинскій уѣздъ. Цинуть Хотинскій въ прежнеемъ своемъ объемѣ составлялъ нѣкогда турецкую райю, находившуюся въ непосредственной зависимости отъ Блестательной-Порты. Турки были здѣсь хозяевами и помѣщиками; оттого многія деревни носятъ еще названіе «кишль», то-есть хуторовъ, гдѣ прохлаждались правовѣрные. Они точно должны были «прохлаждаться» въ сторонѣ, которая въ Бессарабіи слыветъ уже Сибирью. Здѣсь, въ часто-попадающихся перелѣскахъ, является уже береза, эта кудрявая дочь сѣвера, незнакомая югу. Зима, говорятъ, бываетъ очень сурова и продолжительна. Но Турки такъ обжились, что ихъ надо было прогнать снова въ ихъ теплый край сѣверными штыками. Теперь мѣста

ихъ заняты большей-частью русскими переселенцами, преимущественно изъ сосѣднихъ Подоліи и Украйна.

Недавно еще изъ Окишцы лежала прямая дорога въ Хотинъ, черезъ Бричавы и Путриду. Теперь она возвращается назадъ, на дорогу изъ Бѣлецъ, въ станцію Глинную, отстоящую отъ Окишцы на почтовой перегонъ въ 25 верстъ. Отсюда 32 версты до мѣстечка Липканъ, которое находится опять уже на Прутѣ.

Приближеніе Прута возвышается усиленіемъ горъ, иногда возвышающихся живописными горами. Я особенно любовался фантазіею природы, взгромоздившей надъ небольшою рѣчкою Раковецъ обомлетительный призракъ развалившагося рыцарскаго замка. Долго не могъ я убѣдить себя, что это была просто скала обломанная стихіями.

Мѣстечко Липканъ находится на поворотѣ Прута, который до-сихъ-поръ имѣетъ направленіе съ запада на востокъ, но отсюда устремляется къ югу. Здѣсь находится карантинная застава. Прекрасная церковь, новѣйшей архитектуры, возвышается надъ палаца, принадлежащаго госпожѣ мѣстечка, княгинѣ Гикѣ, устроеннаго со вкусомъ и даже съ некоторою изысканностію. Замѣчательно однако, что, остановившись почевать на станціи, возлѣ самаго господскаго дома, мы во всемъ мѣстечкѣ не могли промыслить угольевъ для самовара.

На станціи Станилешть, въ 20 верстахъ отъ Липканъ, дорога въ послѣдній разъ въ предѣлахъ Россіи раздѣляется на два коротенькіе рукава, изъ которыхъ одинъ идетъ по Пруту въ Новоселину, другой продолжается до Хотина. Хотинъ отсюда $22\frac{5}{4}$ верстъ. Присоединя разстояніе Станилешть отъ Прута, которое не простирается и на 10 верстъ, видите, что между Прутомъ и Дибетромъ здѣсь всего-на-все какихъ-нибудь верстъ 30. Это вся ширина Бессарабіи въ ея сѣверной оконечности, заключающейся между Молдавіей и Австріей.

Проливной дождь, и еще съ ужасною грозой, встрѣтилъ насъ въ Хотинѣ. Изъ запачканнаго окошка жидовской мурьи, называемой здѣсь трактиромъ, страшно было смотрѣть, какъ вода грязными потоками стремилась по кособору, на которомъ дѣлится городъ. Хижины, связанныя изъ камыша, сдѣланнаго глиной, казались ползли подъ-гору. Этѣхъ хижинокъ насчитываютъ здѣсь далеко за тысячу, и въ нихъ жителей до левати-тысячъ! Но по улицѣ, которая впрочемъ считается главною, изрѣдка мелькала какая-нибудь фигура мокраго еврея, который вязъ въ грязи по-колѣна, или киверъ бодрого русскаго воина, смѣло топчущаго грязь своими ногами. Другихъ живыхъ существъ не замѣчалось въ городѣ.

Возлѣ города, надъ самымъ Дибетромъ, находится

знаменитая Хотинская крѣпость, такъ часто встрѣчающаяся въ исторіи Польши, Турціи и Россіи. Она сохраняется до-сихъ-поръ на военной ногѣ, и своими распространяющимися укрѣпленіями вытѣсняетъ городъ на высоту берега. Нѣтъ нужды описывать подробно судьбу Хотина, слишкомъ всѣмъ извѣстную: краснорѣчнѣйшимъ символомъ ея остается нынѣшній городской соборъ, который нѣсколько разъ былъ то мечетью, то костеломъ, то православной церковью, какою вѣрно теперь останется на-всегда. Крѣпость Хотинская укрѣплена Турками съ помощью французскихъ инженеровъ. Теперь нѣтъ ужъ никакихъ памятниковъ туречины. Но давно-ли было время, когда Хотинъ видѣлъ въ стѣнахъ своихъ самого великаго падишаха, съ побѣдоноснымъ знаменемъ Пророка! Назадъ-тому сто семидесять семь лѣтъ, Мухаммедъ IV, предводительствуя полутора-тысячною арміею, устремился на Каменецъ, столицу Подолія, отстоящую отъ Хотина только на 22 версты. Берега Днѣстра были совершенно брошены Поляками, въ то время ссорившимся съ своимъ собственнымъ королемъ, злополучнымъ Михаиломъ Вишневецкимъ, такъ-что Турки долго боялись переходить рѣку, предполагая такую безпримѣрную небрежность умышленною. Каменецъ палъ. Султанъ вѣхалъ верхомъ въ соборный католическій костелъ, какъ

нѣкогда Мухаммедъ II въ Святую-Софію. И такъ сильна была ненависть козаковъ къ Польшѣ и къ католичество, что предводитель ихъ Доршанко, передавшійся султану, равнодушно видѣлъ, какъ въ его глазахъ выбрасывали кости мертвецовъ изъ храмовъ, мостили улицы образами... Русскіе, возвратясь въ древнее достояніе своихъ предковъ, отплатили бусурманамъ съ лихвою. Минихъ въ-первый-разъ водрузилъ нашихъ орловъ на стѣнахъ Хотина, предъ которыми смирился герой Собѣскій: это было въ 1730 году, спустя только пятьдесятъ-восемь лѣтъ послѣ торжества Мухаммеда IV. Сбылось наконецъ пророчество, начертанное надъ мавзолеемъ знаменитаго Жолкѣвскаго, уповившаго своею кровью поля Бессарабіи:

Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor!

Съ-тѣхъ-поръ Хотинъ еще дважды былъ занимаемъ Русскими, въ 1769 и 1788 годахъ, до-тѣхъ-поръ пока съ Бессарабіей присоединился окончательно къ Россіи. При Туркахъ, городъ имѣлъ, говорятъ, до двадцати-тысячъ жителей: за-то не было въ немъ узднаго училища, тѣмъ болѣе прекрасной ланкастерской школы, которыя теперь процвѣтають.

По-ту-сторону Днѣстра роскошно стелется Подолія. Устье Смотрича, которымъ ополсывается Каменецъ,

блѣдетъ вдали, по теченію рѣки. Нѣсколько выше Хотина, на крутомъ берегу красуется прелестное мѣстечко Жванецъ, извѣстное подтвержденіемъ Зборовскаго договора между Польшей и славнымъ Богданомъ Хмѣльницкимъ въ 1653 году. Въ 2 верстахъ отъ Жванца, устье Збруча, на которомъ находится мѣстечко Исаковцы, съ пограничною отъ Австрійской имперіи таможеню.

На бессарабской сторонѣ земля Русская продолжается нѣсколько далѣе, до ручья называемаго Черный-Потокъ. Тамъ Австрія переходитъ черезъ Днѣстръ. Другая имперія, другія формы государственнаго и гражданскаго существованія, другой міръ политической! А между-тѣмъ природа та-же, и люди тѣ-же!.. Прекрасная Днѣстровская долина продолжается одинаково по обѣ стороны роковой черты. Жители — одного происхожденія, однихъ нравовъ, одной физиономіи, одного языка, одной вѣры. Своесравне судобы разорвало семью кровныхъ братьевъ. Съ грустью преслѣдовалъ я голубую ленту Днѣстра въ владѣніяхъ Австріи: это одна изъ немногихъ русскихъ рѣкъ, которыхъ начало на чужбинѣ! Мнѣ казалось, что въ струяхъ ея слышался жалобный голосъ древней Галицкой земли, этой первоначальной Руси, иль развѣчанной въ нѣмецкую провинцію. Страна Володарей, Ромацовъ, Да-

ниловъ! Куда дѣвалась твоя слава, гремѣвшая отъ Дуная до Ирмава, отъ горъ Карпатскихъ до горъ Кіевскихъ, слава дѣвственная, неприступная ни для всеиспрровергающаго наслія Татаръ, ни для соблазновъ всеуловляющаго Ватикана? Гдѣ мечъ, который гордо состязался съ «мечемъ Петра»? Гдѣ могучая рука, «оравшая Литвой»? Гдѣ золотокованный столъ, «опиравшійся на Угорскихъ горахъ, затворявшій ворота Дуная»? Гдѣ дворецъ, дававшій приближеніе наследникамъ вѣнца Константиновъ, порфире Августовъ, воспитывавшій кесарей для Царяграда?.. Увы! Этотъ Галичъ, столпца перваго Русскаго царства — его и не отыщешь на берегу овѣчченнаго Днѣстра!.. Того стараго «Осьмомысла» позабыто и имя въ бѣдномъ иудейскомъ мѣстечкѣ, куда, не проложено даже дороги для любопытныхъ, пожелавшихъ-бы взглянуть на священныя развалины!..

Граница Австрійская по-сю-сторону Днѣстра заперта обоюдною таможенною цѣпью, которая раздвигается только въ Новоселицѣ, мѣстечкѣ Хотинскаго уѣзда, лежащемъ на Прутѣ. Прежде была туда особая дорога изъ Хотина, черезъ станцію Керетенецъ. Теперь нѣтъ другаго почтоваго сообщенія, какъ назадъ чрезъ Ставилешти. Мы завернули въ этотъ уголокъ, при которомъ сходятся всѣ три имперіи Европы: Россій-

ская, Австрийская и Оттоманская. Это небольшое мѣстечко, принадлежащее г. Стурдзѣ, одному изъ бессарабскихъ помѣщиковъ. Оно находится въ 28 верстахъ отъ Станилештской станицы, въ глубинѣ Прутской долины. Уединеніе его оживляется сосредоточеніемъ таможеннаго и карантиннаго управленія. Только 4 мили или 30 верстѣ отсюда до Черновица, главнаго города Буковины, лежащаго также на Прутѣ. Горы Молдавіи достигаютъ своей тѣни до мѣстечка, отдѣляемаго отъ нихъ только струей рѣки. Черта, разграничивающая съ Австріей, обозначается ручейкомъ, называемымъ Керпецъ, за которымъ продолжается еще имя Новоселицы.

Столбы Новоселицкой заставы были для насъ Геркулесовыми столбами. Конецъ благополученъ близъ. Дальше некуда. Мы воротились опять въ Липканы, опять по той-же дорогѣ, въ третій разъ черезъ заштатную Станилештскую станицю.

Но въ Липканахъ путешествіе наше должно было получить совершенно новый характеръ. Чтобы не возвращаться, на протяженіи 245 верстѣ, одною дорогою, мы вознамѣрились проѣхать вдоль Прута на Скуляны, и оттуда пробраться въ Кишиневъ черезъ лѣса, которыми зарослена внутренность горной Бессарабіи. Для того надлежало оставить въ Липканахъ нынѣшнюю

почтовую дорогу и ѣхать старымъ береговымъ, теперь упраздненнымъ, трактомъ. Этимъ уклопеніемъ мы приобрѣтали возможность осмотрѣть Бессарабію въ ея сокровеннѣйшихъ изгибахъ, недоступныхъ любопытству простаго путешественника, но едва-ли не самыхъ любопытнѣйшихъ.

Расстояніе между Липканами и Скулянами, прибрежною дорогою, можно положить во 120 верстѣ. Мы проѣхали его ровно въ сутки. Здѣсь взглянулись мы ближе въ народную фizioномію молдаванъ. Большая дорога вездѣ вытираетъ родимыя пятна. Почтовая станиця есть уже прививокъ всеуравнивающей цивилизаціи.

Не-льзя не отдать справедливости румынскому простонародію: оно чинче сохраняетъ въ себѣ признаки слянія римской крѣви съ славянской, чѣмъ высшій классъ, непосредственнѣе подвергавшійся вліянію турецкой атмосферы. Простой молдаванъ не совсѣмъ заслуживаетъ названіе «тяжелого», которымъ заклеимилъ его поэтъ. Онъ живъ и расторопенъ. Конечно, въ немъ нѣтъ той ухорской быстроты и ловкости, которою отличается велико-россіанинъ. Но за-то онъ вовсе не такой увалень и философъ, какъ малороссійскій хохоль, тѣмъ-болѣе не похожъ на бѣлорусца, замореннаго и забитаго махшой-Литвой, до уничтоженія всѣхъ признаковъ живаго, смыслящаго существа. Дѣло не кипитъ у него

въ рукахъ, но и не валится изъ рукъ. Камышевая мазанка молдавана отличается опрятностью и чистотой. Вы найдете ее тѣсноватою для помѣщенія цѣлаго семейства; но припомните, что здѣсь югъ, что работы домашнія исправляются подъ благодатнымъ небомъ на открытомъ воздухѣ, что молдавани убираются въ свои хаты только на ночь. Главное украшеніе внутренности хаты составляютъ семейная постель и сундукъ, обыкновенно размазванный разными красками и узорами, хранилище драгоценнѣйшихъ сокровищъ дома. Въ томъ семействѣ, гдѣ готовится приданое для подрастающей дочери, сундукъ этотъ ставится въ переднемъ углу, и на немъ возвышается, перѣдко до самаго потолка, гряда разноцвѣтныхъ ковровъ домашняго издѣлія, свидѣтельство и богатства и художества невесты. Вообще ковры составляютъ здѣсь главную домашнюю роскошь. Ими устилаются полъ и скамьи, замѣняющія наши лавки. Въ цвѣтахъ вкусъ народный имѣетъ пристрастіе къ полосатой нестротѣ. Костюмъ мужчинъ сбивается на козацкій. Женщины весьма близки къ хохлячкамъ. Я замѣтилъ, что здѣсь царствуетъ «поява», обыкновенный парадъ нашихъ поселенцевъ вплоть до Оки, за которою уже смѣняется ее тѣверный «сарафанъ»; и тогда припоминались мнѣ русскія пѣсни, обращающіяся донынѣ въ устахъ народа,

гдѣ воспѣваются «молодницы, которыя ходятъ на Дунай-рѣку полоскать пошвы». Нѣтъ! не-даромъ старики наши называли города Волошскіе и Болгарскіе «городами Русскими»! Не-даромъ Дунай-рѣка осталась въ душесвѣлыхъ воспоминаніяхъ всей Руси, отъ знойныхъ степей Черноморья до мерзлыхъ тундръ Сибири!..

Въ этой отдаленной глуши, рѣдко посѣждаемой проезжими, мы имѣли случай встрѣтить образецъ румынскаго гостепріимства, не уступающаго русскому. Это было у одного помѣщика, г. Б—ско, настоящаго румуна, впрочемъ долго бывшаго въ русской службѣ въ званіи окружнаго Яскаго исправника и имѣющаго русской чинъ коллежскаго ассессора. Г. Б—ско, извѣщая о нашемъ проѣздѣ, изготовилъ намъ ночлегъ въ своемъ домѣ, которымъ однако мы, за опасеніемъ ѣхать поздно въ темнотѣ, не могли воспользоваться. Тѣмъ настоятельнѣе просилъ онъ насъ утромъ захватить къ нему на завтракъ. Помѣщичій домъ, выстроенный уютно и красиво, находится на прелестномъ мѣстоположеніи возлѣ Прута. Хозяинъ прилежно занимается хозяйствомъ: разбиваетъ обширный садъ, разводитъ виноградныя плантаціи. На завтракъ добрая хозяйка заподчивала насъ дульчецами всѣхъ цвѣтовъ и вкусовъ. Вино, добытое по увѣренію хозяина, уже изъ собственныхъ лозъ, обильно цѣдилось къ стаканамъ: оно

имѣло характеръ венгерскаго. Г. Б—ско, какъ и всѣ вообще туземцы, жаловался на морозы, которые какъ будто пришли сюда вмѣстѣ съ Русскими. Но пріемъ его былъ гораздо теплѣ обыкновенныхъ пріемовъ юга; и это скорѣй приписываю я непосредственному вліанію русскаго сѣвера. Радуніе этой хлѣбосольной четы истребило во мнѣ впечатлѣніе, произведенное тщетнымъ отыскиваніемъ угольевъ въ Липканахъ.)

Другую пріятную встрѣчу имѣли мы съ г. Дж—ни, италианцемъ, который управляетъ над-прутскимъ имѣніемъ одного богатаго бояра, пребывающаго въ Яссахъ. Почтенный старикъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы мы проѣхали мимо его жилища, не посетивъ его. Погребъ, состоящій въ его заведываніи, также наполненъ домашними винами, съ цвѣтомъ и вкусомъ венгерскихъ.

Физиономія Прута здѣсь та-же самая, какъ и ниже, между Кагуломъ и Левомъ. Только горы здѣсь выше и долина уже. Берегъ, которымъ мы ѣхали, усыпанъ курганами. Я особенно былъ пораженъ однимъ урочищемъ, гдѣ эти курганы столпились въ необычайномъ количествѣ. Это почти на половинѣ дороги между Липканами и Скулянами, уже въ Ясскомъ уѣздѣ. Убаюканный качаніемъ коляски, медленно двигавшейся по горамъ, я имѣлъ слабость вздремнуть. Вдругъ просы-

паюсь, чувствую, что лошади остановились, для смѣны. Я увидѣлъ себя запертымъ вокругъ, густою фалангою кургановъ. Мѣстность урочища представляла величественнѣйшій ландшафтъ. Съ обѣихъ сторонъ горы сбѣгали въ долину высокимъ гребнемъ и, казалось, грозили запереть теченіе рѣки. Это были знаменитыя въ окрестностяхъ «Костештскія-Скалы», про которыя ходятъ въ народѣ любовитныя преданія. Вѣроятно, тутъ было не пусто и не просто во времена старыя. Ближайшее селеніе выше скалъ называется донынѣ «Городищемъ». Самые курганы носятъ славяно-румунское имя «Сута-Моджиле», то-есть «Сто-Могила».

Скуляны — мѣстечко, замѣчательное только тѣмъ, что здѣсь главное и единственное почтовое сообщеніе между Россією и Молдавією. Слѣдовательно, здѣсь караванъ и таможня. Прутъ обгибаетъ мѣстечко почти кругомъ. На другой сторонѣ рѣки молдавская часть Скулянъ, называющаяся тѣмъ-же именемъ и принадлежащая одному и тому-же помѣщику, котораго домъ красиво возвышается на самомъ тѣмѣ горы, нависшей почти надъ Прутомъ съ молдавской стороны. Здѣсь, подъ горою, истреблены некогда послѣдніе остатки возстанія, вспыхнувшаго противъ Турковъ въ Молдавіи подъ безвѣстнымъ руководствомъ Ицезантія. Зловолучныя жевоты не успѣвши спастись на гостепримный рус-

ский берегъ, были все перерѣзаны. Волье ихъ вѣрно слышать было въ Яссахъ, которыя отсюда только 17 верстъ.

Почтовый трактъ отъ Скулянъ къ Кишиневу идетъ на Бѣльцы, черезъ станцію Фалешты. До Бѣлецъ считается 56 верстъ; следовательно, до Кишинева—176 верстъ. Прямой дорогой, черезъ горы, и ближе и интереснѣе. Здѣсь находится во-первыхъ мѣсто поэтической кончины Потемкина, во-вторыхъ бесарабская Фиваида, наполненная пустынными монашескими обителями. Нашъ маршрутъ былъ расположенъ такъ, что проходилъ черезъ все монастыри, мимо памятника, воздвигнутаго Свѣтлѣйшему.

День склонился къ вечеру, когда мы выѣхали изъ Скулянъ и начали подниматься въ горы. Дорога ѣхали мы по Пруту, который не рѣдко подбѣгалъ подъ самую подошву прибрежныхъ холмовъ, такъ что мы могли видѣть въ струяхъ его отраженіе нашей коляски. Наступила ночь. Молодой мѣсяцъ выплывалъ на ясное, безоблачное небо. Пустынная даль обилась фантастическимъ полусвѣтомъ. Съ горы на гору, изъ оврага въ оврагъ, мы достигли наконецъ густаго, дремучаго лѣса, сквозь который едва продиралось трепетное сіяніе золоторагого свѣтила ночи. Лѣсъ еще не прекращался, какъ посреди деревьевъ засверкали

огоньки, заблѣлись хижины. То было селеніе Унцешты, разбросанное по лѣсистымъ бокамъ высокой горы. Чудное, очаровательное мѣстоположеніе! Огни горѣли то подъ нами, то надъ нами. Обманчивый свѣтъ луны увеличивалъ размѣры, возвышалъ до исполинскаго величія холмы, превращалъ овраги въ бездонныя пропасти. Долго тнулось селеніе, въ полнотѣ свѣдѣлъ по горамъ и по доламъ. При концѣ его, обозначаемомъ церковью, мы остановились до-утра.

Съ первыми лучами разсвѣта мы ужъ были опять въ дорогѣ. Я зналъ, что «Памятникъ Свѣтлѣйшаго» не далеко, и заранѣе настроивалъ свое воображеніе къ мечтамъ и воспоминаніямъ. Но однообразный видъ пустынныхъ окрестностей и мѣрное колыханье тихо двигавшейся коляски были такъ усыпительны, что я невольно забылся въ нѣгѣ сладкой утренней дремоты. Вдругъ слышу: — «Памятникъ! Памятникъ!» — Открываю глаза. Мы съѣзжали на дно глубокой долины, пресмыкающейся у подножія крутой и высокой горы. Подъ нами скатывалась въ долину нагая стена. Противоположная гора вѣчалась густымъ лѣсомъ, упиравшимся въ небеса. Солнце разгаралось всемъ блескомъ свѣжихъ утреннихъ лучей: голубой паръ поднимался прозрачнымъ пологомъ надъ косматою горою; гладкая пелена стени казалась раззолоченою черезъ

огонь. Въ этой пучинѣ свѣта едва мелькала одинокая стрѣлка, возмущенная на одномъ изъ послѣднихъ уступовъ степнаго ската долины. То былъ пустынный памятникъ «великолѣннаго князя Тавриды»!...

Въ благоговѣйномъ безмолвіи приблизились мы къ заветному мѣсту. Обелискъ, сложенный изъ дикаго камня, занечатливъ строгою, благородною простотою. Подлѣ него, домикъ для сторожа памятника. Слдой, какъ лунь, нивалидъ, встрѣченный насъ у подножія обелиска, служилъ еще при Потемкинѣ.

Такъ вотъ гдѣ кончилась дивная драма, имѣвшая позорищемъ своимъ полъ-свѣта! Вотъ гдѣ раздался немолчалимый свистокъ, и занавѣсъ пала на сцену, гдѣ судьбы міра такъ тѣсно переизлетались съ страстями одного человѣка, гдѣ исторія царствъ и народовъ раболѣпно сжималась въ рамки біографіи!... О! какъ высока поэзія дѣйствительности, поэзія чистовъ, нагой истинны событій! Никакой Аріостъ не выдумаетъ поэмы, волшебіе жизни Потемкина! Никакой Шекспиръ не создастъ ничего торжественнѣе, ничего краснорѣчивѣе и глубокомысленнѣе, какъ смерть Потемкина!...

Назадъ-тому сорокъ-восемь лѣтъ, эта пустынная глушь внезапно оживилась. Выхремъ мчится по ней блестящая колесница. Она несетъ исполна, который одинъ, на мощныхъ раменахъ, держитъ судьбу этѣхъ

горъ и степей, тантъ для нихъ въ глубинѣ своей души никому неподвѣдную будущность. Но взоръ путника страшно мутенъ: чело заклеено печатью тяжкаго страданія. Что можно такъ омрачить лучезарную жизнь Свѣтлѣйшаго, утвердившюся въ зенитѣ «счастья» безиримѣрнаго, «славы» беззакатной? Предъ нимъ и за нимъ, все покорствуешь его волѣ, все смиряется предъ его могуществомъ. Но мановенію его, тамъ, откуда онъ ѣдетъ, все повергается во прахъ, тамъ, куда онъ ѣдетъ, все возникаетъ изъ праха. Жизнь и смерть, одно его слово. Вісы рока послушно колеблются въ привычной рукѣ, до-сихъ-поръ не вѣдавшей сопротивленія. Итъ! это одно изъ тѣхъ перелетныхъ облаковъ, которыя набѣгаютъ на солнце и въ полдень! Вѣрно, Яскія оргіи надѣли пресыщенному Альцибиаду. Вѣрно, черная минута силна есть часовое похмѣлье послѣ упительнаго чада наслажденій, безграничныхъ и непрерывныхъ. Погодите: все пройдетъ при видѣ юнаго Николаева, когда онъ, въ привѣтъ своему творцу, блеснетъ яркими очами колоссальныхъ своихъ рѣкъ, зашевелитъ мягкими кудрями новораждающихся рошъ, залепечетъ шумнымъ говоромъ веселья и парусовъ въ новоучреждаемыхъ гаваняхъ... Но бѣгъ рьяныхъ коней вдругъ останавливается. Пестрый рой спутниковъ «великолѣннаго князя» взволновался без-

молвнымъ смятеніемъ. На шестипестомъ ковылѣ дикой степи торопливо стелютъ дорожный плащъ, и владутъ умирающаго.... Еще минута — и его не стало!.... Свѣтлѣйшій-Князь Потемкинъ-Таврической — не существовалъ болѣе!... *Мимодохъ* — сказалъ-бы мудрецъ-христіанинъ — *и се не бы!*...

Звучно раздавался въ ушахъ моихъ вѣщій голосъ великаго поэта:

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь сѣнитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища горы?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ.

Какой чудесный духъ крылами
Отъ сѣвера паритъ на югъ?
Вѣтръ медленъ течъ его стезями,
Обозрѣваетъ царства вдругъ:
Шумитъ, и какъ звѣзда блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разбрасываетъ.

Чей трупъ, какъ на распутии мгла
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище гресла,
Два лепта покрываютъ очи;

Прижаты къ груди холодны персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!

Чей одръ — земля; кровь — воздухъ синь;
Чертоги — верушь пустыни виды?...

Какъ точно угадана, какъ вѣрно очеркнута дикая пышность рамъ, вполне достойныхъ великой картины!.. Потемкинъ не могъ выбрать лучше мѣста, гдѣ слобить съ себя дивную свою жизнь. Когда мы взлѣзли на вершину противулежащей горы, я долго смотрѣлъ въ глубину пропасти, гдѣ обѣдѣлся удивительный памятникъ. Вокругъ все пусто и тихо. Долина казалась огромною могилою, выкопанною для костей допотопнаго великана. Вдали, Унцештская церковь плавала серебрянымъ лебедемъ въ лазурной влагѣ небесъ: чуткое эхо разносило по стени утренній звонъ колокола, протяжный и унылый, какъ надгробное пѣніе. Еще далѣе, синѣлись верхи Молдавскихъ горъ, сопровождающихъ теченіе Прута: они курились прозрачнымъ дымомъ утреннихъ паровъ, точно заупокойнымъ опіямомъ по душѣ усоншаго. Спи въ мирѣ, могучій!

Героевъ нѣтъ! Но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала,
И изъ развалинъ выстаютъ;

Какъ хозяи, гробы ихъ прѣтуть:
Напишется Потемкинъ трудъ!...

Въ Тимелеуцахъ, небольшомъ селеніи уже Кишиневскаго уѣзда, отстоящемъ отъ «Памятника» только 7 верстѣ, встрѣтили мы проводниковъ, высланныхъ изъ Кишинева благосклонною внимательностью начальника области. Дикое величіе природы возвышалось съ каждымъ шагомъ внутрь горъ. Нерѣдко волны смѣняли безсильныхъ коней въ нашей колѣскѣ. Проѣхавъ часа три, мы поднялись на одинъ высокой гребень, и очутились въ густотѣ мастигаго лѣса колоссальныхъ дубовъ. Чистота и порядокъ, царствующіе въ этой величественной дубравѣ, изобличали призоръ просвѣщеннаго хозяйства. То была принадлежность Гиржавскаго монастыря, куда мы направляли путь свой.

Гора начала опускаться еще въ лѣсу, и опускалась очень долго. Наконецъ мы увидѣли виленькую, чистенькую долину, выстланную роскошною зеленью, прозолоченною по-мѣстамъ благодатнымъ золотомъ нивъ. Я искалъ глазами обители. Ничего не было видно. Вдругъ глубокая тишина, царствующая въ этомъ мирномъ пріютѣ, одушевилась. Изъ чаши деревьевъ, сбѣгающихъ до самаго дна долины, раздал-

ся звонъ колоколовъ. По древнему обычаю православнаго Востока, обитель праздновала прибытіе гостей, пришельцевъ изъ шумнаго міра въ ея тихое уединеніе. Неизъяснимо впечатлѣніе, произведенное этимъ внезапнымъ говоромъ безмолвной пустыни. Подъ вліяніемъ чувствъ торжественныхъ и благоговѣйныхъ, вступили мы въ священную ограду монастыря, покоящагося у подошвы оставленной нами горы, въ самомъ крайнемъ уголкѣ долины.

Настоятель обители ожидалъ насъ у гостеприимнаго порога келей, назначенныхъ собственно для посѣтителей.

Гиржавскимъ монастыремъ Бессарабія можетъ гордиться по-справедливости. Много видѣлъ я обителей на безмѣрномъ пространствѣ православнаго нашего отечества, въ благочестивой, святой Руси: обителей безпримѣрныхъ по великолѣпію зданій, по богатству украшенія, по изобилію драгоценныхъ сокровищъ. Уединенная Гиржавская пустынь не можетъ состязаться съ ними въ пышности и величіи; но зато она имѣетъ на своей сторонѣ безпримѣрную прелесть простаго, кроткаго, и съ-тѣмъ-вмѣстѣ обворожительнаго излщества. Монастырь представляетъ родъ круга, сомкнутаго изъ келей. Этѣ кельи состоятъ изъ красивыхъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ домиковъ, подчипенныхъ

стройной симметрии, но безъ утомительнаго однообразія. Въ серединѣ круга находится церковь. Она не велика; стиль архитектуры самый простой; внутреннее расположеніе и убранство въ обыкновенномъ греко-россійскомъ вкусѣ. Но все это служитъ къ возвышенію ея достоинства: потому-что ставить ее въ совершеннѣйшей соответственности съ характеромъ и физиономіею обители, для которой она служитъ и вѣнчимъ и внутреннимъ средоточіемъ. Я не понимаю италійской капеллы внутри православнаго греческаго монастыря; но мнѣ, и громадна глава, облитая золотомъ, не совсѣмъ идетъ для скромнаго отшельническаго скита. При настоятельскихъ кельяхъ, находящихся противъ храма, устроена другая церковь, еще меньше, еще проще: здѣсь совершается вседневная служба для братіи. Дворъ монастыря содержится въ благообразной чистотѣ. Передъ всѣми кельями устроены фонари: они зажигаются въ темныя вечера; и тогда внутренность обители ополсывается огнями, блескъ которыхъ, сосредоточиваясь на блистательныхъ стѣнахъ храма Божія, возжигаетъ изъ него священный фарецъ единственнаго путеводительнаго свѣта во мглѣ земной жизни. Все такъ просто, и все такъ прекрасно. Но картина не ограничивается одними зданіями. Монастырь, какъ сказано уже, находится у подошвы

горы. Эта гора вычищена и воздѣлана подъ превосходный садъ, избѣгающій колоссальною лѣстницею до самой ея вершины. Здѣсь только неутомимый трудъ могъ такъ побѣдоносно восторжествовать надъ дикимъ величьемъ природы. Прелестныя дорожки извиаются золотыми лентами по крутымъ ребрамъ гигантскаго холма. Группы благоуханнѣйшихъ деревьевъ, перевитыя гирляндами роскошныхъ цвѣтниковъ, горделиво переглядываются съ мохнатыми дикарами, отброшенными за завѣтную межу, сторожить своими широколиственными сѣнями похищенную у нихъ область. Вода, захваченная на утесахъ плотинами, образуетъ глубокіе пруды, которые висятъ одинъ-надъ-другимъ, словно крупныя зерна алмазной цѣпи на груди исполина. Тамъ брызжетъ кудравый фонтанъ, играя на лучахъ солнца всѣми переливами радуги; здѣсь, подъ непроницаемою тѣнью густой аллеи, живой влючъ заключенъ въ камешную скорлупу молчаливаго студенца. Удивленные навильоны, приближѣнныя отдыха и размышленія, то скрываются въ чащѣ деревьевъ, то выбѣгаютъ на площадки образуемая пересѣченіемъ аллей. Вершина сада увѣчана виноградными и лавандіями. Тамъ, въ сосѣдствѣ неба, опирающагося на косматый гребень горы, въ удаленіи отъ послѣдняго пріюта въ земной юдоли, оставшагося глубоко

подъ ногами, какъ долженъ быть сладокъ трудъ для труженика, вѣтряющаго пѣвную лозу жесткому утесу съ тѣмъ-же терпѣнiемъ и съ той-же надеждою, съ какими душа воздѣлывается и осѣменяется въ благодатную ниву вѣчности! Но я утомлю васъ описанiемъ, и все не напишу полной, удовлетворительной картины. Надо видѣть, чтобъ постигнуть вполне очаровательную красоту этой пустыни, превращенной въ эдемъ подъ сѣнью креста, одной только святой непоколебимаго самоотверженiя.

Обитель Гиржавская, въ настоящемъ своемъ видѣ, есть созданiе нынѣшняго ея настоятеля, отца архимандрита Спиридона Филиповича. Двадцать слишкомъ лѣтъ своего пребыванiя здѣсь, онъ посвятилъ исключительно и единственно ея преобразованiю. Подъ именемъ монастыря онъ получилъ въ управленiе нѣсколько развалившихся мазапокъ съ ветхою деревянною церковью, едва прикрытою истрескавшимся дерномъ. Подобно многимъ молдавскимъ монастырямъ, здѣсь не было ни братiи, ни свещеннослуженiя. Земля монастырская, какъ оброчная статья, отдавалась и съ монастыремъ на откупъ, кто больше заплатитъ. Такъ дѣлается и донинѣ въ княжествахъ. Отецъ Спиридонъ явился сюда съ широкой сценой. Родомъ изъ Черной-Горы, онъ рано вступилъ въ монашество, но на первомъ

производится на двухъ языкахъ: славянскомъ и румынскомъ: на одномъ крестѣ поютъ по-славянски, на другомъ по-румынски. Кроме насъ, въ церкви не было никого изъ мирянъ. Въ числѣ братiи находился дряхлый старикъ, инвалидъ сражавшiйся еще при Кагулѣ. Думалъ-ли онъ, что старость его обрѣтетъ себѣ покой тамъ, гдѣ люта смерть угрожала его юности, что тамъ, гдѣ русская кровь лилась потоками, тамъ будетъ славословится рускiй Богъ мирнымъ пѣнiемъ голосовъ русскихъ?..

Сутки провели мы въ Гиржавкѣ, подъ гостеприимнымъ кровомъ обители. Въ избыткѣ радушiя, отецъ настоятель угощалъ насъ истинно по-русски. Надобно сказать, въ новое доказательство его ума и вкуса, что кельи, назначенныя для посѣтителей, отдѣльны имъ со всеми удобствами и даже съ роскошью. Обширная стеклянная галлерей, открытая въ садъ, назначена для трапезы, которую радушный хозяинъ самъ раздѣлялъ съ нами. Не смотря на раннее время, явились вкусные плоды собственнаго монастырскаго произрастенiя. Столъ обремененъ былъ постными кушаньями безчисленныхъ сортовъ, приготовленными изъ рыбы, разведенной въ садовыхъ прудахъ. На другой день едва вырвались мы отъ ласковаго хозяина, упраснивавшаго погостить у него подолье, и, напутствованные искренними бла-

гословеніями, опять при звонѣ колоколовъ, пустились въ дальнѣйшую дорогу.

Ближайшій къ Гиржавкѣ монастырь называется Гырбовецъ, или, по русскому произношенію, Гербовецъ. Это обитель русская, въ которой богослуженіе совершается на славянскомъ языкѣ. Церковь, довольно красивой архитектуры, воздвигнута уже подъ русскимъ владычествомъ, по благословенію экзарха Гавриила. Последнее землетрясеніе нанесло ей жестокіе удары, оставило широкіе рубцы на ея стѣнахъ и сводахъ. Но, символъ неборимаго мужества, она стоитъ твердо, не переставая собирать въ свои недра вноковъ на словословіе Господа. Монастырь управляется архимандритомъ, изъ русскихъ.

Изъ Гырбовца переѣхали мы въ Речулу, обитель женскую. Здѣсь начиналась литургія. Игуменья съ старѣйшими сестрами встрѣтила насъ у порога церкви съ освященнымъ хлѣбомъ. Мы вошли въ церковь. Богослуженіе и здѣсь совершалось по-русски, но съ рѣзкимъ удареніемъ малороссійскаго выговора. Церковь, ветхое, деревянное зданіе, не блистаетъ украшеніями, напротивъ представляла образецъ патриархальной простоты, евангельскаго убожества. Кромѣ священника, во всемъ храмѣ не было ни одного мужскаго лица: по восточному обычаю, сами сестры служили ему при

священнодѣйствіи, сопровождали его на выходахъ, съ свѣтильниками и кадильницами. Этотъ день былъ Троицкая суббота, посвящаемая, какъ извѣстно, воспоминанію усонихъ. Передъ окончаніемъ литургіи, священникъ вышелъ въ притворъ для совершенія вселенской пашииды. И вотъ раздались имена Петра I, Петра II, Петра III, Екатерины, Александра, на которыхъ хоръ пустынножительницъ откликнулся «вѣчною памятью». Какое дивное превращеніе судьбы! Здѣсь, въ соседствѣ Прута, этой роковой рѣки для исполна Петра, во глубинѣ отдаленныхъ горъ, куда имя другихъ Петровъ едва-ли и достигало, на землѣ вражьей для Александра и Екатерины, память ихъ увековѣчивается теперь въ признательныхъ, единодушныхъ молитвахъ! Крѣпки и неразрушимы узы, связывающіе отыцѣ этотъ край съ матерью-Русью: они замечательны благословеніемъ церкви, предъ лицемъ Бога!— Речулская пустынька такъ уединенна и такъ рѣдко посѣщается, что наше явленіе было здѣсь эпохою. По окончаніи обѣдни, настоятельница съ такимъ усердіемъ просила насъ навѣстить ея келью, что мы не имѣли силъ отказаться. Мы вошли въ маленькій, низенькій домикъ, ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ хиженокъ, толпившихся вокругъ церкви. По обычаю края, намъ предложили дульцену, съ чистою, холодною во-

дою изъ горныхъ ключей. Всѣ сестры провожали насъ до воротъ обители съ благословеніями.

Слѣдующій мужскій монастырь Формошика вполнѣ оправдываетъ свое имя, означающее «красоту». Онъ дѣйствительно находится на прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи. Монастырь этотъ уже чисто-молдавскій. Почтенный игумень встрѣтилъ насъ также у дверей церкви. Обѣдня отошла: діаконь прочелъ только краткую литію, съ провозглашеніемъ многолѣтія августѣйшему Императорскому Дому, на румынскомъ языкѣ; а священникъ освѣтилъ насъ привѣтнымъ знаменіемъ креста. Церковь здѣсь также деревянная, но величественная и благолѣпная. За нѣсколько дней до нашего прибытія, она ознаменована была чуднымъ явленіемъ. Въ самый день праздника Св. Николая-Чудотворца, 9 мая, страшная гроза разразилась надъ монастыремъ. Молнія пала на церковь, и ея огненная струя пробѣжала змѣею по иконостасу, оставивъ рѣзкіе слѣды на мѣстной иконѣ Св. Николая, но безъ всякаго вреда лицу угодника. Пелена, покрывавшая палой среди церкви, всыхнула. Храмъ былъ пустъ; но огонь тотчасъ былъ замѣченъ и задушенъ, не произведя дѣлнѣйшихъ поврежденій. Игумень Формошики есть благочинный смотритель всѣхъ молдавскихъ монастырей въ Бесса-

рабин. Природный румынъ, онъ говорилъ однако и по-русски. Мы также посѣтили его келью; и когда отправились въ дальнѣйшій путь, добрый старецъ самъ далъ первый знакъ къ прощальному, наутуственному звону, сопровождавшему насъ своимъ эхомъ далеко по пустынѣ.

За крутую, высокою горою, въ ущельѣ, исполненномъ дикого величія, покоится обширный женскій монастырь Таборъ. Это названіе дано ему, говорятъ, по тому, что здѣсь былъ нѣкогда пріютъ, «таборъ» христіанскихъ бѣглецовъ, искавшихъ убѣжища отъ Татаръ въ сокровеннѣйшемъ и неприступнѣйшемъ нѣдрѣ горы. Въ-самомъ-дѣлѣ природа воздвигла здѣсь грозные, непреодолимые оплоты, изъ овраговъ и холмовъ, покрытыхъ густыми лѣсами. Монастырь былъ прежде мужской. Онъ сохраняетъ до-сихъ-поръ чистый молдавскій характеръ. Лишь монахинь, предводительствуемыхъ настоятельницею, ввелъ насъ въ церковь съ духовною пѣснью на румынскомъ языкѣ. Церковей въ обители двѣ: обѣ деревянныя, дубовыя, не скудныя внутреннимъ украшеніемъ. Вообще обитель запечатлѣна сановитостію и благообразіемъ. Она заключаетъ въ себѣ до двухъ-сотъ отшельницъ; и, въ числѣ ихъ, дочерей и сестръ знатнѣйшихъ боярскихъ семействъ. Въ кельяхъ настоятельницы устроена была для насъ

гостеприимная трапеза. Къ-сожалѣнію, не умѣя по-молдавски, мы не могли вполне насладиться бесѣдою почтенной старицы, келья которой украшается между прочими утварями благочестивой иноческой жизни, и книгами! Даже священникъ и дьяконъ, находящіеся при монастырѣ, не могли служить намъ переводчиками: они тоже говорили только по-молдавски. Здѣсь замѣтилъ я одну особенную черту молдавскаго обряда: всѣ священнослужители блага духовенства носятъ на головахъ монашескія камлавки, отличающія только цвѣтною узенькою оторочкою, которая у высшихъ сановниковъ, то-есть протоіереевъ, вышивается разными шелками и золотомъ.

Послѣдній видѣнный здѣсь нами монастырь называется Курка. Это монастырь мужской, смѣшанный. Настоятельство его вѣрнописпектору Кишиневской духовной семинаріи, который потому не живетъ здѣсь. Мы отелуждали вечерню, и потомъ приглашены были казначеемъ въ игуменскія кельи для отдыха. Здѣсь я былъ пораженъ пріятнымъ удивленіемъ, встрѣтивъ на стѣнѣ портретъ бывшаго настоятеля обители, съ которымъ еще недавно имѣлъ случай встрѣтиться, далеко отсюда, на другомъ концѣ Россіи, во глубинѣ сѣвера... Нынешняя каменная церковь Курка выстроена на мѣстѣ деревянной, основанной еще въ 1666 году усердіемъ

боляра, котораго надгробный камень сохраняется въ монастырѣ доншѣ.

Отсюда мы выѣхали въ Пересѣчени на большую почтовую дорогу.

Такъ кончился этотъ достопамятный перипетъ нашъ по бессарабской пустынной Оивандѣ. Я вспомнилъ, что назадъ тому ровно годъ, въ этотъ самый день по церковному кругу, то-есть на-канунѣ Троицы, судьба придала мнѣ совершить подобное благочестивое пилигримство въ другой противоположной странѣ безпределной Россіи. Это было на равно-пустынныхъ берегахъ Свирѣ. Проѣзжая черезъ Ладейное-Поле, уѣздный городъ Олонецкой губерніи, я съ удивленіемъ замѣтилъ густыя толпы странниковъ, направляющихся въ одну сторону. Мнѣ сказали, что они всѣ идутъ въ знаменитую обитель Александра Свирскаго, гдѣ этотъ день, навечеріе Троицы, празднуется особымъ, великолѣпнымъ торжествомъ, пренесеніемъ мощей угодника изъ храма въ храмъ, или лучше изъ монастыря въ монастырь, такъ-какъ обитель Свирская раздѣляется на два смежные монастыря, старый и новый. Я поспѣшилъ присоединиться къ потоку богомольцевъ. Конечно, тамъ другая картина, другая природа, другіе люди, другія впечатлѣнія и воспоминанія. Но одна вѣра, одна мысль, одинъ духъ, тамъ воздвигли великолѣпныя громады

среди мшистыхъ тундръ и сыпучихъ песковъ, здѣсь усыпали ребра горъ и вертены удолій смиренными хижинами. Ихъ вѣнчаютъ тотъ-же крестъ; онѣ оглашаются тѣми-же молитвами. О святая, благословенная Русь! Да сохранится на твоёмъ неизмѣримомъ пространствѣ во-вѣки это священное согласіе, исповѣдующее единымъ сердцемъ и едиными устами славу единого Бога! —

Эту ночь мы провели въ Кишиневѣ. Но на другой день, чѣмъ-свѣтъ, отправились снова въ путь. Намъ хотѣлось въ великій праздникъ отслушать обѣдню въ монастырѣ, уединенномъ отъ видѣнныхъ на-канунѣ, который отличается еще тѣмъ, что принадлежитъ Святой-Горѣ, есть «метохъ», то-есть достояніе, Авонской обители, именуемой Зографъ, откуда насылаются въ него и братія.

Монастырь этотъ находится верстахъ въ 30 отъ Кишинева, во глубинѣ лѣсовъ. Онъ называется Киприана, вѣроятно по имени своего основателя. Съ трудомъ добрались мы до него, по горамъ и по доламъ, вспрыскиваемые безпрестанно набѣгающими тучками. Обѣдня уже была на концѣ, когда мы пріѣхали. Послушникъ ходилъ вокругъ церкви, стуча въ деревянную доску, которую носилъ въ рукахъ: это было не что иное, какъ «удареніе въ бѣло», такъ часто упоминаемое

въ церковномъ уставѣ, но въ Россіи не вошедшее въ употребленіе; теперь намъ давался знакъ, что начинается вечерня, которая, какъ извѣстно, въ Троицкѣ дѣнь слѣдуетъ непосредственно за обѣдней. Мы вошли въ церковь, красивой, даже изящной наружности, хотя небольшой. Самъ игумень священнодѣйствовалъ. Какое необычайное смѣшеніе звуковъ поразило наши слухъ! Игумень служилъ по-славянски; но на правомъ крылосѣ иѣли по-гречески, на лѣвомъ по-молдавански; священникъ, служившій вмѣстѣ съ игуменомъ, также по-молдавански давалъ возгласы и читалъ молитвы, следовавшія по церковному чину. Одно и то-же священнодѣйствіе совершалось вдругъ на трехъ разныхъ языкахъ! Не возможно изобразить впечатлѣнія, произведеннаго на насъ этимъ смѣшеніемъ разноязычныхъ звуковъ въ одинъ хоръ, въ одну синовию бесѣду съ небеснымъ Отцемъ; особенно въ великій день, посвященный воспоминанію изліянія огненныхъ языковъ на священныя главы апостоловъ, обреченныхъ провозгласить животворящее слово Божіе всѣмъ языкамъ? Никогда торжественнѣй и краснорѣчивѣй не звучала для меня иѣсь, воспѣваемая въ этотъ день церковью: «Въ то время какъ Вышній смѣшалъ языки, народы раздѣлились; но, по волеюсланіи взыменныхъ языковъ, оны снова призваны въ соединеніе!» Да! въ соединеніе,

въ вѣчное, неразрушимое соединеніе! То, что разрушилъ Вавилонскій столпъ, сооружаемый страстями, восстановлено въ Сионской горницѣ, освященной вѣрою и молитвою. Люди, имѣвшіе одинъ языкъ и одни уста, но потерявшіе внутреннее единство мысли и чувства подъ ненавистнымъ вліяніемъ эгоизма, перестали понимать другъ-друга; настало снова царство любви, и вѣстники ея заговорили всѣми языками, и всѣ ихъ поняли! Чудо продолжается въ таинственномъ единствѣ Церкви, основанной проповѣдниками единого Слова на всѣхъ нарѣчіяхъ. Вотъ передъ нами звучали три языка; но они возвѣщали одну истину, пробуждали одну мысль, одно чувство: всякой языкъ исповѣдывалъ славу Трїединого! —

Кириана принадлежитъ Зографскому Свято-Горскому монастырю съ 1698 года, какъ свидѣтельствуетъ жалованная грамота за собственноручнымъ подписаніемъ Іо Антіоха Константина, господара Молдавскаго. Но обитель существовала гораздо раньше. Въ ней сохраняется рукописное славянское евангеліе, богато украшенное, съ надписью на кованомъ вызолоченномъ окладѣ, что оно устроено въ этотъ самый монастырь, подаренъ Іоанномъ Петромъ, 7053 то-есть 1545 (по Р. X.) года. Слѣдовательно, монастырь уже процвѣталъ въ началѣ XVI столѣтія. Въ жалованной Зографскому монастырю

грамотѣ значится, что обитель Кириана отдается ему по причинѣ заустѣнія и сиротства «отъ нерадѣнія и злаго устроенія живущихъ въ ней лѣнниковъ и непотребныхъ Богу и челоукамъ (Власскихъ то-есть Волошскихъ) кадугеровъ». На Зографскій монастырь возлагалась надежда, что онъ исправитъ и прекратитъ зло, какъ то было уже имъ доказано въ принадлежавшемъ ему въ Молдавіи Добровецкомъ монастырѣ: грамота особенно распространяется о томъ, что иноки его «суть сербы и болгаре, цѣломудренныя и добрыя строители святой церкви». Въ смутахъ, предшествовавшихъ присоединенію Бессарабіи къ Россіи, права, дарованныя этою грамотою, затерялись. Монастырь Кириана отошелъ въ завѣдываніе Кишиневскаго архіепископскаго дома; и экзархъ Гаврилъ, любившій особенно его уединеніе, устроилъ въ немъ вышнюю прекрасную церковь съ большимъ домомъ для своего пребыванія. Уже нынѣ царствующій Государь Императоръ возвратилъ Свято-Горскому монастырю его достояніе со всѣми правами собственности. Для совершенія службы и управленія обширными имуществами, Зографская обитель присылаетъ сюда иноческую колонію, состоящую нынѣ изъ игумна и двухъ братьевъ, которая только въ отношеніи къ церковному благо-

чинию находится подъ надзоромъ мѣстнаго епархіальнаго начальства.

Пыльшій игумень, отецъ Пларіонъ, родомъ изъ болгаръ. Онъ очень хорошо говоритъ по-русски, и преданъ Россіи всею душею. Съ какимъ сердечнымъ радушіемъ принялъ онъ насъ! Съ какимъ восторгомъ бесѣдовалъ о величій, о силѣ, о благочестіи Святой Руси! Съ какимъ религіознымъ благоговіемъ произносилъ августѣйшее имя Русскаго Царя, священнѣйшее и любезнѣйшее для православнаго Востока! «Мы, говорилъ онъ, и въ Святой-Горѣ на всякой молитвѣ поминаемъ Николая: на свѣтѣ одинъ православный царь!» По обычаю Святой-Горы, онъ благословилъ начало и конецъ предложенной намъ трапезы особенными молитвами, съ присовокупленіемъ многолѣтня православному царю и царству. Мы имѣли случай замѣтить здѣсь и другой свято-горскій обычай, очень замѣчательный. Во время нашего обѣда, набежала гроза: игумень далъ приказаніе, и тотчасъ зазвонили въ колокола. «Такъ дѣлается въ Святой-Горѣ, сказалъ старецъ, для призванія братій къ совокупной молитвѣ объ отвращеніи гнѣва Божія.» Ученый Араго замѣчаетъ, что такой-же обычай существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи, записанный благочестивою старинною.

Для полноты свѣдѣнной географіи Бессарабіи, слѣдовало-бы еще посѣтить обители, лежащія въ восточной ея части, по Руту и Дибстрѣ, въ Кишиневскомъ, Ясекомъ и Сорокекомъ уѣздахъ. Они, говорятъ, имѣютъ особенную физіономію; потому-что состоятъ изъ пещеръ, изсѣченныхъ въ прибрежныхъ скалахъ. Но мы не могли долѣе располагать временемъ. Надо было сѣсть домой. Въ тотъ-же день воротились мы въ Кишиневъ, и пробыли тамъ только нѣсколько часовъ. Подъ-вечеръ, коляска наша уже мчалась по дорогѣ въ Бендеры, пролегающей долиною рѣки Быка.

Между Кишиневомъ и Бендерами одна станція Цинцирени, отъ Кишинева въ $28\frac{1}{2}$, отъ Бендеръ ровно въ 28 верстахъ. Мы проѣхали ночью мимо знаменитой крѣпости Бендеръ, называющихся по-молдавски «Тигино»; ночью переправились черезъ Дибстрѣ, протекающей подъ самыми стѣнами твердыни, и промчались черезъ Тирасполь, отстоящій отъ ней только 12 версты. День засталъ насъ на степи, отдѣляющей Тирасполь отъ Одессы. Благодаря быстротѣ Поворосійскихъ почтъ, мы проскакали въ нѣсколько часовъ пространство $163\frac{1}{2}$ версты. Вечеромъ 15 мая, черезъ шестнадцать дней послѣ нашего выѣзда изъ Одессы, я уже отдыхалъ на берегу Чернаго-Моря, въ прелестномъ хуторѣ Ригельевскаго-Лицея. Выстѣ со мной отды-

хала и природа. Море едва колебалось. Полная луна, задернутая легкимъ покрываломъ облаковъ, наводила матовый серебрянный блескъ на свинцовую поверхность безбрежныхъ волнъ. Все образы теряли свой очеркъ и обличіе. Душа готова была предаться исключительно себѣ, послѣ столькихъ разнообразныхъ впечатлѣній. Но вокругъ меня играла жизнь. Черный утесъ берега горѣлъ яркими огнями. Деревья качались одушевленными люстрами. Звуки веселой музыки торжествовали надъ глухимъ, однообразнымъ ропотомъ волнъ. Пестрыя тѣни кружились въ вихрѣ кипучаго вальса... Я забылся — забылъ про все — забылъ про Бессарабію — какъ будто вовсе не выѣзжалъ изъ Одессы, тѣмъ-менше пролетѣлъ въ двѣ недѣли около тысячи трехъ-сотъ верстъ.....

Можетъ-быть, и вы скажете тоже, любезные читатели и достопочтенныя читательницы. Въ-самомъ-дѣлѣ, что нашли вы, путешествуя со мною, если еще имѣли столько терпѣнія, что не отстали въ самомъ началѣ дороги? Признаюсь, я ужь тужу, за-чѣмъ подзывалъ васъ за собою. Эти археологическія фантазіи, этимологическіе восторги, географическія подробности, историческія цифры — есть чѣмъ забавляться

во время «прогулки!» — Такъ, истинно такъ! — Простите однако великодушно хоть за то, что я искренно раскаиваюсь въ своей тяжелой винѣ. Зная, что многіе изъ рѣшающихся на чтеніе, заглядываютъ прежде въ конецъ того, что берутъ читать, я помѣшаю здѣсь это откровенное и чистосердечное сознаніе. Теперь вы предвѣдомлены. Я умываю руки...

Ж. Надеждинъ.

Счастлива, кому дано вознать отраду вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби чашу
Благословлял всегда съ любовью и мольбой,
И пѣсни внутренней былъ арфою живой!

ЛЮБИТЬ. МОЛИТЬСЯ. ПѢТЬ.

Любить. Молиться. Пѣть. Святое назначеніе
Души тоскующей въ изгнаніи своемъ,
Святаго таинства земное выраженіе,
Предчувствіе и скорбь о чемъ-то несомнѣномъ,
Преданіе темное о томъ, что было яснымъ,
И упованіе того, что будетъ явнымъ,
Души настроенной къ созвучію съ прекраснымъ,
Три вѣчныя струны: молитва. пѣснь. любовь!

Счастлива, кому дано вознать отраду вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби чашу
Благословлял всегда съ любовью и мольбой,
И пѣсни внутренней былъ арфою живой!

Князь Вяземскій.

Счастлива, кому дано вознать отраду вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби чашу
Благословлял всегда съ любовью и мольбой,
И пѣсни внутренней былъ арфою живой!

Счастлива, кому дано вознать отраду вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби чашу
Благословлял всегда съ любовью и мольбой,
И пѣсни внутренней былъ арфою живой!

НАЧАЛЬНЫЙ ВЕДУТЬ.

=

I.

Какъ рожденье міра славилъ
Стройный сонмъ эдемскихъ лиръ,
Онъ изъ безднъ полетъ направилъ,
Чтобъ взглянуть на новый міръ...
Славой Бога нестерпимой
Юный міръ ему блеснулъ;
Духъ вражды неукротимой,
Онъ съ презрѣніемъ взглянулъ,
И сказалъ онъ: — «Эта-ль слава,

Эта-ль жалкая держава
Стоить пѣсней звучныхъ лиръ?
Если я создамъ свой міръ —
Необъятный, онъ расправитъ
Легионы мощныхъ крылъ;
Онъ огромностью свѣтилъ
Этотъ бѣднѣйшій міръ подавить,
И его обломки онъ
Мнѣ трофеями поставитъ
На распутии времени!» —

II.

Льется дней и лѣтъ рѣка,
Мѣрно вѣкъ идетъ за вѣкомъ:
«Золотыми» человѣкомъ
Эти названы вѣка;
Міръ сіяетъ, міръ ликуетъ...
Гдѣ-жъ онъ, тотъ, кто вновь, какъ Богъ,
Всемогущій все возволнуетъ
И воздвигнетъ свой чертогъ?...
Одинокій, недоступный,
Мглою вѣчной ослѣнетъ,
Въ сонъ мечтаний погруженъ,
Замыслъ гордости преступной
Все обдумываетъ онъ;

Мыслью бурной и тревожной
 Алчешь славы божества;
 Но, бесплодна и ничтожна,
 Мысль безсильная мертва!
 И межъ-тѣмъ какъ, стройный, ясный,
 Миръ сиялъ и ликовалъ,
 Онъ одинъ — давно-ль прекрасный —
 Намънился и увалъ.
 Разрушительнымъ волненьемъ
 Думъ насильственныхъ томимъ,
 Блѣднымъ, мрачнымъ привидѣньемъ,
 Пробудился херувимъ....

III.

Съ той поры коварный духъ,
 Мести жаждою палимый,
 Онъ постигъ венца лимый
 Мысли немощной недугъ!
 Понялъ слѣдъ ея печальный
 На поблекнувшемъ челѣ,
 И развилъ первоначальный
 Этотъ недугъ на землѣ.
 Онъ несбыточными снами
 Божеству приличныхъ думъ

Заразилъ нашъ гордый умъ,
 И страдаемъ и слезами
 Заключить прекрасный вѣкъ.
 Сидя въ замысловъ тревожныхъ
 Облестительныхъ, но ложныхъ,
 Увлекаетъ человекъ!..

А. Подолинскій.

ТРЕВОГА ДУШИ.

=

Надъ лѣсомъ дремучимъ, надъ свѣтлой рѣкой,
Раскинулись тучи, какъ сѣти;
Рѣка почернѣла, а чада вѣковъ,
Завида на небѣ пріюты громовъ,
Понинли какъ робкіе дѣти.

Взыграють перуны— и горе землѣ!
Не-даромъ, предчувствійъ полонъ,
Глубоко подъ сводами каменныхъ плитъ,
И крылья и клѣвъ опустивши, сидитъ
Грозою напуганный воронъ.

Носитель и смерти, и думъ, и заботъ,
Безжалостно жертвы отмѣнить;
Но въ память ихъ съ неба слеза не падеть....
Разсыются тучи — и солнце съ высоту
Улыбкою гробы освѣтитъ.

Кто опытомъ очи души изострилъ,
Тотъ въ будущемъ видитъ далеко:
Заранѣ предъ бурей тоскуетъ она,
Невѣдая, чѣмъ разрѣшиться должна
Посланица грознаго рока.

Смерть легче утраты; но душу о ней
Печальная дума туманитъ:
Умрешь ты, исчезнувъ безслѣдно, какъ дымъ;
И, прежде-чѣмъ прахъ твой остынетъ, надъ нимъ
Безвечная радость проглянетъ.

Николай Степановъ.

=

И, какъ сѣтали боговъ, всякой сѣтали, съ умиленьемъ,
 Все, что ихъ гений умѣлъ творческимъ словомъ создать...
 Пѣнь, вдохновенъ полна, чувствомъ сердцъ пламенна;
 Самъ-же, сочувствемъ дунъ, пламень питалъ свой поэтъ:
 Духъ прояснялся его..... Счастливъ онъ былъ, что въ народѣ
 Звучныя пѣсни пѣвца въ души вливались свѣтло:
 Здѣсь на землѣ божество въ-явѣ ему представлялось;
 Нынѣ-жъ и сердцемъ поэтъ чуть постигаетъ его!..

Аодотья Глинка.

ПѢВЦЫ ПРИБЛИЖАГО ВРЕМЕНИ.

изъ

ШИЛЛЕРА.

Гдѣ, скажите, теперь найду я пѣвцевъ превосходныхъ? —
 Полный ихъ жизнью глаголь древле народы пѣвцахъ:
 Пѣли о небѣ они, смертныхъ до неба возносили; (ричь.
 Духъ ихъ до горнихъ высотъ въ пѣсняхъ крылатыхъ па-
 Ахъ! Еще живы пѣвцы. Гдѣ-же дѣвца, чтобъ лиру (слухъ?
 Вновь пробудили? Но ахъ! Гдѣ-же вперенный къ ней
 Въ мирѣ блаженномъ пѣвцы были блаженны; носился
 Въ роды, изъ устъ во уста, ихъ животворный глаголь;

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА ОНУ им. І. І. МЕНДѢЛѢВА

БАТЮШКОВЪ.

изъ

ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

=

Когда Жуковскій, возбужденный и направляемый германскими поэтами, началъ благотворное преобразование русской поэзіи, внося въ нее новыя романтическія идеи, тогда Батюшковъ съ другой стороны содѣйствовалъ той-же цѣли. Больше классикъ, чѣмъ романтикъ по духу своему и формамъ, казалось онъ скорѣе будетъ принадлежать старой, чѣмъ новой школѣ;

но его блистательный талантъ, а можетъ-быть и примѣръ Жуковского, дали его подражательности, если можно такъ выразиться, особенный оригинальный характеръ, новый по-крайней-мѣрѣ для русской литературы, и спасли его относительно самостоятельность.

Въ эту эпоху нашего развитія мы еще робко домогались сокровищъ собственной нашей души; сознавая въ себѣ силу для высшихъ и вѣжливѣйшихъ сочувствій съ природою и жизнью, мы однако-же не смѣли еще собственною рукою черпать освѣжающей струи изъ ихъ чистаго источника. Таковъ законъ постепеннаго перехода души отъ слѣплаго вѣрованія въ авторитеты къ свободѣ умственныхъ и нравственныхъ начинаній. Жуковскій, постигая поэзію, поэзію жизни и природы—единую истинную поэзію—искалъ у германцевъ опоры своему художническому вѣрованію, и нашелъ ее; Батюшковъ съ-тѣмъ-же инстинктомъ поэтического призванія подчинился другому вліянію. Его поэзія есть въ высшей степени аналитическая. Это поэзія земли, цвѣтушая, роскошная, вещественно-истинная и осязательно-живая, какъ сама земля, и, столь-же какъ она, тѣсная для духа всеобъемлющаго. Жизнь въ глазахъ Батюшкова не есть ни тайна, ни подвигъ; она есть наслажденіе. Поэтому онъ ближе всего былъ къ эпикурейской школѣ французской легкой поэзіи. Но,

истинный поэт по своему чувству и воображенію, онъ имѣлъ нужду въ другомъ художническомъ руководительствѣ, и скоро, по счастливому стеченію обстоятельствъ, сроднился съ поэтами итальянскими. Правда, и тутъ искалъ онъ союза не съ суровымъ, могущественнымъ Данте, а съ сладкопѣвнымъ, роскошнымъ, сладострастнымъ Тассо и легкими пѣвцами земли и ея благъ; но итальянскіе поэты и этой даже школы отличались пылкостью, а не легкомысліемъ, какъ французы. Они любили жизнь за жизнь, а не за суетныя ея прикрасы; они виноваты были тѣмъ, что слишкомъ увлекались ею, а не тѣмъ, что искажали ее. Притомъ итальянскіе поэты, придерживаясь древнихъ классическихкихъ образцовъ въ художественной части своихъ твореній, подражали имъ только въ методѣ, а не въ самыхъ предметахъ; они изучали древнія формы не для того, чтобы эти формы прилагать къ новой жизни, а чтобы выработать собственные по законамъ греческаго стиля, законамъ вѣрнымъ и праведнымъ, потому-что они истекали изъ природы. Между-тѣмъ французы, стоявшіе подъ бичемъ Буало и такъ-называемаго вкуса, вѣрили простоудушно, что поэтическая жизнь не иначе можетъ двигаться, какъ по тѣмъ-же самымъ путямъ, по какимъ шествовала плѣнительная муза Греціи.

Батюшковъ очень много выигралъ, изучивъ нѣкоторыхъ итальянскихъ поэтовъ. Онъ получалъ отъ того въ высочайшей степени истинно художническую манеру. У насъ привыкли удивляться языку Батюшкова и въ особенности его благозвучію; но это второстепенное его достоинство. Надобно болѣе удивляться зодчеству его картинъ, полнотѣ ихъ и царствующей въ нихъ гармоніи, искусству выставить на показъ замѣчательнѣйшія черты предметовъ, отлѣпить ихъ съ необыкновенною точностію, растворивъ въ то-же время свѣжею юношескою жизненностію. Здѣсь торжествуетъ воистинѣ поэтъ-аналитикъ. Какая опредѣленность образовъ! Какъ хорошо умѣетъ онъ схватывать тѣ поэтическіе моменты жизни, которые вдругъ выказываютъ предъ вами предметъ въ невыразимой прелести именно съ той стороны, съ какою меньше-всего вы ожидали и съ какою болѣе-всего онъ можетъ васъ поразить! Какъ хорошо умѣетъ онъ разлѣпить свои группы, сблизить ихъ и разлѣпить! Весьма немногіе изъ нашихъ поэтовъ понимаютъ, сколько можетъ быть поэзіи и красоты въ движеніи мысли независимо отъ самой мысли. Посмотрите на эту милую женщину; она наклонила голову — это ничего не значить; но она придала столько легкости этому стигу, она съ такою прелестью согнула линію, что въ

не видя еще лица ея, готовы сказать: что это за очаровательное созданіе!—Таковъ Батюшковъ въ самыхъ мелочныхъ изворотахъ своей мысли. Онѣ у него не быстры, не апергически, но чрезвычайно легки и граціозны. Батюшковъ, полный властелинъ своихъ изображеній; онъ не набрасываетъ только, но рисуетъ и оканчиваетъ ихъ. Желательно-бы было, чтобы наши гениальные юные поэты переняли у Батюшкова манеру устанавливать въ опредѣленные рамы свои повитые думами образы, а не раскидывали ихъ въ свирѣпомъ вдохновеніи во всѣ стороны, что дѣлаетъ ихъ похожими на волосы медузиной головы, только не на голову. И что за краски у Батюшкова! Какъ онѣ свѣжи и естественны! Когда онъ рисуетъ тѣло, оно дышетъ; когда воздухъ, онъ такъ благоухающъ, что имъ хочется дышать; когда локоны юной дѣвы, то кажется видишь, какъ вѣтерокъ взвѣваетъ ихъ.

Скажемъ въ заключеніе сей краткой характеристики: Батюшковъ, конечно, не есть поэтъ творческихъ созданій; но, какъ поэтъ-живописецъ, онъ, и по рисунку и по колориту, справедливо занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей литературѣ.

А. Жукотенко.

Баронъ Мускъ.

СМЕРТЬ ЮНОШИ.

(Памяти Платона Жихарева).

Could youth and virtue claim a short delay
Or beauty charm the spectre from his prey.
Thou still had'st lived!.....

Вѣкъ.

Печаленъ онъ, видъ дуба старожила,
Сраженнаго нещадною грозой,
Когда во прахъ она главу его склонила,
Сломала гордый станъ, и низко подъ травой
Его истлѣвшіе остатки схоронила,
Гдѣ точать черви ихъ, и точить муравей,

А отъ него лишь пень, безъ листьевъ, безъ вѣтвей,
Остался, самъ-себѣ унылый мавзолей.

Но намъ стократъ прискорбій и больше,
Когда съ корнемъ порывы бурь свесутъ
Младаго тополя..... и, гибелью звѣя,
Дозеленѣть ему роскошно не дадутъ.
Заря взойдетъ надъ нимъ, его не отогрѣя;
Весна цвѣтущая его не оживитъ;
Онъ въ полѣ оставомъ засохнувшимъ лежитъ,
И быль превратности прохожимъ говоритъ.

Такъ точно горестью въ насъ сердце обдастся,
Когда жестокий рокъ надъ счастливой семьей
Внезпно карою громовой пронесется,
Обрушившись надъ юной головой,
Надъ тою головой, къмъ свѣтъ и жизнь дается,
Къмъ отчій домъ гордится и блеститъ,
Къмъ все блаженствуетъ, къмъ всякой дорожить,
Кто будущность взамятъ минувшаго судитъ.

И какъ не плакать намъ?... Такъ много упований,
Такъ много сѣтлыхъ сновъ навѣкъ погребено!.....
Такъ много горькихъ слезъ, крушительныхъ рыданій,
Надъ прахомъ въ дань отнекъ вотще принесено!.....
О бѣдный юноша! что цѣль твоихъ мечтаній?
Ты пылкихъ радостей отъ міра откидаешь,

Ты чуждъ зной страстей, ты славу призываешь....
Холодный гробъ тебя обяжетъ!.....

Твой путь не кончился, о нѣтъ! твой путь прервался:
На лучшемъ поприщѣ его ты довершишь.
Ты съ жизнью сердечною разстался,
Но леной живящю души теперь горюешь.
И тотъ, кто о тебѣ мечтаньямъ предавался,
Кто для тебя просилъ непрочныхъ благъ земныхъ—
Пусть инынѣ молить онъ среди скорбей своихъ,
Чтобъ вѣчной радости удѣлъ тебѣ достался!—

Село Анна.
Ноябрь 1838.

КЪ А. П. Г.

=

Въ странѣ, гдѣ свѣтлыми лучами
Живѣ блещутъ небеса,
Есть между моремъ и горами
Земли цвѣтущей полоса.
Я тамъ бродилъ, и думъ порывы
Невольно къ вамъ я устремлялъ,
Когда воль лавры и оливы
Главу мятужную склонялъ.
Тамъ часто я, въ разгулѣ дикомъ,
Въ свободныхъ, царственныхъ мечтахъ,
Васъ призывалъ безумнымъ кликомъ —
И эхо вторило въ горахъ.

— 107 —

О васъ я думаю тамъ, гдѣ влага
Фонтановъ сладостныхъ шумить,
Тамъ, гдѣ гиганта Чатырдыга
Глава надъ тучами парить,
Тамъ, гдѣ по ихонту ээира
Гудитъ вольные орлы,
Гдѣ путь себѣ хрусталь Салгира
Прошибъ изъ мраморной скалы.
Тамъ, средь природы колоссальной,
На высяхъ горъ, на ребрахъ скалъ,
Оставилъ я мой слѣдъ печальной
И ваше имя начерталъ.
И послѣ изъ долинъ металисъ
Мои глаза на высоты,
Гдѣ мною врѣзаны остались
Тѣ драгоцѣнныя черты:
Онѣ въ лазурѣ утопали —
А я смотрѣлъ издалека,
Какъ солнца тамъ лучи играли,
Или свивались облака....

Блеснетъ весна иваго года —
И, можетъ-быть, въ желанный часъ,
Тавриды пышная природа
Въ свои объятя приметъ васъ.
Привычный къ высамъ и оврагамъ,
Надъ бездной дола, въ свой чередъ,

Татарскій конь надежнымъ шагомъ
Васъ въ область молній вознесетъ;
И вы найдете тѣ скрижали,
Гдѣ, проясня свой удѣлъ
И сердца тайныя печали,
Я имя ваше впечатлѣлъ.
Быть-можетъ это начертанье —
Скаламъ мной вѣрнѣйшій залогъ —
Въ васъ оживитъ воспоминанье
О томъ, кто васъ забыть не могъ!

Но я страшусь: тѣхъ высей тема
Обваломъ въ бездну упадетъ,
Или завистливое время
Черты завѣтныя сотретъ,
Иль, кроя мракомъ сводъ лазури
И раздирая облака,
Изгладитъ ихъ ревнивой бури
Неотразима рука...
И не избѣгну я забвенья,
И скрыта въ прахѣ разрушенья,
Безцѣнной надписи лишась,
Порой подъ вашими стопами
Мелькнетъ, неузнанная вами,
Могла думъ моихъ объ васъ!

В. Бенедиктовъ.

ОРИЕНДА.

Какой великолѣпный рядъ
Отъ моря къ небесамъ возвышенныхъ громадъ!...
Вездѣ прелестный видъ, волшебная картина:
По скату здѣсь — какъ рай цвѣтущая долина;
Бездонный кратеръ тамъ — зіяющій какъ адъ;
Вотъ ключъ звѣится съ горъ; вонъ рѣетъ водопадъ.

Съ природою союзъ искусство торжествуетъ:
Связало поясомъ крутыя высоты
И смѣло бросило черезъ пропасти мосты.
Все движется, кипитъ; повсюду жизнь пируетъ.

Какъ солнца яснаго тутъ пламенны луча!...
 Какъ вдохновительны — блескъ мѣсяца, въ ночи,
 И звѣздная лазурь, надъ зеркаломъ пучины!...
 Рѣдѣть мракъ....

Встаеъ гигантъ подѣ ризою мглы:
 Вѣнецъ его — межъ тучъ зубчатыя вершины;
 Стопы — прибрежныя скалы....
 Отъ нихъ бѣгутъ, зыбась, разбитые валы.

Такъ представляется мнѣ Русская держава;
 Ее воздвигнула Всевышняго рука;
 Колоссъ межъ царствъ земныхъ, огромна, величава,
 Она могуществомъ и доблестью крѣпка!

Иванъ Чеслаоскій.

Царская-Орианда.

1838.

— — — — —

=

У каждаго своя любимая забава:

Иль птички пѣскъ, иль рѣзвый мотылекъ,
 Или вина кивающая отрава,
 Иль ароматомъ дышащій цвѣтокъ,
 Или вдали мерцающая слава.

Но что вино, что рой мотыльковъ,
 Что соловья сребристые напѣвы,
 Что славы блескъ и аромать цвѣтовъ,
 Предѣ думой сердца юной дѣвы!

В. Ж.

=

МЕЧЪ И КИЖАЛЪ.

Булатный мечъ! Ты любишь день,
Наперсникъ ты геройской чести.
Кижалъ! Ты любишь ночи тѣнь,
Ты другъ разбоя или мести.
Въ страстяхъ, среди кровавыхъ игръ,
Одинъ какъ левъ, другой какъ тигръ.

А. Струйскій.

КОСТЕНТСКІЯ СКАЛЫ.

РАЗСКАЗЪ.

Въ тысяча восемьсотъ такомъ-то году, одинъ юный «офицеры-ди-импаратъ» * сидѣлъ въ бѣлой, раскрашенной вавилонями снаружки и внутри, «касъ» селенія Каменки; сидѣлъ въ сонливомъ, а можетъ-быть и грустномъ положеніи, склонивъ голову на переключенныя руки на столѣ.

* Такъ называли молдаване офицеровъ свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, производившихъ съемку земель Бессарабскихъ.

— Боярь, дорми? Бояринъ спитъ? спросила хорошенькая, миленькая Ленкуца, дочь хозяйская, входя въ комнату съ букетомъ цвѣтовъ въ рукахъ.

Юный офицеръ, котораго мы назовемъ хоть Свѣтовымъ, молчалъ.

— *Ика, флюаре!* Посмотри-ка, вотъ цвѣты! сказала Ленкуца иѣжно.

— Эй, кто тутъ есть! Скоро-ли лошади? вскричалъ юный «офицеръ-ди-импарать», поднявъ голову. Взоръ его былъ мраченъ.

— Я давно сказалъ Афанасьеву, чтобъ запрягалъ, отвѣчалъ, притворивъ двери, денщикъ.

Офицеръ опять склонилъ голову на руки.

— Ты сердишься! сказала Ленкуца печальнымъ голосомъ.

— А тебѣ что за дѣло? сказалъ Свѣтовъ, приподнявъ голову.

Взоры его блеснули какъ у побѣдителя.

— Какъ что за дѣло? отвѣчала Ленкуца.

— Такъ ты любишь меня, Ленкуца?

— Нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Я и хотѣла-бы, да не могу тебя любить....

— Отчего, Ленкуца? Скажи, драгуца моя?

— Оттого-что ты любишь другую.

— Это кто тебѣ сказалъ?

— Я сама знаю. Ты только въ будни говоришь, что любишь меня; а самъ всякой праздникъ уѣзжаешь Богъ-знаетъ куда.

— Что-жъ такое?

— Какъ, что? Кто любить, тотъ праздники проводить съ тѣми, кого любить.... Вотъ и сегодня ѣдешь.

— Я ѣзжу къ товарищамъ.

— И, полно, что ты нашель у товарищей!

— Увѣрю тебя, Ленкуца.

— Если ты любишь меня, такъ не поѣдешь.

— Миѣ должно ѣхать.

— Такъ поѣзжай! сказала Ленкуца, вырвавъ свою руку изъ рукъ Свѣтова, и быстро вышла изъ комнаты.

Казалось-бы, что одно только образование можетъ дать природной красотѣ очаровательную пріятность, голосу сладость, взорамъ томность, движеніямъ неприужденность, стану статность, а сердцу иѣжную любовь; но это все было въ Ленкуцѣ, дочери «мазила» или молдаванскаго однодворца. Ленкуца скромно удалалась отъ юношескихъ преслѣдованій Свѣтова; онъ былъ въ отчаяніи. Въ первый еще разъ она высказала ему неожиданно свою любовь; но онъ не могъ испол-

нить ея требованій остаться дома. Для свода съмокъ онъ долженъ былъ съѣхаться съ товарищами; и эти съѣзды обыкновенно бывали по праздничнымъ днямъ.

Колокольчикъ зазвенѣлъ, четверка быстрыхъ коней, запряженная въ маленькую каруцу, украшенную рѣзбой, подъѣхала къ хатѣ.

— Ахъ, какая скука! вскричалъ Свѣтовъ.

— Готово, ваше благородіе, сказалъ вошедшій пионеръ. Кому прикажете съ собой ѣхать? Молдавану или мнѣ?

— Ты поѣдешь.

Свѣтовъ накинулъ на себя плащъ и хотѣлъ уже садиться въ каруцу, какъ вдругъ съ горы несется во весь опоръ четверка, и прямо поворотила на двѣнадцати-саженную вѣху, которая возвышалась надъ палатомъ Свѣтова, и на вершинѣ которой былъ воткнутъ соломенный «ивашка-бѣлая-рубашка». Правиль конями кто-то въ широкихъ шараварахъ, въ бѣлой курткѣ и въ бѣлой фуражкѣ, правиль стоя, какъ Аюлмонъ конями солнца, и свистѣлъ какъ Соловей-Разбойникъ.

— Это наши, ваше благородіе, сказалъ Афанасевъ, лейб-возница Свѣтова, радостно смотря на полетъ коней.

— Кто-жь это такъ отчаянно править?

Не успѣлъ Свѣтовъ произнести этихъ словъ, кони,

какъ вкопанные, въ пѣшъ и въ пѣрѣ, остановились подлѣ хаты. Лихой кучерь бросилъ къ чорту возжи, соскочилъ съ каруцы.

— Лезвикъ! — вскричалъ Свѣтовъ.

— Каковъ у насъ кучерь? крикнули сидѣвшіе въ каруцѣ, которыхъ подлѣ пылью не-льзя было узнать въ-лицо.

— Лугинъ и Фантановъ! Вы подлѣ пылью какъ жертвены въ саваннахъ. Ай, Лезвикъ, чудо! Я думалъ, что васъ подлѣ-гору несутъ лошади.... прямо съ крутизны, къ чорту.

— Какъ-бы не такъ! сказалъ Лезвикъ. Ужъ мы и править не умѣемъ!

— Не съ большимъ въ три четверти часа, двадцать верстъ.

— Какъ-бы не двадцать!

— Ну, теперь пошегъ Лезвикъ спорить.

— Да разумѣется: двадцать одна и триста сажень. Да и гдѣ-жь три четверти часа?... Мы выѣхали полонина десятаго....

— Послѣ поспоримъ, Лезвикъ; а теперь позавтракать, да и въ Костешти. А у тебя ужъ, Свѣтовъ, и лошади готовы? Прикажи и намъ дать свѣжихъ лошадей.

— Да мы трое усадемся на твоей каруцѣ, а Лезвикъ опять будетъ править. Выстѣ веселѣе.

— Так уж лучше знаете-ли что? Я велю запрячь воловью каруцу: засядемъ въ нее и будемъ играть дорогою въ бостонъ.

— Bravo! Славная выдумка! Приказывай!

— Эй Афанасьевъ, ступай распорядись, чтобъ сейчасъ-же была воловья каруца, запряженная двѣнадцатью рысистыми волами. Каруцу обтянуть и покрыть сверху коврами, накласть въ нее подушекъ, и разостлатъ на нихъ мой большой коверъ.

Не успѣвъ денщикъ Свѣтова поджарить куриныхъ котлетъ, какъ послышался скрипъ каруцы, крики и хлопанье бичами.

— Какъ прикажете, ваше благородіе, я не умѣю править волами, сказалъ вошедшій Афанасьевъ.

— А ты не знаешь службы? Что прикажутъ, то и долженъ умѣть.

— Ужъ конечно, ваше благородіе, наше подчиненное дѣло.

— Тотъ-же! Поставить въ каруцу складной столъ и четыре складныхъ стула.... Да въ погонщики воловъ двухъ верховыхъ.

Покуда завтракъ кончился, все уже готово.

Около каруцы собралась вся «громала»* села; всѣ

* Миръ сельскій.

заботливо, какъ будто дѣлали важное дѣло, помогали Афанасьеву укладывать и устанавливать въ воловѣй каруцѣ, которая стояла какъ домъ на колесахъ: въ ширину сажени, въ длину двѣ; колеса два аршина въ діаметрѣ, а ничѣмъ несмазанная буковья оси въ палецъ толщины. Вообще молдавскія воловья каруцы бывають безъ обшивки; бока ихъ составляютъ параболу, рогами вверхъ и на подставкахъ.

— Это что за кавалерія вооруженная бичами?

— Я приказалъ двухъ погонщиковъ, а ихъ нахалъ цѣлый взводъ, отвѣчалъ Афанасьевъ.

— *Пой мерзень къ боерь!* Мы поѣдемъ съ бояриномъ! сказали вершники молдаване, которыхъ набралось человекъ десять.

— Только двухъ нужно! сказалъ Свѣтовъ.

— *Лась, боерь, лась!* Оставь ихъ, болринъ, оставь! сказалъ ватаманъ, кланяясь.

— Пусть ихъ ѣдутъ. Хайдъ! Мимо Ста-Могиль!

— Садимся!

Товарищи засѣли въ каруцу, покрытую сверху и завѣшенную по-сторонамъ коврами; Афанасьевъ хлопнулъ хвостовиной по воламъ; вершники крикнули «хайдъ!» и хлопнули заливъ бичами.

— *Буйа друмъ, боерь!* Доброго пути боярину!

крикнула вся громада, снявъ кушмы и провожая каруцу, которая со скрышомъ потянулась изъ селенія.

— *Хэ! маре драку постра боерь, тота кася ла рота пусь!* Хэ, большой чортъ нашъ бояринъ, ильый домъ поставилъ на колеса! —

По ровной дорогѣ, берегомъ рѣки Каменки и въ-гору, воламъ дозволялось идти обычнымъ своимъ шагомъ; Свѣтовъ, Лугинъ, Фантановъ и Лезвикъ играли спокойно въ бостонъ; но едва волы выбрались на отлогій скатъ къ рѣкѣ Пруту, верховые молдаване гикнули, хлопнули бичами по ребрамъ воловъ, и — волы поскакали, складной столъ прыгнуть съ ножекъ, карты полетѣли, одинъ изъ бостонистовъ опрокинулся на подушки, крича восемь въ сюряхъ.

— Проклятые! разстроили игру!

— Какая-же игра, господа, на почтовыхъ водахъ!

Пошелъ!

— Хайдъ! повторили въ десять голосовъ лихія «калараша», свиснувъ и хлопнувъ по ребрамъ воловъ арапниками.

Вынувъ глаза и поднявъ хвосты, волы скакали: каруца, не уступавшая величиной вагону желѣзной дороги, мчалась быстрее паровоза; верховые молдаване какъ сумасшедшіе скакали по-сторонамъ съ криками и хлопаньемъ. Лезвикъ, не утерпѣвъ, выскочилъ

на передокъ, выхватить изъ рукъ Афанасьева хворостину, гикнулъ — въ одно мгновеніе каруца была уже на береговой дорогѣ, повернула къ Костешти, и вскорѣ очутилась на пространствѣ Ста-Могилъ.

— Тутъ вѣрно было какое нибудь сраженіе? спросилъ любознательный Лугинъ.

— Это просто обросшія отъ времени обвалы крутаго берега.

— Не можетъ быть! сказалъ Лезвикъ.

— Отчего не можетъ быть?

— Да такъ, быть не можетъ.

— Доказательство ясно!

— Разумѣется, что не можетъ быть! повторилъ утвердительно Лезвикъ.

Лезвикъ заспорилъ-бы всѣхъ; но, къ счастью, крикъ, хлопанье бичей, грохотъ и дребезгъ каруцы мѣшали спору.

Съ горы и по ровной дорогѣ, волы дружно несли ярмо; но едва подѣхали къ скаламъ Костештскимъ, въ-гору, не тутъ-то было: ни волы, ни крикъ, ни арапники, ничто не везеть. Нечего дѣлать: послали Афанасьева въ Костешти, пригнать пары три свѣжихъ воловъ; а между тѣмъ Лугинъ, Фантановъ, Лезвикъ и Свѣтовъ, вышли на отдѣльную высоту, полюбоваться игрой природы.

Такъ называемыя «Скалы Костештскія» выдаются изъ крутаго бѣрега рѣки Прута и бѣрега рѣки Чугура, и перелезаютъ зубчатой стѣной черезъ рѣку Прутъ, которая течетъ сквозъ брешь, пробитую вѣтромъ волнами всемірнаго потока.

Лезвикъ уже сталъ спорить, что это искусственныя, а не природныя скалы; но пригнанныя три свѣжихъ пары воловъ втащили на гору прежнихъ двѣнадцать и каруцу. Пора было ѣхать, чтобъ не опоздать въ Костешти къ обѣду товарища Рацкаго. Девять паръ воловъ прибыли наконецъ къ деревнѣ Костешти; тутъ имъ придали рыси, и они скокомъ привлекли каруцу къ хатѣ Рацкаго; все, что было у него товаришей, выснало дивиться торжественному пріѣзду патриархальной колесницы.

— Посмотрите, господа, сказалъ Лезвикъ, едва только успѣли надорваться груди отъ смѣху; вотъ говорить, что это природныя скалы!

— Ха, ха, ха! раздалось снова.

— Похожи на природныя!

— Какія-жъ природныя, господа? сказалъ одинъ «офицеръ-ди-импираторъ»: это искусственныя.

— Это просто была плотина, которую прорвала вода, сказалъ Лезвикъ: пойдите, посмотрите сами.

— Пойдемте, пойдете сами! вскричали всѣ.

— Пойдемте.

До скалъ было не болѣе двухъ-сотъ шаговъ отъ квартиры Рацкаго. Берегомъ рѣки подошли къ гранитнымъ воротамъ, сквозъ которые катился сжатый Прутъ, и гдѣ внадалѣ Чугуръ. По камнямъ пробрались на другую сторону, гдѣ былъ никетъ казачій.

— Что, Лезвикъ? Искусственныя скалы? Плотина?

— Разумѣется. Спросите хоть у казака. Эй, казакъ, что это плотина, или природныя скалы?

— Чортова плотина, ваше благородіе, отвѣчалъ лихой казакъ.

— Все-таки моя правда, сказала Лезвикъ.

— Согласны, если чортъ строилъ ее.

— По мнѣ все равно, кто строилъ; только я говорю, что искусственная, а не природная!

— Дѣйствительно, ваше благородіе, чортъ строилъ, только не русской, а молдаванской, по имени «Драку».

— Ты не былъ-ли при этомъ?

— Нѣтъ, ваше благородіе: это было въ давнія времена, при моемъ дѣдѣ; онъ, вотъ какъ разъ стоялъ на этомъ мѣстѣ на-часахъ, и видѣлъ, какъ все происходило.

— А какъ-же это все происходило?

— Долга сказка, ваше благородіе, да притомъ-же и не даровая.

— Вотъ тебѣ задатокъ, сказалъ Свѣтовъ, подавъ казаку золотую монетку.

— Извольте слушать, сказалъ казакъ.

— «Вотъ, по сю сторону Чугура, было царство Болгарское, а по ту сторону жили Хохлы-Руснаки. У Хохлатскаго царя была дочь Лунка царица, а у Болгарскаго хана «бритая-голова, плѣшь-засаленая», былъ сынъ Тартауль царицъ, великой богатырь и наѣздникъ. Когда пришло время выдавать прекрасную Лунку царицу за-мужъ, Хохлатской царь послалъ гоицъ во все царство съ портретами своей дочери, и просилъ царей и царицъ къ себѣ на пиръ великой и ратоборство, кому честь, и слава, и рука царицы. Вотъ съѣхались со всѣхъ странъ цари и царицы и богатыри великіе. Самъ царь встрѣчаетъ, есаулы гостей подь-руки принимаютъ. Началось полеваше. Всѣхъ побѣдилъ Угорской королевичъ.

«— Ну, говорить, богатыри и витязи, съ кѣмъ еще коня помѣрять, силы извѣдать; или нѣтъ больше ни храбраго, ни удалаго?»

«— Есть еще одинъ! крикнулъ богатырскимъ голосомъ витязь «свѣтлая-броня, ничымъ-коньемъ-неопаранана». Не нужно, говорить, воротъ отворять; моему коню высокій тынь не помѣха.

«Глядь, ужъ стоитъ посреди поля. Разѣхались

добрые молодцы, тупымъ концемъ позабавились. Не успѣли глазомъ моргнуть, а Угорскій королевичъ лежитъ на землѣ. Повели витязя въ палаты подь-руки; встрѣчаютъ его съ кубками заздравными; подносятъ царицу вѣнцу ему, просятъ снять шлемъ богатырскій. Снялъ витязь шлемъ; а подь шлемомъ шлыкъ: такъ всѣ и ахнули.

«— Нѣтъ, говорить царь Хохлатской; не пойдетъ моя дочь за-мужъ за бритую голову!

«— Царь-государь, сказалъ витязь: не въ хохлѣ дѣло, а дѣло въ томъ, полюбитъ-ли меня прекрасная дщерь твоя; если любить, то я, изволь, отрошу хохоль до пяты.

«Царица сладко очи потушила. А царь сказалъ:

«— Ну, будь по твоему; будь ты мнѣ зять царевичный; проси у своего родителя благословенья.

«Поѣхалъ Тартауль къ своему родителю, просить благословенья жениться на единородной дщери царя Хохлатскаго.

«— Какъ? говорить ханъ «бритая-голова, плѣшь-засаленая». Чтобъ ты женился на хохлачкѣ, на бараньей головѣ?

«Молишь, молишь, Тартауль отца своего; ничто не беретъ.

«— Ну, говорить Тартауль, если не позволяешь, так ужь быть бѣдѣ! —

«Струсилъ ханъ: любилъ онъ сына.

«— Хорошо, сказалъ, согласенъ. Только пусть даетъ въ приданое за дочерью море.

«Поѣхалъ Тартауль къ возлюбленной невѣстѣ, и говорить царю: такъ и такъ.

«— Помилуй, твой отецъ съ ума сошелъ. У меня и моря нѣтъ въ цѣломъ царствѣ. Земли сколько хочешь!

«— Хитерь у меня отецъ! сказалъ Тартауль. Что дѣлать? Есть, говорятъ, чародѣй Чугуръ; поѣду, посоветуюсь съ нимъ: у него есть на все отводы.

«Приѣхалъ къ Чугуру: жилъ онъ отшельникомъ въ горѣ; среди лѣса сидѣлъ сиднемъ на нибъ и не двигался съ мѣста. Приѣхалъ, рассказалъ свое горе: вотъ такъ и такъ; что дѣлать?

«— Драку шипи! Чортъ знаетъ! сказалъ Чугуръ.

«— Коли чортъ знаетъ, такъ попроси его, сдѣлай милость, научить что дѣлать?

«— Что дашь?

«— Что хочешь.

«— Видишь: въ нашемъ владѣннѣ, у Гнилаго моря, есть сто могилъ моихъ предковъ; перевези ихъ всѣ сюда, со всѣмъ что въ нихъ есть.

«— Изволь! хоть тысячу!

«Обрадовался Тартауль, и тотчасъ-же отправилъ подводны на Гнилое море.

«Вотъ ихъ и перевезли на то мѣсто, гдѣ теперь «Сута-Моджиле».

«— Ну, сказалъ Чугуръ, спасибо! Я тебѣ услужу. Ступай къ отцу, и скажи, что царь Хохлатской даетъ море въ приданое дочери. Вези его на свадьбу.

«Поѣхалъ Тартауль къ отцу, говорить ему: такъ и такъ; будетъ море въ приданое.

«— Да откуда онъ взялъ море? спросилъ ханъ.

«— Не могу знать. Вѣрно, было какое-нибудь.

«— Быть не можетъ. Поѣдемъ! А если моря нѣтъ, такъ нѣтъ тебѣ и согласія моего.

«Поѣхали, подъѣзжаютъ. Царь и царица ихъ подручки принимаютъ, за браные столы сажаютъ.

«— Ну, говорить ханъ Болгарской, дочь твоя хоть куда царевна; а гдѣ-жь ея приданое? гдѣ-жь море?

«— Гдѣ-жь намъ взять моря, любезнѣйшій нашъ братъ, ханъ Болгарской...

«Только-что онъ сказалъ это, вдругъ слышуть шумъ, точно морскія волны хлещутъ о берегъ. Глядь въ окно: не рѣка Прутъ течетъ, а бушуетъ страшное море передъ палатами.

«— Ба, ба, ба! Да какъ-же это сказали мнѣ, что въ твоёмъ царствѣ и моря нѣтъ? Да какое-же это море? спросилъ ханъ Болгарской.

«Царь Хохлатской отъ удивленья не знаетъ что и говорить.

«— У насъ море Черное, а это море Проточное, отвѣчалъ за него Тартаулъ царевичъ.

«— Если такъ, то сдержу мое слово. Сыграемъ свадьбу.

«Вотъ начали играть свадьбу. Сыграли. Сѣли за браные столы. Вдругъ прискакали гонцы изъ царства Ордынскаго къ хану, и говорятъ :

«— Помилуй насъ, ханъ великой, многомилостивый! Зачѣмъ позволилъ ты строить чортову плотину на Прутѣ? Все наше царство пересохло. Черное море изсыхло; ни капли воды нѣтъ.

«— Какъ? крикнулъ Ордынской ханъ.

«А тутъ-же и къ царю приближали люди земскіе :

«— Батюшка царь, смилуйся! Зачѣмъ ты позволилъ царю Ордынскому чортову плотину на рѣкѣ Прутѣ строить? Вода разлилась по всему царству, вздулась словно море; все тонитъ, подступаетъ подъ твои царскія палаты.

«— Какъ? крикнулъ и царь Хохлатской.

•А потомъ оба въ одинъ голосъ :

«— Такъ такія-то ты вещи, царь Хохлатской, со мной дѣлаешь! Вздумалъ пересушить все мое царство? Плотины строить? Эй! ломать плотину!

«— Такъ такія-то вещи ты, ханъ Болгарской, со мной дѣлаешь! Плотины строить? Вздумалъ затопить все мое царство? Эй! ломать плотину!

«— Влемя, сынъ!

«— Пошла дочь въ свою свѣтелку.

«— Помилосердитесь, любезнѣйшіе родители! Плотину не вы строили, ни царь Хохлатской, ни ханъ Болгарской; а плотина сама построилась на мое счастье.

«— Какъ?

«— Да такъ. Позвольте, я пойду съ народомъ спесу ее.

«Вотъ и принялись ломать плотину; ничто не беретъ, ни ломъ, ни топоръ. Какъ быть! Поскакалъ Тартаулъ царевичъ къ Чугуру; итъ его на итъ; искать, искать — а онъ поселился въ пещерѣ, вотъ что со-стороны дороги, и сидитъ тамъ молча.

«— Благодаритель ты мой! говоритъ Тартаулъ царевичъ: помоги! Вотъ такъ и такъ: плотина твоя затопила царство Хохлатское, пересушила всѣ земли Болгарскія... Помоги, сдѣлай спускъ!

«— Не легко; тутъ отъ руки ничего не сдѣлаешь; надо прогрызть зубами.

«— Помилуй, какой зубъ возьметъ?»

«— Надо попросить зубатаго.

«— Попроси кого знаешь!

«— Что дашь? Да постой, не нужно. Обѣщай сослужить мнѣ службу: холодно мнѣ стало на бѣломъ свѣтѣ; перенеси ты мои косточки туда, гдѣ сто могилъ моихъ предковъ, и приодѣнь землею.

«— Изволь, дѣдушка Чугуръ, цѣлой горой завалю твои косточки.

«— Ну, добре, ступай: будетъ по твоему.

«Какъ настала ночь — дѣдушка мой стоялъ здѣсь на караулѣ; служилъ онъ въ чередномъ казачьемъ полку на границѣ; стоитъ себѣ, какъ я, ника въ сошкахъ, а голая сабля на рукѣ — вдругъ видитъ, кто-то идетъ. — Кто тутъ? Убью! — Здѣшній, откликается: «мошуй зубатый». — Какъ взглянулъ на него дѣдушка мой, такъ и остолбенѣлъ: черные зубы изъ пасти точно тынь желѣзный. Какъ началъ онъ, ни слова не говоря, грызть каменную плотину, такъ и хрустятъ камни; погрызеть-погрызеть, да оселкомъ зубы поточить. Къ утру прогрызъ, вотъ какъ видите, цѣлые ворота, да не остерегся: вода какъ хлынетъ вдругъ, сбила его съ ногъ и понесла; только его и было.

«Вотъ царь съ ханомъ видятъ, что дѣло пришло на-ладъ; помирились и принялись снова мировать.

«Какъ оженился царевичъ, сдержалъ слово Чугуру, перенесъ его, посадилъ посреди Ста-Могилъ, прикрылъ землею. Вотъ, самой большой курганъ: это его, сто-первый.

«— Видишь, ханъ Булгарской, сказалъ царь Хохлатской: чего итъ, того и не проси.

«Царь и ханъ наделили молодыхъ свѣжими землями, собрали всѣхъ молодыхъ и всѣхъ красивыхъ дѣвицъ, и отдали ихъ въ приданое. Вотъ и пошли пиры и «младованье». Я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало!» —

— Спасибо, казакъ! вотъ тебѣ на придачу.

— Покоритѣсь благодарю, ваше благородіе! Если угодно, мы и еще кой-что поразскажемъ: на-примѣръ про Надежду царевну «магнитные-глазки».

— Въ другой, братъ, разъ!

— Я говорилъ, что это плотина...

— Ты правъ, ты правъ, Лезвикъ; теперь мы знаемъ, что и Сто-Могилъ не обвалъ.

— Смѣйтесь!

— Пора обѣдать, господа, сказалъ Рэцкій; и всѣ отправились къ нему на квартиру. Столъ уже былъ готовъ. Послѣ обѣда привели верховыхъ лошадей,

всѣ вооружились хлыстиками, засѣли на коней, и на дугъ. Начались «бары» или игра въ войну *. Потомъ, во время чая, по-обычаю, началось очередное чтение: повѣстей, стиховъ, статьи ученой, военной; каждое произведеніе поступало въ рукописный сборникъ, котораго части, по прошествіи известнаго времени, разгрызались по-жребію — кому достанется въ память товарищества и молодости лѣтъ, проведенныхъ не безъ пользы.

День прошелъ. Пора по домамъ.

— Господа, въ слѣдующее воскресенье ко мнѣ; кстати я и именинникъ, сказалъ Свѣтовъ, прощаясь съ товарищами.

— Что, и назадъ на колесницѣ воловѣй?

— Нѣтъ, покорно благодарю! Ёду на легкыхъ.

Четверка лихихъ коней, управляемыхъ Афанасьевымъ, стояла уже у подъезда. Свѣтовъ вскочилъ въ каруцу, и при свѣтѣ ночнаго свѣтла помчался въ Каменку, гдѣ бѣдная Ленкуца таяла отъ ревнивой любви.

Въ продолженіе всей недѣли она не показывалась на глаза «юному». Чѣмъ-свѣтъ увидѣть въ поле, воро-

* Игра колонновожатыхъ въ Асташовѣ. Название безъ-сомнѣнія происходитъ отъ «вастга» — «сражаться».

тится поздно, или уйдетъ въ касу своей тетки, и ткеть ей ковры.

Воскресенье приближалось. Свѣтовъ распорядился къ приему гостей. Подлѣ дома не было сада: лѣтъ близокъ, ви-по-чѣмъ; въ одинъ день весь дворъ обратился въ садъ, усыпанный свѣжей, душистой травой и цвѣтами. За десять рублей, «чиновникъ-ди-исправникъ» привезъ десять возовъ разныхъ плодовъ: возъ арбузовъ, возъ дынь, яблокъ, грушъ, персиковъ, абрикосовъ, сливъ, волошскихъ орѣховъ, вишенъ, винограду; а усердная команда развѣсила все на деревья. Для гостей на кухнѣ шпарять и потрошать барановъ, утокъ, гусей и цыплятъ; на погребѣ заготовлено янтарное «одубешти», полынковое и мускатное; для «джока» выписаны цыгане музыканты; для громады взято въ корчмѣ нѣсколько ведеръ «ракію». Чучела на вѣхѣ одѣта въ новую красную рубашку.

Настало воскресенье. «Юный» проснулся грустенъ, сходилъ въ церковь. Его поздравили съ именинами денщикъ, вся команда, вся громада. «Парентій» принесъ огромную просфору, а Ленкуца нейдетъ поздравить его.

Къ полудню товарищи сѣхались, расположились на коврахъ, посланныхъ на мягкой травѣ посреди армянина сада, курятъ трубки, бесѣдуютъ въ ожи-

даніи завтрака. Свѣтовъ прилетѣть на голой травѣ. Вдругъ прошла Ленкуца въ хату, взглянувъ мелькомъ на Свѣтова.

— Ба! *формошика, формошика!* крикнули всѣ въ одинъ голосъ, увидѣвъ ее. Не твоя-ли хозяйка, Свѣтовъ?

— Да, отвѣчать онъ.

— Что-жь ты покраснѣлъ?

— И не думалъ.

— Bravo, bravo, bravo, bravo! закричали всѣ. Понимаемъ! Какъ умильно, нѣжно, она взглянула на тебя!

— Мечта! Это, госнода, суровая красавица, не слишкомъ нѣжничаетъ съ нашимъ братомъ....

— *Фата формоза!* вскричали всѣ снова, увидѣвъ Ленкуцу, которая вынесла изъ хаты прекрасный махровый коверъ. Не обращая ни на кого вниманія, она подошла къ Свѣтову, и разостлала свое приданое. Но Свѣтовъ не хотѣлъ обратитъ вниманія на ея услугу. Ему стыдно было товарищей.

— *Добрая хозяйка!* Какъ она заботится о своемъ постояльцѣ! А подарила-ли ты ему что-нибудь въ день именинъ?

— Нѣтъ еще! сказала она. Онъ вѣрно сердитъ за это на меня.

И вдругъ Ленкуца бросилась къ Свѣтову, обвила его, пламенно поцѣловала. Онъ вскрикнулъ, она скрылась.

— Bravo, bravo! повторили всѣ, захопавъ въ ладоши.

Поздравленія посыпались на бѣднаго Свѣтова.

Онъ надулся.

Этотъ случай помѣшалъ общему веселому расположенію. Всѣ какъ-будто подозрѣвали, что Свѣтову не веселѣ дома безъ гостей. И Свѣтовъ что-то былъ не веселъ: онъ какъ-будто сторожилъ, не прійдетъ-ли Ленкуца, чтобъ и ее поцѣловать также пламенно, но безъ свидѣтелей.

Послѣ обѣда оживилось. Вдругъ колокольчикъ.

— Кто это?

Афанасьевъ прибѣжалъ запыхавшись.

— Полковникъ идетъ, ваше благородіе!

— Вотъ тебѣ разъ!

Вскорѣ коляска остановилась подлѣ хаты.

— Съ генераломъ, ваше благородіе!

— Дѣйствительно, полковникъ, убей меня Богъ, прекрасное мѣстоположеніе!—Здравствуйте, госнода! Какимъ это образомъ вы всѣ здѣсь?

— У именниника, ваше превосходительство.

— И прекрасно!

— Вотъ и всѣ планшеты здѣсь, ваше превосходительство, сказалъ полковникъ.

— И прекрасно! Такъ я осмотрю работы и прямо отсюда въ Хотинъ. Прикажите мнѣ перемѣнить лошадей. Г. Свѣтовъ, вы сдадите свою сѣмку и поѣдете со мной.

Свѣтовъ поблѣднѣлъ. Такъ поразили его эти слова.

— Мы выберемъ вмѣстѣ мѣста для смотровъ; вы снимете ихъ, и потомъ явитесь ко мнѣ.

— Укладывайся! сказалъ Свѣтовъ денщику, почти со слезами на глазахъ.

— Что, братъ, горе! говорили товарищи шепотомъ, подходя къ нему по-очереди.

— Что такое? отвѣчалъ имъ Свѣтовъ.

Вскорѣ свѣжія лошади были запряжены въ коляску. Свѣтовъ простился съ товарищами, посмотрѣвъ кругомъ, нѣтъ-ли гдѣ Ленкуцы? — Нѣтъ! —

Только и видѣлъ онъ ее.

А. Вельшманъ.

ПЕРВОЕ СЪЗДАНИЕ

ЭНЕИДЫ СЪ ДИДОНОВОЮ.

(ЭНЕИДЫ I. 443 — 656.)

Эней в сподвижники его Ахатъ, одыма облакомъ, распростертыхъ вокругъ нихъ
Интересо, владеть невидимые нитки въ Кароагитъ.

=

Роца въ срединѣ града была съ отрадною тѣнью,
Гдѣ волнами и бурей гонимые Пуны сначала
Знакъ откопали, указанный имъ царницей Юноной:
Голову лошади бодрой, знакъ, предвѣщавшій ихъ роду
Счастье въ войнѣ и привольную жизнь на цѣлые вѣки.

Здѣсь-то Дидона Сидонянка въ честь Юновы воздвигла
 Храмъ величавый, богатый дарами и властью богини. (дальше)
 Мѣдный порогъ восходитъ въ немъ ступенями, мѣдью скрипъ-
 Каждый косыкъ, и на крѣпкомъ крюку дверь изъ мѣди скрыта.
 Здѣсь представилъ имъ новый предметъ успокоилъ впервые
 Страхъ ихъ; впервые Эней о спасеннѣ осмыслился мыслить
 И въ удрученнѣ печальной судьбы своей вбродить началъ.
 Ибо, когда, въ ожиданнѣ царицы, кругомъ озиралъ онъ
 Храмъ этотъ пышный; когда удивлялся судьбѣ ея града,
 И искусству художничьихъ рукъ, и услаждать работы:
 Видитъ онъ вдругъ предъ собой Иліонскія битвы въ порядкѣ,
 Эту войну, разглашенную славою пѣлому свѣту,
 И Атрида съ Приамомъ, и грознаго имъ Ахиллеса.
 Сталъ тутъ Эней и рыдая воскликнуть: — О, есть-ли хоть мѣсто,
 Есть-ли, Ахатъ, въ мірѣ край, не полный еще нашихъ бѣдъ?
 Вотъ вашъ Приамъ! И адъсь есть награда заслугъ, и адъсь есть
 Слезы для бѣдъ, и повсюду людей судьба трогаетъ сердце!
 Страхъ удали: эта слава тебѣ обѣщаетъ спасеннѣ!
 Такъ говорить, и картинками тщетными душу пугаетъ,
 Часто стена и обильнымъ слезъ токомъ лице орошая.
 Здѣсь представлялось, какъ въ битвѣ вокругъ стѣнъ Пергама
 Съ поля бѣжали и ихъ молодежь Троянскія гнала, (тамъ Греки
 Тамъ Фригійцы, за ними Ахилъ въ своемъ племѣ косматомъ.
 Неподалеку отголъ узнаетъ онъ по бѣлымъ занемамъ
 Реза шатры, что въ первомъ предательскомъ снѣ вровожадный
 Сынъ Тидея опустошилъ безпощаднымъ убійствомъ,
 Пылавихъ коней въ станѣ угнавъ, пока еще тѣ не успѣли

Пасынцѣ Троянскихъ вкусить и водѣ изъ Ксанта отвѣдать.
 Здѣсь, съ другой стороны, бѣгуцѣ Троянъ, безъ доспѣховъ,
 Отрокъ злосчастный, вступившій въ неравную битву съ Ахилломъ:
 Коня несутъ; къ полесницѣ пустой прицѣпленный навзничъ,
 Держитъ бразды онъ еще; волосъ и шея влачатся
 Долу; копье обращенное чѣртитъ летучій прахъ поля.
 Далѣ онъ видитъ илущихъ къ храму враждебной Паллады
 Женъ Иліонскихъ: власы распустивъ, въ даръ несутъ онѣ ризу,
 Скорбно-молчалива, въ перси себя удара руками;
 Лицъ отративъ, богиня въ землю очи ввергаетъ.
 Тамъ, провлачивъ вокругъ стѣнъ Иліонскихъ Гектора грѣзды,
 Трупъ бездушный его Ахиллесъ продаетъ цѣной злата:
 Тяжкій вздохъ изъ груди прародитель Эней испускаетъ,
 Виля доспѣхъ, колесницу и тѣло самое друга,
 И безоружныя длани простершаго старца Приама.
 Онъ и себя узнаетъ адъсь въ толпѣ полководцевъ Ахейскихъ,
 И оружіе чернаго Мемнона въ ратахъ Эойскихъ.
 Вотъ и густыя толпы Амазонокъ, съ щитомъ луновиднымъ,
 Пентезилея ведетъ, и средъ тысячъ сверкаетъ люто:
 Поле златой подвязавъ подъ открытую грудь, герония
 Мчится впередъ и дерзаетъ съ мужами соперничать, дѣва!

Временомъ тѣмъ какъ Дарданецъ Эней созерцалъ чудеса тѣ,
 Въ оцѣпенѣннѣ, какъ вкопанный, взоромъ недвижнымъ прильнувъ
 Къ храму царица жена красоты несравненной подходитъ къ намъ,
 Въ сопровожденнѣ великой толпы молодежи Тирійской.
 Какъ по Эвротѣ брегамъ, изъ по Цента холмистымъ вершинамъ.

Хоры Диана предводитъ; за нею тысячами слѣдомъ
 Здѣсь и тамъ Ореды кружатся; она-же, закинувъ
 За-плеча туль свой, илеть и всѣхъ прочихъ богинь превъшаетъ;
 Тайною ибгою тихо колеблются перси Латоны:
 Такъ и Дидона теперь, такъ шла она, съ ликомъ веселымъ,
 Между толпы, ускорая труды и грядущее шартство.
 Вотъ предъ дверями богини, подъ среднимъ куполомъ храма,
 Сѣла она, окруженная стражей, на тронѣ высокомъ:
 Судь и расправу творила мужамъ, и труды по работамъ
 Поровну имъ раздѣляла сама, или жребій бросала.
 Тутъ, везанца, Эней, среди несмѣтливой толпы подходящихъ,
 Видитъ Автея, Сергеста и храбраго мужа Клоанта,
 И Тройницею другихъ, конь по-морю черная бура
 Врозь разбросала и къ разнымъ брегамъ невѣстнымъ приблила.
 Чуду дивится Эней, дивится Ахатъ, пораженный
 Чувствомъ веселья и страха: горять нетерпѣньемъ съ друзьями
 Руки они съединить; но безвѣстность умы ихъ смущаетъ. (ни
 Скрывъ свой восторгъ, они прежде хотять въ своей облачной тка-
 Участь развѣдать друзей; узнать: гдѣ суда ихъ остались?
 Что привело ихъ сюда? Потому-что лишь избранныхъ съ флота
 Зрѣли они шумно шедшихъ къ храму съ мольбой о пощадѣ.

Послѣ-какъ Тевкры вошли и имъ представили слово,
 Платоней, старѣйшій межъ нихъ, началъ съ духомъ спокойнымъ:
 «О царица, которой далъ Юпитеръ городъ воздвигнуть
 И правосудьемъ смирить сердца свирѣпыхъ народовъ!
 Мы, злополучные Тевкры, влачимые по морю бурей,

Молимъ тебя: отвори отъ судовъ нашихъ грозное пламя;
 Доблестный родъ пощадь и взгляди въ наше бѣдствіе ближе!
 Мы не пришли мечемъ разорать Ливійскихъ Пенатовъ,
 Или за тѣмъ чтобы добычи набравъ, отвезти ее въ домы.
 Нѣтъ такой сдѣлы въ душѣ, нѣтъ гордости той въ побѣжден-
 Есть сторона — Гесперіей Греки ее называютъ — (ныхъ.
 Древній край, могучій оружіемъ и почвы обильемъ: (ли —
 Тамъ жглы Энотрскій народъ; потомки-жь ихъ — носятса слу-
 Дали название Италиі ей, по имени князя.
 Въ край тотъ стремился нашъ бѣгъ.... (Оріонъ,
 Варугъ между-тѣмъ возставшій съ волненіемъ дождливый
 Къ мелямъ насъ скрытымъ принесъ, и бурнымъ полуденнымъ
 Мча средъ возставшихъ зыбей, по волнамъ и камнямъ неприступ-
 Врозь размѣталъ: мы, немногіе, вашего берега достигли! (вымъ,
 Но что за родъ здѣсь людей? Какая страна допускаетъ
 Лютой обычай такой? Радужно беретъ затворенъ,
 Брань князь и ступить воспанаецъ на первый край суши.
 Если ужъ вы не страшитесь людей и оружія смертныхъ,
 Знайте: безсмертные помять равно неправду и правду.
 Нашимъ царемъ былъ Эней, котораго по правосудью,
 По благочестью, войнѣ и оружію, не было выше.
 Если судьбы сохраняють его, если дышетъ воприымъ
 Воздухомъ онъ, и доселѣ еще не сошелъ къ мрачнымъ тѣнямъ,
 Не сомнѣвайся: ты не расклевься, первая сдѣлавъ
 Намъ одолженіе! Есть города и въ странахъ Сикулійскихъ,
 Есть и оружіе и славный Ацестъ отъ крови Тройской.

Пусть-же дозволить вестн разбитый вътрами флотъ нашъ,
 Балокъ въ лѣсахъ для суловъ нарубить и вѣсла исправить, (ами
 Съ тѣмъ чтобъ, коль будетъ даво, съединяся съ вождемъ и друзъ-
 Путь продолжать намъ, мы прибыли въ Лациумъ, съ сердцемъ весе-
 Если-жъ спасеніи нѣтъ, и тебѣ, отецъ Тевкромъ почтенный, (лыми;
 Волны Ливійскія взяли, похитивъ надежду Тула, (шамъ,
 Мы-бы могли хоть въ заливъ Сикавійскій, къ готовымъ жи-
 Въ мѣсто, откуда пришли, къ Агесту царю возвратиться. »
 Такъ говорить; и ропотъ глухой пробѣгаетъ мгновенно
 Дарданъ ряды.....

Кратко на это, сляонившись челоюъ, отвѣчаетъ Диона:
 — «Страхъ изъ сердець изгоните, Трояне! покиньте заботы!
 Тяжкая нужда и новость царства мѣня побуждаютъ
 Въ мѣраиъ такимъ; я должна ограждать предѣлы всѣ стражей.
 Кто Энеева рода, кто города Трои не знаетъ?
 Доблестныхъ дѣлъ, и мужей, и ужасовъ грозной войны той?
 Мы, Нунионы, не носимъ въ грусахъ сердець столь холодныхъ:
 Нѣтъ! не такъ далеко ужъ отсель Фебъ коней запрягаетъ!
 Знайте-жъ: къ Гесперию-ль путь вашъ лежитъ и къ полямъ Сатур-
 (війскимъ,

Или къ предѣламъ Эриконию, къ царю Сивулійцевъ Агесту.
 Я васъ сохранныхъ отсель отпущу и пособіе дамъ вамъ!
 Или хотите, вмѣстѣ со мной, въ этотъ царствѣ остаться?
 Городъ, который я строю, будь вашимъ! Суда навлекайте!
 Между Тирійцемъ и Тевкромъ у насъ да не будетъ различья!
 О, если-бъ, тѣмъ-же санымъ Потомъ прибитый, былъ здѣсь-же

Самъ царь Эней! Я точно по брегамъ разошлю людей върныхъ
 И новелю осмотрѣть лавійшія Ливіи части: (иль веслахъ!) —
 Можетъ-быть, моремъ изверженный, бродить въ лѣсахъ онъ,

Рѣчью такой ободренные вновь, и Ахатъ благородный,
 И прародитель Эней, съ нетерпѣньемъ желали разторгнуть
 Облака туманъ. Вотъ первый Ахатъ къ Энею воскликнулъ:
 — Смыслъ богини! какая теперь мысль твой умъ занимаетъ?
 Въ тишости видишь ты все: и суда и друзей возвращенныхъ;
 Нѣтъ одного лишь, котораго видѣли мы поглощеннымъ
 Яростью волнъ: остальное согласно съ словами богини! —
 Только онъ это сказала, какъ туманъ, окрестъ ихъ разлитый,
 Вдругъ раздался, и въ чистый эфиръ разрѣшася, исчезнулъ.
 Взорами явился Эней, блестящій средь свѣта дневнаго,
 Богу подобный лицомъ и всѣмъ станомъ: ему сама мать
 Прелесть — въ мягкіе кудри, въ лавиты — блескъ пурпуровой
 Юности первой, а въ очи — веселости пламя вдохнулъ.
 Такъ украшаетъ художникъ слоновую кость, такъ блистаетъ
 Камень паросскій, или серебро въ оправѣ изъ золота.

Вотъ обратился къ царицѣ, вожланый никѣмъ, вождь Троянскій
 Такъ вдругъ воскликнулъ: — «Тотъ, кого ищете вы — передъ вами!
 Я — Троянецъ Эней, отъ волнъ Ливійскихъ спасенный!
 Ты-жъ, что одна, всесказаннымъ Тронъ бѣдамъ сострадая,
 Насъ, остатокъ Даванцевъ, во суши и морю прешедшихъ
 Всѣ перемены судьбы и во всемъ недостатокъ терпѣвшихъ, (ностъ
 Въ городъ и домъ свой пріемлешь! Достоинно водата благодар-

Мы не въ силахъ, Дидова, тебѣ! и никто, гдѣ-бъ онъ ни былъ,
 Изъ всего рода Дарданъ, разсѣянныхъ въ мѣрѣ обширномъ!
 Боги—(коль есть божества, покровители добрыхъ, коль въ свѣтѣ
 Есть справедливость еще)—и собственной совѣсти голодъ
 Да воладутъ тебѣ должную маду! О, какой столь счастливый
 Вѣкъ тебя породилъ? Кто тѣ, отъ кого ты родилась?
 Пусть, доколь въ море потоки бѣгутъ, доколь тѣни деревьевъ
 Горъ осѣняютъ верхи, доколь полнось звѣзды питасть —
 Вѣчными честь и хвала и имя твое пребываютъ,
 Гдѣ-бы я ни былъ, куда-бъ ни позвали меня!» — Такъ сказавши,
 Пятою десною беретъ, а лѣвой Сергеста;
 Прочихъ потомъ — героя Гяна, героя Клоанта.

Поражена сперва видомъ Энея, потомъ его жребьемъ,
 Рѣчь такую парина Сидонякъ къ нему обратила:
 — «Что за судьба, сынъ богини, чрезъ столько опасностей явилъ
 Гонить тебя? Что за сила тебя къ грознымъ скѣламъ приносить?
 Ты не тотъ-ли Эней, котораго мать Венера
 Близъ Симонсовыхъ водъ родила Дарданцу Анхису?
 Я еще помню, какъ Тевкръ, отъ предковъ родимъ съ гонимый,
 Въ городъ Сидонъ приходилъ, ища себѣ новое царства
 Съ помощью Бега. Родитель мой Бегъ покарнулъ въ ту годину
 Кипръ плодоносный и царствовалъ въ немъ по праву побѣды.
 Съ тѣхъ еще поръ мнѣ извѣстными стали и горькая участь
 Града Троянъ, и имя твое, и владыки Пеласговъ.
 Самъ врагъ Тевкровъ ихъ возносилъ похвалою высокой
 И себя выводилъ отъ древняго Тевкрскаго рода.

Смѣло-же, юноши, къ намъ, подъ наши кровы входите!
 Жребій подобный хотѣлъ, чтобы и я, претерпѣвшая столько
 Бѣдствій въ мой вѣкъ, напоследокъ на этой землѣ основалась.
 Горе сама испытать, помогать несчастливцамъ учусь я.»

Такъ говоритъ, и Энея ведетъ съ собой къ царскимъ чертогамъ,
 Въ то-же время велѣвъ приносить въ храмахъ божескихъ
 (жертвы....

(Съ латинскаго) М. де-Ларю.

==

НА РАЗЛУКУ СЪ РОДИНОЮ.

=

Опять — прости! — Родное слово,
Земнаго страствія залогъ,
Слетѣть изъ устъ моихъ готово:
Надежда — посохъ, спутникъ — Богъ!...
Какое странное волненье
Незванныхъ думъ въ моей груди...
Къ чему-то дальнему стремленье,
Узнать, что скрыто впереди...
Тоска по царственной природѣ! —
Подъ веродныя небеса,
Сродниться съ музою на свободѣ
Бѣгу въ привѣтныя лѣса,
Ихъ стѣны была мнѣ такъ знакома,

Гдѣ дружба избранныхъ людей
Мы успокоимся какъ дома,
Въ тиши возлюбленныхъ полей.
Вдали отъ суетнаго шума,
Непринужденна и вольна,
Полюбїи моя созрѣетъ дума,
Дочь поэтическаго сна!...

Тамъ будетъ, чѣмъ ее навѣять
На-долго въ грудь и на чело;
Тамъ можетъ жизнь меня лелѣять,
Гдѣ будетъ милымъ мнѣ тепло!...
А здѣсь — я даромъ чувства трачу
На безотзывныхъ, какъ гранитъ:
Кто мной въ столицѣ дорожитъ?
А я немногихъ въ ней оплачу,
Немногихъ вспомню отъ души!
Одной семьей не опустѣетъ
Огромный городъ; а въ тиши
Эдемъ укромный возлюбитъ
Не лишней гостьею глуши! —

Моя любимая стихія —
Прости — быть-можетъ на всегда! —
Стекло безоструйнаго пруда
Замѣнитъ волны дорогія!..

О море, море! Что за страсть
Къ твоимъ зыбямъ владѣть мною?
Какъ неизмѣнна надъ землею
Твоя таинственная власть! —
Блаженъ, кто тишь и бурю вѣдалъ
На влагѣ царственной твоей!...
Знать духъ отца мнѣ зановѣдалъ
Любовь къ опасностямъ и къ ней.
Когда тѣхъ волнъ раздолье видѣть
Свободно можетъ бѣглый взоръ,
Боюсь, глядя на ихъ просторъ,
Земное все возненавидѣть.
Но воля праведныхъ небесъ
Меня съ роднымъ разлучитъ моремъ,
И помирить съ землею и горемъ
Меня чужой любимый гѣсь.
Судьба — что хочетъ предназначить
На дни градуще мои —
Я знаю горько не оплачетъ
Никто потерянной семьи;
Вичья отъ сердца укоризна
Не остановить на пути...
Прими-жь, гранитная отчизна,
Мое невольное прощанье! —

Евгасста Шахова.

ПРИЗВАНІЕ.

=

Явись къ намъ, Господи, явись!
Создатель! покажись созданью,
Передъ дѣтьми разоблачись
И положи конецъ страданью!

Оставь Свой мечъ, оставь перуны,
Прости съ любовью къ дѣтямъ руки:
Мы, какъ слетѣвшіе со струнъ
Давно разсланные звуки,

Другъ-другу чужды и Тебѣ,
По дѣбрямъ носимся въ пустынь:

Усвой разсѣянныхъ Себѣ,
Сбери насъ во Своей святинѣ...

Оставь Свой судъ, будь ласковъ къ намъ,
Надъ вашей сжалившись судьбою;
Дозволь принадлежать къ Твоимъ стопамъ,
Дай намъ поговорить съ Тобою!

Какую повесть грустныхъ лѣтъ
Тебѣ Твои расскажутъ дѣти!
Съ-тѣхъ-поръ какъ Твои угаснулъ свѣтъ,
Насъ облегли бѣды и сѣти!

Создатель неба! Отпахни
Покровъ высотъ Твоихъ лазурныхъ,
И на несчастныхъ насъ взгляни,
Плавнень въ водоворотахъ бурныхъ....

Мы растеряли парусъ,
И руль и снасти растеряли,
Съ-тѣхъ-поръ какъ тишь и небеса
На мракъ и бури промѣнади.

Стуча ледяни о скалы,
На шумномъ кипятъ волненья,
Мы, средь роптаній и хулы,
Скользимъ къ сомнѣнью отъ сомнѣнъя....

Но что Тебѣ, о Боже силъ!
Хулы, и вопли, и сомнѣнья?
Земля рабѣетъ отъ могилъ,
Могилы просятъ отверзенья!..

Уже ворочаются въ нихъ
Отбывшихъ поколѣній кости;
Къ нимъ снала вѣсть съ небесъ Твоихъ,
Что Ты придешь къ намъ, Боже! въ гости!..

Приди-же къ намъ, дай неба намъ!
Пролей на насъ живую росу!
Мы всѣ къ Тебѣ; къ Твоимъ стопамъ
И смерть свою положить косу...

©. Глинка.

ОТДЫХИ ЖИЗНИ.

НОЧЬ, ЗИМА, СОНЪ И СМЕРТЬ.

=

Маякъ съ повременными затмѣніями — вѣрный образъ земной жизни. Вездѣ эпохи отдыха прерываютъ бытіе по закону точному и неизмѣнному. Въ этѣ таинственныя субботы совершается вознагражденіе силъ, похищенныхъ дѣятельностію часовъ, имъ предшествовавшихъ; происходитъ возрожденіе путями сокровенными.

Посмотрите вокругъ себя въ концѣ жаркаго дня: вездѣ вамъ представится упадокъ жизни. Вечеромъ

воздухъ не имѣетъ утраченной живительной свѣжести; растенія и животныя представляются утомленными; все жаждетъ покоя, средствъ возобновить утраченныя силы. Тогда покровъ мрака одѣваетъ мертвящее лице земли и въ таинственной лабораторіи природы начинается дневной процессъ возстановленія. Время суточного отдыха скоро приходитъ къ концу; въ опредѣленную часть дыханіе утра свѣваетъ завѣсу ночи, и мы съ изумленіемъ смотримъ на красоты жизни, обновленной способомъ быстрымъ и неостыжимымъ.

Ночь не одно отсутствіе свѣта; ея владычество измѣняетъ дѣйствіе всѣхъ силъ земныхъ. Это доказываетъ тѣлесный составъ нашъ, сильно чувствительный къ вліянію теплоты, магнетизма и электричества: болѣзни усиливаются по заходженіи солнца, и у самыхъ здоровыхъ людей ночью первыя бывають раздражительнѣе нежели днемъ *. По мнѣнію Гуфланда и другихъ знаменитыхъ врачей, съ наступленіемъ вечера въ тѣлѣ человѣческомъ открывается небольшая лихорадка: въ полночь — высшая степень этого суточного припадка;

* Боргавъ зналъ одного человѣка очень храбраго, который ночью дѣлалъ робинимъ; шумъ, стукъ — все его пугало, въ то время когда солнце находилось надъ горизонтомъ. Кто изъ насъ не встрѣчалъ людей, которые ночью ни-за-что не останутся одни въ слабоосвѣщенной комнатѣ?

бодрость и восстановление силъ — его послѣдствія. Одержимые имералою каждую ночь лишаются зрѣнія, и по восхожденіи солнца вновь начинаютъ видѣть; глаза ихъ, ясно различающіе всѣ предметы при свѣтѣ дневномъ, нечувствительны къ свѣту искусственному. Демуръ приводитъ много любопытныхъ примѣровъ этой странной болѣзни.

Утраченное днемъ не возвращается однако ночью во всей полнотѣ; отъ каждаго сутокъ остаются малая недоплата; ихъ совокупность образуетъ наконецъ недостатокъ чувствительный. Тогда къ кратковременнымъ отдыхамъ присоединяется отдыхъ болѣе продолжительный, ежегодный. Природа, утомленная дѣятельностію трехъ временъ года, падаетъ въ объятія зимы и предается временной смерти. Тогда ея покровъ могильный — алмазная ткань снѣга и воздушная пелена тумановъ; пѣсами надгробными ей служатъ шумъ дождя и завываніе вѣтровъ. Зимой жизни деревъ только въ глубинѣ ихъ вѣтвей и стволовъ; растенія однолѣтнія, превратясь въ сѣмена и корни, отдыхаютъ тогда въ житницахъ или на поляхъ подъ слоемъ земли. Силы организма и силы веществъ неорудныхъ претерпѣваютъ съ наступленіемъ зимы замѣчательныя измѣненія. Многія изъ этихъ измѣненій опредѣлены наукою; другія ждутъ ея испытательнаго взгляда. Страшны

и величественны явленія, окружающія ежегодную могилу естества. Надъ нею горятъ огни сѣвернаго сіянія, бушуютъ мители и низвергаются водопады тропическихъ дождей. Все, что зимою сохраняетъ жизнь, должно скрываться въ убижищахъ ограниченныхъ: природа хочетъ наложить печать тайны на дѣйствія, которыми совершаетъ обновленіе жизни, и удаляетъ отъ нихъ свидѣтелей.

Кромѣ зимы и ночи, вѣроятно, природа имѣетъ періоды отдыха болѣе продолжительные. Какъ распредѣлены они во времени, неизвѣстно; по ихъ слѣды замѣтны. Страны, производившія тропическихъ животныхъ и растенія свойственныя жаркому климату, страны, усыяныя костями мамонтовъ и обломками окаменѣлыхъ пальмъ, покоятся теперь подъ одеждою снѣговъ; а земли, которыя вкусили отдыхъ подъ лопомъ волнъ морскихъ, питаютъ многочисленныя произведенія царствъ растительнаго и животнаго. Сибирь и окрестности Одессы могутъ служить подтвержденіемъ этихъ замѣчаній. Военачальникъ будитъ въ извѣстное время часовыхъ отдохнувшихъ и отсылаетъ къ покою бодрствовавшихъ: такъ поступаетъ и природа. Всегда часть ея живетъ, готовясь къ отдыху, а другая отдыхаетъ, готовясь къ новой жизни. Можетъ-быть и неурожайные годы принадлежать къ

естественнымъ эпохамъ отдыха. Есть какая-то правильность въ ихъ возвратѣ, опредѣленная мѣра въ продолженіи рядовъ или образуемыхъ. Во многихъ частяхъ Россіи народъ думаетъ, что періодъ засухъ и скудныхъ жатвъ состоитъ изъ семи лѣтъ. Мнѣніе это имѣло защитниковъ между писателями по-части наукъ естественныхъ. Оно можетъ опереться на исторію: голодъ, предсказанный Іосифомъ, опустошалъ Египетъ въ теченіе семи лѣтъ.

У Евреевъ былъ годъ субботній, возвращавшійся чрезъ каждые шесть лѣтъ, а послѣ сорока-деяти лѣтъ наступалъ юбилей. Нѣчто подобное этимъ періодамъ встрѣчаемъ въ соицескомъ или каникулярномъ періодѣ Египтянъ.

Ночь, зима и другія эпохи отдыха, должны будутъ наконецъ уступить мѣсто великой субботѣ, названной въ твореніяхъ Святыхъ Павла и Іозина. Послѣ этой субботы, дальнѣйшіе періоды покоя сдѣлаются ненужными. Тогда жизнь полетѣтъ токмо непрерывнымъ: тогда будетъ Богъ все во всемъ.

Существа, одаренныя жизнью, имѣютъ суточный періодъ покоя. Каждую ночь сонъ возобновляетъ ихъ утраченныя силы. Самыя растенія вкушаютъ отдыхъ въ опредѣленные минуты. Нѣкоторые любители садо-

водства составляли даже цвѣточныя часы вѣрно показывавшія ходъ времени*.

Мы всегда удивляемся бездѣлкамъ рѣдкимъ, и оставляемъ безъ вниманія любопытные предметы, ежедневно находящіеся у насъ предъ глазами. Такъ наука, преслѣдовавшая иногда до излишнихъ подробностей

* Вотъ списокъ растеній, изъ которыхъ составляются цвѣточные часы.

Поутру развѣтвляють и раскрываются:

- отъ 3 до 5 час. — луговой козлобородникъ (*tragon pratense*).
 — 4 — 5 — — кульбаба (*argyria tupeosa*),
 зѣбеголовый горьчакъ (*pieris echiodis*),
 дикій цикорій (*cichorium intybus*),
 крышечная скерда (*crepis tectorum*),
 обыкновенный одуванчикъ (*leontodon taraxacum*),
 маслянистый осотъ (*sonchus oleraceus*).
 — 4 — 6 — — красивый козелецъ (*scorzonera tingitana*).
 — 5 — 6 — — выюнокъ (*convolvulus sepium*),
 астребинка (*hieracium sabaudum*),
 зонтикообразная астребинка (*hieracium umbellatum*).
 — 6 — 7 — — стѣпная астребинка (*hieracium microgum*),
 красная скерда (*crepis rubra*),
 полевой осотъ (*sonchus arvensis*),
 болотный осотъ (*sonchus palustris*),
 садовый латукъ (*lactuca saliva*)
 бѣлая водяной кувшинчикъ (*nympheaea alba*).

многія неважныя явленія, долго забывала о состояніи, въ которое приходитъ человекъ во время сна. А оно чудно, непостижимо! Люди, говорящіе, дѣйствующіе часть сутокъ, въ продолженіе остальныхъ часовъ это—

- отъ 7 до 8 час. — притупленная астребинка (*hieracium praemorsum*),
 пестрый назникъ (*hyrochaeris maculata*),
 мохнатая астребинка (*hieracium pilosella*),
 полевой курордѣшникъ (*anagalis arvensis*),
 — 7 — 9 — — полевой ноготокъ (*calendula arvensis*),
 — 8 — 10 — — обыкновенный портулакъ (*portulacca oleracea*),
 красная песчанка (*arenia rubra*),
 дяликъ кристаллическій (*mesembryanthemum cristallinum*),
 — 10 — 11 — — дяликъ языкообразный (*m. linguiforme*),
 дяликъ колѣчатый (*m. nodiflorum*),
 макъ голостебельный (*papaver nudicaule*),
 краснодневникъ желтый (*hemerocallis flava*).

Послѣ полудня развиваются:

- отъ 5 часовъ — красный чудоцвѣтъ (*mirabilis jalappa*),
 — 6 — — скучный анстиникъ (*pelargonium friste*),
 — 9 до 10 — — безпоякой большецвѣтнй (*cactus grandiflorus*).

По утру закрываются:

- отъ 8 часовъ — обыкновенный одуванчикъ,
 — 9 до 10 — — дуговой козлородникъ,
 красный козлецъ,
 садовый латукъ.

го періода лежать распростертыми безъ чувствъ, безъ движенія; тяжесть дѣйствуетъ на нихъ, какъ на предметы неодушевленные; на ихъ лицахъ является выраженіе отличное отъ чертъ видимыхъ во время бдѣ-

- отъ 10 до 12 час. — дикій цикорій,
 полевой осотъ,
 до 11 — — шафраноцветный козлородникъ (*tragozon e-cifolium*),
 — 11 — 12 — — маслянистый осотъ,
 — 12 — — альпійскій осотъ (*tonchus alpinus*).

Послѣ полудня закрываются:

- до 1 часъ, — каролинская мальва (*malva caroliniana*),
 отъ 1 до 2 — — зонтикообразная астребинка,
 красная шерда,
 — 2 — — амѣголовый горячакъ,
 стѣшная астребинка,
 притупленная астребинка,
 пестрый назникъ,
 — 2 — 3 — — красная песчанка
 — 3 — — кульбаба,
 полевой курордѣшникъ,
 полевой ноготокъ,
 — 3 — 4 — — голостебельный макъ,
 вѣтвистый паучникъ (*anthericum ramosum*),
 — 5 — — астребинка,
 — 7 — — кульбаба осенняя (*apargia autumnalis*),
 бѣлый водяной кушничникъ,
 краснодневникъ желтый.

нія и во многихъ случаяхъ достойное кисти художника. Духовная сторона человѣка претерпѣваетъ во время сна еще большее измѣненіе. Тогда мысли и чувства — какъ разорванное и въ новомъ порядкѣ снзанное ожерелье. Законъ ихъ союза иль уложенія, правящаго обыкновеннымъ сочетаніемъ понятій. Въ головѣ спящаго части пространства и времени переѣшиваются: мы видимъ мѣста отъ насъ удаленныя: прошлое, можетъ-статься и будущее — кажутся настоящимъ. Кто вычислить всѣ изображенія этого чуднаго калейдоскопа?

Въ природѣ вездѣ стройность и согласіе. Образованіе сновидѣній должно слѣдовать закону правильному. Не зная этого закона, мы видимъ одну запутанность тамъ, гдѣ вѣроятно царствуетъ величайшій порядокъ. Не такими-ли глазами недавно смотрѣли на переѣмны атмосферическія, на исторію самую? Труды сильныхъ умовъ заставили науку хотя тускло видѣть правильность въ явленіяхъ метеорологическихъ, мудрый планъ въ событіяхъ. Вѣроятно, придетъ время, когда лучше узнаютъ и тотъ міръ, въ который человѣкъ погружается во время сна.

Вотъ краткая выписка изъ главныхъ мнѣній о сновидѣніяхъ:

1. Сонъ бываетъ трехъ родовъ: естественный, лунатическій и магнитный.

2. Всѣ душевныя способности во снѣ дѣйствуютъ повидимому слабѣ нежели на-яву, кромѣ памяти и особенно воображенія, которыя у спящаго человѣка пріобрѣтаютъ боольшую силу*. Изъ нравственныхъ ощущеній, встрѣчающихся въ сновидѣніяхъ, самое частое — страхъ.

4. Между сновидѣніями встрѣчаются пророчательныя: въ такомъ случаѣ будущія происшествія являютъся въ видѣ образовъ, служащихъ иногда точными снимками, иногда символами этихъ происшествій.

5. Въ образахъ сновидѣній есть кака-то иронія, кака-то прямая противоположность съ происшествіями, подъ вліаніемъ которыхъ они по-видимому образуются: отсюда народное повѣрье, что сны должно изъяснять значеніемъ обратнымъ.

6. Собесѣдники, видимые во-снѣ, обыкновенно слушаютъ, но почти никогда не отвѣчаютъ.

* Кассиръ одного торговаго дома въ Лондонѣ выдавалъ деньги по разнымъ векселямъ и документамъ. Въ числѣ получателей случился человекъ, который хотя стоялъ позади прочихъ, но-требовалъ скорой уплаты. Желая скорѣе отвязаться отъ безпокойнаго кредитора, кассиръ бросилъ ему деньги и забылъ отмѣтить выдачу. Приходитъ конецъ года; счета не сходятся; забытая сумма иѣшается ихъ равновѣсію. Утомленный неоднократными повѣрками, кассиръ засыпаетъ надъ книгою и, о радость! во-снѣ видитъ всю сцену, въ которой онъ сдѣлалъ выдачу безъ отбѣтки. На другой день счета были исправлены. (*Revue Britannique*, 1837).

7. Человѣкъ видитъ иногда во-снѣ съ величайшею вѣрностію то, что происходитъ въ дальнемъ отъ него разстояніи *.

8. Человѣкъ не можетъ спать безъ сновидѣній, потому-что дѣйствія души безпрерывны; но когда сонъ глубокъ, то мы непомнимъ видѣннаго въ этомъ состояніи. Намъ мало извѣстны сны полуночныя; мы помнимъ болѣею-частію грезы вечернія и утреннія, когда сонъ еще не достаточно глубокъ.

9. Звуки во-снѣ слышатся рѣдко; ошущеніе запаховъ не входитъ въ составъ сновидѣній, если не общается извнѣ.

Человѣкъ, приближающійся къ совершенству, подобенъ золотой арфѣ, изъ которой всякое движеніе воздуха извлекаетъ стройные звуки. Въ умѣ такого человѣка, на-яву сіяютъ свѣтлыя мысли, во-снѣ рисуются изящные образы. Страсти, излишества и пороки, возмущая душу, разстроивая нервы, придаютъ сновидѣніямъ характеръ чудовищности **; но этотъ харак-

* О снахъ естественныхъ, магнитномъ и лунатическомъ, много написано любопытнаго у Прохаски, Клуго и Челессе; прочія замѣчанія извлечены мною изъ разныхъ писателей (въ томъ числѣ изъ Вальтеръ-Скотта) и народныхъ повѣрій.

** Маркиза де К. въ запискахъ своихъ разсказываетъ объ одномъ ужасномъ кошмарѣ, который долго протаялся въ мѣ сред-ствамъ нравственнымъ и физическимъ. Больная, страдавшая этимъ

теръ также имъ несвойственъ, какъ безпорядокъ и запутанность несвойственны всѣмъ дѣйствіямъ душевнымъ. Жизнь духа во время сна должна служить правильнымъ дополненіемъ къ дѣйствіямъ мыслящей способности на-яву, содѣйствовать ея развитію и обогащенію.

Сонъ, пища, животворное вліяніе стихій, правила врачебнаго искусства — ничто не можетъ однако измѣнить приговора прогремѣвшаго надъ родомъ человѣче-

кошмаромъ, видѣла во-снѣ свою спальню. Она лежала на постелѣ; въ каминѣ горѣлъ огонь; алая раздавался отвратительный кашель. Вдругъ изъ сосѣдней комнаты выходилъ безобразный карлъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, одѣтыхъ въ черное платье; грузна эта подходила къ камину. У карла начинался тотъ кашель, который сначала былъ слышанъ издали; сопутники его совѣтовались по-видимому, чѣмъ лечить страдающаго. Консціумъ оканчивался тѣмъ, что по знаку одного изъ незваныхъ гостей больную стаскивали съ постели на полъ. Тутъ начиналась престранная сцена. Больной растворяли ротъ и набивали желудокъ грудными травами; потомъ туал-же черезъ воронку дали воду. Ясно было, что больную избирали вмѣсто чайника для приготовленія лекарственной настойки отъ кашля. Но какъ питью нужно было теплое, то ее тащили къ камину и бросали въ огонь. Она чувствовала нестерпимый жаръ; дымъ прерывалъ ея дыханіе. Наконецъ она просыпалась. На слѣдующую ночь кошмаръ повторился со всѣми подробностями. Въ немъ самыми тагостными минутами были концы вѣреки, когда происходило наполненіе желудка травами. Въ это время больная чувствовала сильное стѣсненіе въ горлѣ.

скимъ. Приходить время, когда источникъ нашей жизни иссушается до послѣдней капли; тогда наступаетъ для насъ новый періодъ покоя: этотъ періодъ носитъ страшное названіе смерти. Долгота и свойства сна гробоваго — тайны непроницаемыя: но, подобно сну естественному, онъ не остановитъ дѣйствій душевныхъ; подобно ему, онъ будетъ имѣть конецъ*. Вотъ сладкое убѣжденіе внушаемое вѣрою! Наступитъ послѣдній день, и усопшіе оживутъ. Тогда, по словамъ Писанія, *земля, море и адъ отдадутъ мертвецовъ своихъ*. Тогда долгая, слезная драма земнаго бытія человѣческаго закончится страшною сценою суда нелицепріятнаго. Тогда сонъ, ночь, зима и смерть, уничтожатся, какъ орудія безполезныя. Вѣчное царство Бога живыхъ не будетъ имѣть нужды въ періодахъ отдыха.

П. Морозовъ.

* Сонъ давно называется подобіемъ смерти. Изъ этого подобія можно вывести много утѣшительныхъ заключеній. Сонъ поражаетъ одно тѣло; дѣйствіемъ его жизнь духа не прерывается, а только принимаетъ новый видъ. Такъ и смерть не должна прервать дѣйствій духа, а открыть предъ нимъ новый міръ дѣятельности. Сонъ оканчивается пробужденіемъ; подобнымъ образомъ кончится владычество смерти. Сладка минута перехода отъ бѣдъ ко сну; подобную сладость должно имѣть мгновеніе перехода въ вѣчность, когда муки кончины смѣняются ея торжественнымъ покоемъ.

ПѢСНЬ ПѢВЦА

ЗАКЛЮЧЕННЫМЪ ДѢВАМЪ.

изъ волшебной поэмы э. шульце:

« И Ц Е П С Я Д И И . И И Я И »

Въ предѣлѣ дальномъ,
Въ горѣ глубоко,
Гдѣ вагъ потока
Бьетъ подъ землею,
Въ пѣту печальномъ
Люби свѣтло

Блестить уныло
Сквозь мракъ густой.

Глухому своду
Алмазь вручился;
Въ затворѣ скрылся
Кумиръ сердець:
Блеснетъ народу
Сей кладъ прекрасный,
Украститъ ясно
Царя вѣнецъ.

Свой ревъ поднимаютъ
Пучины моря,
Съ грозою спора,
Въ порывахъ злыхъ:
Но въ кельяхъ дремлютъ
Тамъ перлы и жнны;
Моря мятежны
Не будятъ ихъ.

Цвѣтеть въ лазури
Жизнь молодая;
Къ намъ, оживляя,
Лучъ не сойдетъ.
Бушуютъ бури
Надъ глубиою скрытной;

Гробъ нашъ гранитной
Громъ не пробьетъ.

Погодитесь, дѣвы!
Сонъ вамъ безпечной!
Пусть въ ночи вѣчной
Вамъ снится свѣтъ!
Летать напѣвы
Въ глушь подземелья,
Звучать ущелья
Иѣцу въ отвѣтъ.

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА ОНУ им. И.И. МЕНДИКОВА

Я голосъ слышу твой, когда, рѣзаясь, струя
 У берега въ камышахъ съ журчаньемъ раздробится;
 Къ шагамъ твоимъ въ саду прислушиваюсь я,
 Когда и листикъ розъ въ тиши не шевелится....

Я голосъ слышу твой!

Гдѣ-бы ни былъ ты, повсюду я съ тобой,
 И ты всегда при мнѣ, какъ ангелъ легкомысленный;
 Душа твоя навѣкъ слизлась съ моей душой,
 Однимъ тобой дышу, и на краю могилы
 Клянусь тобой дышать!

П. Свободенскій.

РОМАНСЪ.

ПОДРАЖАНІЕ ГЕТЕ.

Мечтаю о тебѣ, тобой душа полна,
 Когда свѣтло дня пылаетъ на востокѣ,
 Когда изъ облаковъ задумчиво дуна
 Глядится въ трепетномъ, сверкающемъ потоке....

Мечтаю о тебѣ!

Тебя лишь вижу я, тебя взоръ ищетъ мой,
 Когда густая нѣтъ дорогу застигаетъ,
 Когда въ полночной мглѣ надъ горною тропой
 Тѣнь путника вдали дрожащая мелькаетъ....

Тебя лишь вижу я!

И предель мечтаний,
И дивные сны,
И жарь упований
Цылкой весны!

Минвана! Минвана! Дни быстро бѣгутъ!
Они пролетать! Они не придуть!...

Лови-же мгновенье
Веселой любви,
И пей наслажденье
Въ юные дни!...

III. Димчсочъ.

МИНВАНА.

=

*O jours de printemps, jours couronnés de roses,
A votre fuite en vain un long regret, exposez!*
(A. Chénier, XVI.)

Минвана! Минвана! Дни быстро бѣгутъ!
Они пролетать! Они унесутъ
И свѣтлую младость
Горящихъ ланитъ,
И рѣзвую радость
Свѣтлыхъ харитъ!

Минвана! Минвана! Дни быстро бѣгутъ!
Они пролетать! Они унесутъ

ГРАНИТНЫЕ БРАТЯ.

=

Въ краю, гдѣ, пылая казеной державой,
 Шаръ солнца на землю льетъ пламень лучей,
 Гдѣ небо расплавилось синею лавой
 Надъ душинымъ раздольемъ песчаныхъ степей,
 Гдѣ буря и волны на сушѣ вскипають,
 Песчанья волны, буруны огня,
 Гдѣ крылья самума какъ смерть налетаютъ
 И тагостно дышетъ отъ жару земля;
 И тамъ улеглись, пустынь въ объятъ,
 Два грозныхъ обломка, два горныхъ сына,
 Друзья вѣковые, гранитные братья,

Недвижны подъ каменнымъ скипетромъ сна.
 Кто вызвалъ изъ горъ ихъ, давно-ли? не знаемъ;
 Безвѣстно, кто давныя формы имъ далъ,
 Сроднилъ ихъ съ полуденнымъ пламеннымъ краснѣмъ,
 И сфинксовъ ужасныхъ къ песку приковалъ.
 И съ сумрачной думой, грозу презирая,
 Лежатъ они дики и чужды всему:
 Странится взбѣжать къ нимъ лоза молодая,
 И мвртъ не дерзаетъ прильнуть къ ихъ челу.
 Лишь изрѣдка левъ съ златокудрою гривой
 Привѣтитъ ихъ царственнымъ ревомъ своимъ,
 И, скинувъ главою, въ тѣни молчаливой,
 Отъ солнца укрыться приблизится къ нимъ;
 Цль змѣй сто-колючный, спиралью цвѣтною,
 Гранитную вью сто разъ обовьетъ,
 Приляжетъ зелено-золотой головою,
 И сладко на каменныхъ персахъ заснетъ.

Такъ мчались столѣтъя, и бури киѣли,
 Леталъ ураганъ надъ гранитной четой;
 Но сфинксы недвижно на время глядѣли,
 Упорствуя тлѣнью, борясь съ грозой.
 Они не расплавились въ жаркомъ горнигѣ,
 Въ стихійномъ бою уцѣлѣли они;
 И вихри и бури, покорствуя силѣ,
 Ихъ только песчаной фатой облекли.

Но что не свершила свирѣность природы,
То смертный въ безсилѣ своемъ совершилъ:
Хитро подкопался подъ тяжкіе своды
И съ ложемъ горячимъ онъ ихъ разлучилъ;
Угасшее имя творца ихъ узнали,
И лѣта рожденья искусно сочли,
Съ хребта вѣковую хламиду сорвали,
И съ юга ихъ въ сѣверный край принесли.

Щеткинъ.

==

РАЗВАЛИНЫ МАНГУПА.

=

Окрестности Бахчисарая разнообразно прелестны. Потокъ Чюрюкъ-Су, пройдя бывшую столицу хановъ, вьется по открытой долинь, на которой разбросаны въ чащѣ деревь скромныя татарскія деревеньки; стрѣльчатые тополи и ханскія зданія, хотя уже въ развалинахъ, видимые тамъ и сямъ, придаютъ ей восточную физиономію. Близъ деревни Татаркоя представляется въ другомъ родѣ прекрасное зрѣлище. У подошвы бѣгѣющей горы Тюпекермана, стройной, величавой, съ древними, черными пещерами подъ макушкой, какъ-бы съ разверзтыми очами, рѣка Кача струитъ свои воды въ гу-

стотъ богатыхъ садовъ. Это наши гесперидскіе сады, гдѣ на золото вымѣниваются всѣмъ извѣстныя «крымскія-яблоки». Поворотавъ черезъ деревню Тиберти къ рѣкѣ Кабарта-Су (Бельбеку) и перейдя ее, встрѣтите потокъ, орошающій Каралезскую долину. Произведенія этой долины приобрѣли также извѣстность. Вамъ самимъ, можетъ-быть, случалось заходить въ Петербургъ въ табачные магазины, гдѣ, на тюкахъ заграничнаго турецкаго табаку, красуется ерлычокъ съ надписью: «Каралезскій». Если не для того чтобъ выводить торгующихъ изъ пріятнаго географическаго заблужденія, то по-крайней-мѣрѣ для свѣдѣнія читателей «Одесскаго Альманаха», должно напомнить, что произведение, украшенное этимъ ерлычкомъ, есть крымское, Каралезской долины, принадлежащее наследникамъ не давно умершаго полковника князя Адиль-Бекъ Балатукова, славившагося русскимъ гостеприимствомъ. Въ ея-то термомъ уголькѣ, расседникѣ табаку, сумаха, бербериса, вкусныхъ плодовъ, мѣстность получаетъ особенно живописный характеръ. По сторонамъ предивно сгруппированной зелени тянутся два горныя уступа, которыхъ вершины, какъ-будто выравненыя уровнемъ, представляютъ правильную линію. Далѣе, съ правой стороны дороги, вершины ихъ вдругъ принимаютъ видъ зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, изъ-за которыхъ по-пре-

менамъ переваливаются облака, словно массы склубливашагося дыма орудій, привѣтствующихъ васъ глухими выстрѣлами. Въ подражаніе природнымъ укрѣпленіямъ, на противоположныхъ высотахъ, была воздвигнута крѣпость; развалины одинокой башни, висящей надъ стремниной, указываютъ ее. Это Мангунъ.

Подниматься въ крѣпость надобно изъ деревни Коджи-Сала, лежащей у подошвы горы. И какъ дико и величественны ея утесы! Вокругъ все пустынно. Глубокое безмолвіе нарушается только заунывными звуками свирѣли пастуха-невидимки, бродящаго со стадомъ въ густотѣ орѣшника, которымъ покрыта гора. Воображенію, настроенному къ грустнымъ думамъ, еще болѣе придаетъ нища новый печальный предметъ—гробница какого-то шейха, поставленная, по восточному обычаю, на перенутьи. И въ-самомъ-дѣлѣ ничего не можетъ быть приличіе напоминанія страннику о молитвѣ, въ этомъ уединеніи, гдѣ видишь неизмѣнность величественныхъ созданій природы и всю тщету мелочнаго могущества людей, тлѣющихъ на высотѣ въ прахъ и въ развалинахъ воздвигнутой ими твердыни. Не напрасно все тутъ располагаетъ васъ къ такимъ впечатлѣніямъ. Послѣ труднаго перѣзда лѣсомъ по извиистой тропинкѣ, въ оградѣ самой уже крѣпости,

первое, на что укажетъ вамъ проводникъ-татаринъ, есть остатокъ кладбища.

Кладбище это еврейское. Разбросанные по-средиѣ камни уже сравнялись съ землею и подернулись муравой. Лощина, обставленная скалами и образуемая ручьемъ, превратившимся въ болото, указываетъ по-смертный приютъ воздыхателей іерусалимской «Юдоли Плача». Въ скалахъ видны изсѣченныя пещеры; нѣкоторыя изъ нихъ служили также мѣстомъ погребенія. Та, которая ближе къ кладбищу, представляетъ ротонду съ двумя нишами; при одной нишѣ вытесаны по-сторонамъ скамьи, можетъ-быть для свидѣній плачущихъ, а въ другой поставленъ каменный гробъ. Расположеніе погребальной пещеры, изсѣченной въ камень, по древнему обычаю Іудейскаго народа, вселѣтъ благоговѣйныя мысли, напоминая гробы древняго Іерусалима, въ которыхъ свершилось столько чудеснаго. На кладбищѣ стоитъ одинъ надгробный камень, неизвѣстно какими судьбами еще уцѣлѣвшій. У евреевъ-карантовъ надгробные памятники дѣлаются изъ цѣльнаго камня, въ-видѣ небольшихъ дощечекъ, съ надписями. Отличительнымъ признакомъ такихъ камней считается прямоугольный выемъ по-средиѣ крыши домика. Большой выемъ принадлежитъ позднѣйшему времени; на камень, который уцѣлѣлъ, выемъ едва

замѣтитъ, образуя небольшіе на поперечныхъ стѣнкахъ карнизы. Еврей-каранты еще недавно населяли Мангунъ; но еврейскія поселенія были изстари извѣстны въ Крыму. Уже въ XIII вѣкѣ говорится о неприступныхъ еврейскихъ городкахъ или замкахъ (Castella Judeorum) въ этой части Крыма, изъ которыхъ въ одномъ у самаго Бахчисарая * и теперь живутъ каранты. Не составляютъ-ли каранты остатка еврейскаго населенія Хазаровъ, часть которыхъ и по введеніи Византизмами въ Хазаріи христіанства, исповѣдывала еврейскій законъ, это еще нерѣшенный вопросъ.

Видъ лежащихъ въ порядкѣ камней и не совсѣмъ разрушеннаго зданія приводятъ васъ въ другую часть крѣпостной ограды. Это также кладбище, но уже магометанское. Четырех-угольное зданіе мечети, на которомъ уже нѣтъ крыши, весьма просто и не имѣло никакихъ украшеній. У магометанъ въ образѣ погребенія тѣлъ видна другая идея. Надъ врахомъ ставился каменный гробъ, внутренность котораго закидывалась камнями; утвержденные между ними, въ одномъ концѣ каменный столбъ съ выдѣланною чалмою, а въ другомъ каменная доска съ надписью, въ вертикальномъ

* Извѣстномъ у Татаръ подъ названіемъ Чуфуть-Кале, отъ словъ «чуфуть» — «еврей» — и «кале» — «замокъ», укрѣпленіемъ.

положеніи, были необходимою принадлежностію для успокоенія праха правовѣрнаго. Надгробные памятники стоятъ рядомъ, очень часты, мало повреждены, и всѣ изъ мрамора. Подъ ними покоятся останки турковъ и татаръ, къ которымъ благоговѣють жители долины. Оттого кладбище и мечеть остаются неприкосновенными. Не такъ поступлено съ памятниками времени византійскаго владычества. Теперь не-льзя уже отыскать развалинъ двухъ христіанскихъ церквей, построенныхъ, по словамъ польскаго писателя Броневскаго, во имя Святыхъ Георгія и Константина, и о которыхъ говоритъ Палласъ, что внутри одной была замѣтна древняя живопись: въ части алтаря, обращеннаго на востокъ, изображеніе Святыхъ и на другой сторонѣ въ нишѣ образъ Богоматери. Гдѣ было греческое кладбище, неизвѣстно. Время или изувѣрство магометанскихъ властителей не оставило и слѣдовъ его.

Домы, въ которыхъ обитали жители этой части города, мало чѣмъ разнятся отъ модели домика, которую представляетъ надгробный камень еврейскаго кладбища. Они были довольно высоки и узки. Крыши ихъ не имѣли четырехъ скатовъ, какъ большая часть татарскихъ домовъ въ Крыму, а были о двухъ. Кромѣ трехъ или четырехъ домовъ, не совсѣмъ разрушенныхъ, изъ которыхъ одинъ, какъ говорятъ, еврейской синагоги,

другихъ строеній не видно. Напрасно станете разсматривать отдѣльныя кучи камней, попадающіяся по линіямъ улицъ въ этой части, которая, какъ видно, составляла большую половину всего города и была болѣе населена; въ нихъ нѣтъ уже ничего общаго, понятнаго.

Верхній замокъ, лежащій впрочемъ не на большой высотѣ, сохранилъ видъ своей наружной ограды и представляетъ другую фizioномію. Вы въѣзжаете, по каменному мосту, подъ ту арку воротъ замка, въ которую входили и первые ея строители, Византійцы. Прекрасно сохранившееся на второмъ камнѣ отъ основанія, по лѣвую руку, рельефное изображеніе двуглаваго орла съ императорскими коронами, привѣтствуетъ васъ. Въ другомъ мѣстѣ, въ небольшомъ заломѣ стѣны внѣшней ограды крѣпости, близъ круглой башни, надъ каменною дверью, вросшею до половины въ землю, есть греческая надпись, почеркѣвшая и нѣсколько изгладившаяся, но въ которой и при бѣгломъ взглядѣ можно было разобрать до четырехъ греческихъ буквъ. Она въ пяти строкахъ, начинается крестомъ въ сердцеобразномъ кругѣ, и начертана выпуклыми письменами*. Можетъ-быть въ ней говорится о по-

* Палласу, Муравьеву-Апостолю и Кешену, писавшимъ о Мангушѣ, не попалась греческая надпись и изображеніе двуглаваго

строении крепости; о томъ, что крепость сооружена какимъ-либо византийскимъ полководцемъ на границахъ Хазаріи, по выходѣ отголѣ Половцевъ (Комановъ), или позже, по какому-нибудь другому обстоятельству. Но надше молчить, и надбно остаться при одиѣхъ догадкахъ. Возвратимся къ аркѣ и воротамъ. Они остаются въ первоначальномъ видѣ, кромѣ фронтона, превратившагося въ кучу камней. Въ 1827 году, когда Броневскій посѣщалъ Мангушъ, на фронтонахъ были еще мраморныя украшенія съ греческими надписями. Цементъ, скрѣплявшій камни арки, вывѣтрѣлся; вмѣсто прежней мертвой связи, ихъ скрѣпляетъ теперь живая — скромнорастущій мохъ.

Съ внутренней стороны открывается фасадъ при-
мыкающаго къ воротамъ большаго двух-этажнаго дома; только эта лицевая сторона велъ уцѣлѣла. Въ бель-этажѣ четыре окна, въ верхнемъ три поменьше: все имѣютъ фигуру правильнаго четырехугольника; первые были украшены притомъ каменными рѣзными рамами, изъ которыхъ пощажена только одна. На ней весьма хо-

ордъ, доказывающій происхожденіе крепости, и что она построена Византийцами, а не Генуэзцами или Готами-Тетравентами, какъ иѣкоторые полагаютъ. Со мною не было зрительной трубки, и потому я не могъ явственно видѣть и списать надписи. Если доведется опять побывать у развалинъ, то постараюсь сдѣлать снимокъ.

рошо видна рѣзба, которой отличительный характеръ составляютъ различной величины и фигуры звѣзды и переплетенныя косвенными линиями рѣшетки. Опредѣляя эпоху архитектуры рамъ и оконъ, можно, кажется, сказать, что въ ихъ отдѣлкѣ замѣтно искусство византийскаго Грека и фантазія Турка.

Остальная часть замка представляетъ ровную, какъ-бы устланную плитами, площадь, на которой кое-гдѣ выказываются еще развалины. Тутъ примѣчательны вырубленные въ камнѣ подземныя жилища, куда входъ велъ сверху, въ небольшія отверстія. Бока жилищъ, обращенныя къ ужасной пропасти, прорубались. Черезъ проруби, кажущіяся снизу горы пещерами, по краямъ которыхъ видны слѣды бывшихъ рамъ и петель, входили свѣтъ. Въ самыхъ комнатахъ замѣтно, что онѣ тщательно вырубались, имѣли правильную, круглую или четырех-угольную фигуру, отдѣлялись, гдѣ было нужно, каменными перегородками, и сообщались дверью. Дозольно обширная комната, имѣющая положеніе у наблюдательнаго поста на оконечности площади замка, очень вѣроятно, служила кордегардіею для военныхъ; по-средиѣ въ ней видѣн столбъ, а по-сторонамъ темныя камеры. Водохранилища въ части замка дѣлались весьма просто: вырубались снаружи въ камнѣ впадины, въ которыя

и собиралась дождевая вода. Подземная жилища находились и по обрывам городской площади, где местность позволяла. Некоторые из них были двухэтажные, как на-примѣръ то, которое видно въ скалѣ долины еврейскаго кладбища. Первый этажъ, составлявшій круглую комнату, соединялся ступеньками, по темному проходу, со вторымъ, гдѣ была болѣе обширная четырех-угольная комната, и откуда открывался видъ на долину. Видно также одно мѣсто, гдѣ въ пещерѣ былъ устроенъ фонтанъ. Искусство каменной отдѣлки въ подземельяхъ, конечно, есть остатокъ зодчества греческихъ поселенцевъ. Ни турки, ни еврей-каранты, никогда не были искусными художниками. Малоазійскіе (анатольскіе) греки и нынѣ считаются въ Крыму лучшими каменотесцами.

Расположеніе стѣнъ и башенъ крѣпости объясняется видомъ самой горы известковаго сложенія, которая стоитъ отдѣльно, образуя плоскою вершиною своею четыре тупые отрога, оканчивающіеся утесами. Отроги идутъ по сѣверную сторону. Съ этой стороны, по-видимому, угрожала опасность, и три глубокия долины образовавшіяся между отрогомъ, были преграждены крѣпостными постройками. Южная сторона, представляющая полукруга, неприступна по совершенно отвѣсному направленію своего высокаго обрыва. Цѣль

идущихъ попеременно стѣнъ и четырех-угольныхъ башенъ, во многихъ мѣстахъ, уже прервана. Выданные ворота крѣпости, бывшіе на западной сторонѣ, лежатъ въ развалинахъ; черезъ нихъ нѣтъ проѣзда по крутости образовавшагося предъ ними бугра. Они были выведены аркою; сводъ ея обрушился. Наилучше уцѣлѣли стѣны и круглая башня во второй долинѣ отъ верхняго замка. Башня эта безъ карнизовъ и, собственно говоря, полукруглая, представляющая фигуру вдоль-разрѣзаннаго цилиндра. Ея конструкція и проведенныхъ отъ ней зубчатыхъ стѣнъ не имѣетъ ничего общаго съ крѣпостными постройками древняго Херсонеса (V вѣка), отличавшимися огромностію употребленныхъ въ дѣло и на-сухо сложенныхъ камней; она рѣзко отличается и отъ конструкціи генуэзскихъ укрѣпленій въ Кафѣ (Феодосіи) и Балаклавѣ (XIII вѣка), гдѣ въ составъ архитектурныхъ украшеній входили карнизы и стрѣльчатые своды, и самыя стѣны ставились на обрывахъ, не просто по направленію поверхности земли, какъ здѣсь, а уступами.

Если здѣшняя башня бѣдна украшеніями искусства, то тѣмъ примѣтнѣе на ней богатые узоры природы. Роскошный плющъ, имѣющій въ корнѣ толщину большаго дерева, плотно прильнувъ своими нитями, увидѣть ее громадною зеленою. Другое дерево

плюща устлало зубчатую стѣну, какъ складками кружева: часть его отъ корня отрублена безжалостною рукою; несмотря на то безчисленные отрасли, уже приросшія къ камнямъ стѣны, продолжаютъ выполнять свое назначеніе, питая ласточки и завитки изящной живой рѣзбы. Природа, какъ на вѣшнихъ укрѣпленіяхъ, такъ и на мѣстахъ оживленныхъ нѣкогда людскою дѣятельностію, вступаетъ уже въ свои права. Входы и отверстія подземныхъ жилищъ зарастаютъ шиновникомъ, плющемъ и можжевельникомъ. Въ неразрывномъ союзѣ съ дикимъ виноградомъ, эти усердные дѣлатели приняли во владѣніе пещеры, и дружно охраняютъ ихъ колючею и непроницаемою толщею своихъ вѣтвей.

Оставляя развалины, нельзя не оглянуться и не посмотреть на окрестности мѣста, бывшаго театромъ жизни разновародныхъ обитателей Мангуна. При сѣздѣ съ горы, не вдалекѣ отъ развалинъ крѣпостныхъ воротъ, живописные виды являются и теперь въ такой-же картинѣ, какъ они были въ древнія времена. Съ одной стороны въ дали, легкимъ очеркомъ, рисуется Чатырдагъ (Трапезустъ Страбона), съ своимъ раскинутымъ, нетлѣннымъ шатромъ. Къ сторонѣ Символонна (Балаклавы), близъ котораго былъ нѣкогда

страшный Діавитъ храмъ, гдѣ приносились въ жертву заносимые бурей мореплаватели, угрюмо выказываются высоты прибрежнаго хребта (Ийлы). Примо видите, въ ражѣ скалъ, синѣющее море у береговъ Херсонеса (Севастополя), не менѣ славнаго и богатаго во времена язычества, какъ и въ первые вѣки христіанства, съ своими лебедями-кораблями. Тутъ можете досыта наслаждаться прекрасною игрою перспективы, когда солнце, на достигнувъ предметовъ дальняго горизонта, на которомъ рисуется прелестнѣйшій ландшафтъ, погружаетъ кругъ свой въ изумрудную полоску морской влаги.

Такова декорация сцены, на которой, въ продолженіе многихъ вѣковъ, разыгрывалась то мирная, то воинственная жизнь Мангунскихъ гражданъ. Мы видѣли уже и дѣйствовавшія на ней главные лица. То были византійскій Грекъ, Еврей-Карантъ, Турокъ и Татаринъ; видѣли и отгѣнки частнаго ихъ быта, сохранившіяся въ остаткахъ архитектуры. Любопытно взглянуть теперь на содержаніе самой драмы представителей Мангунской жизни, сколько можно судить о ней по скуднымъ историческимъ даннымъ.

Первый намекъ о Мангунѣ въ исторіи относится къ концу XIV вѣка, когда онъ является въ числѣ отдѣльныхъ монголо-татарскихъ ханствъ, составившихся

въ Хазаріи. Ханы Крымскій, Киркельскій * и Мангупскій, выступивъ противъ посланнаго за Волгу въ 1396 году Литовскимъ княземъ Витовтомъ, сына его Олгерда, были разбиты имъ на Дону. Положеніе греческихъ князей, которыхъ достояніемъ овладѣли тройственные владыки полуострова, было конечно бѣдственное, и они, еще до времени претерпѣннаго ханами отъ Литовцевъ пораженія, принуждены были искать убѣжища въ единственномъ имъ великомъ княжествѣ Московскомъ. Въ княженіе Дмитрія-Донскаго, между 1362 и 1389 годами, прибылъ въ Россію князь Стефанъ Васильевичъ изъ отчины своей Сулака, Мангуша и Кафы: родъ его долго не прекращался въ фамиліяхъ Ховринныхъ, Головиныхъ, а потомъ Грязныхъ. Въ смутное время, когда сконлявшаяся на Востокѣ гроза наиболѣе требовала единства въ принятіи сильныхъ и рѣшительныхъ мѣръ, императоръ Мануиль Палеологъ * возмѣлъ пагубную мысль раздѣлить свои наслѣдственные владѣнія. Черноморская страна, граничащая съ Хазаріею, досталась въ удѣлъ четвертому его сыну

* Крымъ, или Эскі-Крымъ или Старый-Крымъ (безуѣдный городокъ), близъ Теодосіа; Киркель или Киркоръ, собственное названіе еврейскаго городка Чуфуть-Кале, у Бахчисарая.

** Царствовавшій съ 1391 по 1425 годъ.

Константину *. Не живя удѣльнаго князя ожидала Константина: въ императорскомъ вѣнцѣ ему суждено было пасть послѣднею жертвою на развалинахъ имперіи; и неизвѣстно, раздѣль-ли онъ самъ когда-либо, удѣльно, до вступленія на престолъ, при-хазарскою страню. Иные греческіе князья, вѣроятно изъ его-же рода, по праву наслѣдства или по званію только намѣстниковъ, продолжали управлять страню, постепенно уменьшавшеюся въ объемѣ, сперва независимо, а потомъ подъ вліяніемъ усилившихся въ Крыму Татаръ и Генуэзцевъ, пока не наступилъ для Мангуша бѣдственный 1475 годъ. Но, до нанесенія роковаго удара, счастье хотѣло еще улыбнуться потомкамъ Палеолога, приласкавъ Мангупскаго князя пріятною надеждою короткаго сближенія съ тогдашнимъ владыкою Россіи.

По смерти Хаджи-Гирея, положившаго основаніе самостоятельности Крымской орды, царь Іоаннъ III Васильевичъ хотѣлъ приобрести союзника въ его преемникѣ, ханѣ Менгли-Гирей. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ употребленъ еврей-карантъ Хози-

* Судя по выраженію «черноморская страна граничащая съ Хазаріею» (*τὰ ποταμῶν μέση τὰ πρὸς Χερσάσιαν*), должно полагать, что она заключала всю горную часть Крыма до Бахчисарая, (не исключая и южной, захваченной Генуэзцами), которой Мангупъ могъ быть тогда главною, пограничною крѣпостію.

Кокосъ, жившій въ Кафѣ, съ которою Русскіе по торговлѣ имѣли частыя сношенія. Шурицъ Кокоса Исунъ привезъ царю извѣстіе, что Менгли-Гирей охотно принимаетъ предложеніе дружбы Іоанновой. Это было поводомъ послыки въ Крымъ толмача Иванчи для письменнаго подтвержденія дружелибной связи. Съ нимъ Менгли-Гирей отправилъ своего чиновника Газы-Бабу, привезшаго царю предварительный мирный договоръ. Въ 1475 году, царь, желая окончательно упрочить первыя свои сношенія съ Крымомъ, послалъ къ Менгли-Гирею боярина Никиту Беклемишева. Ему поручено было благодарить Хози-Кокоса, ласкать и дарить соборами ханскихъ вельможъ. Беклемишевъ успѣлъ заключить клятвенный договоръ, замѣчательный въ исторіи нашей тѣмъ, что онъ былъ началомъ постоянной дружбы Менгли-Гирея съ Іоанномъ III. Въ бытность Беклемишева въ Кафѣ, Кокосъ, изъ угожденія-ли царю, или имѣя стороннее порученіе, предложилъ ему свои услуги и къ другому дѣлу: высватать дочь Мангунскаго князя за сына Іоаннова отъ перваго брака съ Тверскою княжною Марією, царевича Іоанна. Беклемишевъ ѣздилъ въ Мангунъ, свелъ знакомство съ княземъ Исаемъ (Исайко), и видѣлъ его дочь, молодую княжну. По возвращеніи, онъ отдалъ въ томъ отчетъ царю. Царь по-видимому не противился такому союзу.

Въ мартѣ 1475 года отправляя вновь къ хану чиновника Алексѣя Старкова, онъ велѣлъ лично вручить Мангунскому князю подарки въ благодарность за ласковый пріемъ Беклемишева и узнать, черезъ Хози-Кокоса, какъ велика сумма денегъ, которую можетъ дать князь въ приданое за дочерью. Но обстоятельства въ Крыму перемѣнились, и Старковъ не могъ исполнить своихъ порученій.

Ханъ Менгли-Гирей, по наущенію Генуэзцевъ, возбудилъ негодованіе татарскихъ мурзъ, несправедливымъ назначеніемъ въ должность верховнаго судьи татарскаго народа (каймакана), одного изъ приверженныхъ къ Генуэзцамъ лицъ. Воспользовавшись случаемъ, мурзы, предводимые братомъ Менгли-Гирея, Гайдеромъ, вооружили толпы Татаръ, подступили къ Кафѣ, куда избѣгая опасности удалился Менгли-Гирей, и тайно отправили своихъ агентовъ въ Царьградъ, прося защиты Турецкаго султана отъ угнетенія Генуэзцевъ. Это было въ апрѣлѣ 1475 года. Султанъ Магометъ II по-видимому ждалъ только благоприятнаго случая къ уничтоженію власти Генуэзцевъ. Сильный флотъ подъ начальствомъ Ахмета-Пашы въ іюлѣ явился у береговъ. Кафа была взята приступомъ, и Генуэзцы съ потерей ея окончили свою политическую жизнь въ Крыму. Менгли-Гирей съ остатками Генуэзцевъ бѣжалъ и

скрылся въ Мангунской крѣпости *. Съ этой минуты участь Мангуна была рѣшена. Ахметъ-Паша не замедлялъ явиться съ войскомъ подъ стѣнами его. Могъ-ли князь, сохранявшій только тѣнь власти по милости Генуэзцевъ, сдѣлать мужественный отпоръ побѣдоносному войску покорившему Кафу? Къ-тому-жъ измѣна по-видимому явила тутъ также свои услуги. Начальникъ крѣпости, какъ нишуть, былъ тогда на охотѣ, и жители, не имѣя руководителя, до-того оробѣли, что не приняли никакихъ мѣръ къ оборонѣ и сдались на великодушнѣе побѣдителей, обѣщавшихъ имъ пощаду. Но они горько обманулись. Городъ былъ занятъ, и Турки не щадили неприятелей. Жившіе въ немъ греки большею частію разсѣлялись. Князь съ племянникомъ и ханъ Менгли-Гирей, единственные представители власти въ Крыму, были отвезены плѣнниками въ Царь-Градъ. Участь владѣтельныхъ плѣнниковъ была различна. Менгли-Гирей вскорѣ приобрѣлъ любовь и милость Магомета II, подчинилъ Крымское ханство зависимости Турецкихъ султановъ, и съ торжествомъ возвратился въ Крымъ на царство. Бѣдные греческіе князья подверглись иному жребію: томились въ темницѣ, и были преданы смерти.

* По словамъ арабскаго писателя Идриси. См. «Крымскій Сборникъ» ст. 285.

Такимъ образомъ вся при-хазарская страна, какъ достояніе Восточной-Имперіи, доставившаяся по раздѣлу Константину Палеологу, дядѣ второй супруги царя Іоанна III, Софьи, сдѣлалась присвоенною собственностію Порту-Оттоманской и принадлежала съ того времени, непосредственно, Турецкимъ султанамъ. Мангунская крѣпость съ ея округомъ получила званіе градоначальства (Мангунъ-Агасы), подчиненнаго имѣвшему въ Кафѣ пребываніе турецкому пашѣ. Черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ покоренія, Мангунъ постигло другое несчастіе: онъ былъ опустошенъ пожаромъ, лишившимъ его лучшихъ зданій. Хотя Мангунское княжество политически уже не существовало, но почетное титло князей Мангунскихъ не тотчасъ угасло, и носившіе его, вѣроятно тѣ изъ греческихъ князей, которые унизились до принятія магометанства, приобрѣли въ исторіи нашей извѣстность, какъ первые посредники сношеній Россіи съ Портою-Оттоманскою. Въ такомъ качествѣ для исполненія миссіи султана Селима въ 1512 году, спустя тридцать-семь лѣтъ послѣ покоренія Мангуна, пріѣзжалъ къ Василію Іоанновичу Мангунскій князь Кемаль, прежде именовавшійся Феодоритомъ. Онъ находился въ короткихъ сношеніяхъ съ близкимъ вельможею царя и важнымъ въ то время сановникомъ, грекомъ Георгіемъ Траханиотомъ, къ которому писалъ письмо

съ дороги и послать своего племянника Мануила. Въ 1523 году прѣѣжалъ другой турецкій посланникъ отъ султана Солимана, также Мангунскій князь, Искендеръ (Александръ), собственно по торговымъ дѣламъ: съ такимъ-же порученіемъ являлся онъ вторично въ 1530 году; но вскорѣ, не окончивъ дѣла, умеръ въ Москвѣ. Между-тѣмъ Мангунская крѣпость, считавшаяся и прежде въ числѣ важныхъ и не разъ служившая Крымскимъ ханамъ, во время внутреннихъ смутеній, убѣжищемъ и складомъ ихъ сокровищъ, сдѣлалась мѣстомъ ссылки, куда заключались нѣкоторые изъ нашихъ посланниковъ. Въ 1569 году русскій посолъ Аванасій Пагой и товарищи его, бывъ съ честью приняты въ Кафѣ нашимъ Касимомъ, на четвертый день заключены въ темницу, и по приказанію хана Девлетъ-Гирея отвезены въ Мангунъ, гдѣ и содержались подъ брѣвникомъ присмотромъ. Мангунскій градоначальникъ, ага Шахмутъ, можетъ-быть для своего оправданія въ строгости, съ которою содержалъ плѣнниковъ, сказывать имъ, что въ Азовѣ стѣна взорвана и много сдѣлано поврежденій, какъ полагали, Русскими. Въ Мангунѣ содержался также одинъ изъ любимцевъ Іоанна Грознаго, Василій Грязной, взятый въ плѣнъ на Молочныхъ-Водахъ; онъ былъ выкупленъ не ранѣе 1577 года. Не-льзя не подивиться странности случая въ жизни Василія Гряз-

нова. Происходя отъ рода греческихъ князей, вышедшихъ въ Россію и считавшихъ Мангунъ своею отчиною, онъ долженъ былъ испытать участь узника въ стѣнахъ Мангуна. Сохранилось характеристическое письмо храбраго Грязнова къ царю, писанное можетъ-быть въ убогѣйшемъ большомъ домѣ Мангунскаго замка, по освобожденіи изъ темницы, въ которомъ между прочимъ онъ такъ выразился: «Не у браги увѣчья до-быль и не съ печи убившись, содержался очень худо, ни только-бъ не государская милость застала душу въ стѣнѣ, ино-было съ голоду и наготы умерети.» Потомъ въ теченіе двухъ-сотъ лѣтъ, составлявшихъ вѣроятно періодъ мирнаго благоденствія, Мангунъ тер-яется изъ виду исторіи.

По присоединеніи Крыма къ Россіи въ 1783 году и по выходѣ турковъ изъ Мангуна, остались въ немъ еще на жительствѣ еврей-каранты. Но и они вскорѣ начали переселяться въ другія мѣста; и съ 1801 года Мангунъ сталъ на чреду развалинъ, привлекающихъ только любопытство путешественника.

Въ этомъ небольшомъ очеркѣ собрано все, что достоверно извѣстно о политической жизни Мангуна.

Эпоха исторіи Крыма, обозначившаяся покореніемъ Мангуна Турками, имѣетъ и свой поэтическій интересъ.

Дочь Мангупскаго князя Елена принадлежала къ числу необыкновенныхъ женщинъ. Среди общаго безпорядка, порожденнаго въ Византійской имперіи слабостями ея владыкъ, дворскими кознями и раздорами еретическихъ партій, желаніе благоустройства отечеству и торжества православію никогда не угасало въ душахъ избранныхъ. Какъ священный завѣтъ, оно передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе, и развилось въ душѣ Мангупской княжны съ силою могущественной страсти. Ей представлялся случай соединить съ любовью къ единовѣрному князю, русскому царевичу, осуществленіе своей любимой мечты. Въ пламенныхъ письмахъ къ царевичу Іоанну, о сватовствѣ съ которымъ шли переговоры, высказавъ всю душу и изобразивъ картину бѣдственнаго положенія соотечественниковъ, въ которомъ единственною спасительною мѣрою могло быть присоединеніе княжества къ Россіи съ правомъ удѣльнаго владѣнія, она успѣла возжечь въ царевичѣ любовь и искренно расположить его къ своему дѣлу. Умный и тогда еще юный, Георгій Траханиотъ, переводившій греческія письма княжны, былъ не чуждъ дѣлу. Онъ умѣлъ родившемуся въ Іоаннѣ чувству придать блескъ рыцарскаго порыва, которому вполне предался царевичъ, составившій въ своемъ воображеніи идею образа княжны по восторженному описанію Беклеми-

шева. Княжѣ подлежало склонить отца передать законно свои наследственные владѣнія Россіи и самому отказаться отъ правъ владѣтеля въ пользу Іоанна, будущаго зятя. Князь Исая былъ въ душѣ патриотъ, но уже ослабѣвшій и силами и духомъ. Сперва онъ противился представленіямъ дочери, не хотѣлъ вѣрить ея предсказанію, внушенному ей какимъ-то внутреннимъ чувствомъ, что требуемая жертва есть единственный вѣрнѣйшій путь, по которому могло-бъ быть еще спасено съ честью послѣднее достояніе имперіи. Ему было притомъ хорошо извѣстно, сколько униженіе ослабило внутреннія силы княжества, недостаточныя для сопротивленія Генуэзцамъ и Татарамъ въ необходимомъ случаѣ. Престарѣлый отецъ не могъ наконецъ отказать неотступнымъ мольбамъ любимой дочери. Давъ на все письменное согласіе, онъ въ раздумьи ждалъ роковой развязки. Царевичу Іоанну предстоялъ труднѣйшій подвигъ. Ему надобно было вымолить согласіе строгаго своего отца, Іоанна III, который на восторженныя его идеи привыкъ смотрѣть, какъ на затѣи молодого неопытнаго юноши. Опытный въ дѣлѣ уничтоженія удѣльныхъ княжествъ, увеличившихъ составъ образованнаго имъ Московскаго царства, царь велѣлъ посланному въ Крымъ Старкову, на блестящія предложенія Мангупскаго князя, отвѣчать вопросомъ: много-ли

князь может дать денегъ въ приданое за дочерью? Случай, какъ часто бываетъ, устроить здѣсь то, чего не могли-бы произвести величайшія усилія. Къ царю дошли вѣсти о возстаніи татарскихъ мурзь противъ хана Менгли-Гирея и Генуэзцевъ; нѣкоторые изъ тайныхъ его крымскихъ лазутчиковъ узнали даже и донесли ему о предположеніи первыхъ призвать на помощь Турковъ, еще недавно покорившихъ Царьградъ и тогдашнихъ гонителей христіанъ. Вавсіивъ въ своей мудрости важность послѣдствій загорѣвшейся вражды и избирая изъ двухъ золъ меньшее, царь рѣшился на исполненіе родившагося въ умѣ его обширнаго плана. Посланы повелѣнія въ Крымъ Старкову изъяснить согласіе Мангунскому князю на принятіе царевичемъ Іоанномъ княжества и на бракъ его съ княжною; въ города отпращены гонцы для набора войска. Великою мыслию Іоанна было намѣреніе предупредить вторженіе въ Крымъ Турковъ, занятіемъ, по праву наследственному княземъ Исаемъ царевичу, всѣхъ черноморскихъ, прикасарскихъ владѣній Византійской имперіи. Уже двинулись дружины московскія, предводимыя воеводою Грязновымъ, однимъ изъ потомковъ греческихъ князей, имѣя приказаніе соединиться на Молочныхъ-Водахъ, оттуда проникнуть въ Крымъ и, пользуясь смутеніями, занять Кафу и Мангунъ. Царевичъ Іоаннъ былъ первый

въ числѣ сподвижниковъ; въ восторгѣ, опъ уже мечталъ, по примѣру великаго своего предка, Св. Владиміра, заслужить доблестію руку греческой княжны. Тщетно! Что придумывала съ одной стороны мудрость человѣческая, а съ другой пламенная любовь къ родинѣ, далеко не согласовалось съ порядкомъ вѣдательнаго Промысла, устроившаго все иначе. Съ быстротою появленіемъ Турковъ все измѣнилось. Вѣковая борьба Русскаго царства съ Оттоманами, въ лицѣ ихъ преемниковъ, Крымскихъ хановъ, была определена; а послѣднимъ потомкамъ Византійскихъ владыкъ суждено принять мученическій вѣнецъ. Но великая душа велика и въ несчастіи. Покорясь волѣ Провидѣнія, Елена спокойно обрекла себя на лютую смерть. Въ предсмертныхъ мукахъ жертвы, мучители были устрешены ея пророческимъ голосомъ: «Прійдетъ время, не изгладится изображеніе православнаго орла имперіи; обновленный въ славу и могущество русскою державою, опъ присоединитъ дружелобно, осиротѣвшую родину!»

Всѣ эти драгоценныя частности жизни и тайныхъ побужденій страсти Мангунской княжны, ея переписки съ царевичемъ Іоанномъ и неизвѣстныхъ по исторіи происшествій, сохранились въ древней греческой рукописи, которая, къ-счастью, извлечена изъ мрака

забвенія страннымъ случаемъ. Въ лавкѣ одного каран- та, между листами оберточной бумаги, всегда ле- жала свернутая въ половину листовая тетрадь, много потерявшая отъ прикосновенія рукъ. Когда спросили лавочника объ ней, онъ отвѣчалъ, что ему неизвѣстно, какъ тетрадь попала въ лавку; знаетъ только, что она назначена для обертокъ, но, почему-то, всѣ его предки, торговавшіе въ той-же лавкѣ, никогда не рѣ- шались рвать ея листовъ. Когда, бывало, не станеть оберточной бумаги, то не употребляли тетради, а по- купали новый запасъ. Странность такого обращенія съ тетрадью заставила поближе познакомиться съ нею, и наконецъ, съ большимъ трудомъ, убѣдить каран- та продать ее. Есть *оцѣнка уважительныхъ причинъ ду- мать*, что въ ней заключаются современные записки одной изъ близкихъ наперсницъ Мангунской княжны. Будемъ продолжать прерванную выписку ихъ содер- жанія. Въ нихъ не забыто оригинальное лицо Ахмета- Паши, начальника турецкаго флота, съ тогдашнею страстью оттомановъ къ завоеваніямъ и гоненію хри- стіанъ; раскрыта, съ рѣдкою откровенностію, измѣна мангунскаго военачальника, какъ слѣдствіе разстройствъ господствовавшихъ дотолѣ въ имперіи, и униженія, въ которомъ тогда находились Греки. Историческое лицо еврей-каранта Хози Кокоса, перваго посредника

политическихъ сношеній Іоанна III съ Крымомъ, дѣ- тельно участвовавшего въ саатовствѣ Мангунской княжны, и который, какъ видно изъ записокъ, былъ мангунскимъ уроженцемъ, жившимъ въ Кафѣ по тор- говымъ дѣламъ, представлено весьма интереснымъ. Въ немъ видите умнаго, расчетливаго, вкрадчиваго, съ благовидною наружностію, кушца и дипломата; од- нимъ словомъ, лицо, котораго обращикъ, если пове- кать, найдется и теперь между живущими каран- тами. Самыя подробности имѣють отбѣнокъ мѣстности, заимствованный изъ вѣрнаго источника. Мѣстомъ мо- леній княжны, когда она въ молитвахъ искала под- крѣпленія своему мужеству, было скромное углубленіе съ фресковымъ образомъ Богоматери, въ одномъ изъ мангунскихъ храмовъ. Нигдѣ ничего не говорится о большомъ домѣ замка и его украшеніяхъ. Это такъ и быть должно. На немъ, какъ сказано, видна печать турецкой фантазіи. Прекрасно написана сцена домаш- ней жизни Хози-Кокоса, когда онъ принималъ, въ своемъ мангунскомъ домѣ, Беклешшева, и обрадъ по- гробенія евреевъ-карантовъ, по-случаю смерти шурина Кокосова Исува. Тутъ съ математическою точностію описаны погребальныя нещеры, надгробные памятники, дорога погребальнаго шествія, внутреннее и наружное расположеніе домовъ. Во время занятія Мангуна Тур-

ками, греческій гарнизонъ былъ размѣщенъ по казематамъ въ подземельяхъ. Неизвѣстная сочинительница не оставила и этого обстоятельства безъ вниманія, и подробно исчислила все ихъ достоинства и невыгоды. Говоря о каменныхъ ступенькахъ маленькой лѣсницы, ведущей къ наблюдательной караульнѣ вверхъ по карнизу скалы, она прибавляетъ: «устройство лѣсницы такъ легко и просто, что, при малѣйшей оплошности, идущій воинъ былъ въ опасности ринуться въ бездну и не собрать своихъ костей». Кто лично осматривалъ лѣсницу, о которой здѣсь идетъ рѣчь, тотъ не можетъ не подтвердить справедливости сдѣланнаго сочинительницею замѣчанія.

Окончивъ выписку, я невольно радовался, имѣвъ рѣдкій случай дополнить историческій очеркъ о Мангупѣ записками современницы, которая при случаѣ думала даже издать вполнѣ. Какъ часто однако-жь мы должны жертвовать любимыми предубѣжденіями для неумолимой истины! *Уважительныя причины*, по которымъ я навѣрное полагала, что сочиненіе писано современницей, были слѣдующія. *Первая*. Скромная наружность рукописи, приличная только старинѣ. Рукопись не украшалась ни пышнымъ, ни замысловатымъ заглавіемъ; не имѣла даже никакого. Былъ только оставленъ первый полулистъ незаписаннымъ, какъ

должно думать для того, чтобы сберечь начало сочиненія. *Вторая*. Скромность самой сочинительницы, которая такъ мало приписывала важности своему сочиненію, что любопытнѣйшее для потомства свидѣніе и свое имя помѣстила при концѣ. Текстъ рукописи продолжался до послѣдняго полулиста включительно, такъ-что написанное на немъ прежде-всего могло подвергнуться истребленію, какъ то отчасти дѣйствительно и случилось. Изъ заключенія остались только слова: «*Сказаніе о жизни и страданіяхъ пресвѣтлѣйшей Мангупской княжны Елены, написанное въ пятое лѣто послѣ ея страдальческой кончины, вѣрно до гроба спутницею и рабою...*». Имени уже нельзя было разобрать. *Третья*. Необыкновенно темный цвѣтъ бумаги, на которой написана рукопись. Три причины и вмѣстѣ сильнѣйшія доказательства. Чего-бы, кажется, желать болѣе для удостовѣренія о давности существованія рукописи? Но страсть разбирать все до ниточки побудила и меня вскакъ другихъ, вѣрнѣйшихъ признаковъ древности находки. Въ порывѣ археологической ревности мнѣ вздумалось поднести рукопись къ окну и посмотреть на свѣтъ сквозь ея первый листъ. Все очарованіе исчезло! На бумагѣ явственно вытисненъ 183... Совѣстно и дописывать. А вѣдѣіе? Пусть-бы было на немъ клеймо какой-нибудь

Петербургской фабрики ; а то — въ шитѣ подѣ коро-
ною представленъ стоящій медвѣдь съ бердышемъ на
плечѣ — клеймо, съ которымъ бумага едва-ли когда и
доходить въ столицу ! — Разумѣется, я не могъ внутрен-
но не подосадовать на ловкость каранта-лавочника и
не попенять на себя за излишнюю торопливость. Ну, да
что-жь ? Промахъ сдѣланъ и долженъ такъ остаться, по
пословицѣ дѣлателей бумаги съ курьознымъ клеймомъ :
« что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ ».

И. Андреевскій.

Симферополь.
1839.

==

НОЧНОЕ ПОСВѢЩЕНІЕ.

изъ

ВЕЦЕЛЯ.

=

Милая, что такъ поздно ?
Тебя я долго, долго ждалъ ;
Годами я часы считалъ.
Тоска всю душу обняла :
Мнѣ думалось, ты умерла.
Милая, что такъ поздно ?

Путь мой былъ такъ далекъ !
Средь темныхъ водъ челнокъ мой плылъ.
Я вышла въ ночь : день жарокъ былъ.

Свѣтъ свѣтилъ мнѣ въ темнотѣ,
И я неслась, неслась къ тебѣ.
Путь мой былъ такъ далекъ!

Милая, какъ поздно въ ночь!
Но кто впустилъ тебя теперь?
Я нынче ночью заперъ дверь.
Легко-же, другъ, прокралась ты
Среди невѣрной темноты.

Милая, какъ поздно въ ночь!

Тише, о тише, другъ!
Я въ ночь пришла. При свѣтѣ дня
Ты не увидѣлъ-бы меня.
Вѣдь къ милому приходятъ въ ночь,
И я пришла. Сомнѣнья прочь!

Тише, о тише, другъ!

Добрая, добрая ночь!
Высоко солнца лучъ сиялъ,
А онъ еще глубоко спалъ.
Онъ спалъ: едва-ль проснется онъ....
И былъ съ невѣстой схоронень.

Добрая, добрая ночь!

К. Аксаковъ.

УЗНИКЪ.

=

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня.
Я красавицу милаю
Прежде сладко поцѣлюю,
На коня потомъ вскочу,
Въ степь, какъ вѣтеръ, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая съ замкомъ;

Черноокая далеко,
Въ пыльномъ теремѣ своемъ;
Добрый конь въ зеленомъ полѣ
Безъ узды, одинъ, по волѣ
Скачетъ веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру разнутивъ.

Одинокъ я — нѣтъ отрады:
Стѣны голыя кругомъ,
Тускло свѣтитъ лучъ лампы
Умирающимъ огнемъ;
Только слышно: за дверями,
Звучномѣрными шагами,
Ходить въ тишинѣ ночной
Безответный часовой.

М. Лермонтовъ.

=

СОШЕТЪ.

=

Объ немъ молчить народное преданье,
Какъ онъ молчалъ, сносъ на утрѣ лѣтъ,
Холодныхъ душъ холодное вниманье,
Злыхъ языковъ извительный навѣтъ.

Его вся жизнь была очарованье;
Онъ былъ къ добру любовью согрѣтъ:
Порой былъ рѣзвъ, какъ дѣтское мечтанье;
Порой великъ, какъ истинный поэтъ.

Въ горнилѣ бѣдъ, вооружась терпѣньемъ,
Не пресмыкался онъ предъ златою въ униженъи:
Его не зналъ и не замѣтилъ свѣтъ.

Пришла пора — сбылись его надежды:
Онъ вынулъ себѣ людской привѣтъ,
Когда его на-вѣкъ смѣжились вѣжды...

Николай Гервановскій.

==

СОНЪ.

==

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы спѣлыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный элакъ луговъ,
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столъ паровъ,
И, въ рѣдкомъ тростникѣ медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ на влагѣ отражаясь;
Иду я подъ родной соломенией своей кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ,
И тамъ, съ улыбкою въ устахъ своихъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ.

И съ грудью бѣлою подъ черной кисеей,
Богиня мирная, являясь предо мной
Сіяньемъ палевымъ главу миѣ обливаешь
И очи тихою рукою закрываешь,
И, кудри подобравъ, главою склонясь ко миѣ,
Лобзаешь миѣ уста и очи въ тишинѣ.

III.

Анонима Мей Ловел

==

НАДГРОВНАЯ НАДПИСЬ

С. С. КУШНИКОВУ.

==

Земная жизнь борьба: сонутствуютъ молитвы
Тому, кто подвигъ свой здѣсь совершилъ вполне,
И бодрый съ честью далъ среди упорной битвы,
Какъ воинъ доблестный на боевой стѣнѣ.
Таковъ былъ Кушниковъ! Онъ и въ молодые лѣта
И въ поздніе года подъ холодомъ сѣдинъ
Былъ чистъ передъ судомъ и совѣсти и свѣта:
Братъ вѣрный ближняго, отчизны вѣрный сынъ.

Князь Вяземскій.

ДВА ПИСЬМА.

ИЗЪ РОМАНА

«ОТСТАВНАЯ ГУБЕРНАТОРША».

=

Милый другъ,

Юлія Романовна.

Я уже писала къ тебѣ, что мужъ мой отставленъ отъ должности безъ пенсін и безъ всякаго награжденія. Мы долгое время не могли вѣрить нашему несчастію и до самого пріѣзда новаго начальника все еще надѣялись удержаться какъ-нибудь на губернатор-

скомъ мѣстѣ. Теперь болѣе ничего не остается какъ покориться волѣ Божіей и стараться дожить вѣкъ свой какъ-можно тише и покойнѣе.

Ты не повѣришь, какъ грустно было разставаться навсегда съ принадлежностями счастливой губернаторской должности. Часовые, жаандармы, полиціймейстеръ съ рапортомъ, секретарь съ докладомъ, увы! все перешло къ нашему преемнику; въ передней, гдѣ прежде толпились просители и просительницы, чиновники съ поздравленіями, помѣщики съ разными произведеніями садовыми и оранжерейными, корнитъ теперь старой денщикъ; у воротъ вмѣсто часовыхъ стоятъ на-стражѣ двѣ злыя собаки; дворъ заросъ травою, и глубокая тишина царствуетъ въ покояхъ, гдѣ нѣкогда разговоръ и шумъ не умолкали. Мужъ мой сдѣлался угрюмымъ и печальнымъ; онъ совершенно отказался отъ здѣшняго общества, и даже не доволенъ тѣмъ, что я не хочу слѣдовать его примѣру. Но ты знаешь, моя милая, что, не имѣя дѣтей, имѣнія и большаго хозяйства, я не умѣю придумать, чѣмъ заняться дома: балы, карты и разговоры необходимы для моего здоровья; слѣдовательно, я по-прежнему живу болѣе въ каретѣ, чѣмъ въ кабинетѣ. Однако признаюсь тебѣ откровенно, что каждый выѣздъ мой стоитъ мнѣ много горькихъ слезъ; вездѣ принимаютъ меня съ

небреженіемъ и съ убійственною холодною. Какъ люди перемѣнчивы, непостоянны въ своихъ чувствахъ! Какъ могла я такъ долго вѣрить ихъ лицемернымъ ласкамъ и притворной преданности!

Вчера пригласили меня къ обѣду, гдѣ я въ первый разъ должна была встрѣтиться съ моею преемницею. Я думала, что мнѣ по-прежнему предоставлятъ занять первое мѣсто въ гостиной и за столомъ, тѣмъ болѣе что новая губернаторша двумя чинами моложе меня; однако вышло напротивъ, какъ ты послѣ увидишь. Еще за-долго до ея прѣзда, хозяинъ суетился, глядѣлъ въ окно, выходилъ нѣсколько разъ на балконъ, и жаловался на медленность ея прибытія; мужчины толпились у дверей, а дамы сидѣли прямо на стульяхъ, улыбаясь, жеманились, вздыхали. Всѣ эти изьявленія всеобщаго нетерпѣнія мучили, терзали, бѣсили меня. Наконецъ она вошла тихо, скромно, важно, и послѣ учтиваго привѣтствія поспѣшила занять приготовленное для ней мѣсто на диванѣ. Хозяинъ едва могъ говорить со страха; самое неловкое молчаніе послѣдовало за прежнею сумятицею и тревогою. Я рѣшилась не начинать разговора, до тѣхъ-поръ пока губернаторша не изьявитъ сама желанія со мною познакомиться; но вообрази себѣ мое отчаяніе, когда глухой хозяинъ съ торжественнымъ видомъ подошелъ

ко мнѣ, принудилъ встать со стула, и подвелъ къ ней, крича во весь голосъ: «Позвольте, ваше превосходительство, рекомендовать вамъ старую нашу губернаторшу, Татьяну Леонасьевну Попагалову.» Она полу-привстала, едва замѣтнымъ образомъ наклонила голову и сказала мнѣ съ улыбкою: «Вамъ рано еще, сударыня, оскорбляться названіемъ, которымъ насъ удостоилъ нашъ почтеннѣйшій хозяинъ; оно вовсе не можетъ вамъ принадлежать.» Вслѣдъ за этими словами она подошла ко мнѣ и начала разговаривать учтиво и внимательно, однако мнѣ было неловко съ нею; благородство и непринужденность стройнаго, гибкаго станна, ловкость въ каждомъ движеніи, звучность юнаго голоса, наконецъ разительное превосходство во всемъ и надъ всѣми, вмгъ превратили меня въ ничтожество. Съ первой минуты, съ перваго взгляда, я рѣшилась ненавидѣть эту молодую женщину, передъ которою я потеряла всѣ прежнія свои достоинства. Зачѣмъ она такъ рано оставила блестящій кругъ столицы, чтобы скрыться въ глуши бѣднаго, безвѣстнаго губернскаго города?

Между-тѣмъ роковая минута наступила: двери столовой комнаты съ трескомъ растворились, и хозяйка-дуралей въ страшномъ замѣшательствѣ, не зная что дѣлать, которую изъ насъ вести, то подходилъ, то

отступая, то съ робостию глядѣлъ на меня (помня о старыхъ грѣшкахъ по службѣ), то съ глупою улыбкою обращалъ взоръ къ ней. Наконецъ опасеніе обидѣть губернатора въ лицѣ его супруги, восторжествовало надъ боязнію, которую я ему внушала: онъ прошелъ мимо меня, наступилъ мнѣ на ногу по своейственной похлѣбкѣ неловкости, и протанувъ издалека локоть къ моей соперницѣ, отправился съ нею церемоніальнымъ маршемъ въ столовую. Всѣ прочія дамы наши себѣ кавалеровъ, оставя мнѣ на выборъ ветеринарнаго доктора, отставнаго гарнизоннаго поручика и учителя гимназій. Что дѣлать? Надобно было рѣшиться, въ первый разъ въ моей жизни, идти за другомъ одной, безъ проводника. За-столомъ меня посадили подлѣ моей кумушки хозяйки. Не стану тебѣ описывать всѣхъ моихъ мученій во время обѣда. Бѣда начинали полагать не съ меня, а съ ней; ищи за ея здоровье, а не за мое; всѣ учтивости оказывали ей, всѣ взоры были обращены къ ней; а я, я забытая всѣми, грустная, приемирѣвшая, сама могла удержаться отъ слезъ. Она казалась равнодушна ко всему; всеобщее вниманіе и удивленіе ея не радовали; только я замѣтила, что по-временамъ, наклоня голову къ тарелкѣ, она старалась скрывать улыбку, которая появлялась на устахъ при каждой глупости и нелов-

кости хозяина. Наконецъ скучный обѣдъ кончился, и мы всѣ возвратились въ гостиную прежнимъ порядкомъ. Замѣтя, что я ползу одна за всѣми, губернатора подошла ко мнѣ и спросила: — «Вы безъ кавалера?» — Не знаю почему я оскорбилась ея замѣчаніемъ, и отвѣчала довольно сердито, окинувъ взоромъ все общество: — «Бывало время, сударыня, когда меня принимали вездѣ съ почтеніемъ и съ пренизкими поклонами; но теперь, какъ вы сами видите, меня считаютъ ни-во-что, и ставятъ на-ряду съ титулярными совѣтницами и коллежскими регистраторшами. Таковъ свѣтъ губерскихъ городовъ!» — «Какъ это странно, замѣтила она задумавшись: не мудрено, что когда-нибудь и со мною то-же случится.» — «Помалуйте, ваше превосходительство, перервалъ глупый нашъ хозяинъ: мы умѣемъ васъ цѣнить не по одной только службѣ Дражайшаго вашего супруга; вашъ умъ, ваше сердце, ваши рѣдкія добродѣтели поражаютъ насъ тысячу разъ болѣе того блеска, того величія, которымъ вы окружены.» — «У васъ, сударь, долженъ быть самый быстрый взглядъ для открытія душевныхъ качествъ, если вы успѣли замѣтить во мнѣ, при первомъ нашемъ знакомствѣ, столько рѣдкихъ достоинствъ.» — «Повѣрите, ваше превосходительство, мы еще до вашего пріѣзда

знали васъ съ прекрасной стороны.» — «Неужели? Да у меня здѣсь нѣтъ ни одного знакомаго. Кто-же могъ вамъ описать мою особу? Развѣ кучеръ, или поваръ, которые опередили меня нѣсколькими часами?» — «Точно такъ-съ; мы васъ узнали по разсказамъ вашихъ людей.» — «Я очень признательна моему кучеру за похвалу вовсе незаслуженную, а васъ благодарю чувствительно за вниманіе ваше къ моимъ слугамъ.» — Глухой хозяинъ принялъ послѣднюю рѣчь за комплиментъ, и униженно поклонился.

Послѣ обѣда начались танцы, въ которыхъ я не принимала участія. Миѣ завидно было смотрѣть на новую губернаторшу, на ея прелестную, едва замѣтную пожку, на черные, густые, прекрасно завитые кудри, на воздушныя движенія миловиднаго стану, на голубые, ясные глаза, въ которыхъ тысяча мыслей, тысяча воспоминаній, то печальныхъ, то радостныхъ, отражались, блистали, исчезали попеременно. Миѣ стало грустно, досадно, и я уѣхала домой, недождавшись ужина.

Бѣдный мужъ мой сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ и приводилъ въ порядокъ огромную переписку и разныя дѣла по службѣ. Между разбросанными бумагами, я замѣтила письмо бѣдшаго нашего чиновника по особеннымъ порученіямъ. Этотъ подлецъ изъ пер-

выхъ покинулъ моего мужа, и съ того дня, какъ узналъ объ его отставкѣ, совершенно прекратилъ прежнее съ нами знакомство. Его поведение насъ обоихъ изумило; онъ, казалось, былъ такъ къ намъ приверженъ, такъ нѣжно заботился о нашемъ здоровьи, о нашемъ спокойствіи; и вдругъ, безо всякой причины, забыть десятилѣтнія дружескія сношенія, объявить себя нашимъ врагомъ; нашимъ клеветникомъ! О Боже! И вотъ его письмо, писанное только за пять мѣсяцевъ до нашего несчастія. Не есть-ли оно образцовое сочиненіе глубокой, неподражаемой подлости? Одна строка достаточна, чтобы обезчестить, помрачить навсегда имя честнаго человѣка; но мечтали-ли онъ когда-нибудь о чести, о добродѣтели, о благородствѣ души? Нѣтъ! Ему нужны чины, деньги, отличія, и за нихъ онъ готовъ на все. Какъ онъ дурень, какъ онъ сталъ миѣ противенъ съ своимъ подлѣльнымъ хохломъ на тѣмѣ! Фигура тѣмъ отвратительнѣе, что безобразность происходитъ у него не столько отъ неправильности чертъ лица, какъ отъ выраженія низкихъ страстей, которыми преисполнена его душа. Отпущу тебѣ, измѣиникъ; письмо твое будетъ въ рукахъ новаго губернатора; онъ тебя узнаетъ черезъ него, и лишитъ той довѣренности, той благожелательности, которая ты уже успѣлъ себѣ присвоить.

Не могу болѣе продолжать; надо дать волю слезамъ. Прости, мой другъ. Остаюсь навсегда любящая тебя

Татьяна Понагалова.

Милый другъ,

Татьяна Афанасьевна.

Очень, очень жалю о тебѣ и о почтеннѣйшемъ твоёмъ Платонѣ Михайловичѣ. Вся бѣда конечно произошла отъ доноса г. Ц.; но позволяй себѣ напомнить то, о чемъ я вамъ обоимъ нѣсколько разъ говорила и писала. Вы избаловали своихъ чиновниковъ лишнею учтивостью и чрезмѣрною добротою. Мужъ мой уже двадцать пять лѣтъ въ должности гарнизоннаго батальоннаго начальника: многіе изъ нашихъ сослуживцевъ жаловались, кричали; однако я умѣла усмирять всѣхъ ворчуновъ и заставить ихъ молчать. Ты, матушка, должна была лучше присматривать за мужемъ и сама распорядить дѣлами; тебя ставили ни-во-что, между-тѣмъ какъ мои гарнизонные офицеры дрожатъ передо мною какъ осиновые листья. И моего Юганна Вильгельмовича

держу въ рукахъ, и не даю воли дѣйствовать свободно. Однако и моя жизнь не безъ заботъ. Вотъ на примѣръ здѣсь недавно получено извѣстіе о перемѣнѣ воротниковъ, которые, какъ тебѣ извѣстно, были прежде желтые, а теперь приказано носить зеленые. У меня такой порядокъ былъ введенъ, что наши портные (изъ жидовъ) кроили и работали все при моихъ глазахъ; я сама бывало-прибирала всѣ остатки и сберегала ихъ до будущаго года: казна отнустить новые куски для обмундировки; я беру ихъ себѣ для вознагражденія усердныхъ трудовъ по службѣ, а прошлогодніе остатки выдаю портнымъ для воротниковъ. Итакъ самымъ честнымъ образомъ я наживала себѣ каждый годъ хорошенькой запасецъ сукна, изъ котораго одѣвала всѣхъ своихъ людей: кучера, повара, дворники, всѣ у меня щеголяли въ желтыхъ тулунчикахъ; теперь увы! придется два года ждать зеленого запаса.

На прошедшей недѣлѣ у меня накопилось много занятій: генералъ пріѣзжалъ осматривать полкъ Юганна Вильгельмовича. Въ это время всѣ мои служивые какъ-нарочно заболѣли, кто лихорадкою, кто ревматизмомъ; хотя тройная порція хины всѣхъ ихъ поставила опять на ноги, однако они казались блѣдны, желты, извурены; что оставалось дѣлать? Я велѣла поскорѣе кушить какъ-можно болѣе румяць, и съ помощію гор-

ничной разложила его по щекамъ служивыхъ. Его превосходительство остался всё въ доволень, хвалилъ устройство, чистоту, и, обратясь къ Иоганну Вильгельмовичу, сказалъ ему: «Удивительно какъ вы умѣли сберечь здоровье вашихъ солдатъ; въ другихъ полкахъ они всё хворають, а здѣсь я вижу, что даже и у стариковъ румянецъ играетъ на щекахъ.» О другъ мой! какъ мнѣ лестно было слышать справедливое замѣчаніе нашего генерала!

Скажу тебѣ странную новость. Новый губернаторъ былъ на-дняхъ у насъ и ужаснымъ образомъ разругалъ полицейскихъ чиновниковъ. Боего болѣе досталось нашему городничему. Такъ-какъ изъ моего окна можно было все видѣть и слышать, то я расскажу тебѣ весь ихъ разговоръ. Послѣ двухъ или трехъ учтивыхъ вопросовъ, губернаторъ вдругъ закричалъ: — «Милостивый государь! Я долженъ вамъ объявить, что ирѣмъ городъ вами недоволенъ. Говорятъ, что вы стѣсните промышленность и торговлю, требуя отъ купцевъ и мѣщанъ подарковъ насильственнымъ образомъ.» — «Клянусь честью, ваше превосходительство, что я отъ мѣщанъ никогда ничего не требовалъ: виноваты только тѣмъ, что совѣстился огорчать откупомъ купцевъ первой и второй гильдіи; они съ радостію снабжали меня крупницею отъ богатой своей трансы.» — «Говорятъ, что отъ

васъ безъ денегъ нельзя ожидать ни суда, ни расправы.» — «Ваше превосходительство, почему-жь и не брать отъ виновныхъ? По прожденному мнѣ челоуколюбію, я не хотѣлъ ихъ предавать всей строгости законовъ, а они съ большимъ удовольствіемъ избавлялись отъ наказанія денежною пенею. Вѣдь наши предки всегда откупались вирами.» — «Я по всему вижу, что у васъ благороднѣйшій образъ мыслей; но чѣмъ вы можете извинить жестокость вашего поступка съ этою бѣдною женщиною, которая стоитъ у дверей въ слезахъ?» — «Я велѣлъ наказывать ее за непослушаніе мужу. Великое зло можетъ произойти въ свѣтѣ, если давать слишкомъ много воли женщинамъ. Въ Турціи боялись онѣ мѣшковъ, въ Индіи костра, а мѣхъ горожанокъ не худо страшить дубиною.» — «Вы женаты?» — «Точно такъ-съ.» — «Да, кстати, я забылъ вамъ сказать, что здѣшніе жители еще несравненно болѣе жалуются на вашу супругу чѣмъ на васъ; они даже приписываютъ ей совѣтамъ всё предосудительное ваши поступки.» — «Жена моя получила прекраснѣйшее воспитаніе, говорить по французски, пишетъ превосходно, и я считаю за честь руководствоваться ея совѣтами.» — «Такъ ей-же будете вы обязаны и увольненіемъ вашимъ отъ должности. Я не намѣренъ продолжать службу съ вами.» — «Съ моею женою, ваше превосходительство? О Боже, да-

кое несчастіе! Чѣмъ заслужили мы вашъ гнѣвъ? Покорнѣйше прошу прочесть хоть одно сочиненіе моей жены; вотъ прозектъ ея о сформированіи, образованіи, и воспитаніи канцелярскихъ чиновниковъ.»—Губернаторъ взялъ рукопись съ насмѣшливымъ видомъ и едва только прочелъ первую страницу, схватилъ карандашъ и написалъ на оборотѣ: *«Вранье и вздоръ. Женское дѣло заниматься хозяйствомъ, работою и воспитаніемъ дѣтей. Остальное до нихъ не касается.»*

Ты не можешь себѣ вообразить, другъ мой, какъ губернаторъ жестоко насъ обидѣлъ своимъ замѣчаніемъ. Вѣсть о томъ скоро пронеслась по всему городу, и мужчины начали смотрѣть на насъ какъ-бы свысока. Даже и мой Юганій Вильгельмовичъ сталъ что-то спесивиться, и раза два принимался оспаривать мое мнѣніе. Но я не теряю духа, и послѣ отъѣзда губернатора докажу всѣмъ, что я статекихъ вовсе не боюсь и что умѣю держать своихъ военныхъ въ должномъ повиновеніи.

Прости мой другъ до слѣдующей почты.

Преданная тебѣ, Юлія Семигофъ.

Наташья Торичева.

КЪ ДЕЛИЛЬЮ.

Делиль! Мой старшій другъ! Стань въ скромный уголокъ,
Гдѣ мѣсто я тебѣ приличное сберегъ
Между любимцами классическаго бога,
Брасавцами ума и щеголями слога;
Будь библіотеки почетный гость моей!
Тебѣ въ ней кстати быть: ты въ памяти людей
Почти забыть; а я, ко славѣ беззаботный,
И не былъ никогда въ ихъ памяти пролетной:
На это нуженъ былъ особый мнѣ пріемъ;
А я не зналъ его! — Но дѣло не о томъ!

Ты здѣсь! Благодарю тебя за наслажденье,
 Которымъ упоилъ ты первое вступленье
 Мое въ шѣтущій міръ любви и стиховъ!
 Ты въ памяти моеи слить съ счастьемъ тѣхъ годовъ,
 Когда, душою свѣжъ, здравъ тѣломъ, сердцемъ юный,
 Самъ весь гармонія, гармоніей и струны
 Отвѣтствовали мнѣ на пылкую любовь,
 На ясный тотъ восторгъ, когда молодая кровь
 Вскивала отъ того, что жить — уже блаженство,
 А міръ и люди — все казалось совершенство! —

Міръ! Люди! Я усилъ узнать ихъ съ этихъ лѣтъ!
 Делить! По ихъ суду ты нынѣ — не поэтъ! —
 Кто-жь ты, природы другъ, искусства обладатель?
 Когда ты не поэтъ, такъ ты очарователь! —
 О! въ эти двадцать лѣтъ міръ прожилъ цѣлый вѣкъ!
 Въ страданьяхъ, въ опытахъ созрѣвшій человекъ
 Отвыкъ отъ стройныхъ чувствъ, отъ свѣжихъ впечатлѣній,
 Отсталъ онъ отъ любви, отъ мирныхъ наслаждений;
 Хладъ въ сердцахъ, мракъ въ душахъ; согрѣть ихъ, освѣтить —
 То Промисеевъ огонь имъ снова возвратить! —
 Но боемъ стали въ сталь, о древо древа треньемъ,
 Есть средство огонь извлечь усиьемъ и терпѣньемъ:
 Подобно-такъ и онъ, стѣснивъ насильно духъ,
 Пустьивъ всѣ страсти въ бой, усилитъ свой недугъ,
 Всѣ злодѣянія, всѣ изступленья силы,
 Всю жизни черноту — съ игрушки до могилы —

Въ воображеніи насильственно стѣснилъ;
 Сильмъ адскимъ пламенемъ зажечь онъ, освѣтить
 И двинулъ, но куда, болящую душу?...
 О! снѣжь отвѣтомъ и покою твоимъ не нарушу! —
 Какъ имъ любить тебя? — Спокойный сельскій кровъ,
 Гармонія рѣчь, блескъ радужный цвѣтовъ,
 Игры младенчества, любви самодабленье,
 Болтливой старости о прошломъ повторенье,
 Движеніе души и благородныхъ чувствъ,
 При памяти добра, при торжествѣ искусствъ —
 Съ снѣжь поколѣнія младыя незнакомы!
 Что въ памяти у нихъ? — Войны, пожаръ и громы,
 Убийства, грабежи, смятеніе въ городахъ,
 Правленье палачей, анархія и страхъ,
 Корысть, раздоръ, всѣхъ узъ семейныхъ расторгненье:
 Вотъ воспоминанья ихъ! Вотъ ихъ мечты, видѣнья! —
 Ты не волнуешь ихъ! Въ тебѣ имъ нищя итъ:
 Имъ нуженъ адъ — не жизнь! — Делить! Ты не поэтъ! —

Но къ чести Франціи и къ чести просвѣщенія
 Еще въ сынахъ ея остатки уваженія
 Къ тебѣ, къ другимъ ищамъ, хранится и по-днесъ.
 Въ нихъ есть какая-то врожденная имъ смесь,
 Съ которой классиковъ, чтецами позабытыхъ,
 Они считаютъ все въ великихъ, въ знаменитыхъ.
 У нихъ Расинъ, Вольтеръ, и Сивиня сама,
 Все слава нации, все образцы ума;

И самый Буало, ихъ строгій воспитатель,
 Не слушаютъ его, а все законодатель!..
 Но мы? — О! намъ ужь я никакъ не надивлюсь!
 У насъ едва почти образовался вкусъ;
 А гениевъ... два, три... Державинъ — и обчелся...
 Кто нынче? отвѣчать никто-бы не нашелся...
 И тѣхъ... мы не хотимъ признать ни одного!..
 Друзья мои! да намъ причудничать съ чего? —
 Повѣрьте, тѣ, кого берете вы примѣромъ,
 Тѣ справедливы! — Они передъ Мольеромъ
 Донынѣ омиамъ жгутъ полною рукою;
 Ихъ Лавонтень до-днесь пѣваетъ простотою:
 Они забыли ихъ, какъ моду двухъ столѣтій,
 Но уважаютъ ихъ, гордятся, что ихъ дѣти;
 Какъ сынъ, забывъ отца, отъ одного стыда
 Не плюетъ на его могилу никогда,
 И, если кто при немъ о старикѣ вспомянетъ,
 Онъ самъ издохнетъ о немъ и хохотать не станетъ.
 Повѣрьте, если-бъ былъ Державинъ нашъ у нихъ,
 Изъ даже нашъ Петровъ, они-бы грубый стихъ
 Умѣли отличить отъ мысли благородной,
 И были-бы они — ихъ славю народной,
 У Долгорукова, межъ множествомъ стиховъ
 Неправильныхъ, простыхъ, между чужезныхъ словъ,
 Простосердечную найди какую шутку,
 Или веселаго народа прибаутку,

Изъ сердца рѣзкую, глубокую черту,
 Или любви тѣхъ дней унылую мечту,
 Они-бы наизусть все это затвердили,
 За ними-бы и мы все это повторили.
 У нихъ — столько-же устроился языкъ:
 У насъ — онъ вдругъ изъ тьмы невидимо возникъ;
 Потому, чрезъ столько лѣтъ, въ которыхъ былъ скованъ,
 Не сошней авторовъ, двумя былъ образованъ:
 Одинъ стихамъ, другой далъ прозѣ красоту —
 Все вдругъ — гармонию, законъ и простоту,
 И силу мужества, и юности свободу.
 Ихъ слава-бы должна священна быть народу!
 Но мы!... Нѣтъ! Я не могъ съ спокойною душой
 Читать, когда журналъ — (не назову какой) —
 Твердилъ, что это старь, хлесталъ все безъ пощадъ,
 Кричалъ, что высшіе теперь намъ нужны взгляды;
 А самъ, терзая слухъ, коробилъ смыслъ и умъ,
 За-тѣмъ чтобъ молодежь за нимъ пускала шумъ.
 Когда ужь наши дѣды,
 Сражаясь съ языкомъ, достигнувши побѣды
 И поле славы намъ очистивъ наконецъ,
 И тѣ не возмогли свой удержать вѣнецъ —
 Чего ждать будетъ намъ?.. И что за просвѣщенъ,
 Которое ведетъ съ собой уничтоженъ
 Заслугъ, трудовъ, и чувствъ, и памяти людей?
 Къ чему насъ приведетъ путь истребленъ сей?

Какого ждать конца от этого начала?
 Прекрасная душа Горация вылазъ
 Негодованіемъ на Августовъ народъ,
 За-то что старыхъ онъ преданій не блюдетъ,
 Что съ ихъ забвеніемъ забыты предковъ нравы...
 А мы... мы не хранимъ и самой вашей славы! —

Что-жь губить все у насъ? — Желанье новизны! —
 Смотрите: гдѣ у насъ остатки старины?
 Палаты прадѣловъ, сады ихъ — опустѣли!
 Собранье книгъ, картинъ — пройдетъ-ли дѣй недѣли,
 Чтобы наследникъ ихъ не продалъ съ молотка?
 Что тѣшило и вкусъ и гордость старика,
 То съ-рукъ сбываетъ сынъ! — Особенная ревность
 Въ насъ русскихъ истреблять, губить родную древность,

Все наскоро, все вдругъ, все новость, все чужое,
 Все подражаніе, все модой привитое!
 Передъ Европой мы точъ-въ-точъ проанциалъ,
 Боторый въ первый разъ въ столицу приехалъ.
 И отъ нея отстать въ веселостяхъ стыдится:
 На базѣ не-хотя безъ ужина кружится,
 Въ полдневный пыльный зной, въ вечерній душный жаръ,
 Тащится воздухомъ питаться — на бульваръ,
 Не смѣя вспомануть свой сельскій садъ тѣнистый,
 Озера и пруды, ихъ воздухъ свѣжій, чистый.

Такъ! подражаніе, стремленіе къ новизнѣ,
 Желанье быть во всемъ съ другими на-равнѣ,
 Желаніе не *быть*, а только-что *казаться*,
 Желанье не отстать, на-часъ да векачь промчатся:
 Вотъ, вотъ что губить насъ! — Благодаря судьбѣ,
 Мы не были съ страстьми, съ злодѣйствами въ борьбѣ,
 Не зрѣли мы главу подъявшаго порока:
 Россию Богъ хранилъ отъ этого урока! —
 За чѣмъ-же намъ къ душѣ насильно прививать
 Болѣзнь позорныхъ чувствъ и къ лгу привыкать?
 То искаженная, не нашихъ душъ природа!
 У насъ въ душахъ еще просторно — и свобода
 Какъ нашимъ авторамъ, такъ нашимъ и чтецамъ...
 Безъ сору этого — довольно пищи намъ!...
 Мы нашу Русь еще, мы нашихъ чувствъ не знаемъ;
 Что-жь кровью сцену мы, что злобой духъ питаемъ? —
 «Духъ времени!» кричалъ какой-то журналистъ:
 Духъ этотъ и не нашъ, духъ этотъ и не чистъ! —

Делить! Когда-бъ теперь душа твоя проснулася,
 Прочтя, да посмотря, она-бы содрогнулася!
 Что звалъ ты смѣлостью и ужасомъ, повѣрь,
 То развѣ для дѣтей игрушкою теперь.
 Займется-ли кто змѣй, гіеннѣ, изображеніемъ?
 Тѣхъ змѣй и тѣхъ гіеннѣ кажимъ-то превращеніемъ?
 Находимъ въ людяхъ мы, описывая такъ
 Подробно, какъ ты намъ описывалъ трюмакъ.

Но я, вновь развернув твои произведения,
 Нашелъ какое-то душѣ въ нихъ оживленье:
 Онѣ утѣшили меня — и навели
 Глаза мои опять на красоту земли,
 На вѣчно-юную, великую природу...
 Я чувствовалъ въ душѣ, въ дыханіи свободу:
 Миѣ было такъ легко; ты возвратилъ миѣ вновь
 И прежняго меня, и прежнюю любовь,
 И жизни годъ моей, который межъ годами,
 Одинъ былъ какъ цвѣтокъ межъ терномъ и песками...
 Я вспомнилъ самъ-себя, и былъ какъ прежній я! —
 Делить, мой добрый другъ! Благодарю тебя! —

Прости; но дай сказать себѣ еще два слова:
 Какъ русской, здѣсь тебя благодарю я снова!
 Ты насъ пророчески Парижу возвѣщалъ;
 Ты Александровъ мечъ Бурбонамъ указалъ: *

* Вотъ стихи Делюза, въ которыхъ находится сіе предсказаніе, исполнившееся действительно какъ пророчество. Онѣ находятся въ изданіи его поэмы «La Fille» изданной, замѣтимъ это, въ 1801 году, когда не-льзя было никакъ предвидѣть возмозуща на престола Франціи, испанскаго, Людовика XVIII:

Jeune et digne héritier de l'empire des Césars!
 Sur toi le monde entier a fixé ses regards...

Ты подвигъ описалъ его безъ украшенія,
 Какъ совершившійся, когда лишь Провидѣнье,
 Могло въ судьбахъ своихъ ему назначить срокъ! —
 Ужель ты не поэтъ? — Ты *vales!* Ты пророкъ! —

Алх. Дмитриевъ.

МОСКВА.

12-ноября 1833.

Oui, tu protégeras ce prince déplorable
 Que relève à tes yeux une cote honorable;

 Souviens-toi de ton nom: Alexandre autrefois
 Fit monter un «-illard sur le trépas des rois.
 Sur le front de Louis tu metteras la couronne;
 Le sceptre le plus beau, c'est celui que l'on donne.

МОЛИТВА НА ПИРУ.

=

Когда горать сто радужныхъ кенкетовъ
И машуть сто смычковъ,
И, съ легкостью весеннихъ вѣтерковъ,
По яснымъ зеркаламъ паркетовъ,
Скользять, какъ пышныя видѣнья сновъ,
Воздушно-радужныя пѣры,
И, невидимо, всѣхъ охватываютъ чары:
Ты знаешь-ли, куда, оставя блескъ пировъ,
Отъ вскипяченнаго паркета,
Душа уносится поэта? —

— 597 —
Могуществомъ волшебнаго полета,
Вскрыть черепъ зады пировой,
Съ своею силой огневой,
Она летить, дорогой заревой,
За мглу, за снѣжь, въ моря негаснущаго свѣта,
Отдавъ толиѣ *ларецъ холоднѣй* свой.
Какою огненной (онъ дивно-окрыленный)
Молитвой молится, мой я освобожденный!..
Да! ни одинъ анахоретъ
Не молится въ своей тиши келейной,
Такой молитвою таинственно-элейной —
(Повѣрить-ли тому, пойметъ-ли это свѣтъ?) —
Какъ твой задумчивый поэтъ
Во храмиѣ роскошнаго угара,
Въ толпѣ завихренныхъ тѣней,
И въ буйномъ мятежѣ трагезнаго разгара
Всколыханныхъ страстей!..

©. Тинка.

=

ОЛЕГІЯ.

Въ толиѣ живой и суетливой,
 У алтаря, гдѣ мѣръ и Богъ,
 Пріемлешь ты рукой стыдливой
 Обѣта вѣчнаго залогъ.
 О пусть-же поцѣлуй вѣнчалъный
 Съ ланитъ и устъ на-вѣкъ согреть
 Печать любви первоначальной,
 И нить былыхъ надеждъ прерветъ!

Напрасно тайное смущенье
 Колеблетъ дѣвственную грудь:

Судебъ свершая назначенье
 Идешь ты въ невозбранный путь.
 Боишься-ли неожиданой встрѣчи?
 Вѣрь, не увидишь ты на немъ
 Того, чьи горестныя рѣчи
 Могли-бъ напомнить о быломъ.

Когда любви твоей священной
 Съ такой горячностью искалъ,
 Я рѣдко, рѣдко духъ смущенной
 Мечтою счастья ласкалъ.
 О немъ теперь-ли не забуду?
 Приду-ль укору говорить?
 Отыскивать я правъ не буду,
 Хоть ихъ имѣю можетъ-быть!

Разсудка хладныя совѣты
 Не могутъ сердца обмануть:
 Лѣта въ градущемъ тьмой одѣты;
 Но какъ для насъ несходенъ путь!
 Тебѣ — страна очарованья,
 Манящая цвѣтами даль;
 Миѣ — одинокія страданья
 И нераздѣльная печаль.

Взойдетъ надъ роцею благовоной
 Любви знакомая луна;

Но часъ свиданія условный
Не приведетъ уже она;
Тотъ сонъ, который небомъ вѣзалъ,
На вѣки отъ очей бѣжалъ....
Какъ много я надеждъ посѣялъ,
Какъ мало радостей пожасть! —

Вернеть.

СТОНЪ ТРУЖЕНИКА.

Жизнь безъ цѣли — не жизнь. Люди! Всѣмъ я вамъ чуждъ;
Я трава опаленная зноемъ:
Мнѣ давно-бы пора отъ заботы и нужды
Отдѣлится могильнымъ покоемъ.

Я желалъ-бы заснуть, чтобъ печали меня
Не будили надгробною пѣсню,
Не входили ко мнѣ, прежде Божьяго дня,
Съ изнуренной сестрою-болѣзью.

Я желалъ-бы заснуть, чтобы стонъ мой людей
Не тревожилъ изъ кельи досчатой:

Безъ заботы о томъ, что съ разсвѣтомъ мой путь
Обозначится новой утратой;

Что и завтра съ утра я, продажнымъ трудомъ,
Задую проявленіе воли —

И одинъ, изъ нужды, побреду подъ ярмомъ
Унизительной, горестной доли;

Что увижу своихъ горделивыхъ судей
Съ ледянымъ и бессмысленнымъ взглядомъ;

Что, стремясь въ бѣдѣ подъ защиту друзей,
Обнимуся съ измѣной и хладомъ.

Оглянусь съ полноты: призракъ прошлаго тамъ;
Онъ въ грядущемъ мнѣ горе пророчить!

О! пора на покой! Пусть червякъ гробовой
Бытіе бесполезное точить!

Ж. Степановъ.

==

УЪЗДНАЯ ЖИЗНЬ.

ПИСЬМО

КЪ Д. М. К—ЧУ.

=

Вы не знаете «уѣздной жизни». Вы и не можете знать, смѣю васъ увѣрить.

Ради-Бога, не вѣрьте нашимъ Бальзакамъ, которые подражаются ставить въ журналы всякую всячину, въ томъ числѣ и уѣздные очерки. Если-бъ вы видѣли, какъ подсмѣиваются надъ ними уѣздные жители, при всемъ благоговѣніи къ печатному! — Да и въ самомъ-дѣлѣ какъ эти господа берутся за дѣло? Они

понижаютъ на нѣсколько градусовъ самыя низшіе слои столичной атмосферы, воображая, что уѣздная жизнь есть петербургская Коломна, или московскіе Хамовники, только еще уродливіе, еще градиѣе. Какъ-бы не такъ? Это особый, самостоятельный, самоцвѣтный міръ, оригиналъ, а не копія! — Я не говорю уже о тѣхъ, которые передѣлываютъ заграничную провинціальную жизнь на русскіе нравы, или лучше выдаютъ ее за русскую въ плохомъ переводѣ съ русскими именами. Этихъ молодцевъ стѣнтъ преслѣдовать земскою-полиціею и отлатъ подъ уѣздный-судъ, какъ контрабандистовъ, или какъ поддѣлывателей фальшивой монеты. Дала-бы имъ тогда знать себя уѣздная жизнь въ настоящемъ своемъ видѣ! —

Чтобы узнать людей, надо съѣсть съ ними три пуда соли, говоритъ пословица. Уѣздное человечество хотя и имѣетъ особенное пристрастіе къ соленому, все-же трехъ пудовъ не скушаешь съ нимъ въ три часа, даже если-бъ это было и на-другой-день именинъ судьи или свадьбы головиной дочери, когда огуречный разсолъ подвергается огромнѣшему потребленію. А много-ли найдете вы наблюдателей и живописцевъ нравовъ, которые проводили-бы въ уѣздномъ городѣ больше того времени, сколько нужно на пере-

мѣну почтовыхъ лошадей, ссору съ лыщиками и сдѣлку съ станціоннымъ смотрителемъ!..

Бываютъ избранные, которымъ случается жить въ уѣздныхъ городахъ по нѣскольку мѣсяцовъ, въ качествѣ ревизоровъ, слѣдователей, чиновниковъ особыхъ порученій. Но не полагайтесь и на ихъ свидѣтельство. Эти избранныя особы являются на уѣздномъ небосклонѣ грозными метеорами, отъ которыхъ все бѣжить и прячется, творя молитву. Они видятъ только тылъ уѣздной жизни. Конечно, это первое впечатлѣніе страха наконецъ проходить. На всякую грозу есть отводы, придуманные еще до Франклина. Гдѣ судъ, тамъ и милость. Лица гостей проясняются, а съ-тѣмъ-вмѣстѣ прекращается и лихорадочный знобъ хозлевь. Жизнь уѣздная смѣлѣетъ, разшевеливается, выползаетъ изъ своихъ норъ. Но все какое-то принужденіе связываетъ ея движенія; все она на вытяжкѣ, въ парадѣ, шпага при бедрѣ, руки по швамъ, треуголка на бекренѣ. Къ страшницамъ привыкають: зовуть на закуску, на бостонъ, въ кумовья, въ посаженные отцы, буде встрѣчаются таковыя occasiо. Однако, при всѣхъ оныхъ случаяхъ, господствуетъ всевозможная осторожность: нѣтъ искренности, что называется, на-голо, на распашку. Достодолжное уваженіе и таковол-же преданность къ «почтеннѣйшей особѣ его высокоблагородія»

закрываетъ рты, вяжетъ руки, гнетъ спины, крѣпнѣтъ ноги. Высокіе посетители бываютъ очень довольны, и, по чувству справедливой признательности, свидѣтельствуютъ передъ начальствомъ, что нашли уѣздный городъ «въ своемъ видѣ». А это-то и неправда. Жизнь уѣздная именно бываетъ тогда «не въ своемъ видѣ»: она дѣлаетъ на себя пародію, карикатуру.

Больше могли-бы видѣть другіе избранныки, которые заживаются въ уѣздныхъ городахъ не по службѣ, а по нуждѣ, ухаживая за дѣломъ въ первой инстанціи. Жизнь уѣздная не имѣетъ нужды скромничать передъ тѣми, которые имѣютъ до ней нужду: тутъ она не совѣстится, не церемонится. Но за-то здѣсь колесо оборачивается. Эти гости сами боятся своихъ хозяевъ, сами находятся въ тягостномъ принужденіи, которое мѣшаетъ свободѣ и безпристрастно наблюдѣнію. До правовъ-ли имъ, когда вся судьба ихъ зависитъ отъ «порова»? Этотъ поровъ они и стараются изучать, къ нему хлопочутъ подлунить. Отъ нихъ не узнаете вы правды; потому-что они сами либо прѣзжаютъ, либо уѣзжаютъ «кривыми»!

Не вѣрьте окружнымъ помѣщикамъ, которые вывозятъ изъ деревень въ уѣздный городъ на ярманку, или въ гости къ чиновникамъ въ фамиліные праздники. Въ первомъ случаѣ они видятъ уѣздное человѣче-

ство не въ нормальномъ его состояніи: ярманка перепорачиваетъ все вверхъ дномъ: это лирическое отступление отъ обыкновеннаго порядка, припадокъ горячки. Последніе случаи — та-же ярманка, только въ уменьшенныхъ размѣрахъ, въ камерѣ-обскурѣ или камерѣ-кларѣ, смотря по состоянію хозяевъ. Притомъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ никогда, да и въ первыхъ очень рѣдко, посетители возвращаются домой въ памяти, съ впечатлѣніями, которыя-бы не двоились.

Не вѣрьте армейскимъ офицерамъ, которые стоятъ на квартирахъ по уѣздамъ. Это люди крайностей: они или всѣмъ довольны, или ничѣмъ не довольны! — Не вѣрьте студентамъ университетовъ и академій, ни даже ученикамъ гимназій, прѣзжающимъ погостить въ вакаціальное время на родинѣ. Это головы слишкомъ идеальныя! — Не вѣрьте губернаторской свитѣ, архіерейскимъ пѣвчимъ, присяжнымъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ и другимъ періодическимъ наѣзникамъ. Это народъ слишкомъ матеріальный! — Не вѣрьте даже кореннымъ жителямъ уѣздныхъ городовъ. Ихъ голосъ всегда фальшитъ. У купца онъ подкрашенъ патріотизмомъ; у чиновника, который еще на службѣ, звенитъ самохвальствомъ, или поетъ притворнымъ смиреніемъ; у отставнаго, дребезжитъ съ горя, или хрипитъ въ пересохломъ горлѣ отчаянными проклятіями

на все человечество, въ-томъ-числѣ и на уѣздное...

Вѣрите только опыту безкорыстному и безпристрастному. Вѣрите тѣмъ, которые видѣли уѣздную жизнь близко, лицомъ-къ-лицу, но наблюдали ее безъ всякихъ предубѣжденій и страстей, *sine ira et studio!* —

Какой глубоко выразительный смыслъ имѣетъ это слово «уѣздъ»! — Педанты могутъ толковать по-своему, по-ученому, какъ хотять. Истинное значеніе слышится простымъ ухомъ въ самыхъ звукахъ слова. «Уѣздъ» — то-есть мѣсто, куда *уѣзжаютъ*! Въ столицахъ, и даже въ губернскихъ городахъ,* безпрестанно смѣняются въѣзды и выѣзды. Это мѣста *пріѣзды*. Оттого и физіономія ихъ подвижна, разнообразна, многословна. Въ уѣздныхъ городахъ напротивъ. Тутъ нѣтъ прілива и отлива народонаселенія. Составъ общества опредѣленъ указнымъ неизмѣннымъ штатомъ, который если и пополняется на убыль мѣста новыми лицами, то именно изъ людей *уѣзжихъ*, терпящихъ расположеніе къ выѣзду, ненавидящихъ пріѣзды, заѣзды и наѣзды. Вотъ почему уѣздная жизнь представляетъ образецъ стереотипнаго единства во всѣхъ многочисленныхъ экземплярахъ своего явленія въ пространствѣ, во всѣ моменты историческаго развитія во времени.

Въ статистическомъ отношеніи есть много различія между уѣздными городами. Одни изъ нихъ не уступаютъ губернскимъ, обширностью, числомъ домовъ и церквей, выгодами мѣстоположенія и обиліемъ жизненныхъ способствъ. Другіе меньше, бѣднѣе, неопратнѣе порядочной деревни. Но вездѣ одна основа, одинъ и типъ жизни. Разница не въ качествѣ, а въ количествѣ элементовъ. Представляя въ дѣйствицѣ общественности противоположный полюсъ городамъ *столичнымъ*, уѣздные города въ полномъ смыслѣ *одноличны*. Это впрочемъ служить къ ихъ чести. Это гораздо лучше *двуличности* городовъ губернскихъ, которые — отъ уѣздовъ отстали, къ столицамъ не пристали! — Я не охотникъ до «золотой середины», не жалую ни въ чемъ «*juste milieu*». Плюсъ и минусъ всегда даютъ нуль. Либо то, либо се. И то и се — никуда не годится.

Бываютъ побочныя обстоятельства, которыя отчасти разнообразятъ физіономію уѣздныхъ городовъ, какъ-то положеніе на большомъ трактѣ, пристань или складка товаровъ, сосѣдство богатыхъ дворянскихъ имѣній, всего-жь-болѣе близость другихъ большихъ городовъ, въ-особенности столицъ. Здѣсь естественно происходятъ отклоненія отъ общаго типа. Любопытно изучать и эти отклоненія въ картинѣ общаго развитія народной жизни. Но я хочу описать вамъ «уѣздную

жизнь» въ ея чистотѣ, не искаженной никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Я покажу, какъ является она въ рамкахъ настоящаго уѣзднаго города, который стоитъ не на проходной дорогѣ, куда почта забѣгаетъ только разъ въ недѣлю, и то на одной лошади, гдѣ разъ въ годъ бываетъ ярманка, на которую съѣзжаются крестьяне изъ окружающихъ деревень продавать яйца и покупать деготь, гдѣ нѣтъ вовсе помѣщиковъ, такъ что всѣ служебныя мѣста занимаютъ чиновниками не по выборамъ, а отъ короны, гдѣ наконецъ о Москвѣ и Петербургѣ существуютъ только смутныя преданія, точно-какъ объ Иерусалимѣ и Вавилонѣ, и самый губернской городъ, по своему отдаленію, служитъ предметомъ мнѣшескихъ свазаній, распускаемыхъ безъ повѣрки людьми «уѣздными», принимаемыхъ съ условнымъ благоговѣніемъ людьми въ собственномъ смыслѣ «уѣздными», или что то-же «безвѣздными».

Если вы пріѣдете въ такой уѣздной городъ не въ базарный день, который обыкновенно бываетъ по воскресеньямъ, то васъ поразитъ съобая, торжественная тишина, царствующая на улицахъ, буде таковыя имѣются въ наличности; но подобно сказать, что иногда улицы существуютъ только на планѣ города, который, въ слѣдствіе разныхъ непредвидѣнныхъ об-

стоятельствъ, приводится въ исполненіе съ постепенностью, часто вовсе непримѣтною. Во всякомъ случаѣ, будутъ-ли то дѣйствительныя улицы, или только промежутки домовъ, исправляющіе должность улицъ, вы рѣдко, очень рѣдко, встрѣтите на нихъ «двуногое животное безъ перьевъ». Четвероногія и пернатые будутъ повсюду вамъ въ изобиліи, особенно на лужкѣ, окружающемъ Соборъ, или въ лужахъ, покрывающихъ городскую площадь. Тутъ найдете вы цѣлыя табуны коровъ, цѣлыя стада гусей и утокъ; однимъ-словомъ, всякой домашній скотъ и всякую домашнюю птицу, въ полномъ наслажденіи неограниченною, хотя тѣмъ-не менѣе скромною, свободою. Можетъ случиться, что вы встрѣтите и живое существо, движущееся на двухъ ногахъ, по-видимому не пернатое; но не доверяйте первому взгляду: всмотритесь попристальнѣе, и вы увидите, что это животное все въ пуху, если не въ перьяхъ, что оно сѣднѣтъ къ перу, или отъ пера... Тѣ изъ уѣздныхъ жителей, которые не обращаются съ перьями, то-есть мѣщане и купцы, рѣдко показываются на улицахъ: они, если не на работѣ или не въ гостяхъ, то всегда бываютъ дома.

Но вы не успѣете до-сыта полюбоваться этою мирною, идиллическою тишиною, какъ именно вашъ пріѣздъ разрушитъ все ея очарованіе. Едва слышнѣе

звонъ вашего колокольчика, или стукъ незнакомыхъ колесъ, все взволнуется, все придетъ въ движеніе. Собаки, дотогдѣ скромно покоившіяся у воротъ, подадутъ отъ себя первый голосъ, громкимъ, оглушительнымъ лаемъ: онѣ окружаютъ васъ со всѣхъ сторонъ, будутъ бросаться подъ ноги лошадямъ, подъ колеса повозки. Шумъ и гамъ разпространится съ электрическою быстротою. Гуси и утки встревожатся, загочутъ, захлепнутъ крыльями. Курица, словно чуя надъ собой ястреба, начнетъ торопливо скликать своихъ пилитъ. Запальчивый плѣтухъ тряхнетъ своимъ гребнемъ, надуется и пуститъ изъ всѣхъ силъ пронзительное кукареку. Флегматическія индѣйки раскудахтаются, какъ перессорившіяся торговки. Даже тѣ четвероногія, которыя непоковъ-вѣка считаются символами высочайшаго самодовольства и блаженнѣйшей безопасности, даже они, поднявшися лѣниво съ грязныхъ пуховиковъ, не оставятъ присоединить своихъ воззласовъ къ общему хору. Безмолвіе сохранять развѣ одинъ королю, отличающійся, какъ навѣсто, стоическимъ присутствіемъ духа и пинагорейскою молчаливостію во всѣхъ случаяхъ; но, при сей экстренной окказіи, и въ ихъ большихъ философскихъ глазахъ вы замѣтите выраженіе тревожнаго любопытства. Коротко сказать, вы въѣдете въ городъ, какъ не въѣзжалъ ни одинъ три-

умфаторъ въ столицу древняго міра, какъ развѣ-только праотецъ Ной входилъ можетъ-быть въ свой ковчегъ на-канунѣ всемірнаго потопа.

Но люди! Что-же люди? Уже-ли въ нихъ нѣтъ и искры сочувствія къ собрату? —

Глядите на окошки. Вы увидите, они захлебнулись лицами. Нѣтъ такого занятія, такого чувства, такого наслажденія, которое-бы не перервалось въ одно мгновеніе при вашемъ прибытіи. Уфалное челоуѣчество тѣмъ возвышается надъ простонародіемъ сель и деревень, что ужастъ-какъ любопытно: этимъ выражается въ немъ развитіе высшихъ знательныхъ интересовъ, присутствіе жизни умственной. Почувявъ необыкновенное движеніе въ городѣ, всѣ бросаются къ окнамъ для наблюденій, пожираютъ жадными глазами новое явленіе, будетъ-ли то ссора двухъ собакъ, драка мужа съ женою, толпа ребятшекъ, пускающихъ бумажный змѣй, крупный разговоръ чиновниковъ, которые возвращаются изъ присутствія, или пріѣздъ незнакомой повозки. Барыня перестаетъ бранить служанку, и бросается къ окну. Служанка забываетъ свой страхъ, и тоже къ окну. За неимѣніемъ другихъ свободныхъ отверстій на улицу, величавый баринъ ослабляетъ свою важную фигуру изъ-за воровской рожницы служанки, подобострастный писарь, онъ-же и домаш-

ний слуга своего начальника, плутовски ухмыляется сквозь огромныя крылья чепца спесивой барыни. Въ окнахъ у гражданъ рисуются группы не столько разнообразныя и характерныя, но зато болѣе сложныя. Что ваши столичные магазины Невскаго-Проспекта или Кузнецкаго-Моста, выглядывающіе изъ всѣхъ рамы ярко раскрашенными гравюрами? Тутъ картины живыя, выставляющіяся не для того чтобъ вы ими любовались, а для того чтобы любоваться вами.

Но вы промчались скоро. Вы ускользнули отъ этого перекрестнаго огня любопытныхъ глазъ. Вы думаете, что васъ не-когда было разсмотрѣть, разобрать, разислѣдовать. Какъ вы жалко ошибаетесь! Смѣю увѣрить, что ни одинъ глазъ не глядѣлъ на васъ даромъ, особенно женскій. Суровые представители нашего ханнокрывнаго пола конечно довольствуются иногда простымъ безкорыстнымъ созерцаемъ, отъ котораго ничего не остается, кромѣ машиннаго влеченія понюхать табакъ или почесать въ затылкѣ. Но не такова прекрасная половина уѣднаго человечества, свѣто сохраняющая внимательность и прозорливость, наследованная отъ общей праматери. Каждая изъ зрительницъ на-вѣрное подсмотрѣла въ васъ что-нибудь, хотя-бы вы проблеснули молнией: та—цвѣтъ вашего сертука, эта—длину носа, третья—форму картуза, четвер-

тая—волосы, пятая—шеки, шестая—по-крайней-мѣрѣ шерсть лошадей, цвѣтъ дуги, шиновку колесъ, и тому подобныя принадлежности вашего появленія. Вы еще не успѣли остановиться, а уже изъ этихъ отрывочныхъ данныхъ начали на вашъ счетъ соображенія, догадки, заключенія. Вы еще не выѣзли изъ повозки, а со-сѣдки уже переговариваются между-собою изъ оконъ, сообщая одна-другой свои замѣчанія. Воображеніе разигрывается, любопытство возрастаетъ. Вышія посылаютъ за низшими просить на свиданіе: городничиха требуетъ къ себѣ повивальную-бабку; судейша посылаетъ за попадѣй; исправница зоветъ головиху. Прежде-нежели вы осмотрѣлись въ своей квартирѣ, все уже взвѣшено, обсужено, приведено въ ясность: на основаніи вашего сертука положено мнѣніе о нашемъ званіи; по злому картуза рѣшенъ вашъ чинъ; по быстротѣ или медленности ѣзды, цѣль вашего прибытія въ городъ; по лошадямъ и повозкѣ, ваше богатство. Остается скрѣпить рѣшеніе. И это предоставляется почтмейстеру, если вы пріѣхали на почтовыхъ; въ противномъ-же случаѣ хозяину вашей квартиры, который не оставитъ безъ должныхъ разспросовъ нашего кучера и вывѣдаетъ отъ него всю подноготную, прежде-нежели тотъ успѣетъ отложить лошадей и поставить къ мѣсту повозку.

Стало-быть, васъ уже всё знаютъ; но вы еще никого не знаете, и долго не узнаете. Хорошо, когда вы штабъ, или, если оберъ, то приѣхали въ своемъ экипажѣ на рессорахъ. О! тогда, черезъ полчаса послѣ вашего прибытія, самъ начальникъ города явится къ вамъ засвидѣтельствовать свое почтеніе, на-вѣдаться о вашихъ нуждахъ, предложить свои услуги. Въ такомъ случаѣ, если вы приѣхали утромъ или въ полдень, то на-вѣрное къ вечеру будете приглашены на чай къ радушному градоначальнику, гдѣ уже будутъ собраны уѣздный-судья, исправникъ и стряпчій, чтобы составить вамъ партію бостона по-гривнѣ фишка. Жены этихъ верхушекъ уѣздной аристократіи также придутъ, но послѣ, и не черезъ главный входъ, а черезъ спальню хозяйки, откуда будутъ выглядывать по-временамъ и даже выходить въ ту комнату, гдѣ находитесь вы, будто для того чтобы пошептаться съ мужьями. На-другой-день утромъ вамъ представятся другіе столпы уѣзднаго общества: засѣдатель, градскій-голова (если имѣетъ амбицію и любитъ ходить въ мундирѣ), соборный староста, уѣздный лекарь, смотритель уѣзднаго училища, почтмейстеръ, итакъ далѣе. Но если вы только титуляръ, и титуляръ на телѣжкѣ, то не прогибайтесь; васъ станутъ посѣщать, но не иначе какъ въ обратномъ порядкѣ; къ городничему-

же вы непременно должны явиться сами, и какъ-можно скорѣе: въ противномъ случаѣ, рискуете не быть съ нимъ знакомы, хотя-бъ вы прожгли въ городѣ до втораго пришестья.

Но знакомство съ мужчинами еще ничего не значить: это корка лимона, скорлупа уѣздной жизни. Васъ будутъ приглашать въ дома, ласкать, угощать, кормить и поить до-незлы: но что въ томъ толку? Это все еще паперть, а не внутренность святилища. Чтобы сблизиться съ высшимъ цвѣтомъ всякаго, слѣдовательно и уѣзднаго общества, то-есть съ дамами, мало быть вхожимъ въ домъ по-милости хозяина. Вы можете проводить у него дни и ночи, жить съ нимъ душа-въ-душу, раздѣлять всё его радости и печали, хозяйничать сами въ его домѣ: но заколдованная, непреходимая черта, будетъ отдѣлять васъ отъ хозяйки, тѣмъ-болѣе отъ ея дочерей, которыя вамъ и не покажутся. Причиною тому не дикая нелюдность, но чрезвычайная строгость этикета, котораго малѣйшее нарушеніе можетъ подать поводъ къ безконечнымъ толкамъ, пробудить стоустую трубу молвы и пересудовъ. Надо выиграть, независимо отъ мужскаго знакомства, расположеніе и протекцію высшаго женскаго ареопага, который въ сущности есть верховная законодательная власть и всего уѣзднаго общества. Въ

этомъ ареопагѣ обыкновенно председательствуетъ градоначальница, кромѣ развѣ экстренныхъ случаевъ, когда общество дѣлится на непримиримыя партіи, что случается очень-рѣдко. Какъ-бы то ни было, судьба ваша зависитъ отъ главныхъ председательницъ женскаго пола въ городѣ, которыя несколько не соображаются съ мужьями, произносятъ свои приговоры независимо и свободно. Рѣшать, и вы допущены всюду: васъ никто не чуждается, никто не бѣгаетъ, никто не зазираетъ; вы полный дѣйствительный членъ уѣзднаго общества...

Что-жь это за общество? —

Уѣздное общество имѣетъ то главное отличительное свойство, что, подобно эфемерному призраку бывшей Французской-Республики, «едино и неразделимо» во всей точности буквального смысла. Могутъ быть въ немъ раздѣленія, смуты, несогласія, иногда сопровождаемая явною войною, рукопашными междоусобіями. Но точно-какъ въ среднія времена «миръ-Божій» въ уреченные сроки прерываетъ все вражды, точно-такъ здѣсь всякая ассамблея есть торжество общаго примиренія: она соединяетъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ, самыхъ заклятыхъ непріятельницъ.

Это оттого, что въ уѣздномъ городѣ нѣтъ матеріаловъ, изъ которыхъ можно-бы было составить нѣсколько разныхъ, уединенныхъ круговъ: други и недруги поневолѣ составляютъ одинъ кругъ. Разумѣется, не-рѣдко случается, что непріязненные лично элементы, собравшись, гнѣтъ-силыѣ приходятъ въ броженіе; ихъ бесѣда оканчивается грознымъ столкновеньемъ страстей, языковъ и даже рукъ; но случись на-другой-день новый поводъ къ собранію, они опять вмѣстѣ, все безъ исключенія. Въ праздники продолжительные, каковы на-примѣръ святки, масляница, или чья-нибудь богатая свадьба, иногда въ одинъ день нѣсколько-разъ совершаются подобныя революціи: утромъ ссора, къ обѣду миръ, послѣ обѣда новая схватка, вечеромъ опять примиреніе, за ужинъ идутъ обнявшись, послѣ ужина надобно растаскивать. Такимъ непрерывнымъ кругообращеньемъ стереотипное единство уѣзднаго общества избѣгаетъ монотонія, поддерживается въ безконечномъ разнообразіи, которое, какъ извѣстно, есть начало и условіе жизни.

Единство уѣзднаго общества всеобъемлюще. Въ немъ нѣтъ различія кастъ. Близкое къ первоначальному тождеству естественнаго состоянія людей, оно сохраняетъ патріархальный характеръ семейства, въ которомъ все братья. Мундиръ не чуждается сибирки;

шелковистая борода ласково обметает щеки выголен-
 ный бритвою; русская душегрѣйка и пѣмецкій роб-
 ронъ дружески жмутся другъ-къ-другу; пѣть
 даже предубѣжденія противъ широкихъ рукавовъ ве-
 личавой рясъ. Но не думайте, чтобы эта всеобъемле-
 мость не имѣла вовсе никакихъ предѣловъ. Уѣздное
 общество есть уже шагъ впередъ отъ простаго, совер-
 шенно безразличнаго, состоянія природы, отъ жизни
 всею «громадою», всею «миромъ», какъ то бываетъ
 въ деревняхъ и селахъ. Здѣсь есть своя исключитель-
 ность, разборчивость, брезгливость. Уѣздное общество
 имѣетъ свою аристократію.

Аристократія уѣздная, какъ и всѣ возможныя
 аристократіи, основывается на тѣхъ-же двухъ нача-
 лахъ, на чинахъ и на деньгахъ. Къ чести уѣзднаго
 общества должно сказать, что оно раньше всѣхъ об-
 разованнѣйшихъ обществъ Европы постигло важность
 послѣднихъ документовъ и, на основаніи ихъ, даро-
 вало среднему сословію должное мѣсто въ обществен-
 ной іерархіи. Все это произошло такъ тихо, такъ мир-
 но, безъ всякихъ усилій со-стороны гражданъ и
 прекословіи со-стороны чиновниковъ. Теперь надобно
 только имѣть сапоги и синій суконный кафтанъ, да
 дерзать дома на всякой случай ромъ и нѣсколько сор-
 товъ наливковъ; вотъ и грамота на принятіе въ составъ

уѣзднаго общества всякаго, кто-бы онъ ни былъ,
 даже застѣателя отъ крестьянъ и волостнаго старосты.
 Впрочемъ эта великодушная снисходительность нисколь-
 ко не ослабляетъ того уваженія, которое по всею
 правамъ принадлежитъ аристократіи чиновной, удер-
 живающей за собою неоспоримое первенство. Люди
 безчиновные, какъ-бы ни были денежны, никогда не
 зазнаются, всегда помнятъ свое отношеніе къ гербо-
 вымъ пуговицамъ и треугольной шляпѣ. Даже тѣ изъ
 нихъ, которые сами считаются за-урядъ въ классѣ и
 имѣютъ право носить мундиръ, какъ-то голова, бур-
 гомистры, ратманы, несмотря на яркое шитье своихъ
 воротниковъ, держатся въ почтительномъ разстояніи
 позади дѣйствительныхъ чиновниковъ, не имѣющихъ
 даже кантика. Они кланяются имъ въ поясъ при каж-
 домъ словѣ, приговаривая ежеминутно «ваше благо-
 родіе». Жены ихъ, залитыя золотомъ, увѣшанныя жем-
 чугами, не смѣютъ пикинуть передъ «барыней», кото-
 рой весь гардеробъ, праздничный и будничный, не
 стѣнть одного собольяго воротника ихъ шубки. Ихъ
 даже не называютъ «барынями», не только въ обще-
 ствѣ, но и дома, собственныя служанки. Это имя
 принадлежитъ только класснымъ чиновницамъ, равно-
 какъ имя «барышни» есть собственность только чи-
 новническихъ дочерей и сестеръ. Исключеніе дѣ-

дается лишь въ пользу женъ и дочерей священниковъ, которые въ уѣздномъ городѣ, не знаю почему, считаются «канитанами».

Чиновная аристократія уѣзднаго общества начинается отъ четырнадцатаго класса включительно. Ниже этой завѣтной черты, будь кто хоть семи пядей во лбу, не имѣетъ доступа въ общество. Иногда, изъ уваженія къ отцамъ, сыновья привимаются и прежде этого законнаго срока, но только въ самыя торжественныя ассамблеи, и притомъ съ очевиднымъ пренебреженіемъ. Въ этомъ случаѣ я отдаю полную справедливость разборчивости уѣзднаго этикета. Въ самомъ дѣлѣ надо быть «чѣмъ-нибудь» въ своемъ родѣ, чтобы занять мѣсто въ обществѣ: купецъ — онъ купецъ; мѣщанинъ — онъ мѣщанинъ; а приказной безъ класснаго званія — что такое?.. Потому нельзя вообразить торжества выше, радости восторженнѣе и уповительнѣе, какъ когда уѣздный канцеляристъ получаетъ возжеланный чинъ коллежскаго регистратора: это даетъ ему все вдругъ, воззываетъ изъ совершеннаго небытія въ полное бытіе. Тогда онъ не только становится членомъ общества со всѣми правами и преимуществами, но однимъ скачкомъ возносится на самую высшую степенъ лѣстницы; между классными чиновниками въ обществѣ уже нѣтъ ника-

кого различія: все они одинъ духъ, одно тѣло. Съ минуты утвержденія въ чинѣ, коллежскій регистраторъ самъ — «баринъ», жена его — «барыня», дочери — «барышни». Въ моемъ соедѣствіи случилось недавно подобное торжественное происшествіе. Боже мой! какъ все вдругъ переизмѣнилось въ семействѣ, до-тѣхъ-поръ скромномъ, смиренномъ, напоминавшемъ о своемъ существованіи только глухимъ шумомъ домашнихъ междоусобій! Въ первое воскресенье, новая «барыня» заняла въ церкви мѣсто на-передѣ между чиновницами (женскій полъ средняго состоянія обыкновенно становится позади мужчинъ, какого-бы они званія ни были, хотя-бъ простые деревенскіе крестьяне); новый «баринъ» свободно раскланялся съ городничимъ, пожалъ руку исправника и все время службы прошепталъ съ лѣсничимъ. Вечеромъ, новопроизведенная чета задала пиръ на весь міръ, то-есть на все общество. Къ-сожалѣнію, кухарка семейства, исправлявшая должность официанта, не привыкла еще къ новому титулу своей «хозяйки» и продолжала называть ее въ публикѣ по-прежнему, то-есть именемъ и отечествомъ. Уфъ! какая была это пытка для «барыни»! Она и краснѣла, и блѣднѣла, и морицилась, и кусала губы. Многія сострадательныя дамы, понимая ея муки, намекали безтолковой камер-фрау, какъ должна она величать

свою госпожу: «барыня-де тебе приказывает, барыня говорить, подойди къ барыне», и тому подобное. И при этихъ словахъ, впрочемъ не достигавшихъ своей прямой цѣли, душа «барыни» отдыхала: она становилась милѣе, радушиѣе и угостительнѣе.

Надо вамъ сказать, что женщины играютъ здѣсь главную роль во всемъ развитіи общественной драмы, хотя по-видимому находятся въ тѣни, не высовываются на аван-сцену театра. Когда вы войдете въ-первый разъ въ ассамблею уѣзднаго общества, вы подумаете, что прекрасный полъ осужденъ здѣсь пить горькую чашу: всѣ женщины обыкновенно сбиты въ дальней комнатѣ, иногда герметически закупоренной для мужчинъ, особенно иногородныхъ, пріѣзжихъ; онѣ даже ужинаютъ отдѣльно, не вмѣстѣ съ кавалерами. Но не безпокойтесь слишкомъ на ихъ счетъ. Во-первыхъ, «горькая чаша» исключительно предоставляется здѣсь нашему грубому полу; дамы напротивъ, въ своемъ тайникѣ, пресыщаются всеми возможными «сластями». Во-вторыхъ, изъ-за кулисъ онѣ приводятъ въ дѣйствіе всѣ машины, двигающія общество. Безъ ихъ дѣятельнаго, могущественнаго участія, это общество не могло-бы состояться, превратилось-бы просто въ мірскую сходку, въ базарное сборище. Дамы суть хранительницы порядка, благочинія, этикета, бон-

тона, однимъ-словомъ всѣхъ условій и приличій уѣздной общности. Кавалеры, самые спесивые, самые вельможные, иногда въ пылу упоенія, забываются до-того, что готовы пуститься въ присядку, обниматься и брататься отъ души съ мельникомъ, съ скорнякомъ, съ саножникомъ. Дама напротивъ помнитъ всегда себя и свое званіе. Разъ случилось мнѣ спросить у одной почтенной чиновницы пожилыхъ лѣтъ: — «Что это за милая дѣвица, которая сидитъ тамъ, возлѣ исправника?» — «Извините, сударь, отвѣчала она: это не дѣвица!» — «За кѣмъ-же она за-мужемъ!» — «продолжала я. — «Извините, сударь, она не за-мужемъ!» — «Такъ не уже-ли вдова въ такихъ молодыхъ лѣтахъ?» — «Извините, сударь, не вдова!» — Признаюсь, я совершенно потерялся при этихъ отвѣтахъ, не зная что думать. Но загадка тотчасъ объяснилась! — «Это дочь моя, барышня?» прибавила моя собесѣдница, тономъ проникнутымъ досадою на мою невѣжливость и недогадливость. — Обратилесь-бы вы къ отцу: онъ-бы и усомъ не повелъ за оскорбленіе, которые вы навесли его дочери, назвавъ ее «дѣвицей»! — Блюдя строго уставъ приличій, дамы заботятся и о тишинѣ общественной. Гдѣ онѣ, тамъ собраніе можетъ сдѣлаться бурно, можетъ дойти до игры рукъ, но никогда не оканчивается свалкою. Подобно древнимъ сабинянкамъ,

онѣ, при первомъ шумѣ, выбѣгаютъ на поле битвы, бросаются между разъяренныхъ противниковъ, обезоруживаютъ ихъ иногда ласками, иногда угрозами, иногда и болѣе дѣйствительными средствами, такъ-что миръ снова восстанавливается. Однажды, во время великолѣпнаго бала у градскаго головы, въ самый ужинъ, закипѣла ужасная гроза. Стряпчій схватился съ самимъ хозяиномъ, или лучше схватилъ его за длинную, окладистую бороду. Градоначальникъ принялъ сторону угнетенной невинности и оскорбленнаго гостеприимства; но тѣмъ обратилъ на себя тучу. Напрасно поручикъ инвалидной команды вступился за власть. Гроза только болѣе разсвирѣѣла. Уже испуганный судья предлагалъ спастись бѣгствомъ, пока еще цѣлы кости. Вдругъ отворились настежь двери дамской комнаты: жена стряпчаго, недавно еще вышедшая за-мужъ, какихъ-нибудь лѣтъ восемнадцати отъ роду, крошечное, слабое созданіе, бросилась на своего супруга — и левъ сѣлся на агнецъ... Общая мировая заключилась дружескими лобзаніями и тостами. Мы доужинали спокойно и разошлись по домамъ весело.

Правда, долгъ безпристрастія требуетъ сознаться, что прекрасный полъ не всегда довольствуется благодѣтельною ролею миротворства. Если въ цѣдрахъ уѣднаго общества зараждаются раздѣленія внутре-

нія, вражды глубокия и продолжительныя, то это всегда бываетъ отъ женщинъ. Уѣдное челоѣчество мужескаго пола не отличается силою страстей. Вдругъ все закипитъ, вдругъ все и выкинитъ! Страсти женщинъ не такъ бурны, не такъ огнедышны, но зато упорны, злопамятны, непримиримы. Самая чувствительная сторона уѣдныхъ дамъ есть ревность. Бѣда, кто затрогаетъ въ нихъ эту страсть, чѣмъ-бы то ни было! Онѣ не столько пылки въ любви, сколько въ ненависти, закипающей при малѣйшемъ знакѣ предпочтенія къ другой женщинѣ, иногда совершенно неумышленномъ. Безусловная опала изрекается тогда на весь родъ и племя мнимой соперницы. Ея домъ будетъ окруженъ шпіонами; каждый шагъ будетъ замѣченъ и перетолкованъ; каждое движеніе оклеветано; каждая часть парода обругана до ниточки. Вражда растеть, растеть, и наконецъ сообщается мужьямъ, роднѣ, всему обществу. Въ городѣ образуется двѣ враждебныя партіи, въ родѣ Красной-и-Бѣлой-Розы, или правой и лѣвой стороны пылкихъ парламентовъ, которыя часто сами не знаютъ, за что ненавидятъ другъ-друга, изъ-за чего сыръ боръ загорѣлся. Другою причиною внутреннихъ расколовъ общества бываетъ столкновение дамскихъ самолюбій, обиженныхъ нарушеніемъ чинопочтительнаго этикета.

Это случается рѣже; потому-что составъ уѣзднаго общества опредѣленъ независимымъ штатомъ, въ которомъ каждому чину указана своя степень. Бываютъ однако и здѣсь запутанные казусы, подающіе поводъ къ всеобщему замѣшательству. Такъ, на-примѣръ, до-сихъ-поръ покрыто густымъ мракомъ неопредѣленности, кто находится на самой вершинѣ уѣздной іерархіи: городничій, или судья? Сами эти сановники большей-частью довольствуются тѣмъ, что считаютъ каждый себя независимою, самобытною силою. Но это не удовлетворяетъ ихъ женъ, которымъ мало равенства, допускаемаго безмолвнымъ согласіемъ обѣихъ сторонъ. Онѣ добиваются рѣшить вопросъ чище и опредѣлительнѣе. Судейша основываетъ свои притязанія на томъ, что мужъ ея считается въ седьмомъ классѣ, а городничій только въ восьмомъ. Напротивъ градоначальница выставляетъ и самое свое имя, которое означаетъ «начальницу города», и то, что ея мужъ представляетъ губернатору рапортъ о благосостояніи города и рекомендуетъ всѣхъ прочихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ и судью, и то наконецъ, что по закону судья обязанъ исправлять должность городничаго при его болѣзни или отсутствіи, но городничій никогда не унижается до исправленія должности судьи. Какъ ужъ онѣ проникли во всѣ эти тонкости, истинно не понимаю;

только я не-разъ слыхала всѣ эти доказательства, вычитываемыя произнесеннымъ дискантомъ городничихи и важнымъ баритономъ судейши съ изумительною подробностію и быстротою. Впрочемъ настоящая вражда происходитъ отъ этого соимѣстничества только въ такомъ случаѣ, когда одна изъ соперницъ прѣзжаетъ вновь въ городъ, и слѣдовательно рождаются вопросы: кто кому долженъ сдѣлать первый визитъ? Если это дѣло не улажится какъ-нибудь съ перваго раза, то раздоръ можетъ сдѣлаться непримиримымъ, протянуться на всю вѣчность пребыванія той или другой соимѣстницы въ ея званіи. Тогда весь городъ дѣлится опять на партіи. Увы! Такъ вѣрно суждено быть! Не одна Троя погибла изъ-за Елены! —

Но, повторяю, при всѣхъ этихъ волненіяхъ, уѣздное общество остается «едино и нераздѣльно». Этимъ все сказано. Больше — ишу, ишу, не нахожу ничего прибавить! —

Цотъ вамъ краткій, бѣглый очеркъ жизни, которой я теперь и зритель и участникъ. Не жалею о судьбу, забросившую меня сюда. Безъ-того я никогда бы не узналъ, никогда-бы и не описалъ вамъ «уѣзд-

ной жизни». Заключу только желаніемъ, чтобы вы сами не имѣли случая, тѣмъ-болѣе нужды, узнать ее иначе, какъ по описанію.

Въздвнй Жителъ.

1837.

==

ГОРОДОКЪ.

=

Прощай, прощай, родное племя,
Прости мой милый городокъ!
Какъ ловко здѣсь убилъ я время —
Счастливый міра уголокъ!

Прощай, лечу, я сердцемъ волею;
Но унесетъ мой праздный умъ —
И звонъ вечерній колоколенъ,
И улицы знакомый шумъ.—

Ея голубенькіе глазки,
Почей безсонныхъ длинный рядъ,

НАУКОВА БІБЛОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

Складъ городничаго коляски,
Его жены смѣшной парадъ;

Какъ капитанъ, сердце мучитель,
Меня за что-то не влюбилъ,
И какъ уѣздный твой учитель
На счетъ мой повѣсть сочинилъ:

Забуду ихъ! Но наслажденья
Къ тебѣ приду искать я вновь...
Прощай, *mercì* за угощенье,
За пирожки и за любовь!..

И. К.

ПѢСНЬ.

ИЗЪ

ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА.

=

— «О дѣва! жребій твой жестокъ!
Жалка судьба твоя!
Ты теришь плетешь себѣ въ вѣнокъ,
Позынь рвешь для питья.
Перо на шляпѣ, свѣтлый взоръ,
Отважныя черты:
Вотъ про меня, до этихъ поръ,
Все то что знала ты—
Мой другъ!
Все то что знала ты!

Теперь въ день лѣтній много розъ
Лѣзютъ по лугамъ;
Но легче имъ шѣсти въ морозъ,
Чѣмъ вновь сойтиса намъ.» —
Вокругъ себя на брегъ морской
Онъ поглядѣлъ тогда,
И дернулъ онъ коня уздой:
— «Прости-же навсегда —
Мой другъ!
Прости-же навсегда!» —

— — — — ва.

ВЪДУИТЬ.

Кто на конѣ, отваги полный,
Въ степи несется, какъ стрѣла?
За нимъ неску клубятся волны,
Дрожить пустынная земля,
Со свистомъ воздухъ раздѣется;
Конь бурей мчится по буграмъ,
На стукъ копытъ, то здѣсь, то тамъ,
Гулъ то замретъ, то отзовется! —

То мчится дикій, вольный сынъ,
Въ степи взмелѣанный для битвы;

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

То мчится гордый бедуинъ,
 Какъ лань, избѣгая ловитвы.
 Какъ влага съ крутизны скалы,
 Побѣгъ его теперь отваженъ;
 Какъ мощно брошенной стрѣлы,
 Налетъ его могучъ и страшенъ.

Онъ, какъ прикованный къ сѣдлу,
 Сидитъ, склонясь на волны гривы,
 И, устремя въ степную мглу
 Взоръ быстрый, зоркій и пылливый,
 Онъ будто ищетъ среди песковъ
 На что-бъ намчаться жаднымъ враномъ,
 Гдѣ-бъ насладиться пиромъ браннымъ,
 Пролить рѣкою вражью кровь,

Гдѣ-бъ на лету мечемъ гремучимъ
 Отважно голову свести,
 Кровавый слѣдъ пескомъ летучимъ
 Съ коня копя-же замести,
 И мчаться вновь въ степи безбрежной,
 Опять до встрѣчи роковой,
 Склонясь ко гривѣ вороной
 Легко, свободно и небрежно.

Ио. Таланинъ.

КАРТИНА ВЕЧЕРА.

Люблю я берегъ сей пустынный,
 Когда съ зарею лоно воды
 Его ласкаясь обойметъ
 Дугѣй излучистой и длинной:
 Тамъ въ мелководье по песку
 Стада спустилися лѣнливо;
 Тамъ темные сады въ рѣку
 Глядятся зеленою стыдливой;
 Тамъ ива на воды легла,
 На веряхъ мачта тамъ уснула,
 И въ глади воднаго стекла
 Ихъ отраженье потонуло.

М.

Баронъ С. Менделъ

БЛАГОВѢСТЬ.

=

Еще я былъ дитя: изъ хижины родной
 Я къ людямъ выходилъ впервые,
 Извѣдать мой удѣлъ и смѣлою борьбой
 Повѣрить силы молодья;

И шелъ я весело по чуждой сторонѣ
 Въ какой-то край обѣтованный,
 И пестрыя мечты носилъ въ тишинѣ
 Меня къ обители желанной;

И грудь моя рвалась на праздникъ бытія
 По волѣ думъ неувольнимыхъ...

Но мигъ торжественный въ душѣ запомнилъ я
 Изъ этихъ дней невозвратимыхъ!

На небѣ утрецинемъ, надъ спящею страной,
 Сіяла ранняя денница,
 И златомъ обнита лежала предо мной
 Первопрестольная столица.

И грудь раздвинулась, и любо стало мнѣ
 Подъ утреннимъ прохладнымъ свѣтомъ,
 И праздникъ Господа я встрѣтилъ въ тишинѣ
 Благоговѣющимъ привѣтомъ.

Но вдругъ по воздуху раздался дивный звонъ,
 Глашатаи вѣры простодушной,
 И вновь проснулся міръ, нарушивъ краткій сонъ,
 Родному вѣстнику послушной.

Душа наполнилась молитвою простой,
 Я пролилъ слезы сладкой муки;
 А въ тепломъ воздухѣ, въ гармоніи святой,
 Вилась таинственные звуки.

И долго слушалъ я, какъ владетѣли они
 Благоую вѣсть провозглашали,
 Гремѣли, рѣяли, и въ пажити своемъ
 На небеса перелетали.

НАУКОВА БІБЛИОТЕКА ОНУ им. І. І. МЕНДИКОВА

О сколько жизни въ нихъ, высокой и простой,
 И сколько музыки чудесной!
 То праздникъ возвѣстаетъ, то пѣсню святой
 Гласятъ о благодати небесной.

И сколько силы въ нихъ, когда они гремятъ
 Благоговѣннѣмъ и гнѣвомъ,
 Пль уснокоятъ кровь и душу усладятъ
 Своимъ торжественнымъ напѣвомъ!

И сколько горести, когда въ урочный часъ
 Они кончину возвѣщаютъ,
 И брата милаго и близкаго для насъ
 На путь послѣдній провожаютъ!

Я помню этотъ мигъ торжественный, святой,
 Когда въ слезахъ отрадной муки
 Я Бога вѣчнаго молитвою простой
 Благодарилъ за эти звуки.

Но ихъ, какъ въ оный часъ, и нынѣ помню я,
 И тѣ-же радости святыя
 Приносятъ мнѣ они, глаголы бытія,
 Колокола мои родные.

Когда въ урочный часъ волнений и скорбей
 Ихъ звонъ ушей моихъ коснется,

Душа моя встаетъ изъ пропасти страстей
 И къ небу Божию несется.

Высокомерія лукавая мечта
 Въ груди задерживаетъ битвы,
 И страсти безмолствуетъ, и грѣшныя уста
 Мечутъ дѣтскія молитвы.

Эдуардъ Туберъ.

ПОБѢДА ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

=

..... Drei und zwanzig Jahre,
Und nichts für die Unsterblichkeit gethan!

Schiller.

Почтениѣишія читательницы и прекрасные читатели! Для перваго знакомства позвольте пожелать вамъ, чтобы тѣмъ ваша никогда не уменьшалась и мозгъ находился постоянно въ цѣлѣющемъ состояніи. Затѣмъ честь имѣю рекомендовать себя.

Я, Изафети-Маклубъ, житель Одессы, ѣздилъ въ Константинополь, и пробылъ тамъ цѣлыя пять недѣль, изъ числа которыхъ двѣ были боленъ и пролежалъ у себя въ гостиницѣ, а двѣ просидѣлъ тамъ-же, раз-

мышляя о пріятностяхъ путешествія вообще и моего въ-особенности. За-чѣмъ, спросите, я ѣздилъ такъ далеко, чтобы сидѣть и лежать? Будто нельзя этими удовольствіями наслаждаться и въ Одессѣ? На сіе, съ вашего благосклоннѣйшаго позволенія, имѣю честь отвѣтствовать нижеслѣдующее.

Я, Изафети-Маклубъ, путешественникъ необыкновенный, ни на волосъ не похожій на тѣхъ, которыхъ вы видали или читали. Между ихъ и моими понятіями уложится цѣлая часть свѣта. Тогда-какъ однихъ изъ нихъ влекла въ Константинополь ветхая слава Византіи, другихъ желаніе заглянуть подъ вуали турчанокъ, третьи ѣхали туда за сильными впечатлѣніями и красотами Босфорскихъ мѣстоположеній; въ то время какъ любопытство всего свѣта возбуждено было положеніемъ Сирійскихъ дѣлъ, какъ всѣ головы, помѣшанныя на политикѣ и переворотахъ, смотрѣли въ оба глаза и ждали съ нетерпѣніемъ, чѣмъ кончится вторая ссора султана съ слишкомъ сильнымъ пашею, останется-ли побѣда за египетскими войнами, которыхъ тащутъ въ сраженіе привязанныхъ къ верблюжьимъ хвостамъ, или увѣнчаетъ она «побѣдоносное воинство» Махмуда, которое выступаетъ въ походъ только за тѣмъ, чтобы перерѣзать своихъ наставниковъ-европейцевъ, и ждетъ битвы какъ благоприят-

наго случая бросить оружіе: въ это время я страдалъ сильнѣйшимъ сплинномъ, не думалъ ни о чемъ въ свѣтъ, не интересовался ни чѣмъ въ мірѣ, курить себѣ сигару, и вѣруя въ непреложность Ганеманова: «*similia similibus curantur*», лечился отъ одного яда другимъ, прогонялъ сплинь стихами и прозою моихъ литературныхъ пріятелей. Я употреблялъ сильнѣйшія, даже отчаянныя средства, какъ на-примѣръ модныя поѣсти изъ малороссійскаго быта; но, должно-быть, недугъ мой отличался злокачественностію; противудіе не помогало, и я не знаю, что-бы сталося со мною, еслибы сплинь продлился еще нѣсколько времени: можетъ-быть, отъ чего Боже васъ упаси, я началъ-бы писать драму одиннадцати-стопными ямбами, или водевилъ въ пользу и просвѣщеніе прекраснаго пола. Судьба избавила меня однако-же отъ такой бѣды; и вотъ какимъ образомъ это случилось.

Между старыми табакерками моей покойной бабушки, которая если вѣрить моей здравствующей тетускѣ, была страшная фармазонка, увидать и незанято ветхую книжницу. Это мнѣ показалось страннымъ: бабушка и книга—были два понятія, никогда не сталкивавшіеся вмѣстѣ въ моемъ мозгу. Сладъ, что это за книга? Турецкая грамматика! Фу ты прощай! Неужели бабушка маравала по-турецки? Крючковатыя

буквы свивались и задирали другъ-за-друга въ этой грамматикѣ такъ страшно и таинственно, что невольно привлекли мое вниманіе. Я сталъ читать бабушкину книжку; и что-же вычиталъ?— Будто турки думаютъ, говорить и пишутъ прямо противоположно тому, какъ мы говоримъ, думаемъ и пишемъ; будто выражаются не иначе какъ причастіями и дѣепричастіями; то, что у насъ европейцевъ употребляется спереди, они употребляютъ сзади (то-есть предлоги); тамъ, гдѣ-бы мы сказали: «я гуляю въ саду моего брата», они скажутъ: «моего-брата-саду-его-въ гуляющей былъ я»; будто наконецъ османлы дѣйствительно могутъ выговаривать, не свихивая челюстей и не переводя духа, такіа фразы: «*бени филлиль-ла булуттураманджакмысыныль*»— ухъ, насилу написалъ!— Признаюсь, хотя я учился трансцендентальной философіи, и давно вѣрилъ *a priori*, что турецкія книги начинаются тамъ, гдѣ наши оканчиваются, но никакъ не могъ представить себѣ народа, который думаетъ вверхъ-ногами и пишетъ на-выворотъ. Если все это правда, и бабушкина грамматика не лжетъ, подумалъ я, чудный народъ должны быть турки, удивительная нація! Я удивлялся въ-первый-разъ въ жизни, и сплинь мой какъ рукой сняло. Турецкая манера думать такъ пришла въ мнѣ по сердцу, что дни три сразу я самъ говорилъ не иначе какъ

причастіями и дѣспричастіями (еще и теперь слогу мой порядкомъ отзывается тогдашнимъ образомъ выраженія), и все, что надо было ставить спереди, ставилъ сзади. На четвертый, я даже повробовалъ думать вверх-ногами. Съ непривычки это показалось мнѣ трудно. Добиваться своимъ умомъ, какъ это дѣлается, мнѣ была лѣнь, а между-тѣмъ желаніе думать по-турецки становилось сильнѣе съ каждымъ днемъ. Вдругъ лучезарная идея създать въ Константинополь, и собственными ушами и глазами послушать и посмотреть, какъ-это думаютъ вверх-ногами и пишутъ на-выворотъ, а послѣ-того приняться за это самому и дѣлать какъ по-анзаному, освѣтила мракъ моего черепа такъ ярко, что я не сходя съ мѣста рѣшился непремѣнно проявить эту идею въ дѣйствительности. Изъ сказаннаго вы можете видѣть, ученія читательницы, что я не принадлежу къ числу тѣхъ *геллертеровъ*, которые сидя гдѣ нибудь въ Европѣ, на-примѣръ въ Петербургѣ, прославляются открытіями въ афганскомъ языкѣ, какъ будто-бы это былъ языкъ истребившагося народа, и ломаютъ голову глубокомысленными гипотезами о произношеніи афганскихъ буквъ, тогда-какъ гораздо проще было-бы спросить объ этомъ у перваго афганца, хоть въ Оренбургѣ. Это такъ, вводное предложеніе, котораго я вовсе не имѣлъ въ головѣ, когда думалъ о

поѣздкѣ въ Турцію. Возвращаясь къ этой поѣздкѣ, скажу, что мысль объ ней заскала мое воображеніе, какъ молодая жена стараго мужа. Но, стыжусь признаться, я такъ отъ природы лѣнивъ и неповоротливъ, что не знаю, скоро-ли-бы еще собрался отвѣчать какъ-слѣдуетъ на эти нѣжныя ласки. Вотъ однажды обѣдаю я въ *albergo de Matteo Carassa*, гдѣ сверхъ обѣда, за который заплатишь недорого, можно послушаться дорогихъ новостей, которыя ничего не стоятъ. Я съѣлъ уже свой обѣдъ и принимался за кофе, какъ вдругъ вошелъ нѣкто съ торжественною фигурою и, садясь еще на стулъ, обратился уже ко всему почтеннѣйшему обществу съ вопросомъ: «Слышали вы новость? Султанъ Махмудъ умеръ! Это извѣстіе получено съ сегоднешнимъ пароходомъ». Нѣкто, говорившій явно по внушенію судьбы, рѣшилъ мое колебаніе. Къ благородному желанію выучиться думать вверх-ногами и говорить на-выворотъ, присоединились другія болѣе тривиальныя: посмотрѣть носомъ къ носу, что будетъ дѣлаться въ Константинополѣ въ слѣдствіе смерти султана, подслушать миѣніе турокъ о покойномъ, взглянуть на новаго, и множество другихъ, которыя можете сами придумать. Все, что оставалось во мнѣ воображенія, проснулось разомъ, чтобы представить въ самомъ очаровательномъ свѣтѣ всѣ прелести пребыванія въ Констан-

тинополь въ такую занимательную эпоху. Я уже думалъ, что вижу передъ собою трупы обезглавленные, трупы на колѣ, слышу выстрѣлы, вопль, стонъ, и пришелъ въ такой восторгъ, что не доживши кофѣ (этого преступленія я никогда себѣ не прощу), бросился прямо добывать паспортъ и брать мѣсто на пароходѣ, отправлявшемся въ Константинополь. Короче, черезъ день, въ семь часовъ утра, я стоялъ уже у воротъ карантина, а въ одиннадцатомъ пароходѣ задымился, снялся съ якоря, и берега одесскіе побѣжали отъ глазъ моихъ.

Зависавшись въ цехъ путешественниковъ на цѣлые шесть недѣль, я, чтобъ не ударить лицомъ въ грязь передъ моими собратіями, долженъ необходимо принять всѣ ихъ замашки. Начну съ описанія погоды въ первый день плаванія. Она стояла отличная: на небѣ ни тучки; ясно, тепло. Небольшой сѣверо-западный вѣтеръ легко струилъ атласную поверхность моря и надувалъ лѣнливо законченный парусъ. Качки не чувствовалось никакой. Мы, пассажиры, катились по морю какъ на конькахъ, и для препровожденія времени то зѣвали на полосу дыма, вышнуюя клубомъ надъ нашими головами, то слѣдили глазами бороздистый, пѣнистый слѣдъ колесъ, скоблявшихъ черную влагу негостеприимнаго моря, то, отъ времени до времени,

буквы свивались и задевали другъ-за-друга въ этой грамматикѣ такъ странно и таинственно, что невольно привлекли мое вниманіе. Я сталъ читать бабушкину книжку; и что же вычиталъ? — Будто турки думаютъ, говорятъ и пишутъ прямо противоположно тому, какъ мы говоримъ, думаемъ и пишемъ; будто выражаются не иначе какъ причастіями и дѣйпрічастіями; то, что у насъ европейцевъ употребляется спереди, они употребляютъ сзади (то-есть предлоги); тамъ, гдѣ-бы мы сказали: «я гулялъ въ саду моего брата», они скажутъ: «моего-брата-саду-его-въ гуляющій былъ я»; будто наконецъ османлы дѣйствительно могутъ выговаривать, не сглатывая челюстей и не переводя духа, такія фразы: «*бени филантъ-ла булуттурамаджикмысьвиыа*» — ухъ, наслу написалъ! — Признаюсь, хотя я учился трансцендентальной философій, и давно вѣрилъ *a priori*, что турецкія книги начинаются тамъ, гдѣ наши оканчиваются, но никакъ не могъ представить себѣ народа, который думаетъ вверхъ-ногами и пишетъ на-выворотъ. Если все это правда, и бабушкина грамматика не лжетъ, подумалъ я, чудный народъ должны быть турки, удивительная нація! Я удивлялся въ-первый-разъ въ жизни, и силенъ мой какъ рукой спало. Турецкая манера думать такъ пришла мнѣ по сердцу, что дни три сразу я самъ говорилъ не иначе какъ

причастіями и дѣспричастіями (еще и теперь слогъ мой порядкомъ отзывается тогдашнимъ образомъ выраженія), и все, что надо было ставить спереди, ставилъ сзади. На четвертый, я даже попробовалъ думать вверх-ногами. Съ непривычки это показалось мнѣ трудно. Добиваться своимъ умомъ, какъ это дѣлается, мнѣ была дѣль, а между-тѣмъ желаніе думать по-турецки становилось сильнѣе съ каждымъ днемъ. Вдругъ лучезарная идея съѣздить въ Константинополь, и собственными ушами и глазами послушать и посмотреть, какъ-это думаютъ вверх-ногами и пишутъ на-выворотъ, а послѣ-того приняться за это самому и дѣлать какъ по-писаному, освѣтила мракъ моего черепа такъ ярко, что я не сходя съ мѣста рѣшился непременно проявить эту идею въ дѣйствительности. Изъ сказаннаго вы можете видѣть, ученые читательницы, что я не принадлежу къ числу тѣхъ *геллертеровъ*, которые сидя гдѣ нибудь въ Европѣ, на-примѣръ въ Петербургѣ, прославляются открытіями въ афганскомъ языкѣ, какъ будто-бы это былъ языкъ истребившагося народа, и ломаютъ голову глубокомысленными гипотезами о произношеніи афганскихъ буквъ, тогда-какъ гораздо проще было-бы спросить объ этомъ у перваго афганца, хоть въ Оренбургѣ. Это такъ, вводное предложеніе, котораго я вовсе не имѣлъ въ головѣ, когда думалъ о

поѣздкѣ въ Турцію. Возвращаясь къ этой поѣздкѣ, скажу, что мысль объ ней ласкала мое воображеніе, какъ молодая жена старато мужа. Но, стыжусь признаться, я такъ отъ природы лѣнивъ и неповоротливъ, что не знаю, скоро-ли-бы еще собрался отвѣчать какъ-слѣдуетъ на эти ильскія ласки. Вотъ однажды обѣдаю я въ *albergo di Matteo Cavassa*, гдѣ сверхъ обѣда, за который заплатишь недорого, можно послушаться дорогихъ новостей, которыя ничего не стоятъ. Я съѣлъ уже свой обѣдъ и принимался за кофе, какъ вдругъ вошелъ нѣкто съ торжественною фигурою и, садясь еще на стулъ, обратился уже ко всему почтеннѣйшему обществу съ вопросомъ: «Слышали вы новость? Султанъ Махмудъ уморѣ! Это извѣстіе получено съ сегодняшнимъ парходомъ». Нѣкто, говорившій явно по внушенію судьбы, рѣшилъ мое колебаніе. Къ благородному желанію выучиться думать вверх-ногами и говорить на-выворотъ, присоединились другія болѣе тривиальная: посмотреть носомъ къ носу, что будетъ дѣлаться въ Константинополѣ въ слѣдствіе смерти султана, поделушати мнѣніе турокъ о покойномъ, взглянуть на новаго, и множество другихъ, которыя можете сами придумать. Все, что оставалось во мнѣ воображенія, пропало разомъ, чтобы представить въ самомъ очаровательномъ свѣтѣ всѣ прелести пребыванія въ Констан-

тинополѣ въ такую занимательную эпоху. Я уже думалъ, что вижу передъ собою трупы обезглавленные, трупы на колѣ, слышу выстрѣлы, вопль, стоны, и пришелъ въ такой восторгъ, что не доживши кофе (этого преступления я никогда себѣ не прощу), бросился прямо добывать паспортъ и брать мѣсто на пароходѣ, отправлявшемся въ Константинополь. Короче, черезъ день, въ семь часовъ утра, я стоялъ уже у воротъ карантина, а въ одиннадцатомъ пароходъ задымился, снялся съ якоря, и берега одесскіе побѣжали отъ глазъ моихъ.

Записавшись въ цѣхъ путешественниковъ на цѣлые шесть недѣль, я, чтобъ не ударить лицомъ въ грязь передъ моими собратіями, долженъ необходимо принять всѣ ихъ замашки. Начну съ описанія погоды въ первый день плаванія. Она стояла отличная: на небѣ ни тучки; ясно, тепло. Небольшой сѣверо-западный вѣтеръ легко струилъ атласную поверхность моря и надувалъ лѣниво законченный парусъ. Качки не чувствовались никакой. Мы, пассажиры, катились по морю какъ на конькахъ, и для препровожденія времени то зѣвали на полосу дыма, вившуюся клубомъ надъ нашими головами, то слѣдили глазами бороздистый, пѣнистый слѣдъ колесъ, скоблывшихъ черную влагу негостеприимнаго моря, то, отъ времени до времени,

сѣснившись за бортъ полезывали въ воду. Честь имѣю доложить, что это удовольствіе такъ естественно человеку и такъ необходимо, что ни одинъ смертный, отъ ребенка до старика, не въ силахъ ему противиться, и, глядя на воду, хоть разъ да плюнетъ въ нее. Забавляясь такимъ образомъ, мы и не замѣтили, какъ дельничезаль изъ вечернихъ тѣняхъ, и черная ночь, поужинавъ солнцемъ, одѣла насъ своимъ траурнымъ плащомъ. Между-тѣмъ вѣтеръ посвѣжѣлъ, поставили остальные паруса, начало покачивать. Кто ушелъ спать въ каюту, кто помѣстился на палубѣ. Я присоединился къ послѣднимъ, и, растянувшись во всю длину ногъ, вознилъ ясныя очи въ темную верхушку небосклона, и съ наслажденіемъ сталъ вливать холодный воздухъ почи, истинный шербетъ послѣзнойнаго дня. Лежа въ такомъ положеніи, не-льзя не разчувствоваться; я началъ жестоко фантазировать, тѣмъ-болѣе что все окружающее меня располагало умъ спать, а мечту гулять. Тушевый сводъ неба незримо сливался съ мрачностью моря. Маленькія звѣздочки искрились, мелькали, и отъ движенія судна, казались, качались. Плазма, то красное, то синеватое, вылетающее по-временамъ изъ трубы; огонь въ машинныхъ люкахъ, обливавшій паруса сомнительнымъ свѣтомъ; рулевой, по которому скользили блѣдныя лучи компасной лампы; все, даже

шумъ волнъ, скрывъ судна, навѣвало на душу что-то таинственное (*sic!*). Это время было очень удобно, чтобы состроить фигуру олицетворенія, сдѣлать обращеніе къ морю и заговорить съ нимъ въ такомъ родѣ: «Море ты море, раздольное море! Скажи, кого ты погребло въ пучинахъ твоихъ, какія сокровища крадутся на днѣ твоёмъ» и пр. Я и началъ съ нимъ такую бесѣду, да на первыхъ словахъ заснулъ...

Просыпаюсь отъ бѣготни и суматохи на палубѣ. «Что такое случилось?» — «Ничего. Что-то сломалось въ машинѣ, такъ одно колесо перестало дѣйствовать». — «Вотъ тебѣ-на! Ну, а опасности нѣтъ?» — Никакой; только придемъ попозже». — «Только-то! Стоило-же просыпаться!» — Тѣмъ-не-менѣе я думаю, что за неимѣніемъ кораблекрушенія, это происшествіе можетъ исправлять его должность. Не-льзя-же путешествовать по морю, безъ того чтобы не претерпѣть бѣдствій. Такъ ужъ заведено во всѣхъ путешествіяхъ. Впрочемъ какъ ни маловажна была потеря колеса, а все-таки хорошо, что у насъ на пароходѣ не было престестныхъ пассажировъ. Поднялся-бы вой, надобно было-бы уговаривать, успокаивать, утѣшать. Я знаю это по собственному опыту. Я этакъ, знаете, путешествовалъ по морямъ: я ѣздилъ и изъ Петербурга въ Кронштадтъ, и изъ Кронштадта въ Орашёнбаумъ; разъ совершилъ

даже путешествіе кругомъ свѣта, въ Петергофъ. О! и испытала истину словъ Байрона, что никакая любовь въ мірѣ не устоитъ противу морской болѣзни. Однакоже князь Пюклеръ-Мюскау то-же умный человекъ, а писалъ къ жёнѣ, что Байронъ бредитъ, и что можно взлѣяться въ любви и во время припадковъ тошноты. Скажите, читатели, кому вы болѣе вѣрите: мнѣ и Байрону, или князю Пюклеръ-Мюскау?

Вообще говоря, начало порядкомъ. Бѣлокурые валы то и дѣло кувыркались другъ-черезъ-друга, зачирывали съ пароходомъ, подлетали къ нему съ разбѣга и отскакивали съ шумнымъ смѣхомъ. Вѣтеръ постоянно держался свѣжій, и пароходъ, не смотря на свою колченовость, шелъ съ прежнею скоростію, такъ-что часу въ девятомъ поутру, на третій день нашего плаванія, завидѣлись при ясной погодѣ берега Румелии и Малой-Азіи: высокіе, холмистые, крутые, они сплошною грядою выплывали изъ моря. Казалося, мы идемъ прямо на землю къ какой-то бѣлой точкѣ; а я зналъ, что мы должны войти въ Босфоръ, не останавливаясь нигдѣ на берегу. «Да куда-же это мы плывемъ?» спросилъ я наконецъ въ недоумѣніи у матроса. — «Въ проливъ». — «Да гдѣ-же онъ?» — «А вонъ тамъ, гдѣ бѣлое-то видѣется. Это маякъ и замки при входѣ въ проливъ». — И въ-самомъ-дѣлѣ бѣлая точка, по мѣрѣ

приближенія нашего къ ней, начала постепенно принимать видъ зданія съ башнями, ширилась, ширилась, росла, росла, и раздѣлилась на двѣ отдѣльныя группы. Можно уже было различать ясно два укрѣпленія не въ дальнемъ разстояніи другъ-отъ-друга, а Босфоръ все еще прятался отъ глазъ. Стыдливая красавица, онъ закрываетъ отъ васъ свои прелести гористыми берегами, и облакаетъ ихъ не прежде, какъ вы сами наложите на нихъ дерзкую руку.

Не знаю, говорить-ли вамъ о пути по Босфору до Константинополя. Тысячи тысячъ путешественниковъ бѣжали прежде меня, пораженные его красотами, и я вовсе не чувствую охоты разсыпаться передъ нимъ въ удивленіи и передавать вамъ мое наслажденіе, въ вливыхъ фразахъ. Есть мѣста, которыя необходимо надобно видѣть собственными глазами, чтобы имѣть о нихъ понятіе, и которыя, вмѣсто того чтобы расцвѣтаться въ глазахъ читателя, туманятся скорѣе въ его воображеніи отъ восторговъ подобнаго мнѣ писателя... Я скажу только нѣсколько словъ, и то съ хладнокровіемъ человѣка, который родился и выросъ на берегахъ, въ которомъ привычка притушила большую часть красотъ предмета.

При самомъ входѣ въ устье Босфора, высокіе берега его, прорѣзанные узкими долинами, довольно

дики и незаселены. По обѣимъ сторонамъ, на темномъ грунтѣ горъ бѣлуются по три замка, защищающіе проходъ въ него съ Чернаго-Моря, зелѣютъ кое-гдѣ небольшія кучы невысокихъ деревьевъ. Около берега ютятся кончешскія суда, ожидающіе попутнаго вѣтра для выхода изъ пролива. Тамъ и самъ шныряютъ рыбацкія лодки. Впереди вы не видите передъ собою ничего кромѣ горъ, не знаете въ которую сторону поворачиваетъ русло пролива. Воды его до самаго Мраморнаго-Моря выются сладострастными извилинами, образуя по обѣимъ сторонамъ большіе заливы, и нѣсколько разъ вводятъ въ заблужденіе взоры чужеземца, впервые скользящаго по голубому ихъ зеркалу. Мысы одного берега, сливаясь съ протяженіемъ другаго, представляются совершенно сплошною массою земли, а углубленія заливовъ оканчиваются такъ неопредѣленно уцелевшими долинами, что непривычный глазъ легко принимаетъ заливы за токъ канала, а настоящій проходъ за заливы. Блуждая въ этѣхъ извилинахъ, рѣшительно нельзя угадать, въ какую сторону повернетъ вашъ кормчій, тѣмъ-болѣе что, куда ни помотришь, вездѣ видишь множество судовъ, которыя, пользуясь капризами теченій, завируютъ въ прямо противоположныхъ направленіяхъ. Чѣмъ далѣе углубляешься въ каналъ, тѣмъ виды становятся живописнѣе,

берега населеніе, и за Буюкдерекимъ заливомъ окаймляются пестрою лентою сплошныхъ зданій и садовъ, роскошно кунающихся въ прозрачномъ кристаллѣ. Пораженные разнообразіемъ очаровательнѣйшихъ видовъ, глаза теряются въ многочисленныхъ частяхъ великолѣпной панорамы, развертывающейся передъ ними со всѣхъ сторонъ, и, не насытившись однимъ видомъ, отрываются отъ него только для того чтобы съ новой жадностію вникать въ прелести другаго. Наконецъ отъ напряженія вниманія становится даже тяжело...

Признаюсь, не понимаю я тѣхъ людей, которые ѣдутъ въ первый разъ по Босфору, и могутъ припоминать историческія событія, прославившія берега его. Природа здѣсь такъ хороша, такъ величественна, такъ магически обворожительна, что о людяхъ забываешь, забываешься самъ, и несешься впередъ безъ чувства, безъ мысли, какъ судно, на которомъ ѣдешь. Отъ избытка ощущеній теряешь способность ощущать... Но вотъ усталыя силы оживаютъ опять, вниманіе напрягается: передъ нами начинается раскрываться единственная въ мірѣ картина. Смотрите, мы миновали опасный мысъ Арнаутъ-Койской, и вдали, слѣва виднѣется уже азиатская часть Константинополя, Скутари, и за нею Мраморное-Море, а прямо, кокетничая въ бирюозъ водѣ, таятся цѣль серальскихъ стѣнъ и кіошкковъ,

летать въ небеса легкія башни минаретовъ, и на лазурномъ горизонтѣ мягкими контурами рисуются пріятныя округлости мезетныхъ куполовъ, перевитыя темною зеленью кипарисовъ, чинаровъ и платановъ. Выпуклость Орто-Бейская скрываетъ еще отъ насъ всю правую сторону залива; но вотъ мы огибаемъ ее, и взоры текутъ уже въ синевѣ Мраморнаго-Моря, и скользятъ черезъ Принцесы-Острова на Никомидійскія горы; надъ полосою которыхъ подымается другое тучеобразное возвышеніе: это Олимпъ. Ближе къ вамъ, на азіатской-сторонѣ, зеленеютъ сады Мула-Буриу, и еще ближе выходятъ изъ воды усѣянныя зданіями возвышенія Скутари. Справа раскидываются холмы треугольника по-преимуществу называемаго Константинопольемъ, обитые гирляндю крышъ, башенъ, куполовъ, минаретовъ; передъ ними нестрѣбъ тысячами кораблей и каяковъ заливъ Золотаго-Рога, и по-сторону его сбѣгаетъ въ самую воду сплошная масса домовъ, которыми утѣлены скаты Галаты. Чудная панорама!

Пароходъ поворачиваетъ на-право въ Золотой-Рогъ, и между Галатою и сералемъ останавливается. Шумъ единственнаго колеса прекращается; насъ окружаетъ стая каяковъ и цѣлая армія людей, называемыхъ «драгоманами», лѣзетъ на бордажъ, предлагая свои услуги

на всѣхъ возможныхъ языкахъ. Крики «*signor, per dragomano!*», брань и ругательства кавкчи, оглушили меня совершенно; я потерялся и не зналъ, что дѣлать. Къ счастью моему я завелъ на пароходѣ знакомство съ однимъ французомъ, возвращавшимся изъ Россіи, который нѣсколько разъ бывалъ въ Константинополѣ, и привыкъ уже къ этому шуму. Вида мою крайнюю гибель, онъ предложилъ мнѣ съѣхать на землю вмѣстѣ съ нимъ и остановиться въ извѣстной ему гостиницѣ. Я съ радостію принялъ его предложеніе; мы взвалили свои вещи на кавкъ, и поплыли къ одной изъ галатскихъ приставей. Здѣсь, какъ на пароходѣ драгомансы, атаковала насъ толпа жилистыхъ, ободранныхъ «хаммаловъ», то-есть носильщиковъ, съ руками обнаженными по плеча и ногами голыми по колѣна. Не дожидаясь ни суроа ни позволенія, двое изъ этихъ атлетовъ взвалили наши чемоданы себѣ на спину и спросили только, куда нести. Мой спутникъ велѣлъ имъ слѣдовать за нами, и мы пошли, съ горки на горку, по какимъ-то узенькимъ, грязнымъ лазейкамъ, обстроеннымъ съ обѣихъ сторонъ стѣмъ-то въ родѣ кѣтокъ въ два и три этажа, опиравшихся одна о другую. Нижняя часть этихъ кѣтокъ вся сплошь занята лавками мясными, железными, овощными, пекарнями, столярными, кожаными, безъ всякаго по-

рядка. Справа и слѣва рѣзали барановъ, ковали топоры, продавали ситець, валили тѣсто, пилили доски, и безъ исключенія курили табакъ. И въ лавкахъ и внѣ лавокъ сволочь всѣхъ націй работала, торговалась, покупала, шумѣла, бранилась, толкалась, особенно толкалась. Пробриваясь по этому лабиринту лавочекъ, я каждую минуту подвергалъ свою драгоценную особу опасности быть ушибенной носильщиками, или измараться во всѣхъ возможныхъ нечистотахъ въ мірѣ. Я рѣшительно не понималъ, куда попалъ, и просилъ француза просвѣтить мое недоумѣніе. — «Мы идемъ по галатскимъ улицамъ», отвѣчалъ онъ. «Видите эту башню на-верху горы, эти старыя стѣны, обителенныя домами какъ гнѣздами? Это остатки генуэзскихъ укрѣпленій.» — «*Vous à savoir!* И вся часть города, называемая Галатою, такова-же, какъ эти мѣста, по которымъ мы прошли?» — «Какъ двѣ капли воды.» — «Такъ-съ!» — Сушій Аираксинъ-Дворъ въ Петербургѣ, только еще немножко погрязнѣе, немножко пошумнѣе, и очень много неблаговоитѣ! —

Наставляя другъ-друга такимъ образомъ, мы обливались вѣтомъ и все лѣзли вверхъ на-гору, дѣлалась кое-какъ около стѣнъ домовъ и дверей лавокъ, сторуясь отъ тысячи ословъ со выюками и наступая на хвосты тысячамъ собакъ, наслаждавшихся послѣ-об-

деннымъ кей-фомъ, или исправлявшихъ публично всѣ житейскія обязанности. При взгѣ оскорбленныхъ перберовъ, мы взобрались наконецъ на самый верхъ горы, въ Перу. Здѣсь улицы также узки какъ въ Галатѣ, но малую-толику почише; за-то дома также сплошны и еще выше. Нормальная мѣра имъ — три окна въ ширину и три этажа въ вышину. Притомъ второй и третій этажи должны непременно высовываться на улицу дагѣ нижняго; безъ этого и домъ не въ домъ. Къ тѣмъ-же несчастнымъ домамъ, которые глядятъ на улицу отвѣсною стѣною безъ выступовъ, прилѣпляютъ гдѣ случится желѣзные или деревянные кѣточки въ родѣ курятниковъ. — «Эти выдавшіеся этажи и кѣтки, говорилъ мой спутникъ, необходимое условіе существованія перотскихъ дамъ и барышень; раскинувшись граціозно въ «шанишини» — (такъ называются эти выступы на улицу) — онѣ проводятъ здѣсь цѣлый день, зѣвая на проходящихъ и проезжающихъ. Безъ шанишина для жителей Перу нѣтъ домашнего счастья. Прекрасная и кривлявая половина не дастъ ему покоя ни днемъ ни ночью, покуда онъ не состроитъ ей такую кѣтку; ночью особенно, потому-что днемъ большей части мужей не бываетъ дома. — Нижніе этажи домовъ на главныхъ улицахъ Перу, также какъ и въ Галатѣ, заняты лавками, ма-

стерекими, магазинами. Вся ремесленная дѣятельность отправляется открыто. Тутъ турокъ печеть хлѣбы, подлѣ него французскій модетка мастерить шляпку; тамъ продають огурцы и лукъ, а напротивъ духи и помаду; тутъ вѣдутъ мороженое, и рядомъ можно наслаждаться зрѣлищемъ намыленныхъ бородъ въ лавкѣ шьюльника. Все работаетъ живо, вмѣстѣ, и одно другому не мѣшая; но на улицахъ такая-же давка и шумъ какъ въ Галатѣ. Разнообразіе костюмовъ, фижонній, языковъ — поразительное. Армяне, ослы, пероты, лошади, жиры, собаки, хаммамы, арбы, дервиши, нищие, разношники, солдаты, матросы, гречанки, турчанки, дѣти и большіе, женщины и мужчины, пѣшіе и конные, все это суетится, бѣжитъ взадъ и впередъ, кричить, шумить, лаять, визжить, толкается и не извиняется, ругается и отругивается на всѣхъ языкахъ стараго и новаго міра. Наконецъ, сквозь всю эту толпу, разноязычную и разновѣрную, мы добрались до желанной гостиницы, расплатились съ хаммамами за вещи и поселились въ отведенныхъ намъ комнатахъ. Stop! Полно болтать, пора отдохнуть! Дорога отъ Кара-Койской пристани въ Перу, по мостовой изобрѣтенной во времена Ноя, замучила меня такъ, что я не узнавалъ, гдѣ у меня ноги, гдѣ спина. Тяжко быть путешественникомъ!

Отдохнувъ немного, я началъ знакомиться съ моею комнатою. Первымъ предметомъ, на который обратилось мое любопытство, былъ портретъ султана Махмуда, произведение французскихъ литографій, въ сравненіи съ которымъ суздальское изображеніе кота, хоронимаго мышами, покажется *chef-d'oeuvre* искусства. Махмудъ французской работы былъ такая плачевная фигура, что я глядѣлъ, глядѣлъ на него, да и зарыдалъ, зарыдалъ такъ громко и жалостно, что всполошилъ хозяйку моей отели, почтенную старушку лѣтъ шестидесяти. Она опростыю прибѣжала ко мнѣ въ комнату. — «Боже мой! Что съ вами дѣлается? Не истерика ли?» — Я не отвѣчалъ ни слова, а только указалъ рукою на искаженный зракъ великаго падишаха. Старушка подумала, что я, отъ избытка чувствительнаго сердца, орошаю слезами прахъ почившаго повелителя правобѣрныхъ. Она принялась утѣшать меня. — «Не плачьте, скоро обѣдъ будетъ готовъ. Нельзя же вѣчно жить, надо когда-нибудь и умереть»... — «Умереть!» воскликнулъ я, одушевляясь. «Да точно-ли султанъ Махмудъ умеръ? Не обманули-ли меня просто въ Одессѣ? Если это правда, то отчего-же во всю дорогу по Босфору, и изъ Галаты сюда, я не видалъ никакого повѣшеннаго, никого удавленнаго, или на колѣ, ни одной головы безъ туловища, ни одного туловища

безъ головы? Отчего въ городѣ нѣтъ никакого смятенія, народъ не собирается толпами, вездѣ спокойно, европейцы разгуливаютъ себѣ господами, лавки и магазины отперты, всякой занятъ своимъ дѣломъ? Такое событіе должно было произвести огромные перевороты, смятеніе, рѣзню, пожары. Приверженцы стараго порядка ищутъ, скрывавшіеся янычары, янычары убитые, все это должно было воспользоваться такимъ благоприятнымъ случаемъ, чтобы возстать, перерѣзать всѣхъ европейцевъ, виновниковъ нововведеній, и поставить все снова по старому. Иначе быть не могло: такъ думаю я, и думаютъ всѣ путешественники!» — «*Pardon, monsieur, mille pardons!*» отвѣчала хозяйка на мое умное разсужденіе. «Я вижу, что вы истинный путешественникъ, и должно-быть ероди мосье Ламартину; но позвольте вамъ замѣтить, что ваши понятія о Турціи слишкомъ отзываются моею родиною, а вы, помнится, пріѣхали съ Сѣвера. Да будетъ вамъ извѣстно, если вы еще не знаете, что по смерти султана власть осталась въ тѣхъ-же рукахъ, въ рукахъ приверженцевъ его, возросшихъ въ его школѣ. Молодой султанъ воспитанъ въ понятіяхъ отца: какихъ-же переменъ ожидаете вы? Конечно, есть много недовольныхъ; но повѣрьте, что они не такъ глупы и не такъ сильны, чтобы подавать видныя знаки не-

удовольствія. Слава аллаху! Хосревъ-Паша и Халиль-Паша такъ распорядились, что до ушей ихъ доходить каждое нескромное слово. Вообще, для успокоенія народа, объявлено, что со вступленіемъ на престолъ молодаго Абд-эль-Меджида подати будутъ уменьшены, многія нововведенія отменены, а между-тѣмъ на всякой случай ввели въ городъ новыя войска, сколько можно было собрать, и усилили караулы. Разумѣется....»

— «О мудрейшая изъ всѣхъ французскихъ старухъ!» прервалъ я тутъ снова мою хозяйку, изъ опасенія, чтобы потокъ ея политическихъ свѣдѣній не прекратилъ сообщенія между ожидаемымъ обѣдомъ и моимъ желудкомъ: «велите подавать кушанье!»—Хозяйка моя не тронулась однако-же моимъ прошеніемъ, и благоволила дать милостивое рѣшеніе на оное не прежде, какъ наговоривъ еще тысячу разныхъ разноостей. Я было-взвѣдывалъ на нее злобу за это; но она дала мнѣ такихъ персиковъ, что совершенно овладѣла моею душою, и съ этого времени я сталъ однимъ изъ ревностѣйшихъ ея обожателей. Иначе впрочтѣмъ и быть не могло: моя хозяйка рѣдкая женщина. Представьте себѣ, что она живетъ въ Перѣ тридцать шесть лѣтъ, вышла лѣтей и viuчать, пережила мужа и четырехъ султановъ, ужасы греческой революціи, катастрофу истребленія нынчаръ, десятки чумъ и пожаровъ, говоритъ по-ту-

рецки какъ самъ великій муфтіи, знаетъ въ Перѣ всю подноготную, и не смотря на все это, жива, здорова, весела и свѣжа, хоть подъ вѣнецъ. Она не «синій чулокъ», не печатала своихъ наблюденій; однако-же къ разсказамъ ея и разсужденіямъ о томъ, что дѣлалось и дѣлается на берегахъ Босфора, можно имѣть довѣренности и уваженія не менше чѣмъ къ «*Journal de Smyrne*», и несравненно болѣе чѣмъ къ возгласамъ какого-нибудь знаменитаго поэта-путешественника или политика-журналиста. Въ томъ, что сказала она мнѣ о состояніи турецкихъ умовъ въ Константинополѣ тотчасъ по смерти Махмуда, и что я не пропустилъ случая пересказать вамъ, правды есть по-крайней-мѣрѣ девять десятыхъ. То-же самое слышала я потомъ отъ нѣсколькихъ другихъ лицъ, осѣдлыхъ жителей Перы, вращающихся въ самой оси правительственнаго колеса; и будь я, Изафети-Маклубъ, похожъ на иныхъ изъ моихъ собратій туристовъ, которые тоже черпаютъ свои наблюденія не далѣе какъ изъ отелей, гдѣ живутъ, то вложилъ-бы слова моей минерны въ уста какого-нибудь дипломата, для приданія имъ вѣсу, или вообще далъ имъ форму болѣе солидную; но, увя! я, Изафети-Маклубъ, не таковъ, обманъ ненавижу, и не ставлю себѣ въ осужденіе, что не скрываю настоящихъ источниковъ моихъ свѣдѣній.

Такъ, въ созерцаніи безконечныхъ совершенствъ моей хозяйки, окончилъ я первый день моего пребыванія въ турецкихъ владѣніяхъ. На другой, часовъ въ девять утра, я взялъ итальянца проводника, и отправился осматривать Константинополь собственно такъ называемый. Скутари, Пера, Галата и такъ далѣе, какъ извѣстно вамъ, суть только предмѣстія Константинополя. Мы спустились въ Топъ-Хане, галатскую пристань у втеченія Золотога-Рога въ Босфоръ, взяли канкъ, сѣли въ немъ на корточки, и на-силу пробившись сквозь сотни другихъ канковъ, стоящихъ у пристани, причаливающихъ и отъѣзжающихъ, полетѣли стрѣлою къ противоположному берегу Константинополя. Садясь въ канкъ, я чуть-чуть не перекувыркнулся вмѣстѣ съ нимъ къ величайшему удовольствію турецкой публики; но судьба спасла Россію отъ такого посрамленія въ глазахъ Турціи. При этомъ случаѣ я убѣдился еще болѣе, какъ опасно путешествовать, и раскаялся, что не выучилъ прежде назусть сотою страницъ «Очерковъ Босфора» г. Базиліа, что могло-бы служить спасительнымъ антидотомъ противъ бѣдствія, которому я было-подвергся.

Нѣкогда, въ давно-минувшія времена, Константинополь былъ обнесенъ стѣною съ воротами. При туркахъ эта стѣна гдѣ развалилась, гдѣ застроена домами.

Воротъ давно нѣтъ; но мѣста, гдѣ были они, по старой памяти все еще называются воротами, точно такъ какъ и въ Москвѣ. Пристани называются по ближайшимъ воротамъ. Мы поѣхали къ Константинополю у Багче-Каньсы (Садовыхъ-Воротъ), и пустились шататься изъ улицы въ улицу, изъ закоулка въ другой, лавируя черезъ ханы, базары, ограды мечетей. Въ продолженіе шести часовъ непрерывной ходьбы и стоянья, мы съѣздили, я думаю, верстъ тридцать, и осмотрѣли большую-часть достопримѣчательностей города. Вы столько уже начитались и слышали объ нихъ, что меня рѣшительно можно назвать варваромъ и весьма повѣрить за одно намѣреніе описывать ихъ, если-бы я имѣлъ такой коварный умыселъ; притомъ-же отдѣльныя описанія такая утомительная матерія! Въместо этого я дамъ вамъ общій *coup d'oeil* на Константинополь и сокращенный экстрактъ впечатлѣній, оставленныхъ во мнѣ тѣмъ, что я видѣлъ въ этотъ день.

Домъ частныхъ и небогатыхъ людей въ Константинополѣ такіа-же клѣтки какъ въ Галатѣ и на Апрак-синомъ-Дворѣ. Домъ богачей и сановниковъ велики, высоки, чисты, но безвкусны. Большой домъ — это значитъ нѣсколько маленькихъ, слѣженныхъ вмѣстѣ и настроенныхъ одинъ-надъ-другимъ. Никакого виду, никакой гармоніи въ цѣломъ. Безвкусіемъ своей на-

рукности дома одолжены преимущественно страсти турокъ къ многоугольности. Боже мой, что за угловатый народъ, эти османлы! Пить дома, въ которомъ бы не насчиталось двадцати угловъ; и изъ сотни тысячъ деревянныхъ домовъ въ Константинополѣ и предмѣстяхъ есть только одинъ о четырехъ углахъ: это арсеналъ; за-то турки и смотрять на него какъ на ересь.

Мечети небольшія—это сарай съ минаретомъ. Мечети большія похожи всѣ другъ-на-друга, какъ маленькія между-собою, съ тою разницею, что между ними есть превосходныя, великолѣпныя, величественныя зданія. Обыкновенно корпусъ мечети имѣетъ фигуру прямоугольнаго параллелограмма, со множествомъ тяжелыхъ куполовъ и двумя или четырьмя высокими, тонкими минаретами. Къ широкой сторонѣ этого параллелограмма пристроивается квадратная стѣна съ галлереею вокругъ, съ окнами по одну, колоннами по другую сторону, съ потолкомъ изъ сплошныхъ куполовъ и съ фонтаномъ посреди образуемаго ею двора. Все это обнесено иногда оградой и гдѣ только можно испещрено прихотливыми арабесками и надписями изъ корана, выведенными горельефными буквами, золотыми по голубому полю, или бѣлыми по красному. Вкусъ мусульманскихъ художниковъ является въ полномъ блескѣ въ этихъ зданіяхъ.

Внутренняя отдѣлка ихъ должна быть еще великолѣпнѣе. Къ вашему удивленію и моему крайнему сожалѣнію я не могу сказать объ ней ни слова. Двери мечети оставались для меня закрытыми, какъ врата будущаго. Турки скушятся теперь болѣе прежняго на профанацию своихъ храмовъ погаными глазами невѣрныхъ, и я не былъ изъ числа тѣхъ избранныхъ, для которыхъ посольства выхлопатываютъ особенныя фирманы на пропускъ въ эти хранилища святости. Входъ въ мечети невѣрнымъ не воспрещается никакимъ религиознымъ постановленіемъ; но не пускать въ нихъ иновѣрцевъ вошло въ обычай, и обычай получилъ отъ времени силу закона.

Базарами называются ряды лавокъ для продажи разныхъ товаровъ; ханы или караван-сарай суть квадратныя строенія, каменные, съ лавками и галлерейми обращенными внутрь: снаружи вы видите только голую высокую стѣну безъ оконъ.

При многихъ мечетяхъ есть небольшія кладбища, усаженные фигами и кинарисами, утыканныя стоячими плитами, могильными памятниками правовѣрныхъ, и отдѣленныя отъ улицы сквозною рѣшеткою или каменнымъ заборомъ.

Теперь, когда вы имѣете понятіе о характерѣ и наружности различныхъ зданій, возьмите восемьдесятъ

тысяч этих многоугольных домов и домиков, четырехста тридцать шесть больших и малых мечетей, множество ханов, базаров; прибавьте къ этому нѣсколько садовъ, кладбищъ, площадей, площадокъ, старыхъ стѣнъ, обвитыхъ ползучею зеленью; перемѣшайте это хорошенько, какъ мѣшаютъ шашки на шашечницѣ; потомъ изрѣжьте всю массу зданій кривыми, узенькими, извилистыми улицами во всѣхъ направленіяхъ, зажгите ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и когда погоритъ часть, два, затушите огонь, выстройте на пожарницѣ дома и лавки почище, улицы проведите попрямѣе и пошире: вы получите то, что называютъ Константинополемъ, огромную массу строеній, прилѣпленныхъ другъ-къ-другу кое-какъ, площадей безъ перспективы, улицъ безъ толку, прекрасныхъ мечетей, закрытыхъ пристройками, древностей жалостно выглядывающихъ изъ кучи глѣзущихъ на нихъ домиковъ. Оно, правда, очень разнообразно; но было-бы лучше, если-бъ было попроще. Улицы, особенно въ хорошихъ частяхъ города не очень узки, а для глазъ, присмотрѣвшихся къ перотскимъ и галатскимъ, могутъ показаться широкими. Этими, такъ-же какъ и многими площадями, довольно опрятными, Константинополь обязанъ частымъ пожарамъ въ послѣдніе годы. Послѣ каждаго, по волѣ Махмуда, улицы рас-

ширялись и выпрямлялись, и теперь есть такіе, которые могутъ поспорить шириною даже съ иными переулками въ Петербургѣ.

Наконецъ, вмѣстѣ съ сералью, или правильнѣе «сераемъ», то-есть дворцомъ, вся масса константинопольскихъ зданій составляетъ треугольникъ, гипотенуза котораго, обращенная къ твердой землѣ, и вершина, образуемая серальскими строеніями, обнесены стѣнами. Хотите вы обить разомъ это пространство, со всѣми окрестностями, вереть на двадцать во всѣ стороны, ступайте на дворъ къ «Старому-Сераскиру», и полѣзайте въ башню, которая тамъ стоитъ. Она очень высока, и изъ окошъ ея такіе виды *à vol d'oiseau*, что, переходя отъ одного къ другому, вы, забывшись, можете пробыть нѣсколько часовъ, и выпить нѣсколько десятковъ чашекъ кофе, подносимыхъ услужливымъ «кагведжи», устроившимъ свою лавочку въ этомъ птичьемъ гнѣздѣ.

Результатомъ этой первой прогулки моей по Константинополю, сверхъ сообщенныхъ свѣдѣній, было еще полное убѣжденіе въ совершенномъ спокойствіи умовъ. Въ лавкахъ, на базарахъ, купцы и покупатели вели дѣла свои безъ малѣйшей торопливости; ни въ кофейняхъ, ни на улицахъ, нигдѣ не замѣтно было ни жаркихъ разговоровъ, ни сильныхъ жестовъ, ни особеннаго движенія. Обычная флегма турокъ и армянъ

не нарушалась ни на полость. Только на тѣхъ улицахъ, гдѣ на слѣдующій день должны были проходить молодого султана послѣ коронаціи, хозяева домовъ торговались за цѣну оконъ съ любовытными франками и перотами, да досужіе люди ворочали скамьи и доски, устраивая полнотки для зрителей. Еще недавно писали и печатали, что европеецъ въ своемъ костюмѣ могъ подвергнуться иногда въ отдаленныхъ частяхъ города оскорбленіямъ отъ какого-нибудь закоренлаго фанатика за нескромный взглядъ на женщину, могъ потерѣть отъ собакъ, очень твердыхъ въ исламизмѣ, и между которыми о преобразованіяхъ и слыхомъ не слышать, отъ мальчишекъ, которые не оставляютъ привычки бросаться камнями. Теперь ничего подобного нѣтъ; по-крайней-мѣрѣ, ни я не испыталъ, ни мои знакомые. Сначала, встрѣчаясь съ турчанками, или лучше сказать съ женщинами подъ покрываломъ, я обходилъ около нихъ очень осторожно, стараясь несколько не прикасаться къ нимъ. Мнѣ всегда казалось глупо съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь ходить, и я всегда оправдывалъ турокъ за ихъ нетерпимость европейскаго уличнаго волокитева; но, видя какъ мой чичероне расталкиваетъ прекрасный полъ въ обѣ стороны, я тоже разхрабрился, сталъ вести себя въ отношеніи къ обладательницамъ покрывалъ столь-же

смѣло и свободно, какъ въ Петербургѣ, и не испыталъ черезъ это ни малѣйшей неприятности. Въ-послѣдствіи я узналъ, что толкать женщинъ считается даже учтивостью, а давать имъ дорогу — невѣжливостью, униженіемъ собственнаго достоинства. На всѣ вопросы, съ которыми я или чичероне мой обращался къ правдовернымъ, они отвѣчали очень учтиво, по-крайней-мѣрѣ не трубо, и «фиренгъ-кѳнектъ» (франкская собака) ни разу не поразило моихъ ушей. Въ-продолженіе всего моего пребыванія на берегахъ Босфора, я постоянно оставался доволенъ турками на улицѣ. Они такъ привыкли видѣть у себя европейцевъ, и многими примѣрами такъ научились уважать ихъ, то-есть болѣе связываться съ ними, что на-вѣрное не тронуть васъ пальцемъ, если вы первые не задѣнете ихъ. Изыбонія кротость турокъ непостижима; даже греки ихъ бьютъ, а о фанатизмѣ и помину нѣтъ. Старики потеряли духъ, а молодые, особенно военные, стараются скорѣе подражать европейцамъ, чѣмъ своимъ павъ. Если въ чихъ-либо сердцахъ и теплится еще старинная вражда къ невѣрнымъ, то тѣ, которымъ принадлежатъ такіа сердца, закупориваютъ герметически свои чувства, видя какъ бесполезно и опасно ихъ обнаруживать. Присутствіе въ Архивлагѣ французской и англійской эскадръ имѣетъ вообще удивительное

влияніе на развитіе въ мусульманахъ вѣротерпимости, а запрещеніе носить оружіе многихъ тигровъ превратило въ совершенныхъ аглицевъ. Вооруженный человѣкъ необходимо какъ-то храбрѣе бозоружнаго.

Легко представить, что странствованіе мое истомило меня до не-льзя. И промокъ весь отъ жару. Этой неприятности однако-же я могъ-бы избѣгать въ-половину, но неизбѣжалъ по незначію. У Багче-Кавысы стоитъ всегда пропасть верховыхъ лошадей для желающихъ. Стоило только нанять и ѣздить, вмѣсто того чтобы ходить пѣшкомъ. Владѣлецъ лошади, отдающей ее на прокатъ не оставляетъ васъ, куда-бы вы ни поѣхали, и бѣгаетъ за хвостомъ своей лошади по всему городу, еще погоняя ее въ случаѣ нужды; если-же не дѣлаетъ этого самъ, то посылаетъ исправлять свою должность «сюрюджы» (погонщика), какого-нибудь оборваннаго мальчишку. Сначала я не понималъ, за-чѣмъ это изъ всякимъ коннымъ тащился пѣшій, думалъ, что это слуга, невольникъ, пѣчто въ родѣ голошеваго лакея за провинціальной русской барынею въ ея торжественныхъ странствованіяхъ по рядамъ, и дивился восточному великолѣпію. Наученный опытомъ, по переѣздѣ въ Тонъ-Хане я тотчасъ-же вальгъ себя владчу, и въ сопровожденіи маленькаго санчо-пансы, ѣхалъ домой совершеннымъ донъ-кихотомъ, того и глядя чтобы

не свалиться съ моей россиянки, спотыкавшейся безпрестанно о выбитую мостовую.

Третій день моего пребыванія въ Перѣ ознаменовался великимъ торжествомъ — коронаціею молодаго султана Абдъ-Фат-Меджида. Я говорю коронаціею, приравливая ее къ нашимъ понятіямъ; собственно-же происходившая въ этотъ день церемонія называется «кылыджъ-кушанмасы» (оволеніе саблею). На новаго султана, вмѣсто короны, возлагается сабля Османа, родоначальника царствующей династіи. Впрочемъ раздоначальника царствующей династіи. Впрочемъ раздоказывать объ этомъ не-чего: гдѣ и какъ происходила церемонія, писано во всѣхъ газетахъ. Ко всѣмъ читаннымъ вами описаніямъ, я, Иззафети-Маклубъ, считаю долгомъ безпристрастнаго историка и правдиваго путешественника присвокупить только одно, что поѣздъ султана вмѣлъ слишкомъ мало торжественности. На старыхъ османовъ, на которыхъ плакали ихъ повѣи европейскій костюмъ, не-льзя было глядѣть безъ улыбки: тѣмъ-не-менѣе картина узкой улицы, утыканной человѣческими головами, торчавшими въ окнахъ, на заборахъ, на крышахъ, головами красными, черными, соломенными, бѣлыми, представляла пѣчто очень занимательное и оригинальное.

Слѣдующіе два-три дня я посвятилъ странствованіямъ въ Скутари, Кади-Кой, на Муда-Буриу, въ

Фенерь-Багче, на Сладкія-Воды Европейскія, на Сладкія-Воды Азіятскія, и въ разныя другія предмѣстія и окрестности столицы. Одна перотекла дама, слыша объ отъѣздѣ въ Парижъ одного чиновника французскаго посольства, въ которомъ принимала особенное участіе, выражала свое сожалѣніе такимъ образомъ: «*Qu'est ce que deviendra ce pauvre jeune homme à Paris, où il n'y a pas des eaux douces?*» Изъ этого вы видите, что за очаровательное мѣсто Сладкія-Воды...

Забывшись и заѣдлившись по городу и за-городомъ, я чуть не забылъ совершенно цѣли моей поѣздки — выучиться говорить на-выворотъ и думать вверхъ-ногами. Къ счастью моему я простудился, отчего долженъ былъ засѣсть дома и учиться, чтобы не повѣситься со скуки. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ рекомендовалъ мнѣ турецкаго «кятібѣ» (канцелярскій чиновникъ), который понималъ немного по-французски, не знаю оттого ли что онъ давалъ уроки почти всѣмъ французамъ, учившимся турецкому языку въ Перѣ, или оттого что пилъ французскую водку, разводя ее однако-же для приличія водою. Я принялся за ученіе съ такою ревностью, что въ теченіе двухъ недѣль, покуда былъ боленъ, сдѣлалъ огромные успѣхи. Посудите: въ такое короткое время я приобрѣлъ возможность выворачивать наизнанку любую европейскую фразу. Успѣхи,

увѣчившіе мое прилежаніе, образовали меня до такой степени, и дали мнѣ такую склонность къ занятіямъ, которой прежде я никогда въ себѣ не замѣчалъ, что я и по выздоровленіи еще цѣлыя двѣ недѣли не выходилъ изъ дому и безиреставно упражнялся, приучая мѣсто устанавливаться въ головѣ вверхъ-ногами. Я нашелъ, что это очень удобно, и что, думая вверхъ-ногами, можно писать и говорить точно такія же глупости, какія говорятся и пишутся людьми, думющими противоположнымъ этому образомъ. О другихъ результатахъ моего ученія сообщу вамъ когда-нибудь послѣ; теперь-же подѣлюсь съ вами наблюденіями, которыя производилъ я изъ оконъ, во время болѣзни, надъ всѣмъ, что творилось на улицѣ и у моихъ сосѣдей съ боковъ и *vis-à-vis*. Могу сказать, со свойственною мнѣ скромностію, что я изучилъ такимъ образомъ *à fond* всю общественную и домашнюю жизнь жителей Перы, жизнь, которая стѣнитъ того, чтобы разеказомъ объ ней занять вашу праздную любознательность.

По моему мнѣнію, можетъ-быть перекувыркнутаго, христіанскіе обитатели береговъ Босфора представляютъ предметъ гораздо занимательнѣйшій и болѣе стоящій изученія, чѣмъ мусульманское народонаселеніе этихъ мѣстъ. Тутъ турки, гурки и турки, а тамъ

греки, армяне, пероты и европейцы всѣхъ націй. Впрочемъ надо правду сказать, что всѣ эти разноплеменные народы не представляютъ въ своемъ образѣ жизни большого разнообразія. Общая цѣль мужескаго народонаселенія — нажить денегъ; общая забота женщинъ — побольше нарядовъ. Мужчины всѣ круглый день заняты дѣлами; женщины всѣ круглый день или за туалетомъ, или ничего не дѣлаютъ. Мужчины въ лавкахъ и конторахъ хлопочутъ, трулятся, торгуются, вьются, обманываютъ; женщины дома или на улицѣ объѣдаются сластями или разгуливаютъ. О воспитаніи дѣтей никто не думаетъ, да для этого и средствъ нѣтъ никакихъ. Во всей Перѣ, кажется, не сыщется двухъ школъ и двадцати порядочныхъ учителей. На огромное населеніе ея всего двѣ книжныхъ лавки, и то въ одной только брюссельскія изданія, а въ другой, величиной съ собачью конуру, не найдете ничего, кромѣ плановъ Константинополя. Въ Галатѣ обрѣтается еще французскій негодяица, торгующій между прочимъ и книгами; но и у него можно достать только кое-какія пособія для изученія восточныхъ языковъ, изданныя въ Европѣ. Тамъ же въ Галатѣ есть типографія, и въ этой типографіи печатается греческая газета «политическая, коммерческая и литературная», которую можно видѣть только въ двухъ пуб-

личныхъ мѣстахъ: казино и одной изъ кондитерскихъ на Кучюкь-Мезарлыкѣ. Въ казино получаютъ и другія газеты; кондитерская же думаетъ, что для просвѣщенія ея посетителей довольно одной греческой. Единственная типографія, изготовляющая фокусникамъ аффиши, заключаетъ всѣ учебныя и учебныя пособія Перѣ. Тогда какъ у турковъ есть тридцать библиотекъ большею частію публичныхъ, у босфорскихъ европейцевъ нѣтъ ни одной. Да и кому нужно читать книги, кромѣ единственной *debet et credit*, да и за-чѣмъ? Извѣстно, что денегъ этимъ не добудешь, и чтеніе губить только по-напрасну время, которое можно употребить съ пользою на торговое или другое какое спекуляторство. Самое литературное изъ всѣхъ племенъ босфорскихъ — это турки, за которыми первенство принадлежитъ евреямъ. Это вѣрно происходитъ оттого, что турки думаютъ вверхъ-ногами, а европейцы вверхъ-карманомъ.

Греки и армяне одѣваются также какъ турки, съ тою разницею, что чувствуютъ непреодолимое стремленіе къ огромнымъ бараньимъ шапкамъ. Евреи носятъ особеннаго рода кауки. За-тѣмъ красный фесъ съ сѣней кистью сравниваѣтъ магометанъ съ райями. Великолѣпной чалмы больше не увидите; вмѣсто ея на головѣ у османовъ расцвѣли піовы, и названіе «кызылбашъ» (красноголовый), которое турки давали нѣкогда персія-

намъ, можетъ быть приложено теперь къ нимъ самимъ. Но и теперь, даже въ фесахъ, проглядываетъ чамадонность османловъ. Они не могутъ удержаться, чтобы, по старой привычкѣ, не обернуть феса, какъ обвертывали каукъ, какимъ-нибудь бѣлымъ, чернымъ платкомъ, или тряпкою. Турецкая старина, прогнанная съ головы, цвѣтетъ еще до-сихъ-поръ полною жизнью на погахъ у правотѣрныхъ. Преобразования не успѣли еще коснуться огромныхъ размѣровъ нижняго платья, и турки разсуживаютъ даже до сего дня въ своихъ древнихъ, неповоротливыхъ шальварахъ, съ огромнымъ хвостомъ назадъ. Сказанное относится только къ простому народу и неслужащимъ. Все, что служитъ въ статской или военной службѣ, что составляетъ часть «девлета» (правительства), все это облечено въ европейское платье — мундиры, сертуки, плащи, панталоны, которые шьются по покрою русскихъ военныхъ мундировъ, сертуковъ, брюкъ, съ выпушками, бантиками, погонами. Даже шитье, которое турки кладутъ не только на мундиры, но и на сертуки, даже эполеты, все скопировано очень вѣрно съ нашего шитья и эполеты, и частію получается изъ Россіи; но, увы! то, что такъ хорошо и красиво и ловко сидитъ на русскомъ челоуѣкѣ, такъ виситъ, коробится и топырится на туркѣ, что безъ смѣху смотрѣть не-льзя. Борода

топеть въ воротникѣ, руки лѣзутъ на пол-аршина изъ рукавовъ, брюки ползутъ на колѣна. Прибавьте къ этому голую шею и такія-же ноги, обутыя у кого въ башмаки, у кого въ сапоги, и вы будете имѣть перель-собойцѣвъ «побѣдоноснаго воина» — такъ называются солдаты регулярнаго войска. Эти «побѣдоносные» большею частію мальчишки и негры. Теперь они нигде не годятся, но черезъ нѣсколько лѣтъ могутъ быть порядочными солдатами. Набирая въ «побѣдоносные» ребята, Махмудъ надѣялся вѣрно, что изъ нихъ только выйдетъ болѣе, чѣмъ изъ старыхъ солдатъ, которые никогда не могутъ привыкнуть совершенно къ новому порядку. Эти ребята съ своими дѣтскими, маленькими ружьями, невольно приводятъ на память «потѣшныхъ» Петра Великаго; но вотъ вопросъ: созрѣютъ-ли эти дѣти такъ скоро, чтобы успѣть подпереть штыками своими падающее званіе имперіи, или она рухнетъ и подъ развалинами погребетъ своихъ юныхъ защитниковъ? Для этого войска построено нѣсколько казармъ и «кулауковъ» (карауленъ) и содержится порядочное количество французскихъ и прусскихъ инструкторовъ, то-есть людей, которые обучаютъ ружейнымъ и пущечнымъ приѣмамъ, эволюціямъ пѣхотнымъ и кавалерійскимъ, но которые командуютъ только на ученьѣ, а въ другое время не имѣютъ ни-

какой власти надъ солдатами, которые повинуются только своимъ собственнымъ турецкимъ офицерамъ. Этому обстоятельству единственно надо приписать все поражения, претерпѣнные турками отъ египтянъ. Последние обучены несколько не лучше, и вовсе не храбрѣе, но имѣютъ постоянными командирами и въ казармахъ и на сраженіи европейскіхъ офицеровъ. Не знаю и не могу судить какъ велики успѣхи «побѣдоносныхъ» въ военныхъ эзерціяхъ; мнѣ не случалось видѣть ихъ ученья. Знающіе дѣло говорятъ, что они хорошо обучены приѣмамъ, но не такъ еще ловки въ построеніяхъ. Что же касается до военной музыки, то она слѣдла необыкновенный шагъ; играютъ самыя трудныя увертюры новѣйшихъ италіанскихъ композиторовъ, хотя, разумѣется, и не безъ большихъ грѣховъ. Главнымъ командиромъ всей султанской музыки родной братъ извѣстнаго Доницетти. Вечеромъ, въ девять часовъ, звуки военной музыки раздаются разомъ въ Топъ-Хане, въ другихъ казармахъ, и на судахъ, стоящихъ въ проливѣ.

Что турецкіе солдаты невѣжи, это извѣстно, объ этомъ и спрашивать нечего, да то бѣда, что въ нихъ нѣтъ никакой воинственности; по наружности смирной и тихой, по неповоротливости и неопытности, ихъ можно принять скорѣе за пѣльничковъ, чѣмъ за защитни-

ковъ вѣры и престола. Офицеры высше не много опрятнѣе солдатъ и «он-башей» (десятниковъ). Эполеты они надѣваютъ только въ большихъ окказіяхъ; обыкновенно же одни погоны на плечахъ показываютъ званіе офицера. Оружіе, для разнообразія жизни, у всехъ различное: кто носитъ шагу, кто саблю кавалерійскую, кто полу-саблю; видалъ я даже и со штатскими шапаченками, знаетъ что съ перламутровою ручкою и эфесомъ въ видѣ блина. Въ заключеніе, господа офицеры, рѣдкіе-рѣдкіе, умѣютъ читать и писать, а ужъ больше ничего не спрашивайте, ни мусульманскаго, ни европейскаго образованія. Все усилія ихъ клонятся къ тому, чтобы сертукъ сидѣлъ на нихъ получше, шпоры звенѣли на всю улицу, и приѣмами походили они на пеловкихъ своихъ инструкторовъ. Для европейскіхъ глазъ нѣтъ ничего непривычнаго, какъ видѣть этихъ воиновъ, сидящихъ у дверей гауптвахтъ съ подогнутыми ногами и трубкою въ зубахъ.

Отъ «побѣдоноснаго войска» обратимся теперь къ побѣдоноснымъ владѣтельницамъ черныхъ глазъ. О, какъ хороши эти глазки, милая читательница, какъ очаровательно смотрятъ эти глазки, и, увы! какъ пусты ихъ обладательницы! Сколько я понимаю восточную женщину, это самое неспособное созданіе въ

вѣрѣ, способное умирить со скуки и досады всякаго, кромѣ турка и армянина. Скажите, скажите, ради красоты вашей, ну можно-ли сидѣть, лежать и ходить въ бѣлые сукки и не заниматься ничѣмъ, равно ничѣмъ, даже книгою! Бани замѣняютъ для этѣхъ дамъ и спектакли, и балы, и концерты. Туда отправляются онѣ черезъ три дня послѣ родовъ: чего-же хотите вы отъ нихъ послѣ этого! Даже сами мужья не пропускаютъ никогда случая поборнить своихъ жень европейскимъ женщинамъ. Армянки на мои глаза еще лучше турчанокъ. И дома и на улицѣ онѣ во всемъ похожи на послѣднихъ. Тотъ-же вуаль обвертываетъ имъ голову и края лица, такой-же глауной «фередже» (платцъ) скрываетъ формы тѣла, и такіе-же пануши, только другаго цвѣту, шлепаютъ по землѣ. Давно уже прошло то время, когда въ Европѣ думали, что восточныя женщины бѣдныя затворницы, вѣчно подъ надзоромъ евнуховъ. Отправляясь въ Константинополь, я стоялъ въ этомъ отношеніи уже на уровенѣ съ европейскими понятіями; но все еще удивился, увидя съ какою свободою женщины разгуливаютъ вездѣ одиѣ и безъ всякаго призора, какъ франки ихъ поталкиваютъ, заглядываютъ имъ въ глаза, лорнируютъ — и мусульмане такъ привыкли къ этимъ дерзостямъ, что не обращаютъ на нихъ и вниманія.

Гречанки и перотки носятъ европейское платье и на голову напертышаютъ, престрашнымъ, пренепрымымъ образомъ, кусокъ вышитой кисеи, или платокъ шелковый или шерстяной, обматывая его косою. Ну, ужъ о косахъ худое сказать — грѣхъ! Не повѣрите вы, жидковолосыя обитательницы европейскихъ столицъ, что за улавы выются у иныхъ около головы: смотрѣть страшно; такъ и кажется, что вотъ заневелать колѣпани и бросается на васъ изъ-за своихъ кустовъ. Вѣрнѣе моего сравненія перотскаго головнаго убора съ кустомъ я не знаю ничего въ свѣтѣ. Начало этихъ кустовъ покрыто мракомъ неизвестности; за-то эпоха поселенія шляпокъ на головахъ перотокъ и гречанокъ вполне принадлежитъ исторіи. Это великое событіе произошло года за три назадъ, современно съ завоеваніемъ Сиріи Ибрагимъ-Пашею. Но какъ въ фесахъ проглядываетъ привычка носить чаду, такъ и шляпка измѣняетъ пероткѣ. По привычкѣ свѣшивать на плечо старинный головной уборъ, онѣ и шляпку называютъ также на-бокъ, очень граціозно, *à la tour de Pise*. Въ покроѣ платья я не замѣтилъ ничего необыкновеннаго; за-то подъ платьемъ видѣлъ такія ножки, такія очаровательныя ножки, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Отъ супруги перваго драгомана до ея горничной, все перотки владѣютъ сокровищами въ башмакахъ,

истинными алмазами въ царствѣ ногъ: оттого и супруги своихъ изъ уваженія къ нимъ наказываютъ не иначе какъ башмаками, давая черезъ это чувствовать неблагодарнымъ, передъ какими божествами они провиняются.

Публичныхъ увеселеній въ Константинополѣ почти-что вовсе не знаютъ. Зимой посланники даютъ балы; лѣтомъ, по нѣскольку семействъ собираются вмѣстѣ и ѣздятъ гулять верхомъ, въ кочахъ, и въ канкахъ, на цѣлый день, въ окрестности отличающіяся живописнымъ мѣстоположеніемъ. Когда турецкія жены гуляютъ по кладбищамъ, турецкіе мужья сидятъ въ кофейняхъ и торжественно «нюютъ» табакъ, какъ говорятъ на языкѣ османловъ. Кто не видалъ кофеенъ, тотъ думаетъ объ нихъ можетъ-быть съ очень-выгодной стороны. Напрасно: это просто комната, комнатка или бѣсѣдка, обставленная широкими лавками около стѣнъ. Мебель состоитъ изъ чубуковъ, паргиле, жаровни съ углями, кофейника, кофейничка, кувшина съ водою, ящика съ кофе, и нѣсколькихъ чашечекъ микроскопическаго объема. Табакъ завезено носить съ собою. Приходите въ кофейню, садитесь, вамъ тотчасъ подадутъ пустую трубку и чашечку кофе. Курятъ и нюютъ обыкновенно въ большомъ безмолвіи, и только повелительное «атеш!» (огонь!) нарушаетъ безмолвіе

засѣданія. Франки рѣдко заходятъ въ эти кофейни. Для нихъ имѣется въ Перѣ нѣсколько кондитерскихъ, гдѣ можно достать порядочнаго мороженого, разнаго печенья и проч. Но вечерамъ франки собираются гулять съ нѣкотораго времени на «Кучюкъ-Мезарлыкъ» (Малое-Кладбище), садятся здѣсь передъ кондитерскими, курятъ на чистомъ воздухѣ, и ѣдятъ мороженое, наслаждаясь въ то-же время прекраснымъ видомъ, открывающимся съ этого мѣста. Подъ погами вашими лѣтъ кипарисовъ, за нимъ голубыя воды Золотого-Рога, а тамъ холмы Константинополя съ горами зланий, и между ними величественный старецъ, водопроводъ Валентиніана. Особенно хороша эта картина, когда стемнѣетъ и въ Константинополѣ загораются тысячи огней. Передъ отправленіемъ на Кучюкъ-Мезарлыкъ, я обыкновенно ходилъ прежде на «Бююкъ-Мезарлыкъ» (Большое Кладбище), откуда также очаровательный видъ на Босфоръ. Влѣво онъ теряется между высокими берегами: вправо видны Мраморное-Море, Принцезы-Острова, и за ними сѣрая гряда Никомидійскихъ горъ. Прямо возвышается амфитеатръ Скутарійскихъ зланий и саловъ, увѣнчанный мрачнымъ лѣсомъ кипарисовъ. Захожденіе солнца здѣсь великолѣпно. Все тихо. Вечерніи тѣни плавно спускаются на землю. Солнце золотитъ воды моря и пролива, дожитая на

землю тихо, тихо, и вдругъ прощальные лучи его загораются малиновымъ огнемъ на стеклахъ Скутари, загораются ярко, и дрожащій блескъ ихъ кажется настоящимъ огнемъ изумленнымъ глазамъ. Скутари горить, пламя свѣтится, льется... Мигъ еще — и все покрыто мракомъ. Еще нѣсколько минутъ — и пожараще серебрится уже матовыми лучами мѣсяца. На Бююк-Мезарлыкъ тоже приходитъ много народу наслаждаться этимъ зрѣлищемъ и прохладною вечерняго воздуха. Разнохарактерныя толпы садятся кружками; дымъ вьется облакомъ; звуки турецкіе, армянскіе, греческіе, итальянскіе, льются, свѣются, переплетаются, скрещиваются.... Но нѣтъ ни пѣсни, ни музыки, для оживленія этого автоматическаго общества.

А ночи на Босфорѣ, чудныя ночи, кто опишетъ васъ! Я вѣкъ не забуду той, когда вѣхалъ изъ Калликой въ Галату. День граничилъ уже съ ночью. Часть Мраморнаго-Моря, Константинополь и Галата, покрыты были у горизонта розово-красноватымъ свѣтомъ, который выше переходилъ въ ранжевый, еще выше въ желто-зеленоватый, и сливался съ темною уже тканью неба. Между небомъ и землею во мракѣ только и было свѣтлаго, что одна эта разноцвѣтная полоса горизонта на западѣ, и на ней резко вырисовывались черныя оконечности мечетей, минаретовъ, башенъ,

деревьевъ и домовъ. Между-тѣмъ ночь быстро шла съ востока, полоса ранжеваго свѣта на западѣ тончала, тончала, и наконецъ исчезла совсѣмъ, и серебряный свѣтъ мѣсяца окуталъ стѣю сильнаго воды моря и пролива. Тинь повсюду; только мѣрные удары веселъ нарушали безмолвіе спящей ночи и серебряными кругами струили гладкую поверхность спокойной влаги. Воздухъ, свѣтъ, мракъ, все сливалось вмѣстѣ въ невыразимую гармонию, нагнвало на душу какое-то забытое настоящее и прошедшаго, ублаживало ожиданіе будущаго, делало ее думою безотчетною, мечтою безпредметною. Вдругъ товарищъ мой зашѣлъ:

Я-ль виновать, что тебя черноокою
Больше чѣмъ душу люблю....

Я перенесъ это «тебя» на природу, и въ это время понялъ виноватъ, какъ народъ, покороенный турками, могъ предпочесть жизнь позора, стыда и страданія *здѣсь*, жизни свободной и независимой *въ другомъ мѣстѣ*, изъ одной любви къ босфорской природѣ; я понялъ, какъ одна ночь могла вознаградить страдальца за всѣ мученія, претерпѣнныя днемъ; я понялъ — много чего я понялъ, чего вы не поймете, потому-что вы не вѣхали ночью по Мраморному-Морю.... Обратитесь лучше опять къ Перѣ.

По воскресеньямъ наружность ея перемѣняется. Лавки и магазины почти все закрыты. На улицахъ нѣтъ обычнаго шума и толкотни. Пероты и перотки разодѣтая идутъ въ церковь, а часа въ три, въ четыре, въ пять, пронасть народу отиравается въ циркъ Сулье. Этотъ вольтижеръ поселился въ Перѣ въ одно время со втораженіемъ шляпокъ. По волѣ Махмуда, ему состроили на казенный счетъ, близъ Бююк-Мезарлыка, циркъ амфитеатромъ, который можетъ вмѣщать тысячу до пяти народу. Тутъ даетъ онъ по воскресеньямъ вольтижерскія и мимическія представленія, въ родѣ тѣхъ, которыя давали въ Петербургѣ Турнье, Кіарини и Леманъ, только съ гораздо меньшимъ великолѣніемъ и вкусомъ. Однако-же многіе члены труппы одѣты въ блестящія, зашитыя золотомъ мундиры, которые красовались прежде на чиновникахъ двора Караа Х. Глядя на это невольно вспоминаешь Беранке:

Vieux habits, vieux halons!

Могло-ли притти въ голову тѣмъ, которые носили эти мундиры, куда попадутся они и для какого употребленія!

Мѣсяца за два до моего пріѣзда, армяне состроили противъ цирка Сулье родъ нещюкрытаго балагана съ мѣстами и ложами для зрителей, и даютъ тамъ по

пятницамъ представленія на турецкомъ языкѣ, о которыхъ, также какъ и о представленіяхъ Сулье, извѣщается аффишамъ, прибитыми въ разныхъ мѣстахъ большой улицы Перы. Турецкая комедія, турецкій театръ — это должно быть что-нибудь любопытное: надо взглянуть! Вотъ въ одну изъ пятницъ я исполнилъ это намѣреніе вмѣстѣ съ нѣсколькими другими русскими, также, какъ и я, заинтересованными аффишеною. Приѣзжаемъ, беремъ локу, помѣщаемся. Народу собралось довольно. Мы сидѣли прямо противъ сцены; на-лѣво помѣщались на лавкахъ не-прекрасный, а справа, въ ложахъ за рѣшетками, прекрасный полъ. Прямо противъ насъ, у противоположной стѣны балагана, въ какой-то выскочкѣ расположились два хора музыки, одна *soi-disante* европейская, другая турецкая. Представителями первой являлись турецкій барабанъ, двѣ скрипки, неизмѣнявшія своей этимологіи, и флейта: они помѣщались въ самой глубинѣ будки. Турецкіе музыканты, родомъ жиды, согбенные полъ бременемъ огромныхъ сѣдыхъ бородъ, въ числѣ десяти человѣкъ, поджавши ноги сидѣли впереди. Передъ будкой, мѣсто усыпанное пескомъ, назначено было сценою представленія. Въ ожиданіи спектакля зрители курили табакъ и пили шербетъ и кофе, которые разносимы были желающимъ и во все продолженіе представленія. Здѣсь

кстати можно замѣтить, что турецкій шербетъ есть то-же самое божественное питье, которое въ Петербургѣ и Москвѣ квасники предлагаютъ проходимъ, крича: «квась майновой, медовой!»

Представленіе началось тѣмъ, что на сцену выбѣжало оборванцевъ съ десять, въ дурацкихъ колпакахъ и какихъ-то глупыхъ халатахъ, которые стали присѣдать и коверкаться, каждый по своему, крича и шума. Эта исторія, въ высочайшей степени скучная, продолжалась добрыхъ полчаса, при звукѣ дудокъ и бубенъ раздражающемъ уши. Потомъ оборванцы ушли. Нѣсколько времени сцена оставалась пуста; но музыканты не переставали работать шеками и кулаками. Вдругъ выльзъ какой-то горбунь, урокъ замѣчательный по малости роста, и сталъ смѣшивать вочтеннѣйшую публику разными кривляньями. Вместе съ нимъ вышелъ на арену другой болванъ въ голубомъ халатѣ, который покривлялся, покривлялся, и убѣжалъ, потому воротился уже съ четырьмя или пятью мальчиками, одѣтыми въ длинное женское платье, съ длинными распущенными волосами, подбритыми у висковъ и затылка. Эти мальчики, или родъ мальчиковъ, я право не умѣю какъ ихъ назвать, хотя въ Турціи они имѣютъ собственное имя, начали ходить около горбуна, перескакивая съ ноги на ногу, а онъ бѣгать за

ними, кричтя и махая руками. Говорить, что эта сцена, утомительная не менѣе предшествовавшей — пасмышка, злая, острая сатира на нравы старыхъ турокъ. Правда въ этомъ случаѣ извѣстна аллаху; я не ручаюсь за вѣрность приведеннаго объясненія. Наконецъ кончилась и сцена съ мальчиками. Только одно путешественное любопытство привлекало насъ къ стульямъ; безъ того мы ни за что въ мірѣ не остались-бы еще на полчаса. Послѣ каждой сцены мы улышались другъ-друга, что авось слѣдующая будетъ поумнѣе. Черезъ четверть часа антракта, на сцену вынесли ширмы, вышли опять два оборванные болвана, и стали что-то говорить и драться. Это началась собственно комедія. Какъ вамъ извѣстно уже, я понималъ по-турецки, и въ слѣдствіе этого напрягалъ слухъ чтобы ловить турецкія остроты; но вѣтеръ былъ такъ силенъ во-время этого діалога, что до меня долетали только немногіе, отрывистые звуки, изъ которыхъ я не могъ ничего понять. Между-тѣмъ ближайшіе къ сценѣ иногда смѣялись, и всѣ вообще не могли довольно порадоваться при каждой оплеухѣ, которыми актеры щедро надѣляли другъ-друга. Черезъ нѣсколько времени къ этимъ актерамъ явился еще одинъ, переодѣтый женщиною, а тамъ четвертый, представлявшій какого-то эфенди, опять съ мальчикомъ. Между всѣми

началась драма, по-временамъ очень неблагопристойная мимически, а на словахъ вѣроятно и еще горшая. Въ заключеніе прибѣжало еще болванъ въ волчьей шубѣ, и арлекинъ убилъ волка вѣтромъ. Потомъ всѣ актеры перессорились, переругались и передрались, къ величайшему удовольствію зрителей, которые выразили его самымъ просищеннымъ образомъ — аплодиссментомъ. Турки аплодируютъ! Каково вамъ это кажется? О! турки далеко пойдутъ! Но куда еще драка есть необходимая развязка всякаго турецкаго драматическаго представленія. За-этимъ европейскіе артисты начали представленія на проволокъ, и мы ушли, полумертвые отъ скуки и зѣванья.

Разъ вздумалось мнѣ отправиться за покупкою книгъ на книжный базаръ. Въ одной изъ крытыхъ улицъ Безестана, по обѣ ея стороны стоятъ шкафы до тридцати съ книгами. Передъ каждымъ сидитъ на прилавкѣ хозяинъ, сложивъ ноги и занимаясь чтеніемъ или перепискою какой-нибудь книги. Я обратился съ требованіями къ одному изъ книготорговцевъ, котораго фizioномія мнѣ болѣе понравилась, и получилъ почти все, что спрашивалъ по-части печатныхъ книгъ турецкихъ. Къ удивленію моему, я нашелъ здѣсь также все, что вышло изъ Булакской типографіи въ Египтѣ, но не могъ достать многихъ сочиненій изъ

числа перво-печатанныхъ въ Константинополѣ при Басмаджи-Ибрагимѣ; тѣ, которые можно найти, продаются очень дорого. Книжки были единственною значительною покупкою, которую я сдѣлалъ въ Константинополѣ; и въ этомъ случаѣ я опытомъ убѣдился, что мусульманскіе купцы не любятъ торговаться и просятъ съ перваго разу крайнюю цѣну. Разумѣется, нѣтъ правила безъ исключенія; въ силу этого исключенія меня заставили по незнанію заплатить вѣное у торговца сапогами и башмаками: но надо сказать и то, что въ этой продѣлкѣ участвовалъ и мой чичероне, что поэтому я попался въ обманъ въ качествѣ путешественника, безъ чего и не могъ-бы называться этимъ именемъ по праву. Хотя многіе франки посѣщаютъ базаръ книгъ и фигура франка читающаго мусульманскую книгу не новость на базарѣ, однако, сколько разъ я ни сидѣвалъ на прилавкѣ у моего книготорговца, перелистывая требуемыя книги, или записывая заглавія ихъ по-турецки, всякой разъ меня окружала толпа женщинъ и солдатъ, дивившихся моею премудрости и смотрѣвшихъ на меня съ недоумѣніемъ. «*Бакъ, бакъ*» — говорили прохожіе, указывая на меня пальцами — «*мосто-ль-мандже-окуръ-аларъ*» (смотри, смотри, онъ пишетъ и читаетъ по-нашему)!

Много-бы еще могъ пересказать я вамъ, терпѣ-

ливые читатели, такого, о чемъ вы и слыхомъ не слыхивали, а я своими глазами видѣлъ, да... дѣнь. Развѣ ужъ такъ, *pour la bonne bouche*, поговорить съ вами о пожарѣ, который 28 іюля 1839 года грозилъ истребленіемъ всей Перѣ и Галагѣ. Это было часу въ первомъ. Я сидѣлъ у себя въ отелѣ и сочинялъ остроумный анекдотъ. Вдругъ шумъ и движеніе на улицѣ необыкновенно увеличилось. Подхожу къ окну, вижу что всѣ сосѣди укладываются, увязываются, выбираютъ изъ домовъ; толпы хаммаловъ несутъ подушки, мебель, сундуки, ушаты, горшки; женщины, не кончивъ туалета, бѣгаютъ растрепанныя, суетятся, кричатъ. Должно быть пожаръ, подумалъ я, и очень близко. Глядь на обѣ стороны улицы, на небо не видать ни дыма, ни огня, ни зарева. — «Что-бы это было? Отчего это люди спасаются?» — И я побѣжалъ спросить о причинѣ видѣнаго у источника моихъ свѣдѣній, хозяйки. Смотрю и она укладывается. — «Что за чудо такое? Куда это вся Пера переселится?» — «Развѣ вы не знаете, что пожаръ?» — «Должно быть пожаръ, да гдѣ-же?» — «За Англискимъ-Садомъ. — Господи, Боже мой! да чего-же тутъ опасаться? вѣдь пожаръ за версту!» — «За версту? Да здѣсь это все равно что на кончикѣ носа. Какъ начнетъ горѣть, такъ горить, покуда есть чему горѣть. Можетъ и до

насъ добраться. На всякой случай совѣтую и вамъ приготовиться». — «Благодарю за совѣтъ. Только я схожу прежде самъ на пожаръ, посмотрю: а тамъ увидимъ, что дѣлать». — Отравился я, пошелъ. По улицамъ, хаммалы и матросы такъ и тлелись тужомъ въ нѣсколько рядовъ, таща на плечахъ все имущество перотовъ. Хаммаламъ былъ праздникъ этотъ пожаръ. Они брали въ-пятеро, въ-десятеро дорожки обыкновеннаго; торговаться было не-когда, бесполезно; имъ давали все, что они просили, отнимали ихъ другъ-у-друга, ссорились, чуть-чуть не дрались за хаммаловъ. За-то и они таскали такія тяжести, что глядѣть страшно: доброй лошади былъ-бы вьюкъ порядочный. Безъ хаммаловъ просто бы ложись на диванъ да и гори, при совершенномъ недостаткѣ телѣтъ. Кто чѣмъ богаче, тѣмъ больше суетился. Бѣдные люди, которые сами могли снести весь скарбъ свой, смотрѣли равнодушно на суетню другихъ, и спокойно курили себѣ трубку, сидя на порогѣ. Къ этому числу принадлежали всѣ турки, потому-что богатыхъ изъ нихъ очень немного въ Перѣ. Противуположность спокойствія и неподвижности этихъ людей, съ волненіемъ, съ бѣготнею другихъ, поражали сильно и ново того, кто могъ наблюдать эту драму спокойно, какъ я, подходишій по багажу моему къ разряду турокъ. Чѣмъ ближе къ

мѣсту пожара, тѣмъ смѣтеніе увеличивалось. Пропастъ народу изъ другихъ частей города стремились туля волнами, и чтобы удовлетворить своему любопытству, какъ и азъ грѣшный, толкали и давили несчастныхъ, спасавшихъ небольшое достояніе свое. Отъ тѣсноты, отъ давки, не было возможности подойти близко къ мѣсту пожара. Я видѣлъ только издали, гдѣ горѣло, и что горѣло сильно. Дѣлать было не-чего, пришлось воротиться. Я сталъ пробираться назадъ другою дорогою, и видѣлъ другую особенность Перы, которую можно видѣть только во время пожара. Во всѣхъ каменныхъ домахъ ставни и двери желѣзныя; ихъ запирали на-глухо и спая замазывали глиною, чтобы воспрепятствовать огню проникнуть внутрь. Пожаръ не добрался до этихъ мѣстъ; а то любопытно было бы посмотреть, оказалась-ли огневательною доверенность, которую пероты имѣли къ несгораемости своихъ каменныхъ домовъ. Черезъ нѣсколько часовъ я опять отправился смотрѣть, гдѣ и какъ горитъ. Въ этотъ разъ толпа была рѣже: любопытные другихъ частей города, посмотрѣвшись, убрались. Я пролѣзъ къ самымъ горящимъ домамъ, и обошелъ со всѣхъ сторонъ пространство, облитое пламенемъ. Вѣтра не было ни на порошнику; тѣмъ-не-менѣе огонь пожиралъ клетчатые домъ съ удивительною быстротою. Въ пять ми-

нутъ домъ занимался и сгаралъ до тлѣ. Заливать не было никакой возможности. Этого и не дѣлали; отетанвали только домъ съсѣдніе: но и то было бесполезно. Домъ, вездѣ гдѣ горѣло, стояли сплошныя, и огонь перебѣгалъ быстро изъ оконъ однихъ въ другіе. Въ городѣ, какова Пера, при узкихъ улицахъ и хилыхъ деревянныхъ домикахъ одно средство остановить теченіе пламени: это ломать, ломать, и ломать все окружающее мѣста, сдѣлавшіяся уже его жертвою. Но что-же прикажете дѣлать съ веротскими жителями? Они видятъ, знаютъ и убѣждены, что дому не миновать бѣды, и все-таки не позволяютъ сломать его для общаго блага. Да притомъ эта мѣра и не въ ихъ духѣ. Идея общаго блага еще слишкомъ несварима для желудковъ турецкихъ. А между-тѣмъ нѣтъ ничего легче, какъ ломать домъ турецкой постройки. Нѣсколько человѣкъ одною доскою въ полчаса могутъ разнести такой домъ. Это доказано опытомъ въ ту-же самую ночь. Со стороны Кучюк-Мезарлыка пожаръ прекратился часу въ десятомъ вечера, потому-что огонь дошелъ до пустопорожняго мѣста, гдѣ горѣть было не-чему, а вѣтру не имѣлось, чтобы перебрасывать пламя и головни. За-то, со стороны Бююк-Мезарлыка и Ага-Джамиси, огонь, присмирѣвъ-было на время, вдругъ разыгрался съ новою силою,

пошелъ глотать домъ широкою линіею и перебрался на правую сторону большою перотской улицы. Это кончилось-бы тѣмъ, что вся Пера, а можетъ-быть и Галата, стали-бы жертвою пожара, потому-что въ три часа ночи поднялся сильный сѣверовосточный вѣтеръ, который погналъ-бы пламя на цѣлые еще кварталы города. Къ-счастью пожаръ былъ прекращенъ часомъ ранѣе. Этимъ пероты обязаны герцогу Жюаувильскому. Онъ пріѣхалъ въ Константинополь за недѣлю до пожара и самъ остановился въ Перѣ. Безтолковость и безпечность турокъ вывела его изъ терпѣнія; онъ рѣшился помочь перотамъ насильно, и съ сотнею матросовъ съ французскаго брига, стоявшаго въ проливѣ у самаго города, явился на пожаръ, и велѣлъ ломать, гдѣ было нужно. Моряки принялись за работу на славу, и часа черезъ три успѣхамъ огня былъ положенъ конецъ.

Говорять, но едва-ли это правда, что, на другой день послѣ пожара, герцогу прислали списокъ и счетъ сломаннымъ по приказанію его домамъ, съ предложеніемъ, не угодно-ли заплатить за это...

Утро освѣтило огромную жатву огня. Отъ Кучюкь-до Бююкь-Мезарлыка сгорѣло все до-чиста, и только законченныя трубы свидѣтельствовали объ огромномъ числѣ жертвъ. Считаютъ, что сгорѣло отъ трехъ до

пяти тысячъ домовъ. Отъ пятнадцати до тридцати тысячъ человекъ лишились крова и, расположась на окружныхъ мѣстахъ, смотрѣли какъ огонь подбиралъ еще тамъ и сямъ недогорѣлыя доски. Не-льзя сказать, впрочемъ, что-бы горесть ихъ была велика, и слезы отчаянія порражали зрителя; напротивъ-того, я никакъ не ждалъ увидѣть такого спокойствія и преданности. Погорѣлые сидѣли на спасенныхъ остаткахъ имущества и стойчески курили трубки, закивая ихъ угольками, можетъ-быть собственныхъ, домовъ. Торговцы, спасшіе свои товары, расклали ихъ на-скоро вокругъ себя, и уже начинали продажу. Вообще картина была болѣе живописна, чѣмъ плачевна. Черезъ нѣсколько часовъ, когда еще горячіе камни не успѣли остыть, пожарнице покрывлось валатками. Всякой расположился на своемъ непечищѣ, и поломанные домъ начали уже поправлять. Между-тѣмъ огонь тлѣлъ еще и во многихъ мѣстахъ на третьи сутки послѣ пожара; вѣтеръ дулъ сильно и постоянно, подымая на пожарнищѣ облака пыли; но никто не обращалъ на это вниманія, и, въ-слѣдствіе такой небрежности, искра занесенная вѣтромъ, могла снова подвергнуть Перу бѣдствію, отъ котораго спасли ее чужія руки. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, пожарнице вѣроятно застроится, и такъ-же безобразно, какъ прежде. Послѣ пожара 1831 года,

начавшагося почти въ томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ и этотъ, и испепелившаго большую часть Перы, султанъ Махмудъ хотѣлъ расширить улицы этой части города: но куда! Пероты, имѣющіе друзей при всѣхъ мусульманахъ, поставили на ноги посланиковъ, чтобы просить султана позволить имъ строить по прежнему; и вотъ теперь Пера опять така-же, какою была до пожара. Говорили впрочемъ, что послѣ нынѣшняго на плачъ перотовъ не посмотрятъ и заставить ихъ волею-неволею не цѣловаться носами черезъ улицу. Говорили даже, что подожжено было нарочно съ этою цѣлю, и что потому полиція нарочно не принимала дѣятельныхъ мѣръ къ потушенію огня, желая напротивъ, чтобы онъ разгулялся пошире и подальше. Но всему, что говорить, вѣрить нельзя, потому-что говорили еще, будто пожаръ, по давнишнему константиновольскому обычаю, былъ просто выраженіемъ народного недовольства на новое правительство.

На четвертый день послѣ пожара я вѣлъ уже на пароходъ обратно въ Одессу, и дорожно имѣлъ случай оказать неоцѣнную услугу его милости проку Магомету, обративъ на путь истинный человѣкъ сорокъ татаръ крымскихъ, возвращавшихся изъ Мекки на родину на одномъ пароходѣ со мною. Во время «намаза» мусульмане должны обращаться лицомъ къ

«киблѣ», то-есть храму Меккскому. Въмѣсто-того, обманутые поворотами судна, не зная гдѣ востокъ, гдѣ западъ, татары мои кланялись прямехонько Пекину, и плюя на чорта никакъ не попадали ему въ харю. Знаніе компасной мудрости поставило меня въ возможность показать имъ настоящее направленіе, по которому они должны посылатъ свои молитвы аллаху. Получивъ за это благодарность татаръ на здѣшнемъ свѣтѣ, я надѣюсь еще получить на томъ хорошенькую хурію. Это первая выгода, извлеченная мною изъ описанной поѣздки. Вторая есть безсмертіе на землѣ. Этого я достигну настоящею статьею, которую пишу со скуки въ карантинѣ, именно въ томъ ожиданіи, что она переживетъ злобу времени и передастъ отдаленнѣйшему потомству славное имя

Изафети-Махмуда.

Одесса.

Карантинъ, 1839.

И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался, безъ словъ, по живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна;
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

М. Лермонтовъ.

АНГЕЛЪ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ;
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его неспротивна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ;

Вотъ стоитъ предъ алтаремъ
 Дочь земли, небесъ парца;
 Серафимовъ веревница,
 Наклонившись къ ней челою,
 Ждетъ — вотъ тайна совершится! —

Совершилася она —
 И, кивотъ одушевленной,
 Пабавленіе вселенной,
 Духа Божія полна,
 Дѣва съ небою сочеталась....

Зритель тайны, свѣтлый рой
 Серафимовъ изумился,
 И смиренно преклонился
 Передъ Дѣвой Пресвятой,
 Перевысшею ихъ славой.

Рай, потерянный грѣхомъ,
 Возвращаетъ міру Дѣва,
 И восторженная Евва,
 Приподнявшись челою,
 Въ смертной сѣни улыбулася.

Паучь.

ВВЕДЕНІЕ ВО ХРАМЪ.

Отворенъ Господень храмъ,
 И неслышную стопою,
 Съ благодатною семью,
 По безмолвнымъ ступенямъ
 Входитъ въ храмъ Отроковнца.

Вьется легкою волной
 Фиміамъ подъ сводомъ храма;
 Межъ зыблями фиміама
 Серафимовъ свѣтлый рой
 Плаваешь, восторгомъ мѣла.

ЮЖНАЯ НОЧЬ.

Легкій сумракъ; снѣ акцій;
Берегъ моря, плескъ волны,
И съ лазурной вышины
Свѣтъ лампы музъ и грацій —
Увонтельной луны.

Тамъ, чернѣя надъ заливомъ,
Мачтъ подъяются дѣса;
На землѣ-жъ, земли краса —

Тополь — ростомъ горделивымъ
Измѣраетъ небеса.

Горячѣй дыханья дѣвы,
Межъ землею и небомъ сжатъ
Сладкій воздухъ: въ немъ дрожатъ
Итальянскіе наѣвы;
Въ немъ трепещетъ ароматъ.

А луна? — Луна здѣсь грѣетъ,
Хочетъ солнцемъ быть луна:
Соблазнительно-пышна,
Грудь томитъ и чары дѣетъ
Блескомъ сладостнымъ она.

Злая ночь златаго юга!
Блещешь лютой ты красой:
Ты смѣнила холодъ мой
Жаромъ страшнаго недуга —
Одиночества тоской.

Сердце, вспомянувъ сонъ завѣтной,
Ищетъ вновь кого-нибудь...
Тщетно! не о комъ вздохнуть!...
И любовью безпредметной
Высоко взметалась грудь.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕНШИКОВА

Прочь мучительная нѣга! —
Тамъ — цѣлебный сѣверъ мой
Возвратить душѣ больной,
Въ доль вьюгъ, на глыбахъ снѣга,
Силу мысли и покой.

В. Бенедиктовоъ.

ОДЕССА.
Юль, 1839.

407492

1948

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕНЧИКОВА

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ОДУ им. И.И. МЕНДИКОВА